

БЕ

ЖЕН

ЦЫ

1918-1920

1948-1952

1988-1989

БАКУ - ГЯНДЖЛИК 1992

Составитель *Идаят*

Рецензент: народный поэт Азербайджана, член коре
АН Азербайджанской ССР, лауреат Государственной премии
СССР *Бахтияр Вагабзаде*

Редактор *Рена Пашабекова*

Б 35 Беженцы. Б., Гянджлик, 1992-448 стр.

Кто эти люди, вынужденно покинувшие родной очаг, отчий дом, дедовские земли? Беженцы, переселенцы? Нет. Это люди, испокон веков жившие на земле их предков, а теперь под угрозой смерти, изгнанные с родины.

Собранные в настоящей книге документальные и публицистические очерки к статье ученых, писателей, очевидцев достоверно рассказывают нам об их судьбе.

M4702060204
653 (07)-92 без объявления

ISBN

Аз 2
© Гянджлик, 1992

СОДЕРЖАНИЕ

Исмаил Шыхлы	
Воды потекут вновь (Перевод А. Кязимова)	5
Байрам Байрамов	
Это не первое и не последнее нашествие (Перевод А. Кязимова)	7
Бахтияр Вагабзаде	
Печаль нашего века (Перевод А. Кязимова)	9
Гусейн Аббасзаде	
На нас надеются (Перевод А. Кязимова)	10
Азиза Джафарзаде	
Кто виноват? (Перевод А. Кязимова)	14
Габиль	
Раны (Перевод А. Кязимова)	16
Сабир Рустамханлы	
Наш затерянный мир (Перевод А. Кязимова)	18
Идаят	
Письмо беженцам (Перевод А. Кязимова)	20
Открытое письмо Вардгесу Петросяну (Перевод Э. Ахундовой)	28
Осторожно нацизм! Обращение к народным депутатам Верховного Совета СССР	33
Азад Шарифов	
О беженцах, но без различия национальностей	38
Мурад Ашуров	
Народ должен знать правду(Перевод Р. Пашабековой)	41
Сабир Асадов	
Память жизни (Перевод Э. Азизовой)	47
Гасан Балыев	
Размышления над очевидными фактами (Перевод Э. Азизовой)	71
Исмаил Омароглу	
В горах тех осталось...(Перевод Дж. Шихзаманова)	79
Вели Габибоглу	
Неутихающая боль воспоминаний (Перевод Э. Азизовой)	92
Чингиз Алиоглу	
На сколах древнего Хан-Тенгри (Перевод С. Мамедзаде)	106
Шамиль Курбанов	
Месхетинские турки (Перевод Дж. Шихзаманова)	112
Алипаша Ансаров	
Трагедия месхетинских турков (Перевод Дж. Шихзаманова)	118
Садраддин Урушаноглу	
Люди, услыште наш крик о помощи (Перевод Дж. Шихзаманова)	122
Таир Талыблы	
Народ проснулся...(Э. Абаскулиевой)	130
Билал Мурадов	
Скорбь Ведибасара (Э. Абаскулиевой)	135
Мамед Орудж	
Боль (Перевод Л. Кадырзаде)	140
Ингилаб Велизаде	
Будущее одного села (Перевод А. Кязимова)	144

Ибрагим Халилов	
Шила в мешке не утаить (Перевод А. Кязимова)	149
Ляtif Адуров	
Разрушение магилы (Перевод З. Абдуллаева)	153
Гара Намазов	
Ушелье Грагоюнлу (Р. Аслановой)	155
Иса Габиров	
Рубежи (Перевод З. Абдуллаева)	160
Будаг Будагов	
Об азербайджанском происхождении географических названий в Армении (Перевод З. Абдуллаева)	166
Тофик Абдулгасанов	
Огонь внутри нас или шаманское заклинание (Перевод Э. Азизовой)	169
Аслан Кемерли	
Тоска по Гылынджкенду (Перевод З. Абдуллаева)	178
Гулу Кенгерли	
Скорбящий Дерелаяз (Перевод Н. Азизова)	184
Али Велиоглы	
Горькие плоды равнодушия (Перевод Н. Азизова)	190
Али Байрамов	
Дни боли наши (Перевод Н. Азизова)	196
Фирангиз Байрамова	
Гейча моя красавица (Перевод Р. Аслановой)	200
Ибрагим Байрамов	
Остался мой след (Перевод Р. Аслановой)	203
Эльдар Исмаил. Гусейн Исмаилов	
Огузский край в потоке клеветы (Перевод Н. Азизова)	207

ВОДЫ ПОТЕКУТ ВНОВЬ

Иные бесхитростно называют их, эту почти 200-тысячную армию вынужденно покинувших родные очаги сыновей нашего народа, беженцами. Чтобы не задевать их достоинство, не обижать этих людей, считают уместным такое вот мягкое определение.

Но ведь на самом-то деле они не по доброй своей воле переселялись!.. Их вынудили покинуть насиженные места насильно, под угрозой оружия...

В их села нагрянули должностные лица и посоветовали немедленно, пока, дескать, мы не разгневались, уезжать, куда глаза глядят. В противном случае...

А потом вооруженные до зубов головорезы - бородачи вторгались в деревни, сжигали дома, на глазах у матерей вспарывали животики младенцев, отрезали им уши, носы, головы.

Люди не успевали, и моргнуть, им не давали возможности оглянуться, осмотреться, одеться по-человечески, прихватить для детей хоть кусочек хлеба. Как только наступали сумерки, люди разбегались по горам, по лесам.

И кто знает, сколько было их, бедолаг, замерзших на пустынных дорогах в зимние холода, оставшихся на заснеженных перевалах с грудными детьми на руках!.. Мать обезумела в поисках ребенка своего, сестра - потерявшегося брата...

Гневные проклятия утративших честь и достоинство отцов сотрясали небеса. Словом, как говорили древние, словно разверзлись врата ада!..

Кто же сотворил все это? Кто дал этим нелюдям оружие, чья рука направляет эти ужасы неопишуемые?

Интересно, нет, парадоксально! Человек не может отличить друга от врага. Потому что и тот, и другой носят в кармане членский билет Коммунистической партии. И наши руководители, заседающие [3 - 4] в Москве, в Кремле, и дашнаки с обгагранными человеческой кровью руками. И те, и другие - одного поля ягоды...

Наконец, смилостивились наше центральное правительство, наши "гуманные" руководители над азербайджанцами, разбежавшимися по полям и лесам и там хоронящимися от недругов своих жестоких, послали вертолеты, чтобы вывезли они всех в живых оставшихся в Азербайджан.

Теперь сами скажите, можно ли называть их переселенцами? Переедет ли ни с того, ни с сего человек из родных краев, где жил он тысячелетиями, где захоронены его предки? И притом - всем селом, всей округой?

А иные говорят, что они – беженцы, - эти люди. То есть, проще говоря, люди, покинувшие свои очаги. Нет, человек только тогда покидает насиженные места без боли сердечной, если не привязан он к земле, если ничто не связывает его с нею, не тоскует по ней нигде и никогда, если просто безразлична она ему...

Наш же народ крепкими узами прикипел к земле родной, к Отчизне, беспричинно ни за что не оторвешь его от нее.

Их разлучили. Насильно, по злему умыслу.

Стали искать, где размещать их, чтоб по климатическим условиям и природному богатству эти края были схожи с окрестностями Гейчи. Да чтоб полноводные реки тут были, звонкоголосые родники, в многоцветье утопающие луга, окутанные туманом горные вершины, чтоб были.

Нашли. Решили, что алты-агачская зона более других придется им по душе.

Пригласили аксакалов, те познакомились с этими местами, их вояж был показан даже по телевидению. То, что я тогда увидел, до конца жизни не забуду...

На экране, сменяя друг друга, проносились горы и зеленые дубравы, реки и леса, по небу плыли караваны белых облаков. А на небольшом возвышении сидел благообразный старичок. И рядом с ним - спутница его жизни, подпоясанная спадающей с плеч шерстяной шалью.

Борода у старика вся была седая, папаху свою он снял с головы, приспособил на колено.

Был он задумчив и сосредоточен, этот отнюдь не первой молодости человек с устремленным куда-то вдаль мечтательным взглядом, и чувствовалось по его позе, по выражению лица, что думает он думу какую-то затаенную. И что во всех его былых [4 - 5] деяниях, устремлениях жена была ему

надежной опорой, никогда не оставляла в трудную минуту, умела вовремя поддержать добрым словом и советом.

-Да перейдут ко мне все твои беды, женщина ко всему способна приспособиться... Это я убедила мужа своего сюда приехать. И как же все вокруг похоже на наши края!.. Луга и цветы здесь пахнут совсем как у нас в горах... Клянусь Аллахом, все тут по сердцу мне, и если муж согласится, переедем сюда.

Произнесла и припала к старику своему. Что-то говорила-причитала и, если бы не осуждали потом, разрыдалась бы. Но сдержалась, утаить сумела слезы - чтобы, наверное, не расстраивать вконец мужа.

А он и не думал отвечать на вопросы тележурналистов. Молча окинул взглядом леса, ущелья, усеянные клубами облаков небеса и неожиданно запел баяты. И как запел!..

Это был крик души человека, разлученного с родными горами, с отчим краем, землей предков. Крик души человека с поэтической натурой, возвращенного на мудрых изречениях Деде Коркуда!

Теперь вы скажите, можно ли этих людей называть беженцами?! Может ли страждущая душа, изнывающая от тоски по родному очагу, не дающая покоя сердечного ни себе, ни окружающим, беспричинно покинуть свое гнездо?!

Два года назад встретил я среди переселенцев молодую женщину. Собрала вокруг себя своих малышей, что-то негромко приговорила, время, от времени пришепывая себя ладошкой по колену. Я подошел к ней,

-Братец ты мой, - окинула она меня взглядом, - позабыла, спустила ли с цепи собаку, когда из села нашего бежать пришлось? Пусть Аллах покарает их, разве позволили они хоть дух перевести?! Наверняка бедный пес так и скулит, голодный, по сей день на цепи...

И с такой болью неподдельной она говорила, с такой тоской сердечной, что невольно в ушах моих зазвучал вой брошенной на произвол судьбы голодной собаки.

И что за души это!.. У многолетней женины, по воле злыдней покинувшей родные места, но не перестающей думать о голодающей на цепи собаке. И-у тех, кто замуравывал бессердечно детей другой национальности в трубе диаметром полтора метра и, опасаясь в тоже время, как бы прибывшие на [5 - 6] помощь в дни землетрясения, специально обученные французские овчарки не вывели на след, ворующие этих самых псов!..

Да, они не беженцы, не переселенцы. Они - горемыки, самые настоящие горемыки, несчастные горемыки!

И заметьте, не в военное лихолетье, не в грозную пору кровавого противостояния - в мирное время "перестройки" стали они горемыками

Но мы и не думаем сдаваться. Мы теперь должны сплотиться еще теснее. Должны изгнать из наших рядов всех тех, кто хочет посеять между нами рознь, кто бы это ни был.

И если мы так поступим, если отрешимся от мелочей, обретем мощь и силу крепко сжатого кулака, никто не сможет нас согнуть.

И тогда, я уверен, реки вновь потекут там, где они текли испокон веку!.. [6 - 7]

ЭТО НЕ ПЕРВОЕ И НЕ ПОСЛЕДНЕЕ НАШЕСТВИЕ

Если даже не углубляться в дебри истории, недолго прийти к выводу, что народ наш, само существование наше подвергалось нашествиям не раз и не пять, и трудно надеяться на то, что когда-нибудь это закончится.

Далеко не иду за примерами. По какой причине расчленили наш народ, нашу землю?! Нельзя назвать это случайностью или совпадением, нет к тому никаких оснований и аргументов. Никто их и не сможет найти и привести. Значит, надо было кому-то разделить надвое сильный, большой народ. "Разделяй и властвуй". С помощью двух гигантов. И та сторона, и эта, каждая по-своему, но обе приложили немало сил и старания, чтобы лишить Азербайджан его языка, его культуры, целостности.

Разделили, но убить не смогли. Народ на обоих берегах Аракса сберег свой язык, свое достоинство, свою совесть, сохранил свое "я". Закалился, несмотря на многовековой гнет и давление, не отдал себя во власть слез, не растерялся, наоборот, стал еще терпеливее, с честью вышел из выпавших на его долю испытаний. Опираясь на Баку и Тебриз, встал на ноги, вырос и возмужал, и если сам оказался разделенным, сохранил неделимыми сердце свое и чувства.

На каком бы берегу, брат не жил, он был и остается братом. Земля у него та же самая, воздух тот же, воды текущего между ними Аракса одинаковы.

Колочей проволокой можно разделить территорию, народ - нельзя!

Не остановились, однако, на том, что разделили, разбили сердца. Посмотрите, сколько раз соседей натравливали друг на друга [7 - 8] только лишь в XX веке: 1905, 1906, 1915, 1918, 1920 годы, и даже если внешне это перечисление, не столь внушительно, междоусобицы никогда не оставляли эти народы.

С новой силой возбудились страсти "в братском союзе народов", когда в 1948-1952 гг. было осуществлено насильственное выселение десятков тысяч азербайджанцев с насиженных мест. Горе народа, только что пережившего ужаснейшую в истории войну, обнищавшего в ее огне, не знало пределов. Аллаху лишь одному вестимо, как мы пережили эти ужасы, эти горькие потери и лишения.

Но и опять не наступило спокойствие. Увещевая нас сладкими речами, потихонечку прибирали к рукам исконные наши земли. А безответственные руководители наши втайне от народа подписывали эти документы, и долгие годы никто даже возразить не мог им.

Но в 1988 году все эти неприглядные факты всплыли наружу, когда им захотелось получить нагорную часть Карабаха, ни много, ни мало - целую область. Народ, годами вынужденный покорно терпеть всевозможные издевательства, они сочли вконец бессловесным, и сказали: "Молчите и отдайте область и. оставайтесь на пороге XXI века по-прежнему бессловесными".

Но нет, проснувшееся, все понимающее новое поколение не могло молчать! И всему миру стало известно, что мы отныне не намерены сидеть, сложа руки и молча проглатывать оскорбления.

Многое потерял наш народ. Не роптал, когда отдавал огромный Зангезурский уезд, Эриванское ханство с Гей-мечетью, а теперь дело дошло уже до Нагорного Карабаха. На повестку дня стал вопрос о существовании нашего 36-миллионного народа.

Противостояние вновь привело к кровопролитию. Самое главное - причина, а она - в попытке захватить, присвоить земли ничего не подозревающего народа, насильно изгнать с насиженных мест в Армянской ССР азербайджанцев, подвергая их бесчеловечным издевательствам, а при малейшем сопротивлении - вопить о несправедливости. Превосходно это выглядит, не так ли? В народе это именуется очень метко: я назвал тебя своим именем и тебя же оставил в негодовании.

Но изгнанный из родных краев, поневоле обездоленный народ, конечно же, не беззащитен, не брошен на произвол судьбы. Они поселятся в нашей республике, на самых богатых землях, там, где только их души пожелают. [8 - 9]

Совместными усилиями разобьем мы здесь цветущие сады, и сегодняшние беженцы будут жить припеваючи. Наш народ ничего во имя этого не пожалеет. Азербайджанский народ издревле гостеприимен, радушен.

Ни один из изгнанных из Армении и не подумал податься в иные края, а приехал в Азербайджан. Чувства земли, Родины, отчего дома у нас, у азербайджанцев, воистину беспредельны!

Одна проблема совершенно непростительна. Задолго до 1948-52 гг., как и сейчас, наши соседи занимались переименованием исконных азербайджанских земель, селений, городов, районов, даже рек, гор, ущелий, озер, лесов, родников. Многие тысячелетия назывались они Басаркечар, Баязид, Шихлар, Даралаяз, Ведибасар, Гейча, Улуханлы и т. д. и т. п. Такое беспардонное переименование исторических реалий наносит незаживающие раны, невосполнимый урон межнациональным отношениям. Похоже на то, что у человека вырывают из рук паспорт и на его же глазах насильно меняют ему имя, фамилию, отчество, даже, национальность, и продолжается это на протяжении многих веков. Разве может быть забыта подобная безапелляционность?!

Есть международные законы в топонимистике. Ведь топонимы - свидетели истории. Их сменять - значит ликвидировать свидетеля. А убийство свидетеля - самое страшное, самое непростительное преступление.

Наши соседи обнаглели до такой степени, что прямо на наших глазах совершали одно за другим подобные преступления. Настоящие названия тех мест, которые были ими, переименованы, остались, однако, в великом множестве документов, на десятках, тысячах карт, и останутся навсегда!

Наши раны не исцелятся до тех пор, пока этим преступлениям не будет положен конец. Пока каждый кусочек земли нашей не будет называться так, как называли его деды и прадеды наши. [9 - 10]

ПЕЧАЛЬ НАШЕГО ВЕКА

Горемыки, переселенцы, беженцы... Сколько же раз повторяются страшные эти слова в языке нашем на протяжении XX века.

Подлый и коварный до беспредельности, истари возненавидевший соседей, всю жизнь с нескрываемой завистью зарящийся на окружающие земли, на протяжении неполного столетия армянский народ 6-7 раз навлек беду на нашу голову, исподволь изгоняя нас с родных земель.

Проклятья людей, вынужденно покинувших отчий дом, сотрясают небеса. Однако почитающий себя "самым умным" народом в мире сосед без зазрения совести продолжает гнусную свою политику.

Изгнанная из Армении Ханумзар Мамедова подчеркивает в письме, отправленном в редакцию газеты "Коммунист": "Я вырастила трех сыновей, благословила на солдатскую службу, чтоб защищали наши границы. А в каком законе можно записать, что теперь нас самих некому защищать на родине предков, у родных очагов?"

Справедливый вопрос, уместный. Женщина, пославшая трех своих сыновей на защиту далеких границ, оказалась беззащитной в родном краю, ее, избитую, оскорбленную, вынудили покинуть отчий дом. О какой справедливости в таком случае, о каких правах человека может идти речь?

Ни один народ в мире, даже африканские дикари, не позволяют себе осквернять могилы. Армяне же, именующие себя "самым культурным народом в мире", надругались над останками великого азербайджанского ашуга Алескера, снесли бюст Самеда Вургуна.

Пишу эти слова, и образы оскорбленных моих товарищей по творчеству как бы оживают перед глазами; Я стыжусь своего бессилия и говорю себе: "Прости нас, великий Алескер, не смогли мы уберечь священную твою последнюю обитель..." [10 - 11]

Ведь до какой степени подлым и низким надо быть, чтобы поднять руку на могилу народного певца, всю жизнь дарившего людям добрые чувства, призывавшего их к человеколюбию?! До такой степени надо быть неблагодарным, омерзительным, чтобы снести и разгромить музей мудрого Самеда Вургуна, который всю жизнь воспевал дружбу и братство народов, посвящал пламенные свои строки Армении, Давиду Сасунскому, который помог получить высшее образование ставшему впоследствии широко известным армянскому литератору Аршавиру Кочаряну и пять лет кряду платил ему из собственного кармана стипендию, который буквально за руку вывел в люди десятки молодых писателей, начиная с Ашота Граши и кончая Самвелом Григоряном, Амо Сахьяном...

Вспомнили бы они в тот миг, когда творили эти бесчинства, хотя бы своего Саят Нову. Того самого, который большую часть своих произведений создал на языке Алескера, Самеда Вургуна. Я уверен в том, что Саят Нова не простил бы сегодняшним своим внукам и правнукам их поступков...

Книга, которая называется "Беженцы" и свидетельствует о совершенных армянскими националистами преступлениях, об ужасах, пережитых нашим народом, и нам и будущим поколениям будет служить предостережением. И пусть всего того, что переживаем мы сегодня, устыдится история Армении! [11 - 12]

НА НАС НАДЕЮТСЯ

Слово "беженцы" впервые я услышал в 1941 году. И тогда же увидел их на опасных дорогах войны - на лицах волнение, страх, безнадежность...

Дети, старики, женщины с наспех прихваченными узелками, чемоданами, до отказа набитыми мешками устало брели в восточные районы страны. Фашистские самолеты сбрасывали на их головы бомбы, обстреливали из пулеметов и орудий.

И так много беженцев было ранено на этих смертоносных дорогах, так много их погибло, что зачастую некому было предать павших земле.

Замечательный наш поэт Ахмед Джамиль в своем стихотворении "Беженцы" взволнованно, с высоким мастерством описал трагедию беженцев Великой Отечественной войны, этих несчастных людей, вынужденно покинувших родные очаги, оставивших на поругание врагу родную землю.

У войны свои неписанные законы. И как бы горьки они не были, должен признать, что наличие беженцев - это характерное для военного времени бедствие. Хочет того или не хочет человек.

Но я в ту пору и представить себе не мог, что спустя 43 года после войны, в мирное время, у себя на Родине увижу беженцев, беженцев-азербайджанцев... И были эти горемыки жертвою не фашистов, а подлых руководителей соседней республики, по их злой воле оказались они изгнанными из родных краев.

Были среди них и такие, кому бандиты отрезали уши, а иным выкололи глаза. Я уже не говорю о тех, кто погиб в пути, кто пропал без вести.

Кто не видел эту трагедию, не может поверить в то, что она, в самом деле, имела место. Да и впрямь, во все это порою не верится.

И как хорошо, что эти ужас вызывающие кадры были запечатлены на пленке, хранятся в качестве подлинных документов.

Когда весной 1988 года я впервые увидел в Баку первых беженцев, невольно вспомнил тех, кто в войну был вынужден покинуть насиженные места в прифронтовой полосе. Однако между теми, кто бежал от фашистского насилия, и азербайджанцами, вынужденными в наши дни спасаться бегством из Армении, большая разница.

Беженцы военной поры с приближением линии фронта загодя собирали самое нужное в чемоданы, мешки и только после этого покидали родные дома, а азербайджанцы покидали Армению в панике, оставляя родные места, зачастую раздетые, разутые, голодные, не прихватив с собой на дорогу даже минимума необходимого.

В тот день, когда первые беженцы, прямо с утреннего поезда, прямиком пришли в Союз писателей Азербайджана, я не забуду до конца жизни.

Было где-то полдесятого утра, я собирался на работу. Позвонил ко мне домой вахтер Союза писателей и сказал: "Тусейн муаллим, беженцы из Армении до отказа заполнили клуб имени Натаван. Много народу и на улице. Они не знают, что делать, куда идти..."

В то время в Баку еще не было специального учреждения, занимавшегося беженцами, их заботы были поручены руководству Агропрома республики. Но братья и сестры наши, прибывшие в Баку из Армении, об этом, естественно, не знали, все надежды свои они связывали с азербайджанскими писателями. И я поспешил в Союз.

Хоть и весна стояла на дворе, погода была довольно жаркая. Но когда я увидел, как выглядят беженцы, от волнения был буквально ошеломлен. Среди них было много женщин с детьми, люди нуждались в немедленной помощи, их надо было обустроить, разместить.

Я позвонил в Центральный Комитет партии, руководителям административных органов, должностным лицам, обрисовал, как мог, картину. И в скором времени несколько человек из числа руководящих работников республики прибыли в Союз писателей. Увидев их, беженцы оживились.

Мы выслушали вызывающие сердечную боль печальные повествования. В это время одно из должностных лиц вместо того, чтобы успокоить, утешить беженцев, подсказать им пути выхода из сложившегося положения, оказать им, наконец, помощь, [13 - 14] стал вслух сомневаться в том, что они ему рассказали. Он грубо перебил мужчину, который подробно говорил, при каких обстоятельствах был вынужден бросить годами нажитое добро в родной деревне, какие зверства армянских националистов

пришлось пережить ему в пути: «Послушай, ты не очень-то сгущай краски!.. Как бы тяжело ни было, надо терпеть... Зря все съехались сюда, если бы вы остались там, они бы вам ничего сделать не смогли. Они вас только запугивали, чтоб вы бросили свои дома и бежали сюда.

Мужчина, которого так безапелляционно перебили, гневно отвечал: «Сидя в уюте и спокойствии, нетрудно призывать нас к терпению. Но если бы вы видели своими глазами, что мы там пережили, наверняка такие речи здесь бы не держали...»

Многие из сидящих в зале беженцев возгласами с места резко осудили должностное лицо за его неправильную оценку их трагического положения. Надо отметить, что собрание вел я и почувствовал, что должностное лицо (с того времени прошло более полутора лет, и потому не хочу называть сейчас его имени) одумалось, корит себя за то, что поспешил с оценками.

Не зря вспомнил я тот разговор. Ибо позже по отношению руководителей партии и правительства республики мне (и не только мне) стало ясно, что они крайне недовольны прибывшими из Армении азербайджанцами, которые ставят новые сложные проблемы. Ведь десятки тысяч семей беженцев надо обеспечить квартирами, устраивать на работу, а это весьма накладно...

Все это решить в кратчайшие сроки было невозможно. И без того в Баку значительное количество семей стоят в очереди на жилье, в городах и селениях немало безработных. А тот факт, что съехались в Азербайджан беженцы, означал дополнительные заботы, новые хлопоты. В этих условиях стала очевидной беспомощность, слабость руководителей, привыкших уповать на красивые слова, пустые речи, риторические лозунги и призывы, давать не имеющие под собой никакой фактической основы распоряжения. Вот они старались представить дело таким образом, что все проблемы, связанные с беженцами, не являются первостепенными, что все эти трудности носят временный характер.

Они убеждали людей, что в скором времени преступления в Армении будут положены конец, что дашнаки, сеющие семена раздора между двумя народами, будут примерно наказаны и что беженцы получат возможность вернуться в родные края, за счет правительства Армении для них возведут новые дома, им возместят все убытки за разграбленное имущество, расхищенное добро. Горемыкам ничего иного не оставалось, как поверить этим сладким посулам и ждать, ждать, ждать...

Самое странное было в том, что руководство республики, совершенно не веря заверениям центра, тем не менее, пребывало в ожидании. Даже если народ этого не знал, они прекрасно понимали, что высшее руководство страны, принимая одно постановление за другим, якобы направленное на улучшение положения в Нагорном Карабахе, на самом деле никаких ровным счетом практических шагов к этому не осуществляло. Наоборот, эти постановления как бы узаконивали вмешательство во внутренние дела Азербайджана соседней республики, раскрывали перед нею широкие возможности в Карабахе, сводя на нет конституционные права Азербайджана на своей территории.

Не получая должной помощи от руководства Азербайджана, беженцы посылали заявление за заявлением в Политбюро ЦК КПСС, в Верховный Совет СССР, Совет Министров СССР, Прокуратуру СССР, однако никаких ответов не получали.

И, в конце концов, пришли к выводу, что, видимо, их заявления не доходят до адресатов, и решили послать своих представителей в Москву, чтобы те передавали их жалобы руководителям страны, как говорится, с рук на руки.

Те исключительно напряженные дни не забуду. Союз писателей Азербайджана превратился в своеобразный опорный пункт беженцев из Армении. А мой кабинет был как будто штабом.

Ежедневно сюда стекались десятки, сотни людей. Многие из них находились в весьма плачевном финансовом положении. А чтобы поехать в Москву, нужны были значительные средства. Писатели Азербайджана собирали для этих целей деньги.

Была весна - пора отпусков, и невозможно было достать на один и тот же рейс сразу 10-13 билетов. К тому же, вызывала беспокойство проблема обеспечения этих людей гостиницей в Москве.

Одним из секретарей Центрального Комитета Компартии Азербайджана был Гасан Гасанов, еще с тех пор, когда руководил он районом имени 26 бакинских комиссаров, поддерживающий, близкие отношения с писателями. Я позвонил ему и обрисовал [15 - 16] сложившуюся ситуацию, В тот же день он срочно раздобыл билеты на самолет для представителей беженцев и распорядился обеспечить их местами в гостинице постпредства нашей республики в Москве.

Подобные вояжи неоднократно повторялись в течение мая-июля 1988 года. И неизменно Гасан муаллим оказывал беженцам заботливую и оперативную помощь. Так что вовсе не случаен тот факт, что в первом квартале 1990 года Совет Министров Азербайджана занимался проблемами беженцев планомерно и систематически.

Для того чтобы поездки беженцев в Москву были плодотворными, каждый раз с ними в качестве своеобразного консультанта мы направляли одного из писателей. Так, неоднократно выезжал в Москву с этой миссией талантливый наш литератор Фарман Керимзаде, уроженец Ведисского района Армении, и неизменно возвращался, сполна выполнив возложенные на него обязанности. Несмотря на большое

сердце, этот писатель-патриот искренне переживал судьбы своих земляков, систематически разъезжал по районам Азербайджана, приютившим беженцев, близко знакомился с их жизнью и бытом на новом месте, заботился о них. Во время одной из таких поездок, 17 марта 1989 года в Мирбашире он скоропостижно скончался и ушел в мир иной с тоской на сердце...

В ноябре 1988 года, в дни, когда изгнание азербайджанцев из Армении приняло массовый характер, в Баку прибыло еще несколько тысяч покинувших родные места наших братьев и сестер. Многие из них были размещены в домах отдыха санаториях Апшерона. Мы в Союзе писателей решили, в свою очередь, закрыть шувелянский Дом творчества имени Самеда Вургуня и предоставить его в распоряжение 150 беженцев, которые ежедневно обеспечивались здесь трехразовым бесплатным питанием.

30 декабря того же года группа деятелей литературы и искусства - Сара Кадымова, Лютфияр Иманов, Мелик Дадашев, Джабир Новруз, Диляра Алиева, Тофик Байрам и другие выехала в Шувеляны поздравить беженцев с новым годом. Сотрудники Литфонда Азербайджана загодя уточняли, в чем нуждаются дети беженцев, и мы для них закупили в магазинах новую одежду, обувь, сладости, фрукты, чему ребята несказанно обрадовались.

Когда настал черед мастеров искусств, их выступления, искренние, сердечные, особо пришлось по душе нашим братьям и сестрам, которые впервые, пожалуй, встречали новый год вдали от родных очагов, в этих крайне необычных условиях.

Мое внимание привлекла примостившаяся в укромном уголке молодая женщина, с жадностью внимавшая каждому слову, которое произносилось со сцены. На руках у нее была маленькая девчушка, и женщина время от времени поглаживала ее волосы. Сидевший рядом со мной старик-беженец, заметив, что я не отвожу взгляда от этой женщины, произнес:

-Большое горе у нее... В пути потеряла маленькую дочь, никак не может забыть об этом...

-Потеряла ребенка своего?! Как это случилось, разве она не была рядом?..

-Рядом была... Мы в страхе разбежались по горам-по долам, куда глаза глядят... И только по ночам, пользуясь прикрытием темноты, выходили на дорогу... И не то, что ребенка, себя самого недолго было потерять в этой ужасной суматохе...

Старик обратил внимание, что я заинтересовался этой историей, и посоветовал:

-Эту трагедию, думаю, стоит описать... Повидайтесь с этой женщиной, поговорите с ней, она вам много подробностей поведаст...

-Нет,-сказал я,-не хочу...

Я понимал, что означает для матери потеря ребенка. Поэтому и не решился расспрашивать эту доведенную до отчаяния, превратившуюся в некое подобие живого трупа женщину о подробностях постигшего ее огромного горя. Мне и без слов было ясно, что до конца дней своих не забудет она потерянного ребенка. Кошунство это, понимаю, но если бы дочь умерла у нее на глазах ей, наверное, было бы легче... Знала бы хоть, что сама предала земле дитя свое. А теперь была беспокойна, не ведала, погибла ее дочь или жива. А может, девочка в руки недругам попала?..

Ее утешали, разумеется, а она все звала дочь свою, словно слышала ее плачущий голос: "Мама, мамочка, мама я хочу тебя – приди!"

Сознаюсь, всякий раз, когда я вспоминаю эту историю, прямотаки мороз по коже продирает, мне становится не по себе...

Но это только один случай из великого множества, свидетельствующий о дикости, жестокости дашнаков, их бесчеловечном глумлении над азербайджанцами-беженцами на дорогах Армении.**[17 - 18]** Не то, что мировая общественность, даже народы, живущие в Советском Союзе, даже наш народ не имеет понятия об этой вопиющей трагедии!..

А почему бы азербайджанскому народу не знать правду о беженцах? В свое время наши журналисты описали всю эту трагедию, кинооператоры запечатлели ее на пленке. Однако в редакциях не решились опубликовать эти материалы, на телевидении отказались выпускать их на экран.

По какой причине? Потому что и Везиров дал такое указание, и до него восседавший в кресле первого секретаря Багиров тоже. Они считали, что, выйдя на страницы газет, на телеэкран, все это на людей произведет отрицательное впечатление, и тогда и без того напряженные взаимоотношения между двумя соседними народами еще более обострятся.

Последующие события, однако, показали всю надуманность подобных сентенций. Я уверен, что если бы с самого начала была предана гласности вся правда о положении в Нагорном Карабахе и об азербайджанцах-беженцах из Армении, многие из имевших место трагедий и не случились бы.

До сих пор в прессе соседней республики частенько публикуются материалы, в которых содержится злая клевета на азербайджанский народ, заведомая ложь и вымысел. А нам не позволяют даже беженцев своих называть беженцами. А может, эти люди и не владеют в достаточной степени азербайджанским языком? И не знают, что между понятиями "переселенец" и "беженец" - огромная

разница. Переселенцами ведь называют человека, который по доброй воле своей переехал с одного места на другое, А беженец - это тот, кто по той или иной причине вынужден был сняться с насиженного места, - бежал оттуда...

Более того, слово "беженец" в азербайджанском языке имеет два смысла. Одно дело, если человек на кого-то или на что-то обиделся и по своему желанию куда-то бежит. И другое - когда сам человек никуда не собирается, а его насильно, подвергая мучительным издевательствам, вынуждают покинуть свой очаг.

И почему, зная это, не называть нам горемык-соотечественников беженцами?! [18 - 19]

КТО ВИНОВАТ?

Насколько естественно появление этой книги, настолько оно и запоздало. Давно она должна была выйти. Может быть, даже в 1948 году, когда первые караваны изгнанных из Армении азербайджанцев потекли в города и веси нашей республики. Когда многие из них, сызмальства привыкшие к здоровому горному климату, поселялись в низменных хлопкосеющих районах, насквозь отравленных ядовитыми химикалиями, и стали здесь жертвою черной лихорадки, непривычных условий для жизни, непосильной работы...

Благодаря настоятельным усилиям нашего народа, его творческой интеллигенции родилась эта книга. Она появилась, когда долготерпению сынов и дочерей Азербайджана пришел конец, когда злобные происки армянских дашнаков довели нас до белого каления. Народ был вправе спрашивать у нас, литераторов, и спрашивал: "Что с вами сделалось, почему вы молчите?" И впрямь, отвечая на этот эхом отдающийся в сердцах вопрос, мы обращаемся к себе: "Что мы сделали?"

Донесли ли до мировой общественности правду о Бакинском, Шемахинском геноциде 1918 года, приковали ли внимание народов к этой страшной трагедии? А что мы знаем сами о тех, кто в страшные дни мартовской резни бежал из Азербайджана в Хорасан, Кербалу, Тебриз, что мы знаем о них сегодня? Что написали о них? И вправе ли мы после этого удивляться, что оказавшиеся в те дни в Иране или арабских странах азербайджанцы, стали именовать себя иранцами или арабами?! Кого мы за это должны винить?

1937 год... Как мы увековечили память тех доблестных сынов народа, которые были зло, умерщвлены руками "янов?" Как, в каких своих произведениях описали ужасы и лишения десятков тысяч сосланных в Среднюю Азию?

А в каком виде искусства получила отражение трагедия беженцев, изгнанных из Армении в 1948 году по планам, составленным дашнаками еще в прошлом веке?

Чем мы помогли более чем 200 тысячам людей, что были выдворены с родных мест в 1988 году? Вместо того чтобы требовать для них статус беженцев, мы стыдливо называем их, этих [19 - 23] обездоленных, оскорбленных и вконец униженных людей, то переселенцами, то прибывшими из Армении.

И что за "культура" такая?! Что за стеснительность, что за боязнь называть вещи своими именами?! Разве ж можно так угодничать – "лишь бы не обидеть кого-либо"?

Словно переселились эти несчастные люди сюда, к нам, по собственной воле, по собственной прихоти.

Постеснялись бы истории! Как будто бы не оказались они вынужденными покинуть родные очаги, могилы предков, за многие годы нелегкого крестьянского труда нажитое добро, дома свои и, перевалив заснеженные горы, глубокие ущелья, бурные реки, податься искать защиты сюда, на азербайджанскую землю.

Как будто бы женщины, девушки наши не были обесчещены... Как будто не спешили укрыться в кельбаджарских горах, в обледенелых пещерах и расселинах дети, потерявшие родителей, а собрались сюда на свадьбу или иное торжество. И не были как будто они голодными, раздетыми и необутыми - беженцами в буквальном смысле слова... Не были они, эти ослепшие от слез сироты, живыми горемыками, а были, оказывается, переселенцами...

Кто из нас, скажите, положила руку на сердце, со всей остротой и принципиальностью написал обо всем этом? Кто посвятил всю пламень сердца своего осиротевшим селениям, брошенной на произвол судьбы скотине, воющим от голода и тоски неизбывной дворовым псам?!

Правда, тому, кто пытался хоть ненароком речь об этом завести, тут же затыкали рот: "Молчите, не заикайтесь. Соседний народ ни в чем не виновен! Да и обидеться может!.." "Говорили: "Это дело рук небольшой кучки экстремистов. Потерпите, мы сами все решим!.."

-А как долго еще терпеть?

Ответа не было!

Тем временем Нагорный Карабах был нанесен на карту Армении. А нам по-прежнему не позволяли возражать: "Потерпите, все уладится". Потом были заблокированы дороги, изгнаны азербайджанцы из Ханкенди, потом школьникам стали выдавать документы, скрепленные гербовой

печатью Армянской ССР, вся официальная переписка, вся документация была переведена на армянский язык, а нам всё повторяли: "Потерпите, все уладится". [20 - 21]

Перекрыли все пути - дороги в Шушу, на родину Узеира, Натаван, Бюльбюля. Словно мать моя поднялась из небытия и огласила рыданиями своими всю-округу, оплакивая грустью и печалью наполненный сегодняшний день родного Карабаха...

Все пути, Мать, закрыты, все пути! На своей земле мы вынуждены ездить окольными путями в нашу Шушу, в наш Лачин...

"Не разговаривай, молчи, спи, твой час еще не настал! - так говорил наш великий Сабир 80 лет назад, и эти слова его исполнены глубокого смысла и сегодня.

Наконец, Верховный Совет Армении принял решение о включении Нагорного Карабаха в бюджет своей республики на 1990 год, А теперь каков ваш ответ, господа? Мы что, слепые, глухие? Эти вопросы совершенно справедливо задает народ нам, своей интеллигенции, на митингах, на кровью залитых площадях...

Кто из писателей описал трагедию матери Гызханум, которой дашнаки в Шемахе в 1918 году во время резни отрезали уши вместе с огромными золотыми серьгами? Кто поведал миру о трагедии матери Нисабегим, которая, спасая дочь свою - красавицу Сямяррух от посягательства дашнакской мрази, за руку ввела ее в пылающее пожарище родного дома и предпочла мучительную смерть бесчестью? Кто возьмется воспроизвести страшную трагедию семьи Гусейновых, которая в наши дни, уже в 1990 году, спасаясь от армянских бородачей бегством, нашла страшный конец на пороге родного дома?

Какой художник запечатлел на холсте жертвы этой кровавой трагедии? Кто из композиторов переложил на ноты проклятье потерявших кров над головой?

Мы молчали и в сталинский период, и в годы, именуемые застойными, молчим мы и сейчас. Стоит только кому-либо попробовать заговорить - тут же получает по голове, и, представьте, от своих же.

Ни одна мать на свете, когда учит разговаривать своего младенца, не указывает ему врага. Наши матери-гуманисты испокон века говорят в таких случаях: "Нет плохого народа, нет плохой нации, есть плохие люди" А армянская мать только-только начинающего говорить своего ребенка приучает произносить слово "хай", что означает "армянин", и у того, когда он вырастает, первый вопрос встречному "не откуда ты", а - «хаес»? А мы все норовим выяснить, из какого ты района, из какого села...

Наши матери не смели нам говорить: "Ты азербайджанец, забывай [21 - 22] свой народ, свою нацию. Всем тем, кто называет тебя диким, культурой своей докажи, что народ, который дал мировой цивилизации Низами, Физули, Сабира никак диким быть не может". Матерям так не позволяли говорить, писателям так не позволяли писать.

О, если бы мы могли говорить обо всем, если бы мы могли писать все, народ наш был бы готов к этой жестокой трагедии! Беженцы бы не покинули родных краев, молодцы бы наши добрые не были принесены в жертву. Э, да что говорить: тому, кто пытался открыть рот, язык отрезали нашим же ножом.

Мне кажется, что со страниц этой книги, которая, безусловно, взволнует и заинтересует всех наших уважаемых читателей, раздаются гневные голоса многотысячных толп беженцев - азербайджанцев. К этим голосам не прислушаться нельзя.

РАНЫ

Все счастливые похожи друг на друга. А в несчастье каждый несчастен по-своему. Вспоминая это мудрое изречение Льва Толстого, думаю: а интересно, кто среди столь непохожих друг на друга несчастных людей более несчастен? Ведь непременно что-то ниже чего-то или выше, кто-то лучше кого-то или хуже, кто-то относительно другого слабее, кто-то предпочтительнее кого-то выглядит.

Вот говорят - переселенец. Многогранно это понятие, в нем радость и слезы, горе и счастье, разлука и встреча. То есть не только о печали, беде, трагедии свидетельствует это слово.

И говорят - беженец. Это гораздо хуже. Значит, ты от кого-то или от чего-то убегаешь - от землетрясения ли, от жары, от холода, от засухи или наводнения (если, конечно, эти стихийные бедствия часто повторяются). Или убегаешь от нашествия иноземных захватчиков, от неминуемой эпидемии, от насыщенной ядом экологической обстановки, убегаешь из зоны боевых действий, от близости военных полигонов. Конечно, есть и такие, кто терпит все это, не убегает. Значит, в понятии "беженец" хоть в какой-то степени да заложена добровольность, а добровольность - это, знаете, какая нравственная реабилитация?!

И еще говорят - горемыка. Страшное это слово, поистине безграничную гамму эмоций в себя включает, означает, если хотите, жизнь вдали от родных очагов, без крыши над головой, без куска хлеба, без уверенности не в завтрашнем дне, а в каждой последующей секунде жизни. Страшно

Об этом много написано, однако...- А что – однако! Что за "однако" для горемыки? И что за надежды у горемыки?

Да, надежды! Дело в том, что горемыки тоже могут собираться вместе и грудью противостоять беде. [23 - 24]

Счастье, надежда, утешение в том и заключаются, что грудь горемыки не осквернена клеймом оскорблений, сердце его не ранено кинжалом оскорблений. Достоинство горемыки не растоптано - это луч света во тьме, счастье в трагедии.

И еще есть такое понятие, как быть изгнанным. Это - самая страшная, самая нетерпимая форма унижения.

Представьте себе, что человека, даже если он этого заслужил, изгнали с какого-либо собрания, застолья, свадьбы, поминок. Если этот человек хоть в чем-то сохраняет человечность, он этот позор не в состоянии вынести, до самой своей смерти никому его не простит.

Это я говорю о человеке, заслужившем, так сказать, изгнания. А каково, представьте, тому, кто подвергается гонению ни за что ни про что!..

А если это 200 тысяч человек - девушки и женщины, старики и дети, больные и сирые... И если происходит все в обстановке насилия и устрашения, покушения на честь и достоинство, покушения, наконец, на самую жизнь! Когда не успеваешь ты коня расседлать в конюшне, собаку спустить с цепи, деньги взять в сбербанке, плащ снять с вешалки, и вообще, весь твой вчера еще представлявшийся неприступной крепостью дом остается где-то далеко-далеко...

И ты вынужден, голодный и холодный, раздетый и разутый, в жгучие зимние морозы, в злую снежную круговерть шагать по крутым перевалам, держа путь в Азербайджан, в Баку.

И как же бывает невероятно тяжело тебе, когда из-за трех-четырех негодяев, решивших "мужество" свое продемонстрировать не там, увы, а здесь, тебя называют вдруг обидно, унижительно Еразом!..

А в итоге явно сфальсифицированные дикие вопли о помощи армянам, издавна живущим во всех без исключения уголках Азербайджана, и в Баку в том числе, и живущим припеваючи, в обстановке, которая никогда не грозила им ни словом обидным, ни даже намеком на это, живущим много лучше нас. В итоге - кровавая трагедия, разыгравшаяся в Баку 19-20 января 1990 года.

Я и подумать никогда не смел, что когда-нибудь доведется писать сегодняшнюю заупокойную. И да не доставит Аллах либо из моих братьев - поэтов оказаться в этой ипостаси...

Я вспоминаю азербайджанцев, одними из первых изгнанных из Кафанского района Армении. Вспоминаю взволнованную непосредственность, искренность наших журналистов, подготовивших для эфира эти необычные по тем временам передачи и выступления: "Этого не может быть!.. Да и кто вас в

силах обидеть? Что ж, если вы приехали, мы от сердца, от души рады вам, но не верьте слухам, возвращайтесь к родным очагам".

Журналист ошибался. Во всем виновата была Москва. Что пользы в том, чтоб повторять общеизвестные истины? Дело уже сделано, как говорят англичане.

Я не верю в то, что в течение 10 как минимум, двадцати, пятидесяти лет все войдет в свою колею, Но в одном убежден: и армянский народ, и азербайджанский искренне желают исцеления своих ран. Не может быть, чтоб не было конца их бедам.

И друзья, и враги могут жить в условиях мира. Если даже изгнанные с родных земель люди не смогут вернуться к своим очагам, и никто никому этого не простит, без Мира, без мира, без мира невозможно обойтись! Только и только в повседневном мире, свободе, спокойствии можно жить и созидать. [25 - 26]

НАШ ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

"Беженец", "горемыка"... Как бы мы их не называли, нет горше трагедии, нежели та, «которую переживают эти люди, вынужденные покинуть отчий край, где обитали далекие их предки, уйти из родных мест с их высокими горами, реками, лесами, лугами, эйлагами. на которых состязались в джигитовке потомки Деда Коркуда, прозрачными родниками, навечно запечатлевшими образы прекрасных чернооких красавиц, ущельями, навсегда приютившими ушедших в мир иной мудрых старцев...

Самое же чудовищное в том, что вынудившие, насильно заставившие их покинуть родные края сами себя объявили здесь хозяевами. Они оскорбили их личность и достоинство, как представителей народа, подвергли нечеловеческим унижениям, издевательствам и измывательствам, пыткам и убийствам... А потом всячески стараются утаить все злодеяния свои, скрыть от людских глаз пролитую кровь.

Короче, мы теперь хорошо знаем, что собою представляют наши соседи, истинное лицо их нам прекрасно известно, и не хочется возвращаться к этому и расстраиваться снова.

Когда я учился в средней школе, некоторое время мне довелось жить в Пушкинском районе. В то время многие соседи моего дяди были из ереванских. Некоторые из их детей учились со мною в одном классе.

Однажды, когда я возвращался из школы, с одним из них сцепились мы в схватке. И случилось так, что я его поборо. Но он не расстроился, не обиделся, только неожиданно потускневшим голосом произнес "Ты родниковую воду пьешь... А вот поживи как мы здесь некоторое время, попей с нами из канавы тогда поймешь, что к чему..." [26 -27]

Затаенный смысл, заложенный в словах одноклассника, до меня дошел гораздо позже. Тогда и понял я, что эти самые "выходцы из Еревана" - не кто иные, как беженцы 50-х годов, насильно переселенные из родных краев в совершенно непривычные условия Мильско-Муганской зоны.

Но только после того, как повелось мне в увидеть их благоухающие края и окрестности Гейчи и живописные луга Карахача, Ведибасара и Агбаба, заснеженные горы целебные родники, понял я, что именно они переживают, с какими богатствами и несметными вынуждены были расстаться... И еще понял, что когда человек отрывается от родной земли своей бессилие его вполне естественно.

В последующие годы объездил я Армению, что называется, вдоль и поперек, И неизменно убеждался, сколько бы раз насильно ни изгоняли азербайджанцев, отсюда по-прежнему выглядят они жизнерадостными преисполненными сил и бодрости, их села и поселки отмечены знаком благополучия достатка.

Я вспоминаю Басаркечар, Веди, Амасия, Зангибасар, дома, в которых оказывали мне радушное гостеприимство и предлагали сердечный хлеб-соль, вспоминаю живущих там смелых, щедрых сердцем и добрых людей. И не могу поверить, что мы потеряли такой большой наш мир... Бодрость, сердечность, искреннее доверие тех людей, что населяют тот прекрасный край, мы потеряли тоже.

Вспоминаю, как под звуки вдохновенного саза Исмихана, Ахверди я предавался незабываемому покою душевному на родине бессмертного Ашуга Алескера. И мне тогда казалось, что никогда более саз не заговорит столь вдохновенно и трогательно.

Никогда не забуду я тот вкусный обед, которым угостили нас в селении Захмет. И люди те живы до сих пор и то застолья не забыто. Только вкус я, кажется, тот начинаю потихоньку забывать... Не могу представить себе Ереван без дома Идаята. Без него, этого рослого человека, сразу выделяющегося статью своей в толпе, город становится для меня чужим и серым.

В амасиянском селении Азизбеков меня почтительно именовали дорогим поэтом родной земли право, становилось неловко. И когда я вспоминаю частенько обыгрывавшего меня в шахматы Бахшали муаллими его веселые прибаутки, вспоминаю, как здорово проводили время и его [27 - 28] крепко сбитом доме с видом на Аракс и Арпачай, мне почему-то думается, что воздух тамошний, горы утратили свою живительность и привлекательность, все свои богатства...

Не один очаг погас в тех благодатных краях, тысячи очагов теперь безмолвствуют. А ведь каждый из них являл собою неповторимый мир!..

Мало того, что нас изгнали с насиженных мест недруги. Теперь ими же введено в обиход новое понятие – Ераз.

Вы только представьте себе весь драматизм ситуации: огромная ветвь отделяется насильно от народа и кто полупрезрительно называет этих людей "выходцами из ереванских", кто дает унижительную кличку "Еразы"...

Землю нашу, история которой насчитывает многие тысячелетия, за последний век вынуждено было покинуть около одного миллиона азербайджанцев. Об этом много написано. Но главное еще впереди.

У меня была задумка: во второй части "Книги моей жизни" описать все то, что довелось увидеть во время путешествий по Армении, по тем ее селам, где живут азербайджанцы. Опоздал...

Но все равно пока не поздно. И надо срочно брать на карандаш, пока не стерлись воспоминания, все, чем прелестны наши края, наши исторические памятники с их утвердившимися именами, неисчислимы достопримечательности.

Дороги не должны забываться. Быть может, по этим дорогам еще доведется возвращаться... [28 - 29]

ПИСЬМО БЕЖЕНЦАМ

Дорогие братья, сестры!

Пишу отнюдь не с целью увещевать вас раздаривать пустословные посулы. Хочу сказать одну правду, горькую правду - правду о нашей горемычной судьбе.

Сколь бы горькой ни была правда, она в тысячу раз слаще лжи. Да будет земля пухом предкам нашим! И очень жаль, что и последние годы к их мудрым словам, наставлениям стали приписывать насквозь лживые добавления и уточнения, утверждающие так сказать, изнанку истины.

Я достаточно наслышан о ваших страданиях. Но вы спрашиваете: "И почему он молчит?"

Едва начались эти печальные события, там где, я был уверен, что меня услышат, я говорил правду, и только правду, но туда где знал я, не захотят меня услышать, не ступала нога моя, в этих случаях предпочитал я молчать.

Однако на официальных совещаниях и заседаниях, если мне выпадало получить слово, на страницах печати, если мне отводили место, ни разу я не шел против совести, ни фразы не произнес ради того только, чтоб кому-то из власть предержащих понравиться.

"В Кафане ничего не случилось", "в Масисе ничего не случилось", в Гугарке ничего не случилось", "рыба ищет, где глубже..." - я не из тех, кто любит повторять подобные сентенции. Если бы не дай Бог, так было, не имел бы я никакого морального юго права писать эти строки.

Армяне начали антиазербайджанскую кампанию не сегодня и не вчера. Уже свыше ста лет они сгоняют нас с наших древних земель, отлучают с помощью оружия от родных очагов, прибегая к моральным и физическим репрессиям, угрожая смертью...

Вы - одни из последних, кто был изгнан с территории сегодняшней [29 - 30] Армянской ССР, изгнан с оскорблениями и унижениями, с дикой жестокостью, на которую и вовсе не способен человек.

А первые отряды беженцев покинули родные края еще в конце прошлого века. Достаточно сказать только, что к моменту присоединения Ереванского ханства к России 73,8 процента населения его составляли азербайджанцы (да и остальные 26,2 процента вовсе не были одни армяне, среди них было много курдов, ассирийцев и т. д.) Но в последующие годы на этой территории, которая стала именоваться "Армянской областью", число азербайджанцев неуклонно сокращалось и к 80-м годам прошлого века дошло примерно до 50 процентов.

С созданием партии "Дашнакцутюн" (1890 год) изгнание азербайджанцев с территории так называемой "Армянской области" было поставлено во главу угла. Эта задача решалась в разные времена различными способами: в 1905 году - резня, 1918-20 гг. - вновь резня и, наконец, в сегодняшней Армянской ССР - беззастенчивый захват древних азербайджанских земель и др.

В ноябре 1920 года дорого обошлось Азербайджану создание Армянской Советской Республики. Более половины территории сегодняшней соседней республики составили наши древние земли - Зангезур, подножие Агрыдага, побережье озера Гейча, Дилижанское ущелье, Гарагоюнлу, Джалалоглу и т. д., которые были преподнесены ей в качестве подарка (а мы и поныне торжественно восклицаем, что землю в подарок не преподносят...). Даже в годы правления И. В. Сталина, в годы справедливой борьбы против "Дашнакцутюна" и ему подобных националистических и экстремистских партий, армянские националисты во главе с А. Микояном, дабы добиться поставленной цели, выдвинули на повестку дня новую, явно выдуманную проблему: мы, дескать, для размещения и обустройства, прибывших из-за рубежа армян должны выселить азербайджанцев. И таким образом, в 1948-52 гг., когда все советские народы крепили монолитное единство под одним знаменем, свыше 150 тысяч азербайджанцев были вынуждены оставить родные очаги.

Селения, районы, из которых они были изгнаны, вам хорошо известны. Очень многие из них так и не были заселены приехавшими из-за рубежа армянами. Многие из этих населенных пунктов ныне позабыты - позаброшены, многие районы ликвидированы (Карабаглар, Зангибасар и др.) - Сменились названия древних азербайджанских земель, они подверглись арменизации... [30 - 31]

Последующие подобные "кампании" возглавлялись лично первыми секретарями ЦК КП Армении Товмасяном и Заробяном. Умело пользуясь пресловутым хрущевским волонтаризмом, порожденными этой обстановкой неразберихой, пустопорожнем лозунгованием, нелогичностью общественно-политической жизни, не скрывающие своей дашнакской сущности армянские националисты на митингах и собраниях, со страниц печати, в "исторических" трудах открыто и беззастенчиво прибегали к лжи и клевете. Они объявили "древними армянскими землями" территорию

Карабах, Нахичевани, большую часть Турецкой Республики, стали во всех падежах склонять явно надуманное понятие "многострадальный армянский народ".

С середины 60-х годов в Армянской ССР началась моральная травля азербайджанцев. Прибегая к тысяче и одной уловке, А. Кочарян и К. Демирчян довели эту кампанию до конца, причем все безобразия творились буквально на наших глазах. События прошлого года, а особенно - горькая судьба ноябрьских горемык суть результат как раз этой кампании морального преследования и травли азербайджанцев.

Уже сто лет, как теряем мы свои земли, и у нас есть все основания не прощать этого предыдущим поколениям. А если нас поколения последующие будут за это корить, мы не должны обижаться на них.

Когда-нибудь, однако, мы на земли свои исконные да возвратимся! Я убежден в этом, говорю об этом, вспоминая уроки древней нашей истории. Никогда наш народ не зарился на соседское добро, на чужие земли, но в то же время все, что у него ранее отнималось, со временем непременно возвращал.

А что касается воплей "многострадального армянского народа". - Много я прочел исторических книг, сорок лет жизни прожил бок о бок с соседним народом и со всей ответственностью утверждаю, что на протяжении веков армяне приносили несчастья и беды другим народам, в частности, близким своим соседям - азербайджанцам, туркам, грузинам, а если говорить вообще были они злейшими врагами всего мусульманского мира. И этому подлому искусству мы стали свидетелями в трагических событиях 1988-89 гг.

* * *

В начале 1987 года возобновилось противостояние двух живущих по соседству, живущих друг в друге народов. "Сценарий" его, [31 - 32] впрочем, был написан давно и предусматривал в главной роли явно надуманную "карабахскую проблему", которая должна была нанести тяжелый удар в спину Азербайджана, перестройке, делу социализма.

К великому сожалению, тогдашние руководители нашей республики, центральные органы власти не выявили корень этой "проблемы", не дали событиям принципиальную оценку, решив все уладить бесшумно, путем уступок.

В те первые дни, когда армяне собирались в Степанакерте перед зданием обкома партии и оглашали округу возгласами "Миацум!" (объединение) и "Хайреник" (родина), я был там и сразу понял, что, если так пойдет и дальше, дело примет затяжной характер. При совершенно случайной встрече я высказал эти свои опасения бывшему в то время первым секретарем ЦК КП Азербайджана К. Багирову, когда мы вместе наблюдали за происходящим на площади, стоя в коридоре обкома партии.

Примерно в течение 15-20 минутной беседы я изложил ему первопричину событий и свои соображения, связанные с последующим опасным их развитием. Он то и дело переспрашивал: "Что же нам делать, чтоб избежать резни?"

Для этого необходимо сейчас же, сию минуту очистить эту площадь, ввести комендантский час. Этот экстремизм, национализм, это неподчинение не должны получить широкого распространения. И еще крайне важно обеспечить безопасность азербайджанцев, проживающих в Армянской ССР, - сказал я и несколько раз повторил эти слова, хотя не мог не видеть, не мог не чувствовать, что они моему собеседнику явно не нравятся.

Еще более обстоятельно я говорил о необходимости самых серьезных мер членам Бюро ЦК, с которыми более или менее хорошо знаком (можно сказать все члены Бюро были там), заведующим отделами, министрам, другим ответственным работникам, но при каждой встрече, в каждой беседе убеждался, что мои слова до них не доходят. И еще я впледел, что эти руководящие работники, во всяком случае, многие из них, не в курсе сути дела, судят о событиях поверхностно, а некоторые из них, мягко говоря, вообще несерьезные люди.

В тот день кафанцы еще не были изгнаны из родных своих краев, не до конца еще были известны коварные планы комитетов "Карабах" и "Крунк", и Сумгаит жил пока спокойной своей жизнью... [32 - 33]

Как раз в тот день я встретился с одним армянским писателем, приехавшим из Баку, Он рассказал, что во главе "карабахского движения" стоит председатель областного Агропрома, очень богатый человек, который взял на себя все финансовые расходы.

Кто этот председатель? Фамилию его я не спросил, подумал о том, что, несомненно, руководители республики знают, что представляет собой богатый председатель облагропрома, и примут самые серьезные меры.

Минувшей ночью состоялось собрание актива области. Если не считать некоторых подстрекательских выступлений, в общем оно прошло в здоровой обстановке критики и самокритики, приняло резолюцию, направленную на стабилизацию обстановки. Однако ни те здоровые выступления,

ни резолюция не удовлетворили собравшихся на площади. Дело дошло до того, что экстремистские силы не позволили распространять областную газету, опубликовавшую материалы собрания актива. На следующий день, когда К. Багиров, выступая перед собравшимися на площади 30-40 тысячами человек, объявил о том, что бюро обкома партии сочло невозможным оставление Б. Кеворкова в должности первого секретаря областного комитета партии, поднялась такая буря радостных восклицаний, поздравлений, которую, я, право, никогда не забуду. (Я - болельщик футбола, и у нас в стране, и за рубежом на самых крупных стадионах наблюдал множество ответственных матчей, но нигде и никогда не видел таких эмоций, даже когда забивался гол, приносящий победу хозяевам поля). А когда К. Багиров сказал, что рекомендуется избрать первым секретарем обкома Г. Погосяна раздавшиеся с новой силой рукоплескания потрясли, казалось, всю округу.

Я спросил у стоявшего рядом со мной того самого армянского писателя, которого уже упоминал, кто такой Погосян, и он с гордостью сообщил мне: "Председатель облагропрома".

Все было ясно.

Потом я об этом очень долго размышлял. Как же может быть, что руководители республики не знают, что собою представляет член бюро областного комитета партии, если даже мне в подробностях известны все действия богатого председателя облагропрома? Может быть, и Багиров и приехавшие из Москвы Разумовский и Демичев эту должность представляют в качестве "подарка" богатому члену бюро? [33 - 34]

Погосян этот "подарок" принял с благодарностью. И в первый же день намного перещеголял своей антиазербайджанской политикой Кеворкова.

Можно ли было допускать такую страшную ошибку?! Неужели. Это время никому в голову не пришло, что она принесет нам новые бедствия?

"Социально-экономические проблемы Нагорного Карабаха" - эта выдумка склонялась теперь во всех падежах, то и дело звучала с самых высоких трибун. Наглая, беззастенчивая ложь зашагала по стране, и не успели мы очнуться, как убедились в том, с каким искусством была организована сумгаитская трагедия. Потом на повестку дня стала Топхана, потом Шуша, Ходжалы...

Десятки азербайджанских населенных пунктов оказались в блокаде, а, сколько наших братьев и сестер, стариков и женщин стали жертвами подлой пули или бандитского ножа, замерзли на заснеженных перевалах, умерли от инфаркта и иных заболеваний?

В Армянской ССР не осталось ни единого азербайджанца, родной Ханкенди для коренных жителей его стал чужим.

А потом были не влезающая ни в какие рамки закона специальная форма управления, были далекие от логики, жизни, конституции, идеи А. Вольского...

Кто из руководителей нашей республики подписал документ, соглашающийся с правлением А. Вольского? Почему это тяжелое преступление не разоблачается? Что, опять нам 30-40 лет ждать? Ведь время идет, время торопит жить!..

Очень много сегодня говорят об одной из повестей любимого нашего писателя Исмаила Шихлы, с присущей ему мудростью изрекшего: "Топорище-то наше..."

С помощью тех, кто проповедует эту теорию, беззастенчиво предавая интересы своего народа, и получил права гражданства документ, именуемый "Социально-экономические проблемы Нагорного Карабаха".

Их любезности Погосян обязан тем, что стал руководителем обкома партии, правительство Вольского - своим созданием, а сам сей муж - тем, что был избран народным депутатом СССР от Азербайджана, чтобы иметь трибуну и в мгновение ока разлучать дитя с матерью.

Те, кто проповедуют гнилую эту теорию, специализируются на предательстве интересов собственного народа, помогли стать народным [34 - 35] депутатом СССР от Нагорного Карабаха и такому откровенному врагу, как Балаян.

Эта обездоленность на первый взгляд представлялась такой внезапной, что не сразу и понять было, что к чему. Ни вы не были готовы к таким бесчеловечным репрессиям, к такой жестокой агрессии, ни Азербайджан. И потому ни Азербайджан не должен быть в обиде на вас, своих родных сыновей и дочерей, ни вы не таите зло на Азербайджан.

Переселение (я не говорю пока о беженцах) - самое тяжелое, самое болезненное путешествие, дарованное человеку судьбой, и, как говорится в одной из пословиц, тот, кто раз прошел эту дорогу, вторично по ней не пойдет. Ибо нет тяжелее участи, если обратная дорога тебе заказана: и не дай Бог, навсегда...

Шесть лет назад, когда кругом царило относительное спокойствие, переехал я в Баку, однако грусть расставания с родным домом до сих пор еще в моем сердце, и наверняка она никогда не забудется. Повторяю, тогда были относительно спокойные времена, и, тем не менее, я несколько лет вынашивал свою мысль.

В последние месяцы старался не вызывать служебный автомобиль, большей частью ходил пешком, ездил общественным транспортом. Собственно, я и раньше не был рабом персональной машины, просторного кабинета, разноцветных телефонов, а теперь и вовсе готовил себя к обыденной жизни, зная, что в Баку меня не ожидают ни должность, ни машина.

Все это в прошлом году произошло и в вашей судьбе - в течение каких-нибудь трех дней, одного дня, одной секунды. В такие тяжелые мгновения недолго растеряться и самым мудрым людям.

Там остались родные гнезда, родные очаги, там нашли последний приют наши родные и близкие, отцы и деды... Там, в тех краях, остывает зола в заброшенных тендирах, в трепетном ожидании знакомых издревле звуков склоняют ветви свои в горести и печали деревья.

Я знаю, многие из вас готовы завтра же вернуться туда, если будут даны гарантии безопасности, настоящих гражданских прав. К сожалению, ни союзные организации, ни правительство соседней республики и не думают пока, об обеспечении конституционных прав граждан. В таких условиях обеспечить за короткие сроки 200 тысяч обездоленных стариков, молодых людей, [36 - 37] детей квартирой, работой, всем необходимым для жизни представляется исключительно трудным делом, вырастает в серьезнейшую проблему.

Плюс к этому - ещё около 60 тысяч обездоленных турок-мехетинцев доверили нам свои жизни. Из Армении изгоняют безжалостнейшим образом всех мусульман, и 18 тысяч курдов тоже связывают свои надежды с нами. Это свое письмо я адресую также и им.

Долгое уже время в приграничных с соседними республиками районах Азербайджана дни и ночи слились воедино, население здесь встречает обездоленных, изгнанных с родных мест братьев и сестер, теплом своих домов, последним куском хлеба делится с ними.

Мы из выпавших на нашу долю суровых испытаний вышли еще более сплоченными, еще более решительными, и за это должны быть безмерно благодарны своему народу.

В те дни, когда из Мегри поездами, на автомашинах, пешком нескончаемыми караванами потянулись в Азербайджан, беженцы, я срочно выехал в Зангелан. Гнев и печаль владели мною, однако не мог я и скрывать слез радостных. Как один поднялись мужественные, большим, добрым сердцем наделенные зангеланцы! И чего только не совершили в те дни жители - и стар, и млад! - этого - небольшого, не располагающего особыми экономическими возможностями района!.. Более трех тысяч мегринцев жили здесь, как у себя дома, часть их обрела в Зангелане вторую родину, люди начали жить, обустроиваться. Кафанцы тоже мне рассказывали, что и они были встречены в Зангелане с неподдельной любовью и радушием, как родные братья и сестры.

Я услышал много искренних, радующих своей сердечной признательностью слов о гостеприимстве, уважительном отношении к беженцам из Армянской ССР в Нахичеванской АССР, Гяндже, Казахе, Шамхоре, Лачине, Кубатлах, Келбаджаре, в горных и низменных районах Карабаха, на Апшероне и в других уголках Азербайджана.

К сожалению, руководители иных районов лишены элементарных гражданских чувств, не говоря уже об ответственности, которая диктуется занимаемыми ими должностями. Если бы можно было написать то, что рассказывают о таких горе-руководителях, получилась бы в дрожь от ужаса бросающая книга...

Неужели такие люди, которым безразлична судьба своего народа, не знают, что не имеют абсолютно

никакого морального [36 - 37] права возглавлять даже небольшое селение или предприятие, не говоря уже о целом районе?! Не может быть руководителем тот, кто не стал истинным гражданином!

Обездоленность - страшное горе, невероятное, и нести его бремя дано только человеку мудрому, мужественному, терпеливому. В потоке беженцев встречаются самые разные люди - и немощные старики, и мудрые отцы-матери, и смекалистая, норовистая молодежь с горячей кровью... Все мы должны услышать голос разума, подчиниться ему, должны пойти за мудрыми аксакалами, за интеллигенцией. В столь большом горе помочь, способны только сила разума, мужество. И потому давайте все свои проблемы будем решать с умом, призвав в помощь логику, не путая понятий. Давайте не сломя голову будем искать пути искоренения трудностей, а повторяю, с умом, призвав в помощь логику. И с этого пути сворачивать нам нельзя. В самые трудные дни необходимо идти нам за аксакалами, седовласыми матерями, внимать голосу наших мудрецов. Ибо даже в самые тяжелые мгновенья жизни ни один из нас не вправе растаптывать тысячелетиями создававшиеся и как зеница ока оберегаемые в нашем народе нравственные ценности, такие, как выдержка, терпение, уважение к старшим, почитание отца-матери. Такого преступления судьба нам не простит.

Вы часто взволнованно спрашиваете: "Может ли так случиться, что Карабах будет отдан?" Нетрудно понять всю затаенную боль этого вопроса, все ваше беспокойство и возмущение.

Мы знаем прекрасно о том, что из-за Карабаха вы оказались изгнанными с древних своих земель, из-за Карабаха отвергли все предложения армянских националистов быть с ними заодно в их наглых территориальных притязаниях. И потому для вас самый болезненный, самый мучительный вопрос - этот.

Я прекрасно понимаю вас - однажды вы уже, как говорится, обожглись... И печальной памяти "наследие" Комитета особого управления, откровенно антиазербайджанская деятельность которого служила низменным интересам погосьянов, капутикьянов, ханзадянов, балаянов и прочих "национальных героев", ведущих народ к пропасти, не дает угаснуть боли этого вопроса. И даже категорические решения партии и правительства, высших органов государственной власти о целостности территории и неделимости Азербайджана, которые всем без исключения ясны и звучат однозначно, не приносят успокоения. [37 - 38]

Потому что на протяжении столетиями мирились с потерями и лишь теперь, наконец, извлекли должные уроки из этих тяжелых потерь. Руководствуясь «семи конституционными правами, официальными документами, как гражданин, как писатель, и должен заявить, что пока жив азербайджанский народ, пяди его земли никому отдано не будет.

На первых порах вы столкнулись с серьезными затруднениями, есть они по сей день, будут и завтра. Но с каждым днем вы все больше убеждаетесь, что Азербайджан, несметные богатства которого давно стали притчей во языцех, отнюдь не катается, как сыр в масле. Социально-политические проблемы республики серьезны и очевидны. Буквально каждая улица Баку, являющегося одним из крупнейших индустриальных, научных, культурных центров нашей страны, всей планеты, имеет не одну свою проблему. Села наши разорены, плодороднейшие земли вконец загрязнены, опустошены. Растёт число людей, не обеспеченных работой по специальности... Короче говоря, бед у нас немало, и, я думаю, вам понятно, насколько нелегко республике дается решение чрезвычайно важных проблем обеспечения людей жильем, работой и т. д.

В значительной степени зависит это от усилий, настойчивости и трудолюбия каждого из вас. Для того чтобы выйти из крайне тяжелого положения, от всех вас требуются выдержка и единение со всем нашим народом. Повторяю: требуется - другой путь, альтернативной возможности нет! И еще нужно время. Только серьезные усилия каждого из вас, стойкость, самоотверженный труд могут позволить сократить это время.

Я призываю всех вас к единодушию с нашим народом, к совместному преодолению стоящих на нашем пути препятствий, решению возникающих проблем.

*С любовью и уважением
Ваш ИДАЯТ
Октябрь 1989 года*

P. S Мое письмо к вам с небольшим сокращениями после, традиционного газетного "редактирования" (хочешь - не хочешь, там должны добавить несколько обнадеживающих слов о руководстве республики) было напечатано в газете "Коммунист", В целом оно было встречено положительно.

Однако в Армении публикация вызвала иную реакцию. Имя мое начали склонять с особой интонацией. В те дни, когда народ [38 - 39] наш держал глубокий траур по своим шехидам, в редакцию "Коммуниста" пришел пакет с обратным армянским адресом, и в нем был экземпляр выходящей в Мегринском районе газеты "Аракс" с открытым письмом мне. Пустопорожние рассуждения некоего Р. Степаняна ничего нового к застарелой "армянской болезни" не добавляли.

Медициной недуг этот, который я назвал бы "болезнью армянского духа", пока что как следует не изучен. Очень жаль, потому что в последнее время эта эпидемия охватила не только армян. События сложились таким образом, что в те дни, когда писались эти строки, в "Московских новостях" (11 марта 1990 года) народный депутат СССР Галина Старовойтова, у которой, по ее же словам, мать - русская а отец - белорус, торжественно объявила: "Отныне и на всю жизнь я "заболела" Арменией и армянами..." Права Старовойтова. Всему Азербайджану, всей необъятной нашей стране, планете, всем честным людям, кто располагает объективной информацией о закавказских событиях, известно, что Старовойтова и впрямь страдает "армянской болезнью", так и пусть ей, народному депутату, будет известно, что недуг ее неизлечим.

Меня, однако, не удивили ни полуграмотный, безответственный человек, возомнивший себя журналистом, но подозрительно близоруко называющий древнюю нашу Гянджу армянским Ганзахом, поражающего весь мир великого азербайджанца Низами - фарсом, Фирдовси - таджиком (а интересно,

какое отношение имеет Фирдовси к азербайджанской литературе?), древние наши ковры - армяно-иранской культурой, ни "благородно" предоставившая откровенному его бреду место газета - орган районного комитета партии.

В армянской прессе я начитался такого, что если завтра он напишет, например, что Насими - англичанин, а "Деде Коркуд" пришел к нам от древних греков или римлян, уже не удивлюсь. Это "армянская болезнь", она безысходна, не поддается ни лечению, ни, к сожалению, изучению. И потому она порождает трагедии, и потому белоруска по отцу, русская по матери Старовойтова, многие десятки журналистов, политических деятелей, государственных чиновников становятся ее жертвами. СПИД, являющийся величайшим злом конца XX века, возможно, остановить, но "армянскую болезнь" - нет!

Однако, даже если это не во имя справедливости, объективности, в одном вопросе Степанян прав: "Вернее, это письмо - обращение [39 - 40] к азербайджанской нации". Видимо, автора беспокоит иное: а вдруг азербайджанская нация, чтобы защититься от вражеской агрессии, оставит все разговоры о том, кто - гость, кто - приезжий, да еще из какого региона или квартала, и сплотится. Тогда дела армян очень уж плохи будут...

Ведь только один путь у черных сил, творящих грязные дела, убивающих азербайджанцев в Аскеране, сотворивших сумгаитские события, по-иезуитски лишивших жизни свыше ста азербайджанцев в Армении, задумавших и осуществивших события 12-14 января, наконец, направивших 19-20 января армию, танки на мирное население: породить рознь между местными жителями и беженцами, создать между ними конфронтацию. Продолжительное время вся пресса Армении только этим "прозорливо" и занимается.

Но нет, этому не бывать никогда. Степанян! Наш народ, чем больше на него давление, тем крепче, решительнее сжимается в кулак и, хоть и с опозданием, но распознает и опровергает все армянские происки.

В ту ночь, когда статья печаталась в типографии, в Баку вошли карательные войска и обагрили его улицы невинной кровью моего народа. А может, факт публикации этой статьи именно в ту ночь - с 19 января на 20 не был случайностью? Может быть...

А тот факт, что газета была прислана в Баку 15 февраля? И притом - не из города Мегри Армянской ССР, хотя и указан на конверте адрес отправителя: редакция газеты "Аракс", Р. А. Степанян.

Но почтовый штемпель - одесский, значит, письмо отправлено с берегов Черного моря (как тут не вспомнить Моллу Насредина с его знаменитым изречением "от моря до моря...")? Даже эта страшная трагедия не побудила ни Степаняна, ни редактора газеты отрешиться от своей болезни. Письмо их сперва совершило путешествие на Черноморское побережье и оттуда отправлено на Каспий. Как видите, тяжела она, "армянская болезнь", неизлечима...

А что скажут по этому поводу те, кто возмущение свое, вызванное фиктивно подписанной именем Азер поздравительной телеграммой в Ереван по случаю землетрясения в Армении, чуть ли не в ООН готов был высказывать?

Да и что могут сказать: это - "армянская болезнь". Ни врачам не подвластная, ни лекарствам...

P. S. То, что пришлось пережить в январе нашему народу, суть прежде всего следствие "армянской болезни", её обострения.

Немало сказано и написано об основных причинах этого. Корень зла - в так называемой "нагорно-карабахской проблеме", откровенно навязанной два с половиной года назад нашему народу на основании тщательно разработанного сценария, во многих высших кругах получившего "добро".

Первые наши жертвы были преданы родной земле в Агдаме.

Но до сих пор не ведомо нашему народу, миру: сколько же азербайджанцев зверски было убито в Гугарке, в других районах Армении.

Продолжением армянского сценария были сумгаитские события. Причем, наглость дошла до таких пределов, будто Григоряны "защищают" азербайджанскую землю.

Насильственное изгнание азербайджанцев из Армении, всех до единого, было осуществлено в три дня. Явилось это одной из составных частей сценария и было претворено в жизнь с успехом как государственное мероприятие.

Однако Карабах не был забыт. (Для азербайджанцев слово "Карабах" означает весь Карабах, понятие "Нагорный" было искусственно введено в обиход в 20-е годы армянами).

А как быть, если и правительство А. Вольского не сумело отторгнуть Нагорный Карабах от Азербайджана? Значит, надо было обострить и без того напряженную неконтролируемую обстановку, которая сложилась к 13-14 января. Это взялась сделать сессия Верховного Совета Армянской ССР, Она

официально объявила, что план социально-экономического развития НКАО на 1990 год включается в план и бюджет Армянской ССР.

Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР 11 января категорически отверг эту незаконную акцию, однозначно оценив ее как грубейшее нарушение суверенитета республики, как очередную диверсию, направленную против перестройки.

И вновь на повестку дня стал вопрос: как же быть? И тогда...

Надо было организовать события 13-14 января, чтобы в Баку введены были войска.

Было организовано плохо. Не сумели, создать сумятицу, неразбериху, какие наблюдались в Сумгаите... [41 - 42]

Народный фронт проводил на Площади многотысячный митинг, призывая народ нацию к единству, к бдительности, заклиная людей не поддаваться на провокации, не трогать армянскую часть населения, и сотни тысяч людей с пониманием откликнулись на эти призывы.

Но в тех или иных местах города определенные люди совершали нападения на квартиры армян. Работники же милиции, если и встречались с такими фактами, большей частью вели себя как сторонние наблюдатели. А где были 12-тысячные подразделения находящихся в городе внутренних войск? И найдется ли когда-нибудь тот, кто сумеет ответить на этот вопрос?

Все это свершалось на наших глазах.

И никто не скрывал своего недоумения.

Как только обстановка осложнилась, Народный фронт взял на себя контроль за правопорядком, сумел пресечь погромы, стал собирать лиц армянской национальности на опорных пунктах НФА. в клубах, кинотеатрах, в отделениях милиции, обеспечил их безопасность.

17-19 января перед зданием ЦК Компартии Азербайджана не расходилась огромная толпа. И все чаще звучало категорическое требование об отставке руководства республики. Ни для кого, в том числе и для самих руководителей республики, не было это неожиданным Они как будто привыкли уже к этим призывам.

С того самого дня, как А. Везиров был назначен руководителем партийной организации республики (именно назначен, а не избран, и это он публично признал на транслировавшейся по телевидению последней пресс-конференции, когда сказал: "Назначая меня первым секретарем ЦК..."), обманывал народ. И все понимали, что именно он имеет ввиду и кому служит, когда одну за другой провозглашает с трибуны в духе устарелых традиционно комсомольских лозунгов заведомо ложные проблемы "строить бани", "наполнить прилавки помидорами и огурцами", "разбивать ореховые роши"...

Но что делать? Чем теперь "занять" народ? И выход был найден. Срочно было созвано заседание Бюро ЦК, которое вынесло "политическую оценку" событиям 13-14 января, в которой едва ли не вся вина за случившееся была свалена на беженцев.

Однако все понимали, что и это решение суть новый "маневр", который должен отвлечь внимание от Карабаха, помочь руководству [42 -43] скрыть от народа свое предательство и свести все дело пустопорожней болтовне о местных и приезжих. "Теперь я хочу вас обрадовать! В Баку возвратились четыре тысячи армяе! "

Народ, однако, давно уже не верил в эти бредни.

Как бы ни таилась реакция, какую бы маску добродетели не одевали, истинное лицо ее в наши дни скоро становится очевидным. Есть единый азербайджанский народ. Насчитывает он как минимум 35 миллионов. Древняя его история. богатая культура, неделимая духовность выдержала ие одно испытание веками и жить ему вечно. Сверхсвещения народными по праву гордятся южане и северяне, гянджинцы и нахичеванцы, карабахцы и тебризцы, бакинцы и зангезурцы, ленкоранцы и дербентцы, едины они и в горе, и в радости. А беженцы. так ведь тоже азербайджанцы.

В понимании народное отнюдь не должностью определяется. Кому в обществе, какое место занимать Сердце народа - как минимум 35 миллионов его рядовых людей. Все в сердце народном, потому и неделимы мы. Потому тяжелейшее горе конца нашего столетияетия - беженцев переживаем в родных краях - в Нахичевани, Гяндже. Баку, а не в России, не на Украине, не в Средней Азии, как армяне (не говорю уж о Париже, Мехико, Лос-Анджелесе, Каире, Сиднее)... Любопытно, что потеряли в этих отнюдь не близких городах и весях те, кто без устали оглашал округу ором своим "Айреник! Айреник" (Родина)? Быть может, если бы не было вдоль Аракса колючей проволоки и пограничных сооружений, безусловно, иные из нас отправились бы в Тебриз. Ардебиль, в самые отдаленные деревушки нашего юга. Но никуда больше! Ибо азербайджанцы с молоком матери впитали святое чувство Отчизны, ибо нет для них ничего выше и ценнее нежели, родная земля!

Откамандированный из Пакистана в Азербайджан с "особой миссией" А. Везиров основное свое внимание на протяжении всех 20 месяцев, что руководил, он республикой посвятил сохранению безопасности армянского населения. Чтоб, не дай бог, ни один волос не упал с их головы, чтобы ничто

не нарушило их безоблачной жизни. Но, поскольку был он некомпетентен, неустойчив, ни в чем абсолютно не разобрался, то не справился и с этим делом.

О нелогичности несообразительности его можно говорить и говорить. Когда, например, в Зангелане насильственно, под угрозой смерти, изгнанные из родных краев беженцы с гневом и в голосе рассказывали ему о своих заключениях, "господин руководитель", не в силах скрыть обуревавшие его чувства: [44 - 45] И повторял эти слова в тех же самых интонациях в Ньюеди, единственном азербайджанском селении, устоявшем против насилия армянских террористов, где начальник отделения связи с возмущением сообщал ему, что националисты перехватывают всю почту и люди лишены возможности получать зарплату, где населением в силу указанных причин испытывается острая нужда в продуктах первой необходимости.

Он говорил правду: армяне возвращались.

Со страниц печати, с экранов телевизоров лились потоком уговоры и увещевания: лишь бы возвратились. И они возвращались.

Возвращались, к сожалению, с худыми мыслями, вынашивая планы новых трагедий.

Даже сейчас, в эти особо тяжелые для нашего народа дни порою слышишь: "Армянин возвращается". А может, слух это? Но говорят, что нет. А с каким лицом они возвращаются? Чтоб дома свои продавать...

Неужели за два с лишним года не распродали они свои дома? И сколько же было армянских домов в Баку?

Смотрите, какие глубокие корни пустила в этом благодатном городе нация, которая, начиная с середины прошлого века, проторила по-настоящему сюда пути-дороги. Кто поверит в те поистине фантастические версии, будто могут армяне проживать в Баку после того, как за последние два года совершили здесь ужасные преступления, допустили насилие и вероломство? Наконец, проживут ли они среди почти 300 тысяч беженцев, к которым отношу я также турок-месхетинцев, ибо и ферганские события - дело рук армян?

А как они сами? Не означает ли возвращение армян в Баку новый виток интриг, начало новых преступлений?

Будьте бдительны!

Вы только посмотрите, сколь жесток враг, как грязны его руки!... Я оборвал свое письмо на восклицании "Будьте бдительны!", чтобы сосредоточить внимание на телепрограмме "Гюнюн экраны". И услышал о том, что по поручению руководства республики Азеринформ объявил решительный протест руководящим органам Армянской ССР в связи с фактами агрессивного нападения на селения Баганис Айрым, Пирили и Чайлы Казахского района. В этих населенных пунктах были [44 - 45] разрушены и сожжены дома мирных жителей, угнан скот. Есть убитые и раненые, в том числе дети и женщины.

Таким вот образом армяне поздравили первого Президента. Поэтому они возвращаются? А чему заранее радовался А. Везиров - страшной трагедии последних полутора лет, фашистским преступлениям? И с какой целью загодя поздравлял молящего о внимании почтового начальника в Ньюеди?

А как отнесутся к этому нашествию, к этому зверству, к этому геноциду народные депутаты в Москве? Как на сей раз ухитрятся покрыть, замазать преступления?

В какой еще стране, против какого народа в конце XX века началась и ведется такая необъявленная война?

Под покровом сугубой секретности черные силы объединились и осуществляют такие страшные преступления, что никакая бдительность не поможет.

Кто бы, например, мог подумать, что одновременно с трагедией 20 января будет организовано временное выселение из Баку части русскоязычного населения, в основном семей военнослужащих, которые, затем в центральной печати, по общесоюзному телевидению будут представлены как беженцы?

А. А. Везиров? Когда он вывез свою семью из Баку? Не сам ли заявил с телеэкрана, что, мол, несколько уже дней на военном самолете вечером вылетаю в Москву, а наутро возвращаюсь? По каким делам он летал? И каждую ночь? Что, телефоны, напрямую связывающие его с Москвой, враз отключились? А когда в последний раз уехал он? За сколько дней, за сколько часов до трагедии? И опять "по делу"?

И вообще - каким образом он ухитрился убежать? Одни говорят, что к трапу военного самолета подъехал он на танке, другие утверждают, что, дабы не быть узнанным, бежал в "Запорожье"... На самом ли деле так было?

Как бы ни случилось, это - подлость, удар, нанесенный в спину народу.

Это - не что иное, как трусость.

И что, давайте признаемся, легче: все эти "опасные игры" или прошение об отставке, поданное за день до 20 января?

Зачитанное по телевидению за пять часов до нее?

Неужели даже на самом пороге той страшной трагедии не оказалось у него хоть малой толики мужества, порядочности, честности совести, чтобы отойти от сценария?

Вы спрашиваете, что дала бы отставка? Народ заметно успокоился [45-46] бы в ожидании нового первого секретаря, его кабинета, программы. И не было бы нужды даже в комендантском часе, не говоря уж о чрезвычайном положении.

Сразу после кровавых событий 20 января, когда еще не были преданы земле шехиды, коммунисты аппарата ЦК провели собрание, на котором А. Везиров был исключен из рядов КПСС. Об этом сообщило и Центральное телевидение, причем с небольшим добавлением о том, что, мол, этот вопрос будет рассмотрен в вышестоящих инстанциях.

То есть где? А. Везиров не является членом ЦК КПСС, чтоб вопрос о нем был вынесен на Пленум. Тогда очевидно, что, говоря о вышестоящих организациях, имелся в виду комитет партии района имени 26 бакинских комиссаров, на территории которого дислоцируется ЦК. Еще точнее: бюро райкома партии должно рассмотреть решение первичной парторганизации и утвердить или отвергнуть его. Прошло достаточно времени, а партийный комитет района молчит.

А может, ждет, что скажут наверху? А почему молчат там, наверху? Может, то собрание не предусматривалось сценарием и потому до сих пор не знают, что и предпринять?

...Такие вот поворотные, непредсказуемые дни переживаем, братья и сестры, сыновья и дочери, отцы и матери, такие страшные трагедии. И если есть сила, которая сможет нас спасти, это - единство.

Только объединившись, "мы остановим черные силы, тяжелым кулаком опустимся на голову врага.

Ни откуда, ни от кого не должны ждать мы помощи. Мы же не слепые, не видим разве, что в огромной стране остались в одиночестве?! Не видим, что ли, как на самых высоких собраниях черное выдается за белое, а белое - за желтое.

Не видим разве, что "армянская болезнь" охватила все государство?

Старый сценарий дописывается новыми страницами.

Пульт, с которого управляются все пережитые нами трагедии, совершаются все преступления, един. И все исполнители пляшут согласно соответствующим сигналам, поступающим с этого пульта - кто-то предпочитает быстрый, ритмический танец, кто-то - медленный, плавный...

Давайте все мы станем опорой друг для друга.

Будем бдительны.

Будем осмотрительны.

И пусть судьба будет милостива к нам.

ИДАЯТ

24 марта 1990 г

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВАРДГЕСУ ПЕТРОСЯНУ

...Мне и во сне бы не могло присниться, что вскоре после опубликования журнального варианта заметок - воспоминаний "Здесь промчались тысячи всадников" я стану раскаиваться относительно строк и страниц, связанных с Вами. Мне всегда казалось, что мутный поток национализма, захлестнувший Армению уже с середины шестидесятых годов, к Вам не имеет никакого отношения, что Вы, напротив, ему противостоите независимой позицией и правдивым словом. Потому-то я выделял Вас среди армянских интеллигентов, потому-то все - и в Вашей республике, и в Азербайджане - знали, что мы друзья...

К сожалению, так называемых "национальных героев" в Армении было не в пример больше, Вы их за собой повести не смогли, более того... сами поплелись вслед за ними. Я окончательно уверился в этом 18 июля 1988 года, когда на заседании Президиума Верховного Совета СССР рассматривался вопрос Нагорного Карабаха и когда Вы во всеуслышание потребовали расценить неизвестно кем спровоцированные сумгаитские события как "геноцид". До сих пор помню, как М. Горбачев оборвал Вас и выразил объективное отношение к этим беспочвенным обвинениям. Много лет я радовался Вашим удачам, переживал Ваши поражения. И, наверное, в первый раз я обрадовался Вашему поражению!

Услышав эти Ваши слова на сессии, ничуть не уступающие преступным "тезисам" армянских националистов, я готов был от стыда сквозь землю провалиться. Мне так и виделись укоризненные взгляды друзей и знакомых, так и слышались их упреки: "И это твой друг!"

Конечно, к долгожданному почетному титулу "героя нации" Вы пришли не сразу: до этого был роман "Пустые стулья на дне [47 - 48] рождения", которому устроили публичное аутодафе. Как ярко пылал костер из сотен Ваших книг, бросаемых в огонь студентами университета! Оказавшись в "безвыходном" положении, Вы основательно "поработали" над русским вариантом, убрав, в частности, страницы, где относительно объективно оценивались события 1915-го года. Но и это не помогло. С. Капутикян, В. Давтян, З. Балаян, Р. Оганесян, К. Симонян и прочие националисты, плодившиеся в Армении как грибы после дождя, все же заставили Вас "подать в отставку" с должности Председателя Правления Союза писателей. Наверное, это не все методы воздействия, к которым прибегли, дабы "усмирить" Вас? Наверное, Вам было нелегко.

Но, как бы там ни было, Вы не имели права отступать, сворачивать со своего пути. Поверьте, не столько Азербайджану, сколько самой Армении нужен тот Вардгес Петросян, каким-он был пять-десять лет назад! Нужен как вода и воздух!

Когда я услышал о Вашей отставке, до карабахских событий оставалось совсем немного. Помнится, я написал Вам сочувственное письмо, Где были следующие строки: "ни одна антиармянская партия (если бы таковая имелась) не могла нанести более сокрушительного удара по армянской литературе, армянской культуре, армянскому народу, чем нанесла группа армянских писателей..."

Может, из страха перед этим предательством вы пошли вслед за ними, настигли их, а теперь норовите "обогнать"?!

Вам отчего-то не нравятся справедливые слова, напечатанные в бакинской многотиражке, и Вы вспоминаете о них на самых "высоких" приемах, в самой разной аудитории. А вот бурный поток клеветы, лжи и фальсификации, изливающийся на голову азербайджанского народа со страниц "Гракан терт" ("Литературная газета"), членом редколлегии, которой Вы являетесь, со страниц "Коммуниста", читаемого во всех уголках" страны и даже за рубежом, а также со страниц многих, других периодических изданий Армении, Вы отчего-то не замечаете. Молчите...

Но как же быть тогда с невинно пролитой кровью, с армией беженцев - этими голыми, голодными, бездомными людьми, похожими на отверженных, с погасшими навсегда очагами, с малютками - сиротами?! Неужели и это не устыдит Вас, не приведет в трепет? Или Вы не знаете, какой она бывает - дашнакцутюнская реакция? Не осведомлены о зверствах, варварстве, которые в начале века учинили в Закавказье орды хищников? [48 - 49]

Армянские интеллигенты, партийные и государственные деятели, не смущаясь, гордятся столь "славной" партией, поют дифирамбы в ее честь. Еще бы: ведь со дня своего основания она стала непримиримым врагом азербайджанского народа, тюркоязычных наций, всего исламского мира! К тому же, она "загорелась" страстью возрождения из небытия "великой Армении" - за счет наших древних исконных земель. То, что сотворили дашнаки в 1918 году с моим родным краем, древней азербайджанской землей Мегри, которая до Гюлистанского договора более чем с Баку и Гянджой, была близка с Тебризом и Нахичеванью, - характерно и для Зангезура, Ведибасара - Зенгибасара, Гейчи, других азербайджанских уездов. Начальник Зангезурского уезда в рапорте от 26 ноября 1918 года писал: "...Покончив с мусульманами громадного Сисианского Магала, армяне продолжают уничтожать мусульманские селения других участков.

Армянские отряды Мегринского ущелья разгромили селения мусульман: Легаз - 70 дым., Тей - 75 дым., Мулк - 30 дым., Гюль - 10 дым., Бановша-Пуш - 5 дым., Тагамир - 25 дым., Вартанизор 1-100 дым (исконное название Лек, дашнаки уже в те времена были великими специалистами по переименованию азербайджанских топонимов), Вартанизор 11-60 дым. (древние и современное название - Маралземи, мое родное село) и вырезали из жителей 200 душ. По новым сведениям, армяне напали на сел. Алиянлу. Там идет бой..." (см. Известия АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права, № 4, 1989, с. 87).

Моя мать, четырнадцатилетний подросток в большой многодетной семье, вместе с младшими сестренками и братишками снежной зимой 1918 года по суровым горным перевалам добралась до Зангелана. Там они прожили несколько лет... там же потеряли отца... Семья, некогда известная во всем Зангезуре, вернулась в Маралземи почти нищей. Мать часто делилась со мной этими воспоминаниями, и их горький вкус до сих пор у меня на устах: "Стоит Советской власти хоть чуть-чуть приспустить флаги, как армянский кулак повисает над нашими головами". В истинности этих слов мне пришлось окончательно убедиться в 1988 году, когда мою старую, больную мать, в возрасте 84 лет, под страхом смерти изгнали из, отчего края, из села, где жили ее деды и прадеды. О господи, даже злейшему врагу не пожелаю пережить эдакое - быть дважды изгнанным из родного очага!

Вы любите частенько повторять слова великого Самеда Вургуня: "Мы живем друг в друге". Мудрые слова, так ведь и было на [49 - 50] протяжении веков. А как стало после? Когда дашнакская психология, "вероисповедание" проникли в Вашу плоть и кровь? Сколько азербайджанцев сегодня осталось в Армянской ССР?

Как Вы думаете, зверства 1905-го, 1918-1920-го, 1987-1988-го годов имели между собой какую-нибудь связь? Чтобы облегчить Вам ответ, я позволю небольшой исторический экскурс. В начале 60-х годов дашнакцутюнская партия (в который уже раз в этом столетии!) развила в Армении бурную деятельность. Если мы обратим внимание на вышеприведенные цифры, учитывая при этом уровень рождаемости среди азербайджанцев, то мы убедимся, что не будь после 1918 года нескольких кампаний геноцида, в настоящее время численность азербайджанского населения в Армении значительно превышала бы число самих армян. В 1918 году, судя по историческим источникам, в армянской буржуазной республике проживало 1 миллион 510 тысяч человек. Из них 795 тысяч армян, 575 тысяч мусульман (азербайджанцев), 140 тысяч представители других национальностей. Дашнаки обратили вожделенные взоры на Турцию... не прочь были отхватить в свою пользу Борчалы, Карабах, Нахичевань, Ахалкалаки: в декабре того же года они воевали с Грузией, а на территориях, где искони проживали азербайджанцы, кровь текла рекой. Именно в период дашнакской власти в районах, которые армяне считали "спорными", численность азербайджанцев сократилась от 10 до 30 процентов. Вся эта трагедия происходила во время английской оккупации Закавказья...

Все же мудрым человеком был Ленин, он писал, дав точную характеристику кровавой агрессии дашнаков: "...Стремясь настроить Турцию против Советской России и сорвать переговоры об установлении дружественных отношений, руководители Антанты инспирировали нападение Дашнакской Армении на Турцию. Дашнаки занимали агрессивную позицию по отношению к Турции, мечтая о создании "Великой Армении" с включением в ее состав почти половины Малой Азии" (Полное собрание сочинений, том 54, с. 716). Вот вам и истинное лицо армянских агрессоров, "мастеров" геноцида. Ведь не ради красного словца назвал Г. Чичерин одноухого Андраника "агентом Антанты"! Резня и кровавые погромы 1905, 1918-1920 годов были не первым этапом в обширной программе геноцида, разработанной партией "Дашнакцутюн": физические репрессии мусульманского населения восходят к временам основания партии. (Да и сами реакционные партии ведь не возникают вдруг, сами по себе - для их [50 - 51] зарождения необходима "питательная почва"). Достаточно отметить, что, присоединившись к России, Эриванское ханство на 73,8 процента состояло из азербайджанцев. Да и в остальные 24.2 процента, кроме армян, входили курды, ассирийцы и прочие народности. Впоследствии на этих территориях, именуемых "армянской областью", число азербайджанцев постепенно уменьшалось, а к концу прошлого века достигло 50 процентов.

Для сведения добавим, что в первые годы Советской власти (в 1922 году) в Азербайджанской ССР проживало 240 тысяч армян (мы потому сравниваем с началом двадцатых годов, что значительная часть нынешней территории Армянской ССР - Зангезур, Гейча, склоны горы Агры и др. - это древние земли Азербайджана, и до образования СССР эта истина не подвергалась сомнению). 240 тысяч армян, живя в довольстве и достатке, устроившись в "теплых" местечках и занимая "доходные" должности, к 1979 году исчислялись уже цифрой 487 тысяч, тогда как по переписи того же года число армянских азербайджанцев уменьшилось до 165 тысяч. Итак, подведем итоги. За годы Советской власти 575 тысяч "превратились" в 165 тысяч, а 240 тысяч "выросло" до 487 тысяч. Вот она, правда, вот самый верный показатель отношения к армянам в Азербайджане и к азербайджанцам в Армении!

Этот исторический экскурс я предпринял для того, чтобы высветить глубокие корни новой кампании нравственных репрессий, начатой в шестидесятые годы. В 1948-1951 годах была осуществлена акция принудительного переселения азербайджанцев, затем последовал 9-10-летний период внешнего спокойствия (подчеркиваю: внешнего!), после чего начались откровенные нравственные репрессии. Причем, репрессии эти велись по самым разным направлениям, всесторонне и продуманно. Всем памятно, как в апреле 1965 года, отмечая 50-летие ими же самими придуманного геноцида, армяне собрались на Театральной площади, потрясая ее криками: "Карабах", "Нахичевань", "Карс"... На виду у всех "дирижировали" В. Амбарцумян, О. Шираз, С. Капутикян, О. Бадалян, а "главный дирижер" прятался в своем кабинете - я имею в виду О. Багдасаряна, занимавшего тогда "кресло" второго секретаря ЦК КП Армении. Через год после этих событий и первого секретаря ЦК С. Заробяна, и второго секретаря Багдасаряна сняли с постов, при этом последнего назначили министром культуры(!). Однако пост министра культуры показался махровому националисту слишком мелким. Того же мнения, видимо, придерживался новый первый секретарь ЦК А. Кочинян, потому что вскоре Багдасаряна [51 - 52] "избрали" первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета республики.

Азербайджанские интеллигенты, проживающие в Армении, хорошо знают этого кровавого типа. Осведомлены и о той беспрецедентной акции, с которой он начал свою "славную" деятельность а

именно с переименования древних азербайджанских топонимов, с "обармянивания" названий азербайджанских деревень, областей, районов, рек...

...О. Багдасарян из поколения дашнаков двадцатых годов. В начале шестидесятых годов, в период абсурдного волонтаризма Н. Хрущева, махровый национализм подобный горе - патриотов расцвел пышным цветом, а их враждебность к тюркоязычным народам выявилась в полной мере. Были и другие (правда, таких было совсем немного), которые сначала пытались одергивать, критиковать багдасарянов, а потом, с годами, замолкали, менялись, становились неузнаваемыми. Они как будто задачу перед собой ставили: догнать и перегнать багдасарянов, "переплюнуть" их в патриотизме, национализме... Вот и Вы теперь в их числе...

Мне сейчас вспомнился один из Ваших друзей, чья "изнанка" была мне давно знакома. Когда рассматривался вопрос о моем переезде в Баку, секретарь ЦК, поговорив с кем-то по телефону, посмотрел на меня и сказал: "Карен Серопович тоже весьма сожалеет..."

Я в душе горько усмехнулся, не поверив в искренность сожаления Карена Сероповича. Наверное, и секретарь понял это по моему лицу, тем более что я никогда не умел прятать свои чувства. Так и не научился этому искусству у своих армянских коллег.

Этот самый Карен Серопович придерживался яркой антиазербайджанской политики, и каждый день делал новый шаг в том же направлении. Избавившись от азербайджанцев в партийных и советских органах, он перешел на органы административные, хозяйственные и т. д. Так например, когда первым секретарем Басаркечарского районного комитета партии избрали армянина, прокурор Ахмед Мамедов должен был уйти в отставку, чтобы освободить свое место для армянина. Единственного азербайджанца - члена Верховного Суда республики Гасана Сафарова - тоже должен был сменить армянин. Гасан Сафаров не выдержал несправедливых гонений Демирчяна, его сердце перестало биться в молодые годы. Я привел всего лишь два факта, а их было множество. [52 - 53]

Интересно", почему сожалел Карен Серопович? Может, потому, что не успел нравственно и физически уничтожить таких, как я и мои товарищи? Бывая у него на приемах, встречаясь с ним, я не раз ставил вопрос о серьезных проблемах азербайджанской культуры, искусства, литературы, просвещения, назревших в республике. Он не придавал моим словам значения - может, поэтому? Или он сожалел по поводу огромного, в 16-17 страниц, решения бюро ЦК КП Армении, где говорилось о необходимости пресечь "распространение исламской религии"? (Сколько мечетей, сколько верующих мусульман оставалось тогда в Армении, что понадобилось вдруг такое огромное решение? И почему тогда религиозный Эчмиадзин превращали в мировой центр культуры армян?)

Я несколько раз ходил к нему в роли просителя по поводу здания нашего театра для сведения отмечу, что я шестнадцать лет проработал директором Ереванского государственного азербайджанского театра имени Дж. Джабарлы - ничего не вышло.

...К. Демирчян шел дорогой своих духовных "отцов" - Товмасына, Заробяна и Кочияна, отличаясь от них еще большей последовательностью и целеустремленностью в проведении антиазербайджанской политики. Каждый раз, когда снимали его предшественников, им в вину вменялась слабость идеологической работы, интернационального воспитания, в особенности, попустительство в распространении дашнакских идей. Демирчян довел их дело до логического конца, а националистические идеи реакционной партии "Дашнакцутюн" мутным селом устремились в массовое сознание жителей республики...

Вскоре после своего переезда в Баку, я прочитал в газетах Постановление ЦК КПСС об идеологической работе и положении с интернациональным воспитанием в Армянской ССР. В Постановлении подчеркивалось, что национализм пустил в республике глубокие корни, что руководство Армянской ССР занимает ошибочную, одностороннюю позицию... В душе затеплилась слабая надежда: быть может, это постановление несколько охладит пыл Демирчяна, успокоит националистические страсти. Какое там!

Нынешняя же "перестройка" явилась для Вас самым лучшим поводом для того, чтобы окончательно очистить свою республику от азербайджанцев, уничтожить все памятники культуры, древние топонимы, сравнять с землей наши кладбища, где покоится прах отцов и матерей... [53 - 54]

Но Вам и этого мало. Знаете ли Вы, где находятся сейчас восемнадцать тысяч мусульманских курдов, до последних месяцев проживающих в Армении? Знаете ли Вы, что они также нашли прибежище в Азербайджане? В Москве, вероятно, думали, что "покончив с мусульманами", Вы успокоитесь. Они ошиблись.

Сегодня из Вашей республики бегут курды - езиды, бегут, куда глаза глядят - лишь бы подальше от вас. Началось "переселение" русских. Я противник подобной "перестройки", о которой орут благим матом на площадях Еревана и Степанакерта. Я противник "демократии", пролившей человеческую кровь в Масисе и Гугарке... Я противник "гласности", свет которой не в силах разоблачить черные руки,

жадно протянувшиеся к Азербайджану, черные деяния, спровоцировавшие преступления в Сумгаите и Нагорном Карабахе, черные идеи рожденные во чреве отвратительной старухи -дашнакской партии.

Куда идет этот народ, балансируя на краю бездонной пропасти? Вы - один из "героев нации", так ответьте мне!

Односторонняя позиция руководства республики, их молчаливое попустительство, стремление союзных средств массовой информации "объективно" распределить меру вины на обе республики - все это вас лишь раззадоривает, распаляет. Уже в заоблачных далях ищите вы себе сторонников и защитников - Рейган, Буш, Тэтчер... Поистине верно говорили отцы: "Вор так завопил, что честный испугался". И вот уже "вор" ищет политического убежища в американском сенате... Что дальше?

Знаете, мне Вас даже немного жаль: ошибочная политика руководства страны, ложь и клевета союзной прессы, все эти рейганы, буши, тэтчеры канут в лету, а народ жил, живет и будет жить вечно! Он-то уж наверняка выявит истинного вора и накажет (хотя бы даже посмертным презрением и забвением) преступников, которые привели его к неслыханной трагедии.

И последнее.

Я вспомнил Ваши слова: "Соседство народов - это не квартирное соседство, чтобы в случае чего обменять жилплощадь". А теперь сами ответьте по совести - кому из нас следует оставить родной очаг, на какой континент обменять свои квартиры? Впрочем, Ваши соотечественники, под видом беженцев тысячами бегущие за океан, - этот вопрос для себя давно решили. Пора бы и Вам над этим задуматься.

[54 - 55]

ИДАЯТ

ОСТОРОЖНО, НАЦИЗМ!

Народным депутатам Верховного Совета СССР,
компетентным органам власти СССР, всем гуманным народам мира.

ОБРАЩЕНИЕ

Народных депутатов, избранных в поселковые, сельские, городские и республиканские Советы Армянской ССР и их избирателей - азербайджанцев, зверски изгнанных из своих родных очагов армянскими экстремистами в феврале-декабре 1988 года, и об их бедствиях

Мы, азербайджанцы - народные депутаты, и свыше двухсот тысяч наших избирателей, изгнанных в феврале-декабре из Армянской ССР, оказались жертвами агрессии. ЦК КП Армении, армянское правительство, нацистские комитеты "Крунк" и "Карабах", влиятельные лица Эчмиадзинской церкви во и вне Советского Союза, идейные главари армянского экстремизма, сеющие национальную рознь и ненависть, такие как В. Амбарцумян, З. Балаян, С. Капутикян, С. Ханзаян, черносотенные союзы, при явном попустительстве их московских покровителей, дали ход кровавым злодеяниям.

Азербайджанцы, живущие в Армении, были молниеносно изгнаны из родных мест по планам, давно и тщательно подготовленным указанными черными силами. Для исполнения своих зловещих планов они создавали многочисленные банды боевиков, которые нападали на азербайджанские села для немедленного изгнания азербайджанцев. В этих акциях активное участие принимали работники партийных и правоохранительных органов, угрожавших азербайджанцам, что при сопротивлении правоохранительные органы Армении не обеспечат их безопасность. На самом же деле планы армянских шовинистов состояли в очистке армянской республики от других наций, в первую очередь от азербайджанцев, и торжественно 10 декабря 1988 года они хотели объявить Армению "республикой без турков". Страшная трагедия - землетрясение 7 декабря - помешала проведению зловещего праздника.

Тактика действий армянских экстремистов состояла в следующем:

1. Посеять страх и панику среди азербайджанского населения и таким образом добиться их бегства из Армянской ССР.

2. На первых порах применять методы экономического [55 - 56] давления. Для этого хлеб и другие продукты питания, предметы первой необходимости поставляли крайне ограниченно, а азербайджанцев, приезжавших в города и райцентры за такими продуктами, оскорбляли, избивали и грабили.

3. Осквернять и разрушать азербайджанские кладбища, исторические памятники, совершать бандитские нападения на свадьбы и др. обряды азербайджанцев. Особенно массовый характер хулиганских выходок имел место в районах Масис, Варденис (где более 80 процентов населения - азербайджанцы), Иджевань, Арарат и др.

4. Даже в районах компактного проживания азербайджанцев, последних не допускали на руководящие работы по специальности, несмотря на то, что они составляли большинство. В последнее время в азербайджанские села направляли армянских руководителей и специалистов, в то время как азербайджанцы были вынуждены покидать родные очаги в поисках работы по всему Союзу.

5. Если какой-нибудь азербайджанец формировался как опытный и знающий специалист, его начинали удалять от руководящей работы под любым предлогом, не гнушаясь клеветой, полной инсинуациями, ставя на его место некомпетентных лиц. Так, бывший первый секретарь Амасийского райкома партии Ильдрым Багиров, окончивший академию общественных наук, был отстранен от работы на основании тщательно продуманной грязной клеветы.

6. Несмотря на ведущую роль азербайджанцев в сельскохозяйственном производстве и на то, что в республике имелись сотни высококвалифицированных кадров - азербайджанцев в области сельского хозяйства, не было ни одного азербайджанца в Госагропромкомитете республики.

7. В местах проживания азербайджанцев были запрещены бакинские передачи по системе радиовещания.

После того как Политбюро ЦК КПСС, обсудив работу ЦК КП Армении, осудило пропаганду антисоветской идеологии и разжигание националистической розни армянскими средствами массовой информации, в художественной литературе и кинематографии и потребовало усиления борьбы против всего этого, наоборот, были усилены пропаганда антиазербайджанской вражды и подогревание националистических настроений.

Издание опуса. "Очаг" махрового национал - шовиниста Зория [56 - 57] Балаяна и другая подобная литература еще больше усилили межнациональную ненависть в регионе.

Азербайджанский язык в Армении постоянно преследовался, и писавшие на этом языке подвергались унижениям и оскорблениям.

Последствия такой политики многие, к сожалению, воспринимают с точки зрения армянских крикунов, не имеющей ничего общего с объективной исторической правдой. Эти крикуны и их слепые защитники кричат на весь мир, что армянский народ - "многострадальный", что они всегда подвергались нападениям и истреблялись, что их земли, якобы, простирались от моря до моря, что эти земли "захвачены" тюрками, азербайджанцами.

Что ж... Давайте обратимся к истории настоящей, а не той, которая выдумана армянскими шовинистами и их "доброжелателями".

В свое время царская Россия захватила Северный Азербайджан, Закавказье и причерноморские территории Турции. Царизм нуждался в огромной массе нерусских переселенцев для своего укрепления в Польше, Сибири и Туркестане. Армянское же купечество и клерикал-интеллигенция, нажившие огромные богатства в Иране и Турции, исподтишка продававшие интересы этих государств, да и своего народа, тоже чувствуя близкое возмездие, обратили свои взоры на продажную царскую бюрократию.

Ценою огромных сумм они подкупили царских генералов наместников и добились переселения огромных армянских масс в Азербайджан и Закавказье. Об этом свидетельствуют хорошо всем известные исторические документы: письмо посла А. С. Грибоедова от 1828 г. за № 338 о переселении армян из Ирана в Карабах, рапорт Н. П. Панкратова И. Ф. Паскевичу от 10 января 1829 г., сочинения Величко, Чавчавадзе, сочинения армянских историков до 1950 г. и др.

Коварно пользуясь гуманизмом, простодушием и гостеприимством азербайджанского народа, армяне еще с конца XVIII века проводили двурушническую политику в отношении народа, давшего им приют. В начале XX века бежавших из Турции армян (они себя называли кахдаханам) начали поселять в районе нынешней Армянской ССР, подавляющее большинство населения которой тогда составляли азербайджанцы: Горис, Зангезур, Кафан, Шираз, Карабаглылар (ныне Арарат), Даралагиз [57 - 58] (Захгхадзер), Умудханлы (Масис), Гамарал, (Эчмиадзин), Кумру (Ленинакан), Гара Килса (Кировакан), Джальлоглу (Степанаван), Ахта (Раздан), Кавар (Камо), Гезалдере (Мартуни) Басаркечар (Варденис), Чамаркан (Красное село), Шамшаддин (Берд), Карвансара (Иджеван), Хамам (Спитак) и др. Коренное население - азербайджанцы гостеприимно приютили армян - кахдаханов и разместили их на своих родных землях, имело место массовое кумование с ними. В "благодарность" за это в 1903 и 1905 гг. эти "кумы" по подстрекательству дашнаков организовали массовое истребление азербайджанцев, сожгли их дома и изгнали из родных очагов.

Таким образом, в начале века половина (более чем миллионного азербайджанского населения) нынешней Армении была частью истреблена, а часть навсегда потеряла Родину.

Армянским национал - крикунам, их внешним и внутренним защитникам нелишне было бы полистать хотя бы большую Советскую энциклопедию 1926 г. в редакции Бухарина.

В сентябре 1920 г. армянское дашнакское правительство, заполучив оружие от англичан, приступило к массовому уничтожению мусульманского населения Карской и Ереванской губерний. Были сожжены и превращены в пепелища районы Шурагель, Шарур-Даралгиз. Каракурд, Сарыкамьш. Основной его целью было, затребовав передачу им Нахичевани и Карабаха, создать себе надежную почву (см. т. 3, стр. 438).

Такое соседство за последние 180 лет превратилось в настоящее национальное бедствие для азербайджанского народа. Злобу возмездия за преступления, совершенные армянскими продажными клерикал-националистами в Турции, нынешние главари дашнако - шовинистических банд целиком направили против азербайджанского народа.

Армянские, лидеры приступили к политике выживания азербайджанцев из районов, где они составляли большинство населения. С этой целью они воспользовались предлогом переселения армян из других стран. Этим сторонникам лозунга "нехватка земель" стоит напомнить гитлеровский лозунг о жизненном пространстве для немецкой нации. Для своих заграничных братьев "репатриантов" они организовали изгнание 136 тысяч азербайджанцев из родных земель в 1947-1952 гг. Жители гор - азербайджанцы не выносили климата равнинных земель Азербайджана, куда их переселили, массово погибали от [58 - 59] малярии и других болезней. Изгнание продолжалось и в последующие годы. При этом вековые азербайджанские названия сел и городов Армении беззастенчиво арменизируются (см. территориально-административное деление Армении Май, 1971 г.), исторические азербайджанские памятники в Армении варварски уничтожаются.

Последнее изгнание из Армянской ССР можно рассматривать как настоящий геноцид двухсоттысячного азербайджанского населения. Этот геноцид - долго и тщательно подготавливающийся варварский акт - применялся под нацистским злобным лозунгом мести туркам против целого народа -

народа, приютившего их на своей родной земле в трудные для армян времена, на земле, где покоится прах предков азербайджанцев, незащитных, оставшихся на "милость" организованных банд "бородачей" и их покровителей. В те дни армянские банды хладнокровно и безнаказанно терзали невинных стариков, женщин, детей, за несколько дней было убито свыше 80 человек.

Армянские экстремисты должны ответить перед судом человечности: какую опасность представляли, что страшного совершили безвинные Баладжаевы Мехралиевы, Мамедовы и другие семьи, над которыми совершили кровавую расправу? Что криминального мог совершить против армянского народа родившийся в 1986 г. Мамедов Эльвин Бахрам оглы, родившийся в 1988 г. Мамедов Эльчин Бахрам оглы, родившийся в 1977 г. Баладжаев Шахин Саяд оглы и другие малыши и дети? Какое преступление совершили перед армянским народом десятки тысяч семей, невинно гонимых в морозный и снежный день? В чем вина вынужденных спасаться бегством и замерзших на Шахдагском перевале женщины - беженки с новорожденной крошкой.

Пусть ответят: в какие страницы человеческой истории должны быть вписаны поджоги домов и других построек, вырубка фруктовых деревьев, посаженных трудолюбивыми азербайджанцами, проживающими на территории Армянской ССР, разграбленное их имущество стоимостью в 3 миллиарда рублей?

На все эти вопросы должны ответить уполномоченные (облеченные) властью высшие органы СССР. Ибо выполнение этой миссии поручено им соответствующим пунктом Конституции СССР. Ответить, почему в период подготовки в Армении этой кровавой расправы над азербайджанцами многократные, настойчивые обращения представителей азербайджанцев в высшие органы были встречены маской равнодушия "Почему судьба азербайджанской [59 - 60] нации была отдана на расправу гибельного армянского националистического угара? Ведь еще в мае-июне 1988 г. Депутат Верховного Совета Армянской ССР Хураман Акперова, азербайджанский писатель Фарман Керимзаде (ныне покойный) и другие народные представители, приехав в Москву, заявили о критическом положении азербайджанцев в Армении, об ожидавшей их опасности, попросили помощи у союзных властей.

Из Варденисского района Армении в разное время обращались к органам власти 5 делегаций азербайджанцев. В ноябре 1988 г. обращался житель села Агкилсе, ветеран и инвалид войны, член КПСС Велиев Фаррух Теймур оглы вместе с 28 своими земляками к авторитетным органам, в том числе к заместителю председателя Верховного Совета СССР.

Десятки делегаций азербайджанцев из разных районов Армении, тысячи отдельных граждан обращались в высшие органы власти, к руководителям партии и правительства, с тревогой сообщая о готовящейся против них агрессии, с просьбой о предотвращении ее. Все эти сигналы оставались без ответа, и какой бы то ни было реакции. Причину такого отношения к нам мы видим в тенденциозно избирательной политике союзных властей к азербайджанцам, в антиазербайджанской деятельности окопавшихся в Москве Шахназарянов, Аганбеянов и других армянских лобби, "оккупировавших" столицу. Мы требуем расследования вопроса, почему изгнание азербайджанцев было проведено организованно? В нем участвовали, к сожалению, очень многие, начиная с руководителей партийно-правительственных учреждений. Вначале руководители, приехав в районы и села, предупреждали азербайджанское население об отъезде, мол, в противном случае не гарантируем вашу безопасность. После них появились представители административных органов, которые насильственно выгоняли азербайджанцев из сел, а на дорогах экстремистские силы, вооруженные автоматами, грабили, совершали разбойные нападения, убивали и сжигали людей. Нередко украшения женщин вырывали "с мясом": снимали кольца с пальцем, серьги - с ухом. Собственные автомобили, на которых уезжали семьи, отбирались, хозяина избивали либо убивали. Эти беззакония совершались с особой, невиданной жестокостью и цинизмом в Арагатском, Масисском, Еганиадзорском, Гугаркском, Варденисском и других районах Армении. В настоящее время десятки машин азербайджанцев в раскулаченном виде находятся в органах армянской милиции. [60 - 61]

Дела, начатые по заявлениям граждан, подвергающихся тяжким расправам в Армении, расследуются тенденциозно и медленно. Не завершив следствие, начатое Генеральным прокурором СССР, передают дела в республиканские органы, а армянские органы тут же прекращают расследование ввиду отсутствия виновников и состава преступления(?).

Мы просили народных депутатов СССР потребовать ответа на наши вопросы. В связи с событием в Сумгаите хотели бы выяснить еще один вопрос, почему в Сумгаите некий Григорян убил 5 армян? Как удалось армянским националистам заснять события Сумгаита на видеоленту, сфальсифицировать их, и в искаженном виде, показывая армянам, добиться последующего уничтожения десятков азербайджанцев и изгнания сотен тысяч!

Независимо от национальной принадлежности мы сочувствуем горю всех пострадавших от землетрясения. Страшная стихия унесла жизни десятков тысяч безвинных людей. Но никак не можем оправдать первого секретаря райкома партии Спитакского района, народного депутата СССР Мурадяна,

потребовавшего ночью выгнать азербайджанцев из села Гурсалы, не оказавшего никакой помощи пострадавшим от землетрясения азербайджанским семьям с 7 по 16 декабря. После 10-дневного голодания и мучений азербайджанцы этого села были спасены и на вертолете переправлены в город Казах первым заместителем председателя Совета Министров Азербайджанской ССР тов. Асановым.

Мы осуждаем армянскую интеллигенцию, не выразившую даже соболезнования 64 семьям погибшего экипажа из Азербайджана, спешившего на помощь армянскому народу, интеллигенцию, которая без стыда и совести вымалывает у народов мира помощи и сочувствия с протянутой рукой, которая во всем мире афиширует себя как гуманистов, но без тени смущения устраивает торг полученными безвозмездно товарами, даже пытается торговать донорской кровью через кооператив, народных депутатов СССР Амбарцумяна, Балаяна, Игитяна и др.

Будет ли кто интересоваться судьбой 13 депутатов Верховного Совета Армянской ССР, 1 депутата Верховного Совета СССР, многочисленных районных, поселковых, городских Советов, имеющих статус неприкосновенности, но выброшенных из домов вместе со своими избирателями? Сомневаемся, - что центр назовет нам организаторов крестового похода против азербайджанцев. [61 - 62] Союзные власти, видимо, предвидели и... придерживались политики невмешательства в эти дела. А военный комендант Армении Самсонов, советский генерал, даже принимал участие в изгнании. Иначе почему установление комендантского часа умышленно задерживалось в районах компактного проживания азербайджанцев и было осуществлено лишь после их насильственного изгнания?

Не это ли создало условия для жестокого убийства 33 азербайджанцев в Гугарке, Спитаке, Степанаване с 27 по 29 ноября?

После полного изгнания азербайджанцев с армянской территории республиканское правительство приняло указ о приостановлении бегства (это было принято только тогда, когда армяне начали покидать Азербайджан). Этот указ, прежде всего, преследовал цель предотвратить отъезд армян из Азербайджана. Военный комендант создал все условия для бакинских армян, чтобы они продали свои дома за желаемую им цену, уехали со всеми своими контейнерами в сопровождении "почетного эскорта" комендантских солдат. То же самое было и в других районах Азербайджана. Но ни продать, ни обменивать свои дома не разрешалось азербайджанцам - беженцам из Армении. Более 100 тысяч ныне остались без дома, без крова над головой. А пустые дома армян в Баку охраняются государством, пока их хозяева ищут максимально - благоприятные условия жизни в лучших городах страны, заранее записавшись в беженцы в Ереване и заблаговременно получив пособие, казалось бы, любимой, но пострадавшей от землетрясения родины.

Армяне, проживающие в Баку, месяцами могут не работать, заявляя при этом самые невероятные причины, "мешающие" их работе, но при этом исправно получать зарплату и даже премиальные. Это можно сказать и об армянах Степанакерта, не признающих республиканскую власть, но исправно требующих вознаграждения за долгие месяцы своих забастовок, пользующихся всеми своими льготами и правами. А азербайджанцы не могут получить свои пенсии, зарплату, стоимость своего имущества, колхозного имущества, и все их запросы тонут в безмолвии. Отправляющиеся в Армению избиваются и выгоняются, в ряде случаев их убивают.

Указ о возвращении беженцев в места проживания, изданный союзными властями и ЦК республики, обращения к народу являются ничем иным как обманом. [62 - 63]

Не странно ли, что азербайджанцы, поверившие государственному указу о возвращении беженцам своей земли, и изъявившие готовность вернуться в свои села Кергулу и Ламбало Ноемберянского района даже после обивания порогов учреждений Москвы не могут вернуться в свои очаги. Союзные власти не могут им обеспечить этого.

Мы, беженцы из Армении, депутаты и наши избиратели, просим обратить взор к нашей трагической судьбе, призываем к борьбе за восстановление наших человеческих прав. Пусть народы мира видят, что бредовые планы создания "великой Армении" при помощи присвоения чужих земель, засеявшие в головах безумцев, заранее обречены на провал и не являются ничем, кроме как пустой фантазией больного воображения. Но это безумие может закончиться большими человеческими жертвами. Земля народа не может быть подарена никому - ни на европейских парламентах, ни в американском сенате, ни во Дворце съездов Кремля.

Азербайджанский народ, с начала XX века четырежды ставший жертвой грязной войны "за Карабах", потерявший свои исконные земли Зангезур, Даралаяз, Ведибасар, Гейча и др. в качестве подарков и уступок кому-то, уже пробудился от летаргического сна и обрел опыт борьбы с организаторами и исполнителями этой нечестной игры.

Сейчас осуждаются негативные факты расправы над жертвами культа личности крымскими татарами, месхетинскими турками, прибалтийскими и другими народами с высоких трибун Съезда народных депутатов. На кого же мы спишем трагедию, разыгравшуюся сегодня? Кого обвиним в этом? Какому, грядущему поколению передадим это наследие?

От имени депутатов - беженцев Верховного Совета Армянской ССР:
Х. А. Акперова, Х. С. Алиева, С. И. Ахмедова, Г. Б. Гасанов, С. Г. Гаджиев, С. Т. Гумбатов,
С. И. Гусейнова, И. Т. Гусейнова, З. Г. Курбанов, А. М. Мамедов, Т. А. Таиров, М. М. Ханалиева, М. Т. Шахбазова.
Обращение подписано 176 депутатами - беженцами, избранными в местные Советы.

Декабрь, 1988 г.

ОТ РЕДАКЦИИ: Наглость депутата Игитяна не имеет границ. И на Втором Съезде народных депутатов СССР он бессовестным [63 - 64] образом повторил клевету в адрес азербайджанского народа, обвинил его "в вандализме", опять потребовал обсуждения "проблемы" НКАО. Пусть прочтет написанное выше этот "дилетантствующий проповедник" и экстремистски настроенный депутат и сделает для себя вывод о том, кто же на поверку является варваром. Пусть прочтет все это человек, в фамилии которого по иронии судьбы заложено тюркское слово "игид-джигит", которое совершенно не соответствует действительному облику этого "бешеного депутата" и рассудит: кто же варвары? Волки, вооружающие всю Армению и поднимающие ее против азербайджанского народа, а с высоких трибун выставяющие себя бедными овечками, или азербайджанцы, требующие уважительного отношения к своим законным правам?

Газета "Азербайджан" от 10 декабря 1989 г.

О БЕЖЕНЦАХ, НО БЕЗ РАЗЛИЧИЯ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Эта болезненная тема нашего общества все больше и больше привлекает к себе внимание центральной печати. И это естественно, ведь число беженцев, или, как стыдливо призывают нас, их называть, вынужденно покинувших места постоянного проживания, достигло в стране 600 тысяч человек. Внимательно читая статьи и корреспонденции на эту тему, никак не могу отделаться от мысли, хотя и напрягаю всю воспитанную в нас объективность и гражданственность, что они явно однобоки.

Самое печальное, что тенденциозность проглядывает в последнее время со страниц почти всех центральных газет.

Возьмите последние номера "Советской культуры" (14 апреля), "Правды" (15 апреля) и "Литературной газеты" (11 апреля). Вряд ли кто из нас помнит, когда в последний раз "СК" печатала положительный материал из Азербайджана. Словно померкли в глазах журналистов этой газеты тысячелетняя культура и искусство азербайджанского народа. Зато в номере от 14 апреля сразу две полосы отведены армянской теме. Одна посвящена известному советскому физическому А. Алиханову. Вторая - "Армен, останься дома" - армянским эмигрантам. Она призывает их не покидать страну в трудное для нее время и не уезжать в Америку. Но почему "СК" не тревожит, что десятки тысяч прекрасных специалистов еврейской национальности тоже покидают страну? Люди разных, порой самых дефицитных профессий, яркие таланты. Это - настоящая "утечка мозгов", но в "СК" об этом ни слова.

Внимание наших читателей привлечен и опубликованный в "Правде" очерк А. Срыпника "Вы только дайте им надежду..." Как и положено, в главной партийной газете, он претендует на объективность. [65 - 66] Но до конца ли сей принцип выдерживается? "За Карабах душа болит, - говорит журналисту один из собеседников, - на работу идешь, об этом думаешь. У многих родные там, а на границе с соседями вообще черт знает, что делается, поди, разберись...". Так в чем же причина в душевной боли уважаемого собеседника? Уж, не в пресловутых ли "мытарствах многострадального коренного населения Арцаха", его "многолетней национальной дискриминации", "социальной и экономической отсталости Нагорного Карабаха"? Но уже давным-давно доказана несостоятельность этих набивших оскомину идеологических штампов, вошедших в оборот с подачи деятелей из "Дашнакцутюна" и подхваченных армянскими экстремистами. И если напряженность здесь сохраняется, то исключительно благодаря усилиям вооруженных боевиков из Армении. А в то, что герой очерка не знает, что "творится на границе с соседями", я верю, так как печать Армении, конечно, не пишет о "героизме" армянских боевиков в приграничных азербайджанских селах. Молчит об этом и центральная печать. К примеру, "Правда" сообщение ТАСС о захвате боевиками в заложники 5 солдат Советской Армии с оружием в руках не опубликовала. И лишь на другой день, когда солдат освободили, все газеты дружно об этом сообщили.

Но вернемся к материалу А. Срыпника. Особых откровений в очерке, увы, нет - знакомые стенания о блокаде, беженцах-армянах из Азербайджана, которым необходимо срочно предоставить соответствующий статус. А как же быть беженцам - азербайджанцам? Об этом "Правда", к сожалению, не вспомнила.

...Со смешанным чувством недоумения встретили наши читатели полосу в "Литературной газете" от 11 апреля под рубрикой "Большой вопрос - беженцы". Вновь выступает на эту тему Лидия Графова. На этот раз с репортажем с пресс-конференции, организованной редакцией "ЛГ" совместно с двумя благотворительными организациями общественным комитетом помощи беженцам и орденом милосердия и социальной защиты имени А. А. Сахарова. Прекрасная инициатива и дважды прекрасно, что существуют такие общества. Автор пишет: "Что такое проблема беженцев? Это 600 тысяч неприкаянных людей в стране и 60 тысяч в Москве /сравните: на 8-миллионную Москву - 60 тысяч, на 2 - миллионный Баку - 100 тысяч,- А. Ш. /, с которыми никто не знает, что делать. К нам пришли турки-месхетинцы и армяне, русские - бакинцы и греки, даже ассирийцы. У каждого из [66 - 67] гонимых свои оттенки беды, но состояние души общее: "Больно! Больно уже нестерпимо..." Но ведь из этих 600 тысяч неприкаянных - одна треть, свыше 200 тысяч, - беженцы азербайджанской национальности! Так почему же "ЛГ" не пригласила на свою пресс-конференцию их представителей? Ассирийцев вспомнили, азербайджанцев забыли. Забыли о первых беженцах в нашей стране? Автор с восторгом пишет, что

общество милосердия имеет 30 млн. рублей, на которые оно совершает много реальных добрых дел для беженцев. Так почему же это милосердие не коснулось беженцев - азербайджанцев? Почему оно столь избирательно? Не потому ли, что в пресс-конференции участвовала Г. Старовойтова, известная своей открытой неприязнью к Азербайджану. Или, может быть, милосердие тоже имеет национальность?

Л. Графова сообщает, что отцу председателя комитета беженцев - бакинцев, который работает в Баку, предложили уйти с работы. Свидетельствую, что это ложь, об этом телеграммой в Азеринформ известил сам отец тов. Гусев И. В., работающий в "Азерхлебпромторге". Так и хочется пригласить Л. Графову в Баку, чтобы она посмотрела в Глаза нашим беженцам, может, после этого журналист откажется от некоторой своей предубежденности...

Следующий материал из той же серии - статья политолога Виктории Чаликовой под заголовком "за что их ненавидят?", опубликованная в том же номере "ЛГ". Читаешь ее и создается впечатление, что написана она для разжигания костра межнациональной розни. Чего стоят такие строки: "Среди врачей и медсестер оказались члены боевой дружины. Сняв белые халаты, они со знанием дела кулаками обрабатывали обожженное, полуживое тело". Есть и прямые оскорбления - "перерыв в трудовом стаже был только на войну: воевал, конечно, не в Баку /там фашистов не было/". Или: "А в Армянском постпредстве живут не армяне, а бакинцы армянского, русского, еврейского и азербайджанского происхождения. Целые азербайджанские семьи, в которые просочилась капля армянской крови, и за это их не пускают на порог Азербайджанского постпредства". Ложь! Заместитель постоянного представителя Азербайджанской ССР в Москве З. Рустам-заде категорически отверг размышления политолога как клевету. Отвечая своим оппонентам из "Памяти" относительно того, что беженцы из Баку не претендуют на местожительство в Москве, В. Чаликова, между прочим, [67 - 68] утверждает, что никакой карты "Великой Армении" нет. Опять неправда, такая карта имеется, и копии ее широко распространяются по всему миру армянской диаспорой.

И все-таки, почему столь упорно не замечаются центральной прессой беженцы - азербайджанцы из Армении? Почему так настойчиво и целеустремленно муссируются слухи и сплетни, и раздувается проблема беженцев-русских из Баку? Кто так четко управляет этим процессом? Ведь только в пределах Азербайджана широко известно, что азербайджанцы изгонялись из Армении в зимнее время, им не давали возможности даже на сбор личных вещей. И они, в основном, терпеливые труженики - крестьяне, не умея отстаивать свои права, ринулись лавиной в Азербайджан, оставив на разграбление свои дома и земли, имущество и движимость. Им не дали даже получить в сбербанках десятилетиями накопленные трудовые сбережения. Эти обездоленные люди не поехали в Москву, не стали устраивать шумные шоу перед высокими правительственными учреждениями, иностранными посольствами и редакциями центральных газет. /А, видимо, надо было/. Их, естественно, не прикрывало и не поощряло растущее не по дням, а по часам армянское лобби в столице. О беженцах - азербайджанцах ничего не знала общественность страны, потому что, несмотря на все усилия журналистского корпуса Азербайджана, о них не писала союзная пресса. Все их проблемы, а заодно и заботы десятков тысяч турков - месхетинцев, республика, оставив в сторону свои трудности, взяла на себя, чтобы не загружать центр. Беженцев из Армении селили где угодно, только не в Нагорном Карабахе, чтобы не дай Бог не "обидеть" армянское население НКАО. А надо было видимо, заселять их именно в Карабахе, потому что беженцы в основном животноводы и земледельцы жили в схожих климатических и географических условиях, да и язык они знают армянский.

Зато многие армяне, переехавшие из Баку, предварительно продав свои, а вернее, государственные квартиры за немалые суммы, решили заработать себе еще и политический капитал, развернув в Москве бешеную активность, как беженцы.

Что касается русских бакинцев, то в основном эти семьи военнослужащих. Почему-то заодно это распространилось и на семьи бывших военных, была искусственно создана паника среди русского населения. Благодаря активным действиям правительства [68 - 69] Азербайджана, в Москве побывали представители министерств и предприятий республики, которые нашли пути к возвращению беженцев. Часть выехавших уже вернулась в свои дома и на производство, им даже оплатили проезд до Баку и выдали за дни отсутствия зарплату на работе. Но есть и другая часть людей, которые хотят воспользоваться ситуацией и закрепиться в Москве.

Святое слово для нас - блокада. Но в последнее время слишком много желающих спекулировать на нем. В данном случае, помимо воли, складывается впечатление, что наша республика оказалась в информационной блокаде. Вся центральная печать взяла курс на определенное направление в вопросе освещения общественно-политической жизни нашей республики: "Только давайте без дураков: не надо обвинять безымянных армян, что будто они сами себя резали, или первыми начали, или сами бросались из окон, сами заблокировали железную дорогу /как это утверждал один гражданин на предпоследнем Съезде народных депутатов/", - пишет народный депутат СССР А. И. Воробьев в статье "Время лозунгов уходит...", опубликованной в "Огоньке" № 14.

Как видно, правда, искусно перемешана с ложью. Избитый, но все еще приносящий дивиденды прием. При этом полное замалчивание наших насущных проблем, как с беженцами, или по всякому поводу и без повода упреки в "геноциде" /кстати, вопреки справке по этому поводу, которую однажды уже дал М. С. Горбачев. – А. Ш. / и "блокаде", хотя даже самому неграмотному обывателю после взрывов на железной дороге в Мегри, попытки подорвать пассажирский поезд стало ясно, кому выгодно закрыть движение поездов на Армению.

И последнее: до каких пор проблема беженцев будет рассматриваться через призму национальности? О беженцах надо говорить, писать и заботиться, не делая различий в их национальной принадлежности, вероисповедании. Об этом должны, наконец-то, понять в центре, в уважаемых газетах, если мы хотим прийти к храму справедливости. [69 - 70]

НАРОД ДОЛЖЕН ЗНАТЬ ПРАВДУ

1984 год... В то время всюду бесчинствовал бюрократический аппарат, чтобы сохранить свою власть, свои кресла.

Из Кемерли, Аскипара, Софулу, Бархударлы, Татлы, Мусагея поступали тревожные сообщения. Древняя земля предков была разорена. Возрастало недовольство народа в Казахе.

Мыслимо ли передавать соседней республике исконные азербайджанские земли, да еще не спросив у народа? Тогда это было в порядке вещей.

Людей пытались успокоить, хотели, чтобы они смирились с несправедливостью.

1987 год... Вновь поступали тревожные сообщения из Казаха, Сюда из древней огузской земли, называемой ныне Арменией, стали прибывать первые семьи беженцев. Их вынудили покинуть насиженные места насильно, под угрозой смерти...

Они подверглись гонениям и унижениям, потому что не поддержали армянские амбиции о передаче НКАО Армении. А в родной республике их уговаривают, умоляют, чтоб они простили "дружественный армянский народ". Что скажет на это "безобразие" Центр?

Февраль 1988 года... Беженцы, спасшиеся от вооруженных до зубов головорезов - бородачей в горах и лесах. И снова боль, страх, волнения, унижения, потеря близких...

Более подробно о последующих трагедиях рассказал Мурад Мамед оглы Ашуров, работавший в то время первым секретарем Казахского райкома партии. Предлагаем вам интервью с ним.

Мурад Ашуров родился в 1941 году в селе Зод Басаркечарского района. Среднюю школу окончил в Ханларе, а высшее образование получил в Гянжде. Работал первым секретарем Ханларского райкома партии, председателем Комитета по виноградарству [70 - 71] и виноделию Азербайджанской ССР, первым секретарем Казахского районного комитета партии. Депутат Верховного Совета Азербайджанской ССР, в настоящее время работает заведующим отделом в Верховном Совете республики.

-Мурад муаллим, вы были направлены в Казах первым секретарем райкома в тот период, когда возникший конфликт между армянами и азербайджанцами был разрешен в пользу армянской стороны, и главной задачей для вас было ослабление напряженности в этом районе и восстановление прежних добрососедских отношений между двумя народами...

-Да. Рекомендую меня на эту должность, ЦК КП Азербайджана ставило задачу - раз и навсегда положить конец "непонятному конфликту, возникшему между Казахом и соседними армянскими районами. Сразу же после районной партийной конференции я понял, что в районе накопилось много нерешенных проблем. Например, в непригодном состоянии находился дом - музей гениального поэта Самеда Вургуня в Юхары Салахлы. Даже телефон, когда-то проведенный в дом - музей, был передан "уважаемому" человеку...

Особенно тяжелым было положение в горных селах, где большая часть земли была отобрана и отдана армянам. Жители этих сел не имели ни леса, ни древесины, ни воды, были лишены всех земных благ. Как можно говорить людям о счастливом будущем.

Передача земель Кемерли и др. сел Казаха Армении была грубейшей и непростительной ошибкой районного и республиканского руководства и ею умело воспользовались армянские националисты.

Кемерли - горное село. Испокон веков жители этого села трудились, не покладая сил, занимались земледелием, животноводством. Люди этого края - гордые, отважные, непокоренные. После того как сельчане прогнали комиссии из Баку, сюда пожаловал сам Камран Багиров. Несмотря на сладкие обещания, ему все не удалось убедить кемерлинцев. И тогда задействовал аппарат насилия. "Виновные" были наказаны, арестованы, получили партийные взыскания. Надуманная "карабахская проблема, « территориальные притязания армянской стороны были в кратчайший срок настолько раздуты армянским лобби и их покровителями и Центре, что в дело вмешались даже члены Политбюро ЦК КПСС (Е. Жигачев). Армянам были отданы 5 тысяч гектаров земель и Кемерли, Аскипара, Сафулу, Бархударлы, Татлы, Мусагей, Али-Байрамлы, [71 - 72] Гаймаглы. Но этого оказалось недостаточно. Не останавливаясь на достигнутом и желая всячески прикрыть свое историческое преступление,

руководство республики подвергло людей десяткам оскорблений и унижений, наказало ни в чем не повинных людей.

Постановление бюро ЦК "О событиях в Карабахе" было опубликовано во всех республиканских газетах с тем, чтоб жители других районов впредь беспрекословно подчинялись приказу, если территориальные претензии армянской стороны возобновятся.

Карабахский вопрос начался, по существу, с Казаха. Если бы не были отданы земли Казаха, армяне не посмели бы просить Карабах. Не зря же говорят, "аппетит приходит во время еды."

За период с 1981 г. по 1984 г. в Казахе было арестовано 1.400 невинных людей, 465 членов КПСС были исключены из партии, 12 директоров совхозов из 35 были арестованы, против двоих было возбуждено уголовное дело.

Например, по какой причине был арестован директор совхоза им. Калинина Вагиф Касумов. (Разумеется, по настоянию первого секретаря райкома). Из-за аккумулятора от комбайна.

Была арестована большая группа работников совхоза им. Мехти Гусейна (село Шихлы II), против них было возбуждено уголовное дело. В районе не было социальной справедливости, людям жилось плохо, вокруг царил нездоровая атмосфера. Но, оказалось, этого было мало.

Ко всем бедам прибавилась еще одна, главная беда: защита Родины, родного очага. На отторгнутых землях Казаха армяне вели строительные работы, словно желая спровоцировать нас. В то время мы, посоветовавшись в районе, пришли к выводу, что единственным правильным выходом из создавшегося положения будет примирение с соседями. Для этого был разработан целый ряд мероприятий, были посланы наши представители в соседние районы. На собраниях бюро партийных комитетов Марнеульского и Гардабанского районов Грузинской ССР и Иджеванского, Шамшадинского, Ноемберянского районов Армянской ССР были скоординированы совместные мероприятия для оздоровления политического климата.

Отношения постепенно налаживались.

-Мурад муаллим, наверное, это выглядело только внешне благополучным. Вы не могли не понять нутро армян.

-Естественно. Я хорошо знаком с ними. Несмотря на то, что в официальных кругах замалчивалось об этом, но неприязнь к азербайджанскому [72 - 73] народу чувствовалась всегда. Иногда даже приходилось покидать зал во время официальных встреч. В конце 1987 года начались открытые выступления с экранов телевизоров, с газетных страниц о "Великой Армении". Задолго до этого слышал о территориальных притязаниях к НКАО. Подробно сообщал бывшему руководству республики о подобных амбициях армянских националистов. К. Багиров не вникал в суть происходящего. А однажды даже накричал на меня: "Не надо паниковать".

-В конце 1987 года, а точнее, 22 октября, в Ереване состоялось торжественное шествие: армяне праздновали уход на пенсию Гейдара Алиева. Спустя некоторое время в Париже Аганбекян дал интервью о передаче Нагорного Карабаха Армении... Существует ли какая-то связь между ними?

-Конечно, армяне выжидали удобного момента. План "передачи Нагорного Карабаха" был подготовлен давно. И в Армении, и в Азербайджане для этого армяне накопили огромные средства. Сбор подписей был завершён уже к концу 1987 года.

К этой аванюре хотели примкнуть даже азербайджанцев, живущих в некоторых районах Армении.

В демонстрации, проведенной в Ереване, участвовали курды со своими лозунгами: "Курды с вами". Я часто встречался с аксакалами в Армении. Они рассказывали, как армяне хотели использовать местных азербайджанцев для достижения своих злых умыслов, гарантируя их безопасность в случае поддержки армян. "Посмотрите на курдов,- говорили армяне, - они на нашей стороне".

Однако азербайджанцы превыше всего ставили честь родины, народа, защищая Карабах, Азербайджан. Они не поддались хитростям. Несмотря на массовые изгнания с родных земель, они не предали свой народ, свою родину.

-А в апреле-мае 1988 года в Казах хлынули первые беженцы, вынужденно покинувшие родные очаги, голодные, босые, оставшиеся на заснеженных дорогах в зимние холода...

-Спасибо нашему народу. Приютили их в своих домах. Для временного проживания большую часть беженцев разместили в здании профтехучилища. Дней через 10-15 пришло указание сверху, чтоб срочно вернуть беженцев на свои места. Это было окончательным решением руководства. Пришлось уговаривать их вернуться в горящие очаги. Проживание этих людей в Армении [73 - 74] было крайне невозможным.

Азербайджанское правительство считало своим долгом не "вмешиваться" во внутренние дела соседней республики. Невозможно было проявить равнодушие к тревожным сообщениям из Армении.

В ноябре-декабре 1988 года армянские выходы достигли своего апогея. Началась политика настоящего геноцида против азербайджанского народа.

Азербайджанское население Спитака, Гугарка, а также близлежащих районов Кировакана находилось в окружении, было полностью изолировано от окружающего мира. Начались голод и эпидемии. Помощи ждать было неоткуда.

Положение еще более усугубилось землетрясением. Кто же должен был заняться спасением азербайджанских сел? Наверху упорно молчали. Ежедневно в эти сёла, мы посылали 250-300 автобусов и грузовых машин. 8 вертолетов доставляли продукты питания и медикаменты. Для помощи азербайджанцам, пострадавшим от землетрясения в Казахе, было создано общество "Дайаг". Общество возглавил сельский аксакал, главврач центральной районной больницы Тапдыг Панахов. В кратчайший срок было собрано денег на сумму 100 тысяч руб. Вертолетами переправляли продовольствие в Сарал, Вартану, Халлавер и другие села. Т. Панахов сам неоднократно навещал больных в этих селах. Но продовольственная помощь не могла заменить моральной поддержки. Людей убивали, сжигали их дома, изгоняли из родных очагов. Было, по меньшей мере, глупостью уговаривать людей не покидать свои дома. Армяне уничтожили бы все население. Началась работа по эвакуации населения этих сел. Вертолеты, предназначенные для перевозки продовольствия и медикаментов, теперь переправляли людей. Нам удалось спасти жизни сотен людей. В районе появились лагеря для беженцев. Днем и ночью здесь принимали беженцев, а затем в централизованном порядке направляли их в другие районы. В один из таких тяжелых дней мне позвонил Везиров. Он потребовал сведения о сложившейся ситуации. В ответ на это я сообщил, что за день принимаем 2.000-2.500 беженцев. Вот уже 3 месяца, как азербайджанцы, живущие близ Кировакана, живут впроголодь, без воды, без света. В селах началась эпидемия. Он в гневе крикнул: [74 - 75] - Что ты делаешь?! Убивают, ну и пусть, к черту! Это внутреннее дело Армении. Приглашаешь "еразов" на мою голову? Ты поступаешь так потому, что сам "ераз". Мы рассмотрим этот вопрос на уровне ЦК..."

Я пытался убедить его, что армяне убьют всех. Примером может послужить семья Баладжаевых, трупы, которых после зверского убийства были подожжены.

Но он, не обратив никакого внимания на сказанное, потребовал немедленно приостановить переселение беженцев. Ответственные должностные лица из Москвы и Баку были в Казахе и видели безысходность положения. Непосредственное участие и помощь в переселении беженцев оказывали ответственный работник ЦК КПСС В. Степанов, заместитель Совета Министров Азербайджанской ССР Д. Асанов, председатель Верховного суда республики Г. Талыбов, ответственные работники ЦК КП Азербайджана Р. Ахундов, А. Алиев, Э. Азимов, председатель Исполнительного комитета Казахского райсовета Бекир Эйюбов и другие. Только Казах принял и разместил 50 тысяч беженцев.

-Как Вы думаете, не лучше ли было бы, если б беженцев разместили в Нагорном Карабахе... Ведь в пяти районах автономной области проживает столько людей, сколько в одном Казахском районе. Это еще раз подтверждает, что единственным негустонаселенным регионом в Азербайджане является Нагорный Карабах. Кроме того, здешний климат наиболее благоприятен для проживания азербайджанцев из Армении...

-Во-первых, следует сказать, что не во всех районах Азербайджана встречали беженцев с хлебом-солью, были случаи, когда выставляли шлагбаумы на дорогах, выходили с лозунгами "Умрем, не впустим беженцев". Такое отношение к ним тоже диктовалось сверху.

Во-вторых, сами беженцы тоже требовали размещения их в Нагорном Карабахе. Многие обращались ко мне с подобной просьбой.

В течение 7 дней более 10 тысяч беженцев на автобусах и грузовых машинах были доставлены в НКАО. Начались звонки из Баку. Везиров говорил: "Кто вам разрешил размещать беженцев в НКАО. Сейчас же выведите их. Генрих Погосян обещал мне, что будет спокойствие, если беженцы покинут НКАО. Нам нужно спокойствие..." [75 - 76]

Ярый националист, дашнак Г. Погосян сумел обмануть К. Багирова и вступить на должность первого секретаря обкома. А теперь, обманув Везирова, добился вывода из НКАО 10-15 тыс беженцев. Спустя некоторое время один из секретарей ЦК отправился в Шушу и лично руководил переселением беженцев... Но моё мнение было неизменным. На сессии Верховного Совета республики, проходящей в те дни, я выступил с предложением, что наиболее приемлемым местом для размещения беженцев является Нагорный Карабах, и обосновал свое мнение. Это явно не понравилось "руководству".

Вместо того чтобы направить поток беженцев в Нагорный Карабах, начались нападки на них. Все преступления, совершаемые, в республике в этот период приписывались на их счет и тем самым наверху пытались снять с себя всякую ответственность.

Наверное, читатели помнят, что если одно или два из совершаемых в Баку преступлений совершали беженцы, то их имена, фамилии, название села, района, в котором родился, склонялись на страницах печати. Про остальных виновников даже не вспоминали. Эта традиция продолжается, и по сей день. Например, всего 5-10 процентов освобожденных квартир заселены беженцами. В Кировском районе 16 квартир, из 477 заняли беженцы. Специальным постановлением их выселяют из квартир,

тогда как про жителей других районов занявших пустые квартиры в Баку, не сказано ни слова. Все это делается для того, чтобы искусственно нагнетать напряжение. Я считаю это результатом враждебной политики.

За 20 месяцев правления Везирова был заложен фундамент этой политики. Азербайджанцев армянского происхождения освобождают с занимаемых должностей, дают указания отдельным учреждениям, партийным и советским органам не подпускать близко "еразов".

Это поручение А. Везирова и М. Мамедова (бывшего первого секретаря Бакинского городского комитета партии) выполнялось с большим удовольствием. Бывший начальник управления внутренних дел г. Баку Нофел Керимов "рекомендовал" районным отделениям милиции быть жесткими и беспощадными с "еразами". А для друзей и родственников Везирова горел "зеленый свет".

На одном из пленумов первый секретарь ЦК заявил, что впредь на партийную работу будут выдвигаться люди в возрасте до 35 лет. Спустя несколько дней он назначил инструктором ЦК родственника своей жены 65-летнего Л. Барюдина. При назначении первых секретарей райкомов партии особо придерживались принципа кумовства, землячества. Народом стали "править" далекие от народа люди. Позднее 16 из этих случайных людей были отстранены им от должностей. Велика вина Везирова перед азербайджанским народом и в карабахском вопросе. Претворяя в жизнь заветные желания аганбеянов, шахназарянов, Везиров, не посоветовавшись с азербайджанским народом, с депутатами Верховного Совета Азербайджанской ССР, с членами ЦК, дает согласие на создание комитета особого управления во главе с Вольским. Таким образом, Карабах был оторван от Азербайджана и передан в подчинение Центра, а фабрики и заводы, находящиеся на территории НКАО - в подчинение министерств и ведомств Армении.

Чтобы аннулировать подчинение этих предприятий Армении оргкомитету республики во главе с В. Поляничко предстоит трудная, кропотливая работа. Армяне давно готовились к агрессии против Азербайджана и в любой момент можно было ждать, посягательства на наши границы. Но эта агрессия не дает никакого результата. Своевременные постановления президента Азербайджана Аяза Муталлибова, решительные шаги, предпринятые в этом деле министром внутренних дел республики М. Асадовым, вселяют в нас надежду, что конфликт найдет свое скорейшее разрешение. Люди, работавшие когда-то на руководящих постах в Армении, интеллигенция, специалисты с высшим образованием не обеспечены работой по специальности. Чтобы обеспечить себе пропитание, они работают рабочими на заводах и фабриках. Не надо забывать, что, несмотря на унижения, оскорбления, которым подвергли, их они никогда не забывали о чести Карабаха, о чести Азербайджана. Слова мои адресованы тем, кто часами говорил с экранов телевизоров о "бедах" и "страданиях" беженцев, кто приглашал их на митинги, забастовки, призывал рушить памятники.

-После назначения на должность первого секретаря Везиров неоднократно встречался в Казахе, Иджеване и др. районах с бывшим первым секретарем ЦК КП Армении Арутюняном. Вы принимали непосредственное участие в этих встречах. Какова роль Везирова в разрешении этого конфликта?

- С горечью вспоминаю эти встречи. Мы встречали Везирова на железнодорожном вокзале. Был май месяц. Казах весь утопал в [77 - 78] зелени. Проходя мимо виноградных садов, он заявил, что все это будет уничтожено, т. к. прежнее руководство района несет наказание за виноградарство. Мы предложили ему пойти в дом-музей С. Вургуна. Он наотрез отказался, предпочел посетить ковровый комбинат в Иджеване. В разговоре с сотрудницами комбината он не раз говорил: "Я Везиров, первый секретарь ЦК КП Азербайджана", Женщины смеялись. Когда вспоминаю слова, которыми они переговаривались друг с другом, я сгораю со стыда. Много говорил о дружбе, о братстве, приводил в пример своих друзей - армян, и даже рассказал о своем родстве с армянами.

Потом мы направились в село Воскепар Иджеванского района (сегодня из этого села обстреливают приграничные села Казаха). Машины остановились посередине села. Руководители обеих республик сошли с машин и, сказав "Барев", направились в сторону людей, сидевших и беседовавших друг с другом. Везиров рассказал им о "сложной" ситуации, сложившейся в республике, о коррупции, о взяточничестве, о национализме, внедренном в плоть и кровь народа, о связи НФА с мафией и т. д. и т. п.

В соответствии с программой намечался обед в Казахе. Предварительно я рассказал Везирову о незаконном строительстве на границе столовой "Очаг". Столовая была названа в честь нашумевшей книги Зори Балаяна "Очаг". Не обращая внимания на все сказанное, он решил пообедать в этой столовой. Зная, с каким отвращением воспримут казахцы этот поступок, я не принял участия в этом банкете.

Банкет в "Очаге" слишком затянулся.

Пионеры с букетами цветов выстроились в ряд, часами ожидая почетных гостей. Наконец они приехали, и мы отправились на молочную ферму "Кавказ". Арутюнян осыпал похвалой крупный рогатый скот, а Везиров подробно рассказал чабанам и дояркам о коррупции в республике. Вдруг он

посмотрел на часы и быстро сел в машину. Его ждали в Гяндже. Затем Арутюнян, долго смотревший вслед уехавшему Везирову, попрощался с людьми и тоже сел в машину. После этой "поездки" Везирова мы потеряли всякую надежду на улучшение положения. Печать и телевидение широко осветило эту встречу, общественность была обманута.

-Мурад муаллим, расскажите историю вашего смещения с должности первого секретаря Казахского районного комитета партии.

-В вопросах переселения беженцев, размещения их в районе (в Казахе разместили и обеспечили работой около 6 тысяч беженцев), в направлении их в Нагорный Карабах наши позиции с Везириным не сходились. Его отношение к руководящим работникам, бывшим родом из Армении, тоже было известно. Он не мог понять простой истины, что среди азербайджанцев армянского происхождения, живущих в Азербайджане (а их около 2 миллионов 300 тысяч человек) должны быть и руководящие работники. В ходе работы партийной конференции 1988 года я узнал, что "секретном постановлении Везирова я освобожден от занимаемой должности. Об этом мне не было сообщено. А на конференции коммунисты и народ вновь избрали меня первым секретарем райкома. Спустя несколько месяцев по рекомендации ЦК я был удостоен Почетной грамоты Верховного Совета Азербайджанской ССР. Это сильно задело его. Через два месяца после конференции он вызвал меня в ЦК и открыто выразил свое мнение:

-Ты добровольно уходи. Я хочу создать "свою команду".

Он был слабым тренером. Созданная им команда привела народ к глубокой пропасти, а в итоге подарила азербайджанскому народу кладбище Шехидов. 33 шехида из беженцев, к которым он всегда питал, враждебные чувства тоже покоятся здесь, а 200 ранены.

-Мурад муаллим, снова мы вернулись к разговору о беженцах. Документальная лента "Земля" была снята в Казахе, - и именно в тот период...

-Нам приходилось видеть страшную картину переселения народа. Десятки тысяч азербайджанских беженцев - полураздетых, бросивших принадлежавшие им испокон веков дедовские земли, десятилетиями нажитое имущество, потянулись к нам. Ни в какие рамки не укладываются зверства, учиненные армянскими головорезами. Я неоднократно обращался в Баку в редакции газет, радио, телевидение с просьбой запечатлеть трагические страницы нашей истории. И всегда слышал один и тот же ответ: наверху не разрешают, нельзя разжигать эмоции и т. д. Тогда я позвонил бывшему секретарю, ЦК по идеологической работе Рафику Зейналову и сообщил, что в Армении убито 117 человек и ранено 703 человека, не говоря уже о тех, кому выкололи глаза, отрезали уши, пальцы, руку. Чтобы спастись от неминуемой гибели 90-летняя женщина с детьми, полураздетая, убежала в лес. В пути дети обморозились, получили травмы. Кто должен был снять все это? "Везиров не разрешает, - был ответ. Но, несмотря на все запреты, интеллигенция Казаха все же сняла фильм "Земля", в котором отражена лишь десятая доля увиденного, пережитого. Не могу забыть девочку 10-11 лет. В лагере беженцев, где была размещена эта девочка, было много таких обездоленных, разлученных с матерями, отцами детей. Под мышкой она держала небольшой сверток. Я протянул руку, чтобы посмотреть, что в нем. Раздался жалобный крик. "Не трогай, это принадлежит моему брату". Сказав это, она расплакалась навзрыд. "Они убили его, сожгли. Остались только туфли. Всю жизнь буду хранить эту память о брате".

У всех на глазах выступили слезы. Никто не мог уснуть до утра. До сих пор, когда вспоминаю эту бедняжку, не могу прийти в себя. Неужели чиновники, прозвавшие свой народ "еразами", выселявшие его на улицу, безразлично относившиеся к проблемам беженцев, не страшатся проклятий этой девочки?

Сейчас начались выборы в новый парламент Азербайджана. Дальнейшая судьба народа зависит от того, как пройдут эти выборы.

Более 10 тысяч беженцев не примут участия в выборах, потому что не имеют прописки ни в Баку, ни в других районах республики.

-Мурад муаллим, хорошо, что таких немного. Народ принял беженцев с открытым сердцем ласково, с гостеприимством, присущим азербайджанскому народу. В Казахе вы стали свидетелем этого.

-Искреннее гостеприимство, добрые чувства самое ценное, что передалось нам от предков из поколения в поколение. Жители Казаха проявляли всяческое внимание к беженцам. В то время завершалось строительство жилого дома в 60 квартир. Стоявшие на очереди люди попросили нас отдать квартиры беженцам. В районе выделили для них землю. Трудоспособное население обеспечили работой.

Молодой парень из села Мусагей пришел в лагерь беженцев и забрал с собой двух детей. Через пару дней этих ребятишек невозможно было узнать. Он повез их в Тбилиси и купил все необходимое, И таких было много. А разве могло быть иначе? Когда в 1918-1920 годах армянские националисты депортировали 100 тысяч азербайджанцев со своих исконных земель, часть из них направилась в Гянджу. В Гяндже жил благородный человек по имени Гаджи Али. Али принял их, дал им землю,

построил поселок и назвал его Новый Ираван. Добро никогда не забывается. Кстати, хорошо было бы, если бы поселок носил имя Гаджи Али.

Пользуясь удобным моментом, хочу поблагодарить всех казахов за то внимание, заботу, братскую поддержку, которую проявили они к беженцам. По сегодняшний день при встрече с беженцами я слышу слова благодарности в адрес жителей Казаха.

-Но следует отметить, что в этом переселении таких людей, как Гаджи Али, было мало.

-Да. Мы беспомощны в разрешении проблем 5-10 тысяч беженцев. Давайте возьмемся за руки, сплотимся еще крепче, протянем руку помощи тем, кто нуждается в ней. Проснувшись от зимней спячки, мы слишком много говорили о суверенитете, о единстве. Но не следует забывать, что беженцы неразделимая часть азербайджанского народа. [81 - 82]

Интервью вёл Гафар Чахмаклы.

ПАМЯТЬ ЖИЗНИ

Скитальцы, беженцы, переселенцы, насильственное изгнание все эти понятия заставляют тебя до боли в душе прочувствовать трагедию, страдания и горе, испытанные коренными жителями Армении - азербайджанцами - за последние сто лет. 1905, 1918, 1948 и, наконец, 1988 годы. Последнее, происходившие на государственном уровне, массовое изгнание более 200 тысяч мирного азербайджанского населения, сопровождавшееся бесчеловечной кровавой резней, оценивается в нашем цивилизованном мире, в эпоху, когда остаются в силе принятые государствами мира на различных конгрессах документы и декларации о защите человеческих прав, как "обычное" явление. Оказывается, ради спасения жизни дельфинов можно принимать меры международного уровня и масштаба, посылать корабли из одного океана в другой, направлять спасательные экспедиции с одного материка на другой, и в то же время ограничиваться лишь скупой, небольшой информацией об изгнании со своих земель 200 тысяч людей, обреченных на гибель в мороз и стужу, на скитания, голод и нищету. Никого не интересует, что за этой цифрой стоят десятки тысяч детей, десятки тысяч девушек и юношей, десятки тысяч пожилых, всю жизнь, не покладая рук обзаводивших свое хозяйство, свой дом, кровью и потом наживавших свое добро. И достаточно было одной злой прихоти, чтобы в один день и час лишиться всего этого. В этих цифрах трагическая судьба сотен тысяч живых людей, способных на горе и радость, страдания и муки, имеющих право на маленькое человеческое счастье.

Мне хочется привести тут глубокосодержательные мысли видного советского писателя Юрия Карягина. Он отмечал, что для него Родина состоит не только из пространства и места, но и понятия времени. Для азербайджанцев же, проживавших в Армении, [82-83] это временное понятие, составляющее Родину, полно трагедий. Почему судьба азербайджанцев из Армении обернулась так злополучно? Кто они - коренные жители, или пришлые? Как, когда и с какой целью была подброшена вымышленная "карабахская проблема"? Почему на протяжении двух лет молчал центр, не принимая каких-либо решительных мер? На все эти вопросы, волнующие и беспокоящие людей, до сих пор не дано сколько-нибудь вразумительного ответа.

Дорогие читатели! Я не поэт, и не прозаик. Просто-напросто журналист, мне за шестьдесят. Ровно половину своей самой кипучей и деятельной поры жизни я прожил в Армении, глубоко разобравшись в армяно-азербайджанских национальных отношениях. Проработав четырнадцать лет в Ереване, в органах печати, в высшем учебном заведении и хорошо зная армянский язык, я стал свидетелем "развития" этих отношений за последние 30-40 лет. Целью моего выступления является не только выявление путем обобщения увиденного воочию, услышанного и прочитанного мною на протяжении всей жизни объективных причин сложившейся ситуации, высказать свои соображения о путях устранения данной проблемы, но и не допустить забвения существовавших в Армении на протяжении веков и тысячелетий наших национальных топонимов, исторических древних памятников, названий селений, городов, которым посвящены исторические очерки.

Во время работы в Ереване за долгие четырнадцать лет я обошел все селения 17 районов Армении, где проживали азербайджанцы.

АБОРИГЕНЫ

Просматривая изданные в нашей стране словари, энциклопедии, справочники, я стремился найти самое популярное значение слова абориген. Но мои поиски были тщетны. Везде выражались одни и те же мысли, заключающиеся в истолковании этого слова от исходного *ab origine* - изначальное - т. е. в значении самых древних местных жителей страны. И поэтому я поставил перед собой конкретный научный вопрос: кем являются азербайджанцы, жившие в Армении - коренными жителями страны или пришлыми? [83-84] Во всяком случае, изучение литературы и исследований по истории народов Кавказа за период, начиная с 1700 года дает полное основание для доказательства того, что все азербайджанцы, проживавшие на территории нынешней Армении являются коренными жителями. Начиная от книги "Карабах. Произведения Джалала Джеваншира" (1855) известного ирановеда. А. П. Берже, написавшего десятки произведений по истории азербайджанского, грузинского, армянского и др. народов Кавказа, до произведения "Армяне, краткий очерк, их история и современное положение" (С.-Петербург, 1899)

Магды Нейман, специально пишущей историю армян, во всех научных и исторических трудах четко показаны исторические, географические, этнографические естественнонаучные отношения между армянами и мусульманами (азербайджанцами). Магда Нейман пишет, что /место Высшего патриарха - Католикоса всех армян находилось поблизости от столицы древней Армении - Вагаршабада (в составе Эриванской губернии), в Эчмиадзинской церкви (стр. 6.). После заключения мирного Туркменчайского договора в 1828 г. 40.000 иранских армян под руководством Паскевича были переселены на Кавказ. После же мирного договора Эдирне (1829) тоже самое произошло и с турецкими армянами. Под руководством архиепископа Багратуни из Эрзурума и других областей были переселены на Кавказ 90.000 армян (стр. 24). Из обосновавшихся в России (1896 г.) 1.200.000 армян в Закавказье проживали 985.460 армян (стр. 25). Среди народов, населявших Кавказ, армяне занимали только четвертое место (русские - 2.286.738 человек, азербайджанские татары - 1.139.659, грузины - 1.201.256, армяне - 985.460) (стр. 25).

Приводя эти цифры, мы хотели показать историческую правду всем лжеисторикам, с пеной у рта твердящим о том, будто бы азербайджанцы, проживавшие в Армении, состояли из пришлых, кочевых племен. Исследования доктора исторических наук, профессора Сулеймана Мамедова также ясно свидетельствуют о том, что еще в начале XI века широкая заселенность азербайджанцами Восточной Армении создали социально-экономическую, политическую, морально-психологическую почву для установления тут азербайджанских феодальных государств. Именно с этим связано наличие на этой территории в XV-XVIII вв. азербайджанских названий мест, топонимов (журнал "Азербайджан", № 9, стр. 163). Сам академик А. И. Ионисян признается, что "одну четвертую часть населения города Эривань составляли армяне, азербайджанцы [84 - 85] составляли большинство" (Армяно-русские отношения в XVIII столетии, т. 2, часть I. Ереван, 1964, стр. XXIII).

Изучая историческую литературу, приходишь к выводу, что до начала XX столетия на территории нынешней Армении азербайджанцы составляли большинство населения, являясь аборигенами. Но, уже, начиная с первой четверти XX века наблюдается явное увеличение численности армянского населения. Это связано, в первую очередь, с турецко-армянскими столкновениями в 1894-96 гг. и 1914-16 гг., вследствие чего сотни тысяч армян из Турции, а также из Ирана переселились в нынешнюю Армению. Вот почему, как указано в Большой Советской Энциклопедии, в 1920 году численность армянского населения несколько увеличилась. Там отмечается: "Армянская дашнакская республика получила от союзников Карскую область, отнятые у нее в 1918, части Эриванской губернии и т. д., что довело территорию Армении до 17.500 англ. кв. миль^{*}, с населением в 1.510.000 чел. (795.000 армян, 575.000 мусульман, (азербайджанцев – С. А.) 140.000 прочих национальностей. (Большая Советская Энциклопедия", первый выпуск, стр. 437).

При изучении культуры и быта, обычаяв и традиций населения территории Зангезурского уезда, обнаруживается интересный факт. В изданном в Баку в 1920 году на русском и турецком языках Адрес-календаре Азербайджанской республики указаны категории земельной принадлежности Азербайджанской республики, ее деление по уездам, а также численность населения.

Общая численность населения республики

1. Джебраилский уезд. 89.184 человека, хозяйство не указано.
 2. Зангезурский уезд. 224.197 человек, 2.233 хозяйства.
 3. Шушинский уезд. 144.876 человек, 3.685 хозяйств.
 4. Гянджинская губерния (всего) 1.115.179 человек, 26.668 хозяйств.
 5. Бакинская и Гянджинская губернии.
- Вместе 1.967.809 человек, 40.001 хозяйство. [85 - 86]

Территория Азербайджанской республики

1. Бакинская губерния. 39.075.15 кв. км.
 2. Гянджинская губерния. 44.371. 29 кв. км.
 3. Закатальская губерния. 3.992.54 кв. км.
 4. Эриванская губерния*. 9. 858.69 кв. км.
- Всего: 97.297.67 кв. км.

* 1. Английская миля равная 25,4 микрометров.

5. Эриванская губерния**. 7.913.17 кв.км.

6. Тифлисская губерния*** 3.68513 кв. км.

Всего: 16.59530 кв. км.

В целом территория республики: 113.895.97 кв. км. (Звездочки указывают на спорность территорий в данных губерниях. Адрес - календарь Азербайджанской республики, Баку, 1920 г., стр. 48-50).

В нашей истории 1918-1920 годы, как и другие периоды, изучены не до конца, поверхностно. Так, например, как объяснить, что за годы Советской власти территория Азербайджана уменьшилась на 25.000 кв. км? Каким образом Зангезурский уезд, входивший в состав Азербайджана, с населением в большинстве азербайджанским, был включен в состав Армянской ССР? Куда вошла оставшаяся часть земель республики?

Из созданных в 30-е годы на территории Зангезурского уезда трех районов, в двух - Кафанском и Сисианском, за исключением Горисского, 52-54 процента населения (до переписи населения 1959 года) составляли азербайджанцы. В Кафанском районе до 40-х годов азербайджанское население составляло преобладающее большинство. Значительная часть армян в эти годы состояла из пришлых - переселенных из Ирана и Турции в 1920-1930 годы. С малых лет я слышал слова "гахдаган" - эмигрант, переселенец, "квартал гахдаганов" - квартал эмигрантов, "ахбар" - зарубежные армяне ("ахбарами" называли тех, кто переселился в Армению после Великой Отечественной войны). Первые переселенцы были размещены в азербайджанском селении, называвшемся в свое время Байдаг и расположенном в трех километрах к югу от города Кафан (сейчас это селение называется Сюник). Еще одна причина стремительного роста армянского населения после 50-х годов как в целом по всей Армении, так и в частности, в Кафане, заключалась в отсутствии в Армении бытовых условий для азербайджанцев, закрытие учебных заведений. Массы азербайджанцев стали в вынужденном порядке стекаться в Азербайджан. [86 - 87]

Достаточно будет на примере одного нашего селения Шехерджик, имевшего 280 хозяйств, показать, что за последние пятнадцать лет (еще до потока беженцев 1988 года) в Баку проживало 280 семей из этого селения.

Общая площадь территории Кафанского, Сисианского и Горисского районов составляет 3816 кв. км (соответственно: 1345, 1719, 752 кв. км. каждый), население - 125 тыс. 270 человек (соответственно: 58,5 тыс., 34 тыс. 770,32 тыс. в каждом). (Цифры берутся из Армянской Советской Энциклопедии).

Как видно, в Зангезуре уменьшилось не только число азербайджанских жителей, но и в целом, все население. Главная причина тут заключается в расширении процесса урбанизации, увеличении потока из селения в город. Интересно также и направление движения этого потока. Некоторые считают, что армяне движутся в Ереван, азербайджанцы - в Баку. В действительности же каждый район имеет свое направление, тенденцию. Я наблюдал это еще в 1960-е годы. В то время, как-то оказавшись в селениях Хндзорекс и Дыг и заметив множество пустующих тут жилых домов я с удивлением спросил, куда делась половина населения этих селений? Председатель колхоза одного из селений с сожалением ответил:

-Знаете, почему у нас дела плохо идут, нет рабочих рук, одни старики остались. Кому не лень - все бегут в Баку.

Его слова несколько, удивили меня:

-Почему же не в Ереван, а в Баку?

-Честно говоря, испокон веков мы всегда тянулись в Баку, это хороший город, богатый, и все, кто уехал, живут там припеваючи, обзавелись квартирой, добром. Армяне уезжают в Баку не только из нашего, но и Сисианского района и даже из соседнего Нагорного Карабаха.

Именно в результате этого безостановочного потока в Азербайджан, армяне, составляющие тут в 1922 году 240 тыс. населения (Большая Советская Энциклопедия, т. 3, с. 419), в 1979 году составили 489 тысяч человек. И вызывает удивление тот факт, что армянские ученые, фальсифицирующие историю, не желают видеть этой исторической действительности, а, напротив, путем искажения цифр и фактов всячески стараются замести следы учиненного в Армении геноцида над азербайджанцами, скрыть планы изгнания оттуда всех других наций и создания мононационального армянского государства. Дело дошло до того, что какой-то [87 - 88] зооветеринар Б. Мирзоян, выступая в газете "Коммунист" (Ереван) со статьей "Что говорит статистика", высказывает суждения о национальной демографии в Азербайджане. Видимо, тот позабыл, как год назад в течение одной недели изгнав более 200 тысяч азербайджанцев, они довели свой национальный состав до 99 процентов.

Или же взять другой факт. Как объяснить члену-корреспонденту Академии Наук Армянской ССР Г. Аветисяну, что для того, чтобы написать научные статьи или разрешать научные проблемы, следует обратиться к научным источникам, ссылаться на исторические, достоверные документы, а не приводить глупые мысли какого-то проходимца венгра из Австро-Венгрии. И снова, в газете

"Коммунист" (Ереван) Г. Аветисян, будто бы в ответ на статью академика Зии Буниятова в газете "Элм" (24 сентября 1988 г.) публикует свою писанину "Все это было. Закавказье в 1918-1920 годах" (27 августа 1989 г.) Начинается она словами некоего барона фон Франкенштейна, высказанными им 3 сентября 1918 года. "Армения потерпела поражение и на севере, и на юге, и на востоке, и на западе. Это Армения без Лори и Казеха, Араратской долины, Ширака и Ахалкалаки, Карабаха и Зангезура, испокон веков принадлежащих Армении. Зангезур и Карабах составляют единое целое. При решении территориального вопроса их следует присоединить к Армении, как древние ее земли". Безусловно, это лишь химера, несбыточная безумная мечта.

По поводу же поражений Армении в упоминаемых Г. Аветисяном, без указания источника, сражениях достаточно будет привести цитату из Большой Советской Энциклопедии, а также слова В. И. Ленина, без каких-либо пояснений. Так в энциклопедии: "Армянская дашнакская республика получила от союзников Карскую область, отнятые у нее в 1918 г. части Эриванской губернии и т. д., что довело территорию Армении до 17.500 англ. кв. миль,* с населением в 1.510000 человек (795.000 армян, 575.000 мусульман, 140.000 прочих национальностей). Не довольствуясь этим, дашнаки заявили претензии на территории Ахалкалаки и Борчалю, вошедшие в состав Грузии и на Карабах, Нахичеванский край и южную часть б. Елизаветпольской губернии, входящих в состав Азербайджана. Попытки силою присоединить эти территории в период английской оккупации Закавказья привели к войне с Грузией (декабрь 1918 г.) и долгой и кровопролитной борьбе с Азербайджаном, в результате которой население спорных районов сократилось [88 - 89] на 10-30 процентов, и ряд поселений был в буквальном смысле слова стерт с лица земли". ("Большая Советская Энциклопедия", первый выпуск, т. 3. стр. 437).

"24 сентября 1920 года дашнакское правительство предприняло военные действия против Турции. Во время войны дашнакская армия терпела одно за другим поражения, а наступающие турецкие войска, по ходу продвижения изгоняли мирное население, разрушали и опустошали населенные пункты, чинили армянские погромы. Турецкое государство для захвата территории Армении решило воспользоваться авантюристической политикой дашнаков. Война обескровила Армению, поставив население перед угрозой полного уничтожения" (В. И. Ленин, КПСС, т. 54. стр. 803-804).

Эти же мысли утверждают "известные" армянские историки С. Т. Еремян и Г. А. Нерсесов в своей книге "Народы Кавказа": "В Восточной Армении власть захватили злейшие враги армянского народа, дашнакские контрреволюционеры, образованное в мае 1918 г. дашнакское правительство, являющееся прислужником германо-турецких интервентов.

В декабре 1918 года дашнакское правительство Армении спровоцировало братоубийственную армяно-грузинскую войну ("Народы Кавказа", т. 2, с. 459).

Да, такова историческая правда. И никакой фальсификацией не изменить ее. Не забираясь в темные дебри, мы решили отдать предпочтение рассказам о происходивших за последнее столетие драматических событиях в армяно-азербайджанских отношениях, записанным со слов живых очевидцев, на себе испытавших все ужасы этих столкновений.

Если близко ознакомиться с историей, географией, этническим составом населения Кафанского района - одного из древнейших местностей Зангезурского уезда - то не трудно будет определить, кто тут является аборигеном. Территория района во все периоды истории находилась в руках иностранных захватчиков, в 428 году она была захвачена Ираном, позже (в 640-885 гг.) подчинялась арабским халифам, и только в 980 году была включена в состав Сюникской области. В 1103 году район именовался Капаном (название района здесь переименовано, он размещался в 10 км. к северу от города Кафан, на правом берегу реки Охчу, сейчас там остались лишь каменные письменные памятники). Багабурдж становится столицей Сюникской области, чуть позже, в 1170 году [89 - 90] сельджукские турки захватывают Кафан. Данная территория в 30-х годах XIII века была завоевана монголо-татарами, в XV веке же перешла в подчинение Гарагоюнлу и Аггоюнлу. В 1639 году на основе турецко-иранского договора территория Кафана вместе с другими областями Зангезура была присоединена к Эриванскому ханству, в 1730 году ее оккупировали турецкие войска, с 1735 года она перешла в руки иранского правителя Надир шаха. После 1829 года территория Кафанского района входила в состав Карабахского уезда, а с 1861 года - Зангезурского уезда Елизаветпольской губернии.

Цель краткого экскурса в историю района - привлечь внимание к этимологии географических названий, местностей, в Целом, к топонимам, которые будут приведены ниже. Из 72 селений района 48 селений были азербайджанскими, 24 - армянскими (в 1918 году азербайджанцев в районе было в полтора раза больше, чем армян. Цифры брались из Кафанского городского архива).

Совсем недавно на одном из собраний аксакалов, ученых, партийно-советских работников - беженцев из Армении наш уважаемый академик Будаг Будагов, обращаясь к ученым, попросил, чтобы в связи со сложившейся ситуацией все, у кого имеются какие-либо сведения о географических названиях рек, гор, селений, городов, поселков, районов в Армении, где испокон веков жили азербайджанцы,

собрали и исследовали эти топонимы, и путем сопоставления новых и старых названий не допустили забвения нашей истории. Это является делом каждого из нас.

Занявшись этим делом, столкнулся с парадоксальной ситуацией. В свое время, когда стали создаваться национальные энциклопедии, "Армянская Советская Энциклопедия" как и наша, была предусмотрена в десяти томах (я сам семь лет сотрудничал в "Азербайджанской Советской Энциклопедии" и потому структура мне знакома). Однако вдруг неожиданно Армянская Советская Энциклопедия вышла в двенадцати томах (конечно же, не без помощи Л. С. Шаумяна - заместителя главного редактора в то время "Большой Советской Энциклопедии"). Обосновывали они это тем, что армяне распространены по всему миру (в 60 странах) и для того, чтобы дать о них сведения, необходимы дополнительно еще два тома. И они добились своего. Сейчас, листая тома Армянской Советской Энциклопедии, я вижу, что интересуют их не только проживающие за границей армяне, а и "территории", "селения", "города", [90 – 91] все места, где живут армяне вне республики. Одним словом, в энциклопедии содержатся статьи о местах проживания армян во всем мире, и даже о селениях, где будто бы в 1895-1896 и 1915 годах были уничтожены все армяне, и сколько в этих селениях в 1896 году проживало населения, как были разрушены все эти селения и т. д. Отдельные статьи там посвящены армянским районам и селениям в Азербайджанской ССР, Грузинской ССР, особенности, в Нагорно-Карабахской автономной области (после названия селения тут дефиниция дается следующим образом - селение в НКАО). Видимо, все это было почвой, создающейся на протяжении двадцати лет с целью поднятия "проблемы" Нагорного Карабаха, "геноцида", так и не подтвердившегося в Турции.

Но речь не о том. Возникает вопрос, хорошее это дело, или плохое? Думается, несмотря на допущенные искажения фактов, фальсификацию, в целом, инициатива, направленная на сохранение истории своего народа, верная. После этого я обратился к томам "Азербайджанской Советской Энциклопедии". Выяснилось, что кроме нескольких названий городов, здесь нет даже сухих сводок об азербайджанцах, проживающих в Армении, Грузии и других республиках.

Но почему так случилось? Я хорошо помню, еще в то время, когда Азербайджанскую Советскую Энциклопедию возглавлял выдающийся народный поэт, покойный Расул Рза, в главной редакции было решено дать отдельные статьи обо всех районах, городах и селениях в Армении и Грузии, где проживают азербайджанцы. И даже помнится, были составлены словники, для чего командированы сотрудники в Армению и Грузию (в тот период я был командирован с этой целью в Армению). Но что же случилось? Почему словники были отброшены?

Мне хочется привлечь к сравнительному анализу структуры статей в обеих энциклопедиях. В то время как в Армянской Советской Энциклопедии в статьях, содержащих сведения о районах проживания армян как своей республики, так и соседних, представлены списки названий, всех имеющихся в этих районах селений, а в 1-4 томах - даже отмечается численность населения каждого из селений, в Азербайджанской Советской Энциклопедии приводится лишь количество селений в районах проживания азербайджанцев. Может быть, в энциклопедии не хватило места для более расширенной информации? Оказывается - нет! Достаточно [91 - 92] привести один пример. В первом томе нашей энциклопедии только 30 статей посвящены Александрам и Александровым. Вот две из них: 1. Александр Казмирович - с 1492 года князь Великой Литвы. 2. Александров - город во Владимирской области РСФСР. И разве не полезнее было бы вместо того, чтобы давать биографические статьи об Айрапетянах, Мамедовых, получивших звания Героев Социалистического Труда за увеличение приплода скота, лучше написать о селении Гарачеп Грузинской ССР, о социально-экономическом положении 24 тысяч азербайджанских жителей этого селения?

Печать Армении, значительно снизив число беженцев из своей республики, довела его до 143 тысяч. Однако еще во время Всесоюзной переписи населения 1979 года число жителей Армении составляло 3.030.000 человек, из коих 6 процентов представляли азербайджанцы. А это составляет более 190 тысяч человек. Так почему же не учитывается прирост за последние 10 лет?

Обратим внимание на новые и старые названия селений в районах Армении, где проживали азербайджанцы. Вызывает интерес этимология названий 48 азербайджанских селений в Кафанском районе: Гарабашлар, Кырс, Куруд, Охдар, Шехерджик, Хюнит, Чобанлы, Таджедин, Шабалин (у подножья горы Гапыджыг, теперь это мертвое селение), Атгыз, Гатар (или же Татар шамы), Говшуд, Моллалы, Даш башы, Махмудлу (теперь - Чайкенд), Кейпешин, Хечети, Бандак, Ачагу, Дорны (теперь Андарашад), Аджыбадж, Бахарлы, Кыгы, Чирши, Герд, Гомаран, Доврус, Халадж, Новрузлу (теперь - Гатнрат, т. е. место с избыточным молоком), Гарадыга, Гарачимен, Муселлем, Ашагы Гиратаг, Юхары Гиратаг, Ашагы Годакли, Юхары Годакли, Норашеник (после поджога в 1918 году оно стало армянским селением), Шабалин (нижний), Сизнек, Пейхан, Пюрюли, Бекдаш, Агкенд, Афсарри, Аджили, Джрахор, Гара кенди, Чайземи, Шоталы.

В связи с тем, что со времени установления Советской власти в Армении и до самых 30-х годов Горис являлся центром Зангезурского уезда, сюда притекал сильный поток армян из Кафанского и

Сисианского районов, и в этой связи на территории района было мало азербайджанских селений. Тут всего их было три: Шурнуху, Агбулаг и Шамлы.

Сисиан - один из самых гористых районов Зангезура. Он расположен [92 - 93] на высоте 2500 метров над уровнем моря. В целом территория этого района составляет примерно одну треть от территории соседнего НКАО. Увеличение и уменьшение тут населения, его миграция были обусловлены историческими причинами. В книге Г. Аракеляна "Сисиан, справочно-путевой указатель" показано, что Вагуди - это интернациональное село, где в дружной единой семье живут армяне и азербайджанцы (раньше это было азербайджанское селение – С. А.). Население в свое время увеличилось за счет переселенцев из сел Лцен, Лор, Ахлатян, Бунис Сисианского района, и Аржис, Татев Горисского района" (Г. М. Аракелян "Сисиан, справочно-путевой указатель", Ереван, 1986, стр. 89). Автор также отмечает увеличение населения Сисиана за счет армянских переселенцев из Ирана и Турции в 1813-1828 годах.

"В 1813 году по Гюлистанскому договору Зангезур, а соответственно и Сисиан, перешел к Российской империи. В 1828-29 гг. из Хойского и Салмастского уездов Персии большое число армян переселилось в район и поселилось в нынешних селах Шагат, Барцраван, Балак, Сисиан (Гара килсе - Черная церковь), Салвард, Тасик, Уз, Лцен, Шаки, Ашотаван и др... В деле переселения армян из Персии большую роль сыграл выходец из села Брнакот, Мелик Танги, который в качестве военачальника - тысяцкого участвовал в русско-персидской войне. (Там же, стр. 89).

Академик Морсу Асратян пишет: "В селении Кирокосик было размещено множество беженцев, прибывших из Персии в 1828 году. Но вследствие отсутствия тут воды, они переселились в селение Аг кенд (нынешний Ашотаван), расположенное на берегу ближайшей реки". (М. Асратян. Историко-археологические исследования". Ереван, 1985, стр. 14). В районе имеются следующие азербайджанские селения. Сисиан (Гара килсе), Шеки, поселок Дестегерт, Агуди, Вагуди, Урут, Арефса, Гызыл Шафаг, Гызылджыг, Мезре, Барсераван, Аг кенд (Ашотаван), Базарчай, Шыхлар, Галачыг, Софулу. Здесь, в этих селениях также в свое время численность азербайджанцев значительно превышала численность армян, в 80-х годах она сократилась до 30-35 процентов, а в настоящее время, как известно, все поголовно изгнаны.

Одно из самых больших и древних селений азербайджанцев в Сисиане-Шаки - расположено в 5 километрах к северу от районного центра. Здесь шумит и грохочет один из красивейших водопадов [93 - 94] в мире (Шакикенд). Этот водопад приобрел известность не только снабжением водой доброй половины района и райцентра Гаракилсе, но и как одно из любимых мест для туристов всего мира. Селение Шаки к тому же самое древнее, историки свидетельствуют об образовании его в V веке. В 1829 году здесь были размещены 25 армянских семей, прибывших из Ирана. До 1988 года в этом селении проживало 380 семей, 1700 человек. В настоящее же время все азербайджанцы изгнаны.

Печально сложилась судьба азербайджанцев, проживавших в Сисианском районе. Под предлогом будто бы защиты от нападения турков, Андраник, собрав вокруг себя местные силы с целью уничтожения азербайджанских селений 5 сентября в Ангехакоте, а затем 15 октября в Гаракилсе (нынешнем Сисиане) созвал собрание сельских комиссаров и перешел в наступление (Г. М. Аракелян "Сисиан", стр. 92). Главнокомандующим горной Армении, т. е. Сюника, был назначен лютый враг азербайджанцев во всем Зангезуре - Нждехи. После того, как войска, возглавляемые Андраником, сровняли с землей, разрушив до основания всё азербайджанские селения в Сисиане, в ноябре они прибыли в Кафан.

В уезде Шарур-Дерелеяз 72 процента населения составляли азербайджанцы. Находящиеся по нынешнему административно-территориальному делению на территории Армянской ССР Азизбековский и Егегнадзорский (до 1936 года он назывался Кешишкендским, а в 1935-1957 гг.- Микоянским районом) районы этого уезда непосредственно граничат с Сисианским, Мартунинским и Арагатским районами, с Нахичеванским АССР.

На протяжении последних 50 лет из этих районов, значительная часть населения которых состояла из азербайджанцев, жители-мусульмане стали постепенно вытесняться и изгоняться, вследствие чего этнический состав был совершенно видоизменен. Каждый камень в Егегнадзорском районе, название которого неоднократно менялось, свидетельствует о том, что азербайджанцы тут жили тысячелетиями, составляя коренное население. После армянского селения Шади все расположенные на склонах гор селения Алаяз, Говушуг, имеющие обширную территорию Гызылгюль, Гюлидюзи и Кедик Венг, а также приютившиеся в другой долине - Амагу, Елпин, Хорс, Габахлы, Гара Гая, Дживе, Саллы являются древними азербайджанскими селениями. В конце 50-х годов Микоянский район разделился на Егегнадзорский и [94 - 95] Азизбековский районы. Центром Азизбековского района стал поселок Сойлан. Джермук, превратившись в поселок городского типа, перешел в подчинение Азизбековского района. В энциклопедии была представлена и численность населения азербайджанских селений в 1977 году. Но так как там дается, лишь общая численность я лишь перечислю названия азербайджанских

селений Азизбековского района: Соилан, Гул, Гюлистан, Гемур, Дайлахлы Зейте, Габуд, Гармрашен, Хорадис, Кочбей. Часть населения проживала в поселке Джермук. И отсюда тоже в 1988 году были изгнаны все азербайджанцы.

В этих районах, помимо топонимов, свидетельствующих о древности проживания тут азербайджанцев и выражающих названия местностей, существуют также топонимы, образованные на основе гидротерминов с тюркскими корнями - булаг, гель, чай, топонимы - даг, дере, оба, названия лагерей, в том числе и сохранившиеся на территории этих районов древние огузские кладбища, надгробные надписи и изображения. Бесспорно, что все горы, реки, озера, местности названы самими людьми и естественно, они должны называться на том языке, на котором общаются эти люди.

Красавица гора с вечно снежной вершиной Хусбуд дагы (высота 3202 м), приютившая у себя на склонах Кафанский район, является священной горой азербайджанцев. Она настолько обожествлена, что люди обращаются к этой священной горе с просьбой осуществить их заветные желания. Иногда же, в порыве гнева люди также обращаются к Хусбуд дагу воздать по заслугам провинившемуся. У подножия этой горы расположены только азербайджанские селения. Она также в летнее знойное время становится местом кочевки людей - эйлагом. Реки Охчу и Кыгы являются притоками реки Кафан. Они в то же время делят горные селения района на две зоны.

В долине реки Охчу имеются как армянские так и азербайджанские селения. В долине же реки Кыгы - только азербайджанские селения.

Один из эйлагов у подножия гордо возвышающейся в 15 километрах к северу от селения Кыгы горы Пирхемде (высота 3.304 м) - эйлаг Вана, известные своими глубокими ущельями, лошадиными скачками Шыппырлы, отличающийся прелестью прозрачных и прохладных родников Гарагатлы - все эти эйлаги испокон веков принадлежали нашему селению Шехерджик. Церемония [95 - 96] кочевки на эйлаг и возвращения оттуда обратно в селение напоминала настоящий праздник. Самые счастливые дни мои прошли на этих эйлагах. Иногда, стоит только представить, что мне больше не суждено увидеть те горы, реки, прозрачные хрустальные родники, как слезы начинают душить меня. Я исходил, можно сказать, все живописные места в Азербайджане, Грузии, Армении, вот уже 25 лет, как живу в Баку, но снова мне во сне снятся эти горы, сады, наше селение. Так как не было такого года (за исключением 1988 года), чтобы я не навещался к себе на родину.

Судьба беженца - великое горе, мы оставили там свой мир, свою душу, существо, свое прошлое, мы оставили там могилы сотен тысяч своих родных. Кто ответит на вопли этих могил. Одним из таких брошенных в течение одной недели - кладбищ является и древнее кладбище с тысячелетней историей в нашем селении. Надпись на надгробном камне на могиле святого Пира в нижней части кладбища свидетельствует о ее принадлежности к IX веку. Однако история самого кладбища уходит в еще более древние времена. Отмечу тот факт, что для определения истории кладбища имеются материальные свидетельства, так что даже нет нужды в проведении археологических раскопок. Пролегающая через кладбище дорога на протяжении десятков лет все, более углубляясь и расширяясь, превратилась в овраг, в двух местах которого наружу выступают три пласта (этажа) могил.

По определению геологов, для исчезновения каждого старого пласта и появления нового вместе с могилами на нем требуется самое меньшее тысячу лет. Если следовать подобным подсчетам, то возраст нашего кладбища перевалил за третье тысячелетие. Если бы была возможность вернуться туда когда-нибудь, я привез бы фотоснимки этих пластов.

В Кафанском районе существует множество древних памятников, этнонимов, топонимов. Но, к сожалению, они до сих пор не изучены, и даже некоторые из них АН Армянской ССР объявила армянскими памятниками. Так, находящийся близ нашего селения памятник Венк (X век) они называют Ваханаванк, таким образом, присвоив себе. Когда в 1987 году группа армянских археологов, исследовав памятник в селении Доврус, обнаружила, что это памятник не армянский, а имеет отношение к мусульманам; они, разрушив его, собирались погрузить в машину и увезти письменную часть, но жители селения помешали им в этом. Этот памятник до [96 - 113] 1989 года еще находился там. А теперь... Кто знает?

Тут каждый бугорок и горы, и реки, и селения, и области свидетельствуют о том, кем, каким народом они названы, печать, чьей истории несут они в себе. И разве пленительная неповторимая красота долины Охдар (после изгнания отсюда азербайджанцев, армяне собираются превратить эти места в санаторную зону) не берет свое начало от озера Аг Гель с его хрустальными водами? Кому принадлежит озеро Газан, дремлющее на высоте трех тысяч метров? И разве название самой высокой горы в Зангезуре - Гапыджыг (3904 м) не свидетельствует о ее принадлежности нашему народу?

Как и во всей Армении, азербайджанское население в Зангезуре - аборигены, они испокон веков населяли эти земли, и пришлых тут можно было встретить очень редко. Мой отец в своих дневниках (он был первым грамотным человеком в районе, но об этом позже) отмечал существование в селении Шехерджик двенадцати племен (он так и назвал свои записи: Древние племена в селении), указав имя и

фамилии 3, а то и 5 родов у некоторых из них. Мой отец отмечал в дневнике, что среди всех этих племен только одно происходило из Ирана, остальные были местные, коренные. Таково дедуктивное заключение: азербайджанцы, проживавшие в Армении - аборигены.

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ

Глядя на фотоснимок из статьи "В пропасти", опубликованной в газете "Труд" (5 января 1989 года), я с болью в душе вспомнил о трагедии, пережитой азербайджанским населением нашего района семьдесят лет назад, рассказы матери дяди о беженцах (оба живы, в то время матери было 12 лет, и дяде же - 14, их рассказы записаны на ленту), и в голове вдруг промелькнуло: неужели история повторяется? Не осуждайте меня, трудно, тяжело смотреть на этот снимок, случайно сфотографированный советским воином у самой границы с Турцией. Почему должна была эта семья из восьми человек (мальчику, пробивающему дорогу своим сестрам, 12 лет) бежать по этим заснеженным горным дорогам, спасаясь от рук лютых палачей? Почему изгнание азербайджанцев из всех районов Армении было организовано на уровне республиканского правительства, и почему эта задача должна была решиться в течение одной недели? Я тоже, как и все, долго размышлял над [113 - 114] этими вопросами, и, прибегая к историческим фактам, путем наблюдения, сравнения и анализа вывел некоторые заключения.

Среди опубликованных на страницах центральной печати за последние два года со времени возникновения вымышленной "карабахской проблемы" самая объективная с моей точки зрения статья и то не отвечает на все поставленные мной вопросы. Однако, несмотря на неоднократные звонки и просьбы к редакторам республиканских газет, они, под предлогом опасности разжигания национальной вражды, отказывались печатать ее.

В своем письме об этом событии, адресованном в Политбюро ЦК КПСС, редакцию газеты "Правда" (одна копия направлена также и в ЦК Компартии Азербайджана). Я показал, что изгнание азербайджанцев из Армении было осуществлено на государственном уровне, организовано, по единому сценарию. К сожалению, газета "Правда" лишь ограничилась кратким ответом: "В связи с ограниченностью наших возможностей, мы не можем дать отдельную статью, ваши мысли будем использовать в будущей работе". Из Политбюро же до сих пор не получил ответа.

Одним из вопросов, занимавших меня, был и вопрос о сроке, в течение которого были изгнаны азербайджанцы. Почему в "сценарии" был предусмотрен срок в неделю? В октябрьские праздники 1988 года мой брат (он являлся секретарем территориальной партийной организации) приезжал в Баку. Он сказал, что заведующий районным отделением народного образования дружен с ним, не раз делил в его доме хлеб-соль. Вот он оповестил брата, чтобы подброду-поздорову постарались до 20 ноября выехать из района, потом события могут ухудшиться. Так и случилось. До 29 ноября из Кафанского района, также, как и по всей Армении, поголовно все азербайджанцы были пущены по миру, их изгоняли, предварительно отобрав у них все имущество.

Второй факт. В феврале прошлого года в Наримановском райкоме партии должно было состояться собрание членов идеологической комиссии. Расположившись на диване рядом со столом, поставленным напротив отдела учета райкома, мы ожидали начала собрания. Случайно мой взгляд упал на заявление, которое писал человек, сидевший за столом. Пробежав глазами слова: Азизбековский район Армянской ССР - я понял, что человек - этот из беженцев и тихо спросил: - Когда прибыли?

Он ответил, что 28 ноября.

-Но почему именно 28 ноября?- спросил я. И тот стал рассказывать [114 - 115] обо всех злоключениях, пережитых ими. Все с интересом слушали.

Выяснилось, что нашего собеседника зовут Владимир Рустамов. После окончания Ереванского зооветеринарного института на армянском языке он был назначен директором Гармрашенского (азербайджанское селение) совхоза Азизбековского района, позже был снят с должности директора и избран секретарем партийной организации в том же совхозе. После этой краткой информации он, вздохнув, начал рассказывать:

-Было 28 ноября. В 2 часа ночи директор совхоза и председатель сельсовета постучавшись к нам, сообщили, что из Еревана прибыли бородачи, перекрыв все дороги, они намереваются никого не выпустить отсюда живым. И вот, - сказали они, - мы пришли предупредить тебя. Они требуют, чтобы вы до 5 часов утра уехали. После назначенного времени мы не отвечаем за вашу безопасность. - Эти слова молнией пронзили мой мозг. Один миг я стоял как вкопанный, в беспомощном состоянии. Как можно переселиться за три часа, каким транспортом перебираться? Их обязанностью было сказать и уйти, а как быть нам? Находясь в безвыходном положении, я вынужден был позвонить начальнику районного отделения милиции, с которым дружил длительное время. В ответ он дал знать, что может предоставить мне только свою машину, другой возможности нету. При этом он все же посоветовал мне позвонить председателю райисполкома, может быть, он сможет как-то помочь. В 3 часа ночи я с большим трудом

дозвонился до квартиры председателя, разбудив его. Но никакого результата не добился. Он тоже, в свою очередь, посоветовал позвонить первому секретарю райкома. Я вынужден был в 4 часа ночи позвонить первому секретарю. Я сказал ему, по какому делу пришлось побеспокоить его, и попросил помочь. Я не поверил тому, что услышал в трубке. Тот ответил, чтобы я приходил к нему на прием в 9 часов утра. Я вынужден был еще раз повторить, что, мол, товарищ секретарь, до 5 часов утра с нас потребовали покинуть район. Вы же зовете меня к себе к 9 часам. Он еще сильнее рассердившись, громко закричал: - Это кто вам сказал? - Я ответил, что директор совхоза и председатель сельсовета.

-Ничего, оставайтесь до утра, - ответил он.

Утром к 8 часам подъехал какой-то виллис и мне предложили забрать семью и ехать. Среди людей начался плач. Вы уезжаете, [115 - 116] - говорили они, - а нам как быть? Те сообщили, что едут в Нахичевань, за машинами. Всё так и было, Из Нахичевани прибыло 10 бронированных машин и 10 грузовых, и 28 ноября мы, покинув свою родину, собрались на Нахичеванской железнодорожной станции. Вся домашняя утварь осталась там: кто сумел, взял себе кое-что из легкой одежды. Также досталась им и моя только что купленная румынская мебель. Мы навсегда попрощались с теми местами. Вот так нас силой изгнали.

Меня всегда беспокоило это понятие срока - недели. Откуда это исходило? Во время исследований в "Армянской Советской Энциклопедии" я натолкнулся на это выражение в течение одной недели. Я привожу все так, как есть. Там написано: "После молодой турецкой революции 1908 года "армянский вопрос" вступил на новый этап. Ослабление Турецкой империи в 1912-1914 гг., расширение освободительной борьбы на Балканах снова подняли "армянский вопрос". Вопрос, который Султан Гамид не мог решить на протяжении десяти лет, Талят решил в 1915 году в течение одной недели. ("Армянская Советская Энциклопедия", т. 6, стр. 185).

Столкнувшись с этой мыслью, я тут же вспомнил, как 25 лет назад во время проведения 50-летия армянского "геноцида" в музее революции Армении в выставочном зале, посвященном геноциду, среди стендов был вывешен на стене один документ, написанный на немецком, русском и армянском языках - расспросы Талята. Как сейчас помню, что там было написано:

-Сколько армян уничтожено за неделю?

-800 тысяч, - ответил ему.

-Слишком мало, - сказал в ответ Энвер.

Созвучность этих выражений не случайна. В Армении антитюркское, антиазербайджанское движение особенно стало шириться в 1965 году, после проведения 30-летия армянского "геноцида", вместе с изданием "Армянской Советской Энциклопедии". Наряду со всеми средствами массовой информации в энциклопедии также содержатся такие выдумки относительно армянского "геноцида", что каждый армянин, прочитавший это, обязательно возьмется за оружие. Помещенная в энциклопедии статья "Великая резня" содержит 9 страниц, что на языке энциклопедии означает 76 тысяч знаков, две страницы посвящены изображению пыток, нагроможденных друг на друга трупов, груды черепов и др. Вызывает сомнение сам факт сохранения с 1915 года подобных фотоснимков. Все это было [116 - 117] почвой на будущее - для разжигания националистических чувств.

Исследуя и изучая трагедию беженцев 1988 года, насильственное изгнание 200 тысяч человек можно обнаружить, как сходны эти события с событиями 1918 года. Разница лишь в том, что в 1918 году у власти находились дашнаки, а теперь власть в руках Советов. После прочтения в известиях Академии Наук Азербайджанской ССР архивных документов относительно событий 1918 года, я пришел к выводу, что они, в особенности 83-91 страницы, являются историческим подтверждением событий, записанных мной на ленту. Тут несколько искажены лишь названия некоторых селений. И поэтому я буду излагать запись на ленте.

В 1918 году на территории нынешнего Кафанского района азербайджанцы по численности превосходили армян. Наше селение Шехерджик, расположенное всего в семи километрах к северу от Кафана, находится в таком месте, откуда все прибывающие армянские отряды видны как на ладони. И поэтому их нападения всегда отражались, получали отпор. Только 170 вооруженных из нашего селения людей заслоняли собой от нападения все верхние селения. Однако прибытие в Кафан регулярной армии дашнакского генерала Андраника усложнило дело сельских смельчаков. Все население, покинув селение, вынуждено было подняться в крепость Гала, расположенную на самой вершине (в настоящее время эта крепость называется Гыр Галасы). Рассказывают, что, оказав некоторое сопротивление, люди преградили путь войску. Но после того, как войска Андраника пустили в ход тяжелые пушки и стали палить с дальнего расстояния (они подвергли пушечному обстрелу Гыр Галасы с холма Халюзир) жители селения, пробираясь через леса с помощью вооруженных отрядов, достигли селений Ачагу, Киретаг и нашли их также пустыми.

Жители всех азербайджанских селений, не выдержав натиска регулярной армии, бежали, побросав свои дома, скот, имущество и даже матрасы и одеяла. В ноябре 1918 года в горах выпал снег,

однако человеку привычно терпеть. Три дня и три ночи они двигались по суровым и голым горным тропам в сторону Ордубада.

Из рассказа моей матери: Когда мы бежали, мне было 12 лет. От самого селения Сараи до Ордубада меня вела за руку жена дяди по отцу, весь путь мы прошагали пешком, на моих лаптях не было, шнурка и поэтому один из них затерялся в дороге, кто-то одолжил мне свой, и я обулась. Шли и ночью. Взбираясь все выше [117 - 118] в горы, можно было видеть, как на белом снегу двигаются черные тени - то были беженцы. Чуть передохнув (лежали прямо на снегу, без матрас и одеялов), люди снова пускались в путь. Мне дали нести небольшую переметную суму, позже я узнала, что там были отцовские деньги, но они никакую пользу нам не принесли, став "мертвыми".

Жители Кафана вместе с жителями верхней части нашего селения в целости достигли селений Айлис, Дырныс, Яйчы и Десте в Ордубаде. Сразу же по прибытии нас разместили по отдельным домам, выдали муку, оказали помощь...

Да, история повторяется. О том, как расправлялись в те дни с азербайджанцами в селении Охчу Кафанского района, Гянджинская губерния извещала в своей телеграмме от 11 декабря за №303: "По сообщению начальника Зангезурского уезда 19 декабря отряд Андраника вместе с местными армянами... истребляли азербайджанцев в ущелье Кыгы". В телеграмме же начальника Джебраильского и Зангезурского уездов Намазалиева показывается: "После отбытия англо-французского представительства 10 декабря армяне напали на мусульманское селение Шабалин и другие селения. Армянские пленники показали, что во всем этом виноват Андраник. Он принял решение присоединить к Армении всю территорию до Чаа, тех, кто отказывается участвовать в сражении, он приказывает повесить. Бои ведутся в ущелье Кыгы" (Известия АН Азербайджанской ССР. № 4, 1989, стр. 86).

От селения Шабалина, разрушенного до основания во время Андраника, теперь осталось одно название. В нескольких километрах ниже от этого селения, под предлогом перемирия собрав жителей селения Охчу в большом помещении, они заперли двери и подожгли. Единственный спасшийся тогда человек по имени Мустафа впоследствии жил неподалеку от тех мест в селении Атгыз. Одним из живых свидетелей того страшного события является и его племянница Айна Оруджева. В настоящее время они проживают в городе Баку, ей 81 год.

Обратимся снова к языку фактов, свидетельствующих о кровавых злодеяниях, совершенных Андраником в Кафане. Телеграмма №114 начальника Зангезурского уезда: "Вопреки обещаниям, данным армянами во главе с Андраником англо-французскому представительству, уничтожено, сожжено и разграблено более 30 мусульманских селений. Жители, которым не удалось бежать и укрыться, были зверски убиты". Телеграмма №349 за январь 1919 [118 - 119] года от начальника управления Зангезурского уезда Агдаша: "Селения Гушчулу, Аджили, Афсарли были в первых же числах января разрушены армянами. Селения Шехерджик. Ачагу, Охчу после осады были захвачены армянами, селения Гиретаг Моллалы, Говшуд, Гарабашлар, Бахарлы, Кыгы, Даш Башы, Махмудлу, Кейпешин, Хечети, Курут, Пейхан, Кырс, Аджыбадж взяты в окружение армянами. В сражении участвуют сотни людей из отряда Андраника". (Известия АН Азерб. ССР, № 4, 1989, стр. 88). Андраник прошел через Сисиан, предав там тоже все огню. В сообщении № 3 (от 12 сентября 1918 года) начальника Зангезурского уезда показано, что под предводительством Андраника в Сисиане разрушены селения Урут, Дарбас, Агалу, Вагуди, селения Арыклы. Шукюр, Меликли, Пулкенд, Шеки, Гызылджыг, мусульманская часть Гара Килсе, Ирлик, Пехлили, Дарбас, Юртлар, Хотанан, Сисиан и Забазадур сожжены, 500 человек мужчин, женщин и детей, не сумевших убежать и скрыться, были убиты. По словам попавшего в плен старого армянина, Андраник разрушил эти селения по просьбе местных армян Зангезура. (Известия АН Азерб. ССР, № 4, 1989, стр. 85). В протоколе (без номера) от 11 февраля 1919 года управления Зангезурского уезда мы читаем. "Житель селения Доврус (Кафан) Амир Мухтар оглы показывает что он вместе с Дорнулу Рустам оглу Алиевым после поджога армянами их селения, остались жить в армянском селении Хотанан, нанимаясь в слуги. На днях армяне получили указание из Геруса очистить селение от мусульман - или истребить, или же прогнать их в мусульманские районы. Друга мальчика - Алиева - убили, а его самого прогнали..." (Известия АН Азерб. ССР, № 4, 1989, стр. 91).

Целью всего сказанного было определение главного направления стратегических планов армянских националистов. Главный же курс состоит в расширении антитюркского и антиазербайджанского движения и создания призрачной "Великой Армении" путем развязывания реваншистской войны. Тысячи кровавых преступлений, учиненных дашнакской Арменией в 1918-1920 годах против азербайджанского населения, явно разоблачают их планы и цели. В статье под заголовком "Арагатская республика", опубликованной в газете "Азербайджан" эти цели открыто признавались. Газета писала "Семь дней тому назад некий сельчанин по имени Гулу, прибыв в наше селение Гараиман, сообщил, что армянские отряды, возглавляемые офицерами Филимоновым и Нишаневым [119 - 120] ночью взяли в окружение селения Гызыл Венг, Субасан и Загалы. Под предлогом вызова со стороны

пристава все мужчины были выведены из селения, после чего они стали грабить и опустошать селение. Жители молили, просили их о пощаде, обещая исполнить все их требования, лишь бы они освободили их. В ответ армяне сказали, что уничтожением двух-трех мусульманских селений они не могут утолить своей жажды мести. Если даже разрушат и сровняют с землей 30 селений, все равно это не сравнимо с той кровью армян, пролитой в сентябре на небольшой улице города Баку.

За четыре дня до разрушения и погрома армянами этих трех селений, в селении Чамурлу они зверски убили 4 мужчин и 6 женщин. Армянские вандалы отрубили мужчинам головы, а у женщин вырезали груди. Мы сами хоронили трупы убитых.

Одна женщина из селения Шараба, замученная армянскими палачами, сообщила, что в селении они истребили всех мужчин, детей сжигали в тендырах, потом, выбрав 8 женщин, увели с собой. Продержав их у себя 20 дней, они отпустили женщин, поиздевавшись и обесчестив их. (Газета "Азербайджан", № 30, 9 февраля (27 января) 1919 года).

Эти реваншистские планы были очевидны и из доклада члена Чрезвычайной следственной комиссии по делу погромов и разрушения Кубы и Кубинского уезда Новатского, а также из сообщений об учиненных кровавых преступлениях и резне главарей дашнакских войск Амазаспом. Истребив в Кубе более 2000 азербайджанцев, разрушив до основания Кубу и 212 селений, награбив 4 миллиона рублей деньгами, неисчислимого количества золота и драгоценностей, обесчестив сотни женщин, Амазасп держал следующую речь в Кубе. "Я герой армянского народа и защитник его интересов, я прибыл сюда (в Кубу) с карательным отрядом, чтобы отомстить за кровь убитых тут две недели тому назад армян. Я прибыл сюда не для установления порядка и законности, Советской власти, а с целью отомстить за убитых армян. Мне было приказано, чтобы за то, что вы и турки убили наших армянских братьев, я уничтожил всех мусульман от берега моря (Каспийского) до горы Шах дагы, сровнял с землей ваши селения, как было сделано в Ширване (Шемахе), но я пощадил" (Известия АН Азерб. ССР, № 4, 1989, стр. 135).

Как видно из показаний Келовани, отряд Амазаспа прибыл в Кубу с карательной целью по желанию комиссара Шаумяна, без ведома других комиссаров. Состав отряда был подобран военным [120 - 121] министром того времени Каргановым (Карганян). Отряд был организован только из армян, состоящих в дашнакцутюнской партии. В нем было 2 тысячи человек, возглавляемых дашнаком Амазаспом. Комиссаром же отряда был назначен Вунунц. Отряд не преследовал политических целей, он назывался "карательным" (Там же, стр. 134-135).

Фальсификация в науке, искажение истории равносильны пиратству, разбойничеству. Орган ЦК Компартии Армении газета "Коммунист" в деле фальсификации за последние два года побивает "рекорд" в мире. Главным же ее направлением является антиазербайджано-антитурецкая политика дашнаков. Буквально в каждом номере (в особенности в последнее время) газеты две-три статьи посвящаются надуманной "проблеме" Нагорного Карабаха. Пишутся ответы и отклики на публикуемые в Азербайджане выступления и издаваемые книги. Через год после выхода в свет статьи академика Зии Буниятова о карательном отряде дашнака Амазаспа (газета "Элм", 24 сентября 1988 года), газета в ответ опубликовала статью члена корреспондента Армянской ССР Г. Аветисяна "Как все это было. Закавказье в 1918-1920 годах". Автор пишет: "В 1918 году Амазасп был командиром не дашнакской бригады, а 3-й бригады Кавказской Красной Армии.... В начале 1919 года Андраник, покинув Зангезур, прибыл в Ехмиадзин... в середине апреля уехал за границу, с июля 1919 года жил в Англии (Манчестере), потом в США". ("Коммунист" 27 августа 1989 года). По словам Аветисяна, никто из них не участвовал в карательных действиях... В одной книге, запрещенной в 30-е годы, я натолкнулся на очень интересную речь комиссара иностранных дел СССР Чичерина на торжественном всесоюзном вечере Закавказских студентов, посвященном 25-летию Бакинской организации и 4-й годовщине Советского Азербайджана. В выступлении сказано:

"Товарищи, сегодняшний вечер воспоминаний посвящен двум событиям: во-первых, созданию бакинской социал-демократической, а позднее коммунистической организации... Другое событие - это революционный переворот в Баку, создание Советского Азербайджана.

Воспоминания у меня двоякого рода: воспоминания того, что мы пережили в Наркоминделе, и воспоминания из той политической литературы, которая позднее доходила до нас и освещала задним числом очень многое, что нам было не совсем ясно в [121 - 122] момент тех событий, которых мы были активными участниками. Прежде всего, я припоминаю ту длинную серию трагических патетических писем, которые мы, в особенности т, Сталин, получали от покойного т. Шаумяна, в которых освещалась героическая борьба маленькой бакинской армии против наступающей громадной турецкой армии в 1918 году. И там речь шла не только о бакинской армии, но и о других силах, отчасти кооперировавших с бакинской армией в роде сил Андраника дашнакского вождя. И многим было не совсем ясно, какую роль играл Андраник в международных комбинациях, какую роль играли другие факторы тех событий,

которые тогда развертывались". (Курсив мой – С. А.) ("25-летие Бакинской организации, 4-я годовщина Советского Азербайджана", М, Изд. "Студенческое землячество", 1924, стр. 15).

Подобные организации, создававшиеся в Армении на протяжении всей истории, да и теперь существующие под различными названиями, дезинформируя и обманывая свой народ, как и сейчас, приводили к общенациональному психозу. Лидеры этого движения Г. Багдасарян (в свое время второй секретарь ЦК), В. Амбарцумян, С. Амбарцумян, Капутикян, Балаян, Игитян, Аганбекян и другие являются "федаинами" - самоотверженными служителями идеи расширения территории Армении за счет соседних республик. После Нагорного Карабаха в Генеральном плане у них стоит Нахичеванская АССР, а потом - проблеме "геноцида" армян в Турции... поставлена задача на основе Международной конвенции или вернуть Армении Восточную часть Турции или же получить полную компенсацию за "геноцид" (об этом шла речь на сессии Верховного Совета Армянской ССР в 1989 г.).

Хочу особо остановиться на вопросе о Нахичевани, затронутом с высокой трибуны второго съезда народных депутатов СССР, В обширных писанинах профессора Карапетяна и Барсегяна, опубликованных в газетах "Хорхдаин Хаястан", "Коммунист", "Комсомолец" для того, чтобы разгласить по всему миру о процессе "азербайджанизации Нагорного Карабаха", ставшем одной из причин (вернее, поводов) для объявления нынешнего карабахского вопроса, они неоднократно приводили такие цифры, будто бы в свое время, в 1920-х годах в Нахичевани армянское население составляло 57 процентов, которое впоследствии было постепенно вытеснено оттуда. Они показывают, что нагорно-карабахская политика [122 - 123] азербайджанских руководителей также направлена на это. Обратимся же к фактам. В письме премьер-министра Азербайджанской республики, адресованном председателю конференции Мира (16-19 августа 1919 года) имеется таблица об этническом составе Нахичевани, Шарур-Дерелеяз, Сурмали и части Иреванского уезда:

	Нахи- вань	Шарур- -Дерелеяз	Сур- мали	Ире- Вань*
Мусульмане-азербай- джанцы	62,5	72,3	68,0	60,2
Армяне	36,7	27,1	30,4	37,4
Другие национальности	0,8	0,4	1,6	2,4

* Цифры по Иреванской губернии относятся ко всему населению губернии.

В 1926 же году армянское население в Нахичеванской АССР составляло всего 10,8 процентов (см. Население Закавказья. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Тифлис, 1928 г., стр. 10).

Думается, пояснения тут излишни. Но возникает такой вопрос; как оказалось, что азербайджанское население Шарур-Дерелеязского уезда составило 72 процента, ведь до полного и окончательного изгнания 1988 года этнический состав азербайджанцев в районах на территории этого уезда составлял всего-навсего 14-17 процентов (цифры взяты из "Армянской Советской Энциклопедии"). В то время как в Эриванской губернии азербайджанцы составляли 60,2 процента, в нынешней Армении их в целом было 6 процентов, а сейчас - ноль процентов. Видимо по этой причине З. Балаян, живущий в Армении и избранный народным депутатом от Азербайджана, ставший первоначинщиком межнациональной резни в 80-х годах, выступая на очередной сессии Верховного Совета Армянской ССР, сделал такое заявление: "Для того чтобы в стране не повторилась карабахская трагедия, необходимо срочно под покровительством Верховного Совета СССР и Верховного Совета Армянской ССР начать судебный процесс по геноциду армян и русских в Нахичеванской автономной республике (газета "Коммунист", Ереван, 27 июня 1989 года).

Подобная клевета не требует дополнительных пояснений. Однако для того, чтобы правильно разобраться во всем, достаточно [123 - 124] будет привести суждение первого заместителя Министра внутренних дел Армянской ССР В. Ерина в своем интервью корреспонденту ТАСС о роли З. Балаяна и ему подобных в развязывании этих событий. Ни "чернорубашечники", ни "белорубашечники" и ни "бородачи" не создавали шума вокруг НКАО. Они лишь слепые исполнители воли 10-12 идеологов комитета "Карабах", созданного лишь год тому назад (но только не год назад, а 25 лет назад – С. А.) ("Правда", 18 декабря, 1988 года).

Корни трагедии между двумя народами кроются тут, и до сих пор они остаются безнаказанными, переименовав же комитет в "Армянское национальное движение" они стремятся замести следы прежних преступлений.

И в самом деле, история повторяется. В 1918 году азербайджанцы вынуждены были бежать, спасаясь от смерти, бросив земли предков, свои, жилища, добро, покинув родину. И тогда зачинщиками их изгнания было Армянское дашнакское правительство. После установления Советской власти в Армении 29 ноября 1920 года, большая часть беженцев возвратилась в свои дома. Жители нашего

района, также вернувшись в свои селения в 1921 году, приступили к мирной созидательной жизни. А теперь...

Многие спрашивают, как закончатся эти события, и никто не решается дать конкретный ответ. Но я решительно заявляю: если в Армении установится подлинно гуманная Советская власть, то возможно, что беженцы снова вернутся на свою родину.

ДИСКРИМИНАЦИЯ ИЛИ ЖЕ АПАРТЕИД

Каждый, кто сталкивается с понятиями дискриминация или апартеид, тут же начинает представлять себе африканский континент. Но, углубившись в суть вопроса, видишь, что, несмотря на равное положение людей при рождении, они везде живут по-разному, отличаясь друг от друга. У каждого народа существует свой характер, обычаи и традиции, быт, образ жизни.

Когда я был ребенком, у меня сложилось впечатление, что мы обязаны, нам судьбой предопределено трудиться, пахать, сеять, растить урожай, а армяне-должны кушать, они должны жить в городе, а мы в селении, они должны носить туфли, а мы – чарыки - лапти (до 1940 года чарыки носили даже наши учителя), они должны пользоваться электрическим светом, а мы - работать при свете [124 - 125] керосиновой лампы (впервые я увидел электрический свет в городе Кафане в 1940 году в гостях в доме у Мешади Магомет киши, не сумев даже скрыть своего изумления). Да разве сама судьба беженца - не значит дискриминация, попрание человеческого достоинства, его прав? Разве можно назвать социальной справедливостью изгнание по национальному признаку тысяч людей из родных очагов? Ведь само слово "апартеид" означает лишение какой-либо группы людей политических, социально-экономических и гражданских прав, или же ограничение этих прав.

Глядя на все это, мы все понимали, чувствовали, но, живя в эпоху деспотизма, не смели высказать то, что видели глазами. Мы тихо и безропотно переносили все социальные несправедливости, свидетелями которых были. Хотя, разве попрание человеческих прав, изгнание людей из родных очагов, нарушение правопорядка в селении и районе не есть подлинная дискриминация?

Как при царской России, так и в период дашнакской власти в Армении азербайджанцы терпели двойной гнет. С одной стороны, вследствие того, что азербайджанцы не призывались на военную службу, у них не было национальной обороны, с другой же стороны, армяне, препятствуя интеллектуальному развитию нашего народа, его просвещения и культуры, всегда становились большой преградой на пути национального возрождения.

Размышляя над всем этим, задаешься вопросом: Как случилось, что азербайджанцы из Армении, являвшиеся в свое время коренным населением и превосходившие по численности армян до революции, оказались беженцами, эмигрантами-переселенцами и почему вдруг за последние 15-20 лет этот процесс стал ускоряться? Этот процесс я делю на два этапа: первый, это этап проявления национализма в скрытой форме или же искусственного для того периода интернационализма, второй этап характеризуется открытым национализмом и - общенациональным психозом. И в действительности, в период культа, личности или же застоя, когда отсутствовали демократия и гласность, армяне, пугавшиеся даже одного слова национализм, строили все планы втайне про себя, прибегая ко всякого рода козням и интригам, на виду же старательно представлялись интернационалистами.

Как известно, до 1959 года азербайджанцы, проживавшие в Кафанском районе, составляли 52 процента от общей численности населения. [125 - 126] До 1980 года из 48 селений района 14 селений были выселены под разными предлогами, став мертвыми, безжизненными. За 70 лет установления Советской власти в азербайджанских селениях ни разу не прокладывались и не обустроивались дороги, в то время как в армянских селениях даже на кладбищах проложены асфальтированные дороги. До 1943 года ни в одно из азербайджанских селений не проводилась электрическая линия, хотя электростанция размещалась между двумя нашими селениями. Ни в одном селении, несмотря на наличие штатов, не было построено ни одного клуба, дома культуры. И самое странное, до 20-й годовщины со дня установления Советской власти в нашей стране, ни в одном из 48 азербайджанских селений Кафанского района не было средней школы, и лишь в одном селении (Юхары Гиретаг) имелась школа-семилетка. Только в 1937 году в селении Шехеджик в средней школе был открыт 8-й класс.

По логике армянских националистов, вследствие "притеснения" национальных интересов армян в Азербайджане, их "плохой жизни" с 1922 по 1987 годы численность армян увеличилась от 240 тысяч до 487 тысяч, число же азербайджанцев, по случаю их "зажиточной" жизни катастрофически сократилось от 575 тысяч (в 1920 г.) до 200 тысяч (в 1979 г.), а в настоящее время достигло нулевой отметки.

Сравним кадровую политику, осуществляемую в обеих республиках на протяжении 40-50 лет. В период скрытой стадии национализма (я считаю его до 1965 года) под воздействием чувства страха армяне шли на какие-то уступки и при решении кадровых вопросов они учитывали хоть небольшой

процент азербайджанцев. И поэтому при создании 22 июня 1927 года комиссии национальных меньшинств при центральном Исполнительном Комитете Армении они назначили ее председателем азербайджанца (Бала Эфендиева из Красносельского района). До 1948 года даже третьим секретарем ЦК Компартии Армении был избран азербайджанец (покойный Мамед Искендеров из Зангезурского уезда, в 1960-х годах был директором института истории партии ЦК КП Азербайджана). До 1965 года из 17 районов плотного проживания азербайджанцев в пяти (Гарабаглар, Веди (поднее Арарат), Агбаба (Амасия), Зангибасар (Масис), Басаркечер (Варденис) первыми секретарями райкомов партии назначались азербайджанцы, в шести районах (Сисиан, Кафан, Мехри, Егегнадзор, Калинино, Иджеван) - вторыми или [126 - 127] третьими секретарями или же председателями исполкомов районного Совета, во всех других районах они занимали посты завотделами в райкомах, в семи районах - должности прокурора или помощника прокурора, начальника или замначальника отделов внутренних дел.

В первом периоде был создан качественный национальными кадровый корпус. В 40-е годы на руководящих постах находились такие известные представители интеллигенции, как Галандар Гашумов, Талыб Мусаев, Рза Шейхзаде, Ибиш Аббасов, Салман Гусейнов, Умуд Сулейманов. В пятидесятые годы были подготовлены такие партийные кадры, как Али Мамедов, Гусейн Мамедов, Габиб Гасанов, а в шестидесятые годы - Али Гасанов, Юнис Рзаев, Гашам Асланов, Тапдыг Амирасланов.

Я хорошо помню, как в 1939 году, когда впервые учреждалось звание заслуженного учителя Армянской ССР среди первых во всей республике шести награжденных учителей был и мой отец. Звание заслуженного учителя прокормило в годы Великой Отечественной войны большую семью из 9 детей. Заслуженным учителям выдавались талоны "Литер Б", предназначенные для первых секретарей райкомов партии. На этот литер мы получали в месяц 16 килограммов мяса, 5 кг сахара, 6 кг макаронных изделий и 20 кг муки. Если бы не этот литер, трудно пришлось бы нам в годы войны. Однако после проведения в 1965 году 50-летия "геноцида" отношение армян к нам полностью изменилось. За два года только в одном из 17 азербайджанских районов - Амасийском районе - на посту первого секретаря райкома был оставлен азербайджанец (в Амасии раньше секретарями были Магеррам Байрамов, Джангир Алиев, а самым последним стал Ильдырым Багиров). Однако и в этом районе на всех остальных постах сидели армяне. И даже в Басаркечерском (первым секретарем был Юнис Рзаев, впоследствии он работал первым секретарем райкома Шемахинского района Азербайджана и министром) и Красносельском (первым секретарем был Али Гасанов, позже работал на ответственном посту в Комитете Народного Контроля Азербайджанской ССР) районах, где в шестидесятых годах три четвертых населения были азербайджанцы, они насильно были уволены со своих постов и на их место назначены армянские кадры из Нагорного Карабаха. В то время как в Нагорном Карабахе при 75 процентном составе армянского населения в области на все руководящие должности назначались армянские [127 - 128] кадры, в Басаркечерском и Красносельском районах, где этнический состав азербайджанского населения составляет такой же процент, как НКАО, первыми секретарями были не азербайджанцы, и армяне. Разве тут азербайджанцы не могли выразить свой протест?

Во всех районах республики, где проживали азербайджанцы, дискриминация проводилась в жизнь по одному сценарию.

СЕЛЕНИЕ ШЕХЕРДЖИК

Судьба этого селения, расположенного всего в 7-ми километрах от Кафанского районного центра, тесно связана с судьбой остальных селений района. То ли по своему географическому положению, то ли в связи с расположением в самой середине всех других азербайджанских селений района, оно всегда выступало в роли центра просвещения и культуры для азербайджанских селений района. Одними из первых жители этого селения вернулись из Ордубада на родные земли в 1921 году, после установления Советской власти в Армении, и принялись восстанавливать разрушенное селение, налаживать свою жизнь. В конце XIX-начале XX века во всем Кафанском округе был единственный грамотный человек (в смысле способности читать и писать на русском). Это был Мирза Алырза Дуньямалы оглу Касумов (родной дядя отца). В то время как в двадцатые годы в Кафанском районе было 12 школ, ни в одном из азербайджанских селений школ не было. Для этого не хватало и кадров учителей. Первым человеком в районе, получившим образование, был мой отец - Зейналов Джалал Асад оглу (1896-1963). Из-за отсутствия азербайджанской школы в районе сперва он проучился в армянской школе в селении Деймедагыл (нынешний Шрвенантц), расположенном в 8 километрах от нашего селения, в 1913 году с большими трудностями прибыл в Баку, окончив тут пятиклассную русско-татарскую школу. Несколько лет он работал на медных рудниках Кафана (в то время рудники находились в руках французов), в июне 1921 года, после победы Советской власти в Кафана, снова вернулся в селение, до 1923 года был секретарем районного революционного комитета, в тот же год

первого сентября по его инициативе в районе была открыта первая начальная школа. Мне хочется представить некоторые факты из блокнота воспоминаний отца, чтоб* сравнить ту "заботу" армян о получении образования [128 - 129] азербайджанцами в районе с экстремистскими требованиями националистических лидеров Нагорно-Карабахской автономной области по поводу отсутствия помощи Азербайджанского правительства в деле развития их национальной культуры. В своих воспоминаниях он писал: "Для того-чтобы организовать первый класс школы мы собрали группу одарённых детей в селении (им было 12-14 лет) и приступили к занятиям. Но у нас не было ни помещения, ни стола, ни стула и поэтому первые занятия мы проводили в маленькой комнате у человека по имени Молла Сулейман, сидя на паласе. Однако наши ученики (Дадаш Оруджалиев, Нурали Гурбанов, Бахлул Имамалиев (заслуженным учителем), Джангир Рустамов (заслуженный учитель), Гасанали Гасанов, Абил Рзаев, Шихали Зейналов, Гусйн Зейналов. Хадиджа Мустафаева (единственная девочка, после окончания начальной школы она отправилась учиться в семилетнюю школу в нынешнем селении Вагуди Сисианского районе, находящемся в 110 километрах от нашего селения, и, заболев, умерла там). Ага Агаев, Ахмед Алекперов, Шахсувар Асадов (в тридцатые годы окончил в Москве Тимирязевскую Академию, в настоящее время пенсионер), Сабзали Бандалиев, Аюб Гудиев, Гусейн Алмарданов, Теберик Зейналов, Исаг Джаббаров, Исмаил Шахмурадов Гадималы Мамедов, Музаффар Намазов) с рвением примялись за дело, и в течение года мы создали условия для школы. Вырубив большие ореховые деревья в лесу Сулу даре, находящемся неподалеку от нашего селения, мы напилили доски для столов и стульев, поставив с помощью учеников комедию на основе увиденной мной в Баку в 1913 году, мы устроили в селении бесплатное представление, в райцентре же - платное, с продажей билетов. На полученные средства мы купили печку, трубу и другие вещи для школы. Самым трудным делом было приобретение букваря и тетрадей. Тетради я купил в селении Деймедагыл, где раньше я учился, но букварь мы могли купить только в Баку, а туда не было железной дороги. Мы вынуждены были направить людей в знакомый нам по периоду беженства Ордубадский район (расстояние 110 км). В этом деле нам помог Мухаммедали Гиблели оглу. Отдав за каждый букварь 8 кг пшеницы, он закупил книги на всех учеников.

В своих воспоминаниях я нес - неслучайно назвал всех учеников. Потому что 17 из них в последующие годы стали директорами вновь образованных школ в селениях Кафанского района (некоторые [129 - 130] из них занимали эту должность на протяжении 30 лет). Они хорошо известны не только взрослому, но и молодому поколению.

Эта начальная школа, организованная в 1923 году в селении Шехерджик, так и оставалась начальной вплоть до 1937 года. В 1930-е годы семилетняя школа стала создаваться в Юхары Гиретаге, начальная, а затем и семилетние школы были образованы также в Кыгы и Охдаре, Мой отец семь лет проработал директором семилетней школы в селении Гиретаг, после же открытия средней школы в нашем селении вернулся к себе и до конца своей жизни был директором в этой школе. Но речь не об этом. Так как селение Шехерджик находилось в середине района, протянувшегося на целых 45 км., выпускники с неоконченным средним образованием из всех остальных селений вынуждены были стекаться сюда для получения полного среднего образования. Но, несмотря на открытие средней школы, самого здания этой школы не была. Для проведения занятий в две смены использовалось четырехкомнатное помещение, построенное силами колхоза и мечеть рядом с ним. На протяжении 60-70 лет со времени образования школ все учебники программы и другие учебные пособия с большими трудностями доставлялись из Азербайджана, Разве армянские чиновники, "не терпящие" национальной несправедливости, не видят всего этого, прибегая к историческим фактам? Эти древние земли, давшие столько кадров азербайджанским школам района, воспитавшие десятки ученых, двух генералов, теперь и вовсе стираются из памяти.

Всем известный видный ученый Анвер Назар оглу Алиханов, длительное время работавший председателем Совета Министров Азербайджанской ССР, также является выходцем из Кафанской земли. После того, как их селение Норашенник, где они жили совместно с армянами, в 1918 году было разрушено до основания соратником Андраника Нждеха и его сподручным Дро, в этом селении жили азербайджанцы. В прошлом же году здесь был поставлен памятник кровавому палачу азербайджанского народа Нждеху.

Первый председатель Исполнительного Комитета Шушинского уезда Совета Нагорно-Карабахской автономной области, видный революционер, дипломат Башир Буньятов также выходец из селения Юхары Гиретаг Кафанского района. Из Кафанского района вышли: генерал-майор Мамед Али оглу Ализаде (селение Гараджа), бывший заведующим отделом восточных стран Комитета [130 - 131] Государственной безопасности СССР, впоследствии работавший министром внутренних дел Азербайджанской ССР; генерал-майор Теймур Нагдали оглу Буньятов (селение Юхары Гиретаг) - командир войск внутренних дел Закавказских республик, заместитель министра внутренних дел Азербайджанской ССР.

Обострение национальных отношений в шестидесятых годах привело к тому, что были ликвидированы само название селения и колхоз при нем, территория же присоединена к городу Кафан. Жители селения решили, что теперь их положение улучшится, как и все горожане, они получают квартиры, приобретут права пользования всеми социальными услугами. Но все оказалось иначе. Во время землетрясения 1961 года все жилые дома в селении были разрушены, выведены из строя, под видом помощи каждой азербайджанской семье было выдано по 60-80 рублей, а некоторым - деревянные финские дома. В соседнем же армянском селении все разрушенные дома были полностью компенсированы. В поселок Шехерджик не провели газ, хотя он находился всего в семи километрах от райцентра. В семидесятые годы люди, страдающие от безводности в селении, провели в райцентр с расстояния 45-50 километров водопровод от истока реки Кыгы с ее хрустальными водами, который находился на самой вершине азербайджанского полурайона (Кыгы). Письма и жалобы писались и адресовались не только в Ереван, но и в Верховный Совет СССР, однако от водопровода, пролегающего через наше селение, так и не провели линию для азербайджанских жителей города Кафан.

В семидесятые годы бывшие ученики моего отца - 8 докторов наук, профессоров, обратились в Верховный Совет Армянской ССР с просьбой увековечить память человека, организовавшего среднюю школу №8 в селении Шехерджик и 30 лет занимавшего в ней пост директора, дав этой школе его имя. В этой просьбе было отказано.

ПОТОКИ ЛЮДЕЙ

В азербайджанском языке слово "ахын" (поток, течение) многозначно. Но речь тут идет о людском потоке, о массовом переселении людей из своих законных мест жительства. Процесс этот я делю на три этапа. Первый этап связан с событиями 1918-1920 годов. [131 - 132] На этом этапе армяне, не имевшие после IV века на протяжении всей истории ни государства, ни чеканной монеты, ни своего флага, в 1918 году создали за счет территорий Азербайджана и Грузии свое государство "Армения". В этническом составе вошедших сюда Иреванской губернии, уезда Ени Баязит, округа Гейче Шарур-Дерелеязского и Зангезурского уездов азербайджанцы составляли больше половины населения республики. После проводимых во имя создания "Великой Армении" кровавых войн, резни, потоков, беженцев, в Армении азербайджанцы все же составляли 45 процентов населения, т. е. 575 тысяч человек.

В своем письме (от 22 декабря 1918 г.), адресованном председателю Совета Министров Азербайджанской республики, председатель национального комитета Иреванского уезда Идаят Сеидзаде дает точную верную характеристику целей и задач армянских националистов того времени. Он писал "В последнее время армяне снова начали проявлять против нас, т. е. мусульман Зангезурского уезда, Шарурского и Иреванского уездов враждебные действия. Они нападают на наши селения, устраивают массовые погромы и убийства людей, в Зангезурском уезде жители 20 селений покинув родные места, спасались бегством в Иран, Карабах и к нам. В ряде селений Арагатское правительство распространило сообщение о присоединении всего Зангезурского уезда к этому правительству.

Таким образом, они ставили перед собой цель уничтожить все мусульманское население или "очистить" от мусульман Зангезурский, Шарурский, Нахичеванский и Ордубадский уезды и таким образом на мирной конференции народов доказать свои права и эти земли и объявить их землями Армении. Ведь уезды, где не проживают мусульмане, все народы и так посчитают армянскими. По этой причине армяне уничтожили тысячи и тысячи мусульман, наша кровь проливалась в горах и пустынях, сотни селений были сровнены с землей, под ногами армян растоптана наша честь. Куда ни глянешь - кругом видны беженцы - мусульмане, слышны плач, стенания наших женщин и девушек. До каких пор наше правительство как постороннее лицо будет хладнокровно наблюдать, как истребляют мусульманских братьев, до каких пор будут продолжаться бесчеловечные зверства армян, направленные только против мусульман! Когда же, наконец, американцы, так сострадающие всем народам, возьмут судьбу [132 - 133] нашего народа в свои руки? Вспомнят ли наши братья по крови Гянджа и Баку о своих братьях, проживающих на наших землях. После того, как армяне очистят эти земли от мусульман, тут и следа не останется от нашего народа, от каких-то наших желаний и устремлений, все станет нереальным¹.

После установления Советской власти, в период сталинской диктатуры в Армении национализм принял новые формы. В этот период с виду в национальных отношениях все казалось благополучным. Однако втихую каждый делал свое дело. Везде процветали несправедливость, дискриминация, **попрание** обыкновенных прав азербайджанцев.

¹ Газета "Азербайджан". № 14, четверг, 22/9/ января 1919 г.

Если в 1918-1920 годах коренных азербайджанцев изгоняли будто бы под предлогом размещения на "территории" Армении армянских беженцев, прибывших из Турции и Ирана, то после Великой Отечественной войны на то нашлись другие причины. Была подброшена идея возвращения на родину армян, проживавших в 60 различных странах мира и создания "единого армянского государства".

История этой репрессии такова. Еще на Тегеранской конференции трех стран в 1943 году при обсуждении советско-иранских отношений, министр иностранных дел СССР В. М. Молотов, с целью оказания помощи Ирану за причиненный во время войны определенный экономический ущерб, выдвинул идею переселения в Азербайджан армян, проживавших в Иране. Однако впоследствии при сделке Арутюняна-Сталина эта комбинация была изменена. Было решено переселять армян из Ирана в Армению, а проживавших в Армении азербайджанцев - в Азербайджан. Тут следует отметить еще один факт. В период депортации было учтено, чтобы азербайджанцы, проживавшие в горных местностях Армении, размещались в соответствующих районах Азербайджана. И так и было сделано. Первых переселенцев стали размещать в Шушинской, Куткашенской и Шекинской зонах. Но вдруг почему-то решение изменилось, всех депортированных стали доставлять в низменные, хлопковые районы Азербайджана. Депортация азербайджанцев в Шушу и Куткашен не понравилась Арутюняну. Будучи у Сталина, он поднял вопрос о том, что Багиров устраивает депортированных азербайджанцев в курортные зоны, а не для уборки хлопка. Тем самым все планы изменились. [134 - 135] Диктатор дал указание, чтобы депортированных размещала только в хлопковых районах. Это была вторая форма людского потока - депортация путем репрессии, ссылки. Таким образом, за короткое время более 150 тысяч жителей сотен азербайджанских селений горных районов Армении - Азизбековского, Егегнадзорского, Сисианского, Веди, Басаркечерского районов - были насильственным образом депортированы и брошены в низменных районах Азербайджана.

Была создана специальная комиссия по переселенцам, в состав комиссии были привлечены самые лучшие партийные и советские работники Армении - председатель Исполнительного Комитета Спандарянского районного Совета города Ереван Рза Шейхзаде секретарь Гарабагларского районного комитета партии Ибиш Аббасов, редактор газеты "Совет Эрменистаны" Рагим Аллахвердиев, второй секретарь Кешишкендского (позднее Микоянского, а теперь Егегнадзорского) районного комитета партии Азиз Джафаров, первый секретарь Басаркечерского райкома партии Талыб Мусаев и ряд других товарищей, им было дано указание вести среди народа такую разъяснительную работу, чтобы эта "политическая" кампания скорее завершилась. Следует отметить, что в те годы из Кафанского района очень мало людей было выселено. В этом деле большую роль сыграл член комиссии Р. Шейхзаде, прикрепленный к району. Р. Шейхзаде, работавший в свое время председателем исполкома Кафанского районного Совета и хорошо знавший актив района, вел с ними открытый разговор, разъяснив шантажный, провокационный характер этого движения, посоветовал не переселяться.

Напротив, в районах Веди и Кешишкенд азербайджанское население поголовно было насильственным образом депортировано в Азербайджан. В этих районах, где в свое время азербайджанцы составляли 72 процента этнического состава населения, после репрессии их осталось всего 15-17 процентов (1979). Член комиссии по переселению Азиз Джафаров, более десяти лет, проработавший вторым секретарем Микоянского (в 1935-1957 гг. район так назывался) райкома партии, сам тоже стал жертвой этих карательных действий - репрессии, вместе со всеми жителями в 1951 году он тоже был выселен в Азербайджан, был назначен сперва секретарем Шаумяновского райкома партии, после находился на должности председателя исполкома Мардакертского районного Совета НКАО, продолжив свою борьбу [134 - 135] против несправедливости и в Нагорном Карабахе. Умер в 1961 году.

Целью такого насильственного переселения азербайджанцев было размещение в Армении армян, прибывших из-за рубежа. Но все было иначе. Зарубежные армяне размещались только в Ереване и в окрестностях Еревана. В Кафан было направлено всего 25-30 семей (армян, прибывших из Ирана), которые тоже постепенно переехали в Ереван. Десятки же селений в Веди, Егегнадзорском и Азизбековском районах, где раньше проживали азербайджанцы (только в одном Веди 25 селений), превратившись в руины и развалины, до сих пор пустуют.

Зарубежные же армяне (в особенности, прибывшие из Франции) долго не смогли оставаться в Армении, часть из них вынуждена была снова вернуться обратно. В 1960-х годах редактор газеты "Совет Эрменистаны" Габиб Гасанов (одновременно он был заместителем председателя президиума Верховного Совета Армянской ССР) после встречи премьер-министра Франции Ги Молле рассказал мне о случае, происшедшем там. Когда премьер-министр, спустившись с трапа самолета, направлялся к вокзалу, несколько армянских детей в возрасте 10-12 лет, держа в руках флажки Франции, попытались подбежать к нему, но в этот момент работники комитета Госбезопасности остановили их. Ги Молле, на глазах которого происходила эта сцена, потребовал пустить к нему детей. Оказалось, что это дети армян, переселившиеся из Франции. Французские армяне неоднократно обращались к республиканским и союзным властям с просьбой разрешить им вернуться во Францию, но всегда получали отказ. Тогда они,

пользуясь приездом Ги Молле, послали своих детей к премьер-министру, чтобы просить разрешения на возвращение армян во Францию. Но когда республиканское правительство снова предприняло попытку помешать им, главы 70 семей французских армян отправили свои паспорта непосредственно в адрес Н. Хрущева, который и дал им разрешение на выезд. Обратный выезд за границу, в особенности в Соединенные Штаты Америки, прибывших в Армению зарубежных армян продолжается и сейчас. Десятки тысяч людей ожидают своей очереди.

Отсюда вытекает логический вывод о том, что все эти выселения, притеснения чинились не для размещения в Армении зарубежных армян, а служили глобальной цели - созданию мононациональной "Великой Армении". [135 - 136]

Третьей причиной людского потока было не просто притеснением, но и полное бесправие, т. е. лишение прав в целом по всей республике азербайджанцев в социально-политической и духовной областях, в особенности же, в области культуры и просвещения. Во имя создания мононациональной республики они применили тактику очищения от азербайджанцев всей Армении. С этой целью без всяких оснований были закрыты созданные в тридцатые годы и обеспечивавшие кадрами учителей, сотни азербайджанских школ, Ереванский педагогический техникум, единственный вуз – Ереванский педагогический институт заочный педагогический институт, сыгравший немалую роль в деле подготовки учителей. Этим был обусловлен приток после войны интеллектуальных сил всех азербайджанцев из Армении в Баку, Гянджу для получения различных специальностей в вузах. По предварительным подсчетам в настоящее время только в одном Баку проживает около полумиллиона армянских азербайджанцев. В основном они, прибыв в Баку для получения образования, вынуждены были оставаться тут, и после окончания вуза, так как у себя на родине были лишены и работы и условия жизни. Среди них немало академиков, докторов наук, кандидатов наук, занятых в различных областях науки - географической геологической, биологической, медицинской, общественной и др. Только из одного Кафанского района вышли: доктор медицински наук, заслуженный деятель науки, профессор Каграман Каграманов, доктор медицинских наук, профессор Нурани, Бунятов, доктор медицинских наук, профессор Бахшали Бахшалиев, доктор медицинских наук, профессор Эльдар Аббасов доктор исторических наук, профессор Микаил Гейдаров, доктор физико-математических наук, профессор Ибрагим Бахтияров и ряд других видных ученых. Заведующий кафедрой физиологии Азербайджанского государственного медицинского института имени Н. Нариманова К. Каграманов вот уже 40 лет как работает в этом институте, и не случайно, что его называют продолжателем теории И. П. Павлова. Ученым, труды которого неоднократно издавались в Германии, Англии и др. странах, была основана в Азербайджанском медицинском институте вторая в Союзе физиологическая научно-исследовательская лаборатория, оснащенная самой сложной зарубежной аппаратурой (закупленной за валюту). [136 - 137]

1965 ГОД

В те годы, когда кипели национальные страсти, я был в центре событий. В то время некоторые армянские газеты опубликовали краткое сообщение о проведенном в оперном театре вечере трудящихся города Ереван, посвященном 50-летию "геноцида". Это было такое время, когда все более стали расширяться официальные связи с зарубежными армянами, были созданы специальная организация, органы печати, проводившие с ними специальную работу, целыми днями по республиканскому радио велись передачи для них, что создавало почву для зарождения новой "идеи".

Послышались возгласы - Армения должна снова воссоединиться Тогдашнее название пресловутого комитета "Карабах", исходя из этой идеи, звучало так: "Комитет воссоединения Армении". У меня до сих пор хранятся некоторые листовки и плакаты с призывами этого комитета. В то время республиканский комитет госбезопасности арестовал 7 членов этой организации. Однако во время проводимых демонстраций были выдвинуты требования об их освобождении. В 1965 году председателем комитета был Бадамянц, потом, сменив его, назначили на эту должность русского. В 1988 году новым указом председателем комитета был назначен сын Бадамянца.

Возглавляли это пресловутое движение первый секретарь ЦК КП Армении У. Н. Заробян, второй секретарь Г. М. Багдасарян, поэт Ованес Шираз (бывший муж Сильвы Капутикян), поэтесса Сильва Капутикян, президент АН Армянской ССР В. Амбарцумян, профессор А. Мнасакян, Нерсисян, Улубабян и другие. Большинство из них родились за границей.

Пользуясь поддержкой А. Микояна, занимавшего пост председателя Президиума Верховного Совета СССР, они добились принятия решения о проведении в Армении 50-летия "геноцида" 1915 года. После приезда А. Микояна в Армению в 1963 году Нахичеванская АССР навсегда лишилась воды. В результате постановления, подписанного Н. С. Хрущевым, под предлогом убывания воды в озере Гейче приступили к строительству туннеля Арпа - Севан.

Конечно, нашлись лица, которые возражали против проведения 50-летия "геноцида". Глядя в будущее, они считали: может, нет нужды вспоминать старые раны? Как это отразится на [137 - 138] воспитании подрастающего поколения? Куда приведет подобное развитие национальных отношений?

Но никто и слушать не хотел подобные рассуждения. В 1964 году вся республиканская печать начала открытую антитюркскую пропаганду, на страницах газет и журналов публиковались статьи, насквозь пронизанные клеветой и ложью, прочитав которые каждый проникался жгучей ненавистью к "кровожадным" туркам, глубоко сочувствуя "многострадальному" армянскому народу. Приведу лишь один факт. В 1965 году на страницах литературно-художественного журнала "Советакан Хаястан" был помещен фотоснимок трагической сцены, к которому давалось следующее пояснение: трупы, уложенные рядом на столе, убитые турками пятеро сыновей жителя селения Сардарабад Оганяна. Откуда был взят этот снимок, где до сих пор он хранился, существует ли какое-либо доказательство тому, что эти люди действительно были убиты турками? Все эти выдумки и наветы служили проведению антитюркской политики, разжиганию национальных чувств.

Армяне, еще до вчерашнего дня жившие душа в душу с азербайджанцами, работая с ними в одном коллективе, постепенно стали отворачиваться от них, и даже перестали здороваться.

В то время я работал ответственным секретарем в газете "Совет Эрменистаны" и одновременно читал лекции по философии в азербайджанском отделении Армянского педагогического института имени Х. Абовяна. Я до сих пор не могу забыть один случай, происшедший в институте 25 лет назад. Как-то на одном из заседаний кафедры опоздавший к его началу преподаватель Бостанчан, войдя в помещение, громко заявил: "Тут пахнет турками, откройте окна, чтобы проветрить комнату". Эти слова до сих пор звенят в моих ушах. Я про себя подумал, о чем же, интересно, говорит студентам этот так называемый ученый, которому поручено воспитание молодых?

По мере приближения 24 апреля движение приобретало все более массовый и политический характер. Наряду с мероприятиями, предусмотренными на государственном уровне, "Комитет воссоединения Армении" разработал свою новую программу. Она состояла конкретно из нижеследующего:

-отомстить за 1915 год; истребить всех азербайджанцев и изгнать из Армении; воссоединить древнеармянскую землю Нагорного Карабаха с матерью - Арменией; воссоединить с [138 - 139] Арменией как ее собственную землю - Нахичеванскую АССР; потребовать от СССР помочь в реализации этих требований армянского народа; освободить семерых членов комитета, арестованных республиканским комитетом госбезопасности.

Следует добавить, что все эти требования были отпечатаны в виде листовок и плакатов типографическим способом в тысячах экземпляров и распространены среди народа. В одной из этих листовок было написано: "Армяне, пришло время отомстить за 1915 год, объединяйтесь! Комитет воссоединения Армении". После того, как листовка была написана, было найдено, где ее печатали, а директору типографии завода "Каназ" на бюро ЦК дали обычный выговор.

Конечно, преследование азербайджанцев, как в Ереване, так и в районах не могло не беспокоить Центральный Комитет. И поэтому, начиная с первых чисел апреля, во всех азербайджанских кварталах Еревана стали дежурить военные части. В азербайджанской школе, где училось более тысячи учащихся, в азербайджанском отделении института занятия прекратились. Никто не решался отправить детей в школу. В те дни секретарь городского комитета партии, собрав в школу родителей учащихся школы имени Ахундова, попросил их отпустить детей в школу, обещая, что у них волоска не тронут. Но разговор получился резкий. Женщина - родительница, работающая в продмагазине, поднявшись с места, рассказала, как за день до этого группа парней, войдя в магазин, потребовала дать им спиртного и стаканы, чтобы они пили в магазине. В ответ на ее отказ они пригрозили, обещав ей жить всего неделю (т. е. до 24 апреля оставалась неделя). И с какими надеждами мы должны отпускать своих детей на улицу? - спрашивала она.

Подобная ситуация произошла и в нашей редакции. Нас сильно удивило появление в нашей редакции рано утром 22 апреля, т. е. за день до проведения 50-летия, бывшего редактора газеты "Советакан Хаястан" Г. Багдасаряна, который никогда в жизни до этого не переступал порога нашей редакции. Теперь он уже работал в должности второго секретаря ЦК КП Армении. Дверь моего кабинета была открыта, и он сперва вошел ко мне, после чего мы вместе отправились к редактору Габибу Гасанову. Он пришел сообщить нам о предпринятых мерах по пресечению планирующихся карательных операций в городе против азербайджанцев. Но в это самое время произошло такое событие, что секретарь и сам был не рад своему приходу, вынужденный уйти ни с [139 - 140] чем. Через две минуты после прихода секретаря, у редакторе зазвонил телефон. Не успел он взять трубку, как тут же переменялся в лице. Секретарь, заметив это, спросил, в чем дело. Редактор тихо ответил: "Ничего особенного. Мой мальчик учится в русском отделении и сегодня в школе его избили, обозвав турком и

выгнали из школы. И мальчик, вернувшись, домой, оказался на улице, позвонил, чтоб я прислал ему ключи".

Правду говоря, сам Г. Багдасарян тоже переменялся в лице, с чем пришел и что увидел? Не растерявшись, он обратился ко мне с просьбой, чтобы я позвонил директору школы. Спросив у редактора номер телефона директора, я позвонил ему. В ответ на вопрос директора я дал знать, что с ним хочет говорить Багдасарян из Центрального Комитета. После этого я слышал лишь слова этой стороны. Секретарь поручил ему разобраться в происшедшем и явиться в Центральный Комитет. Тем самым и завершился визит секретаря ЦК.

С приближением дня геноцида все более и более среди азербайджанского населения Еревана усиливались тревога и беспокойство, созваниваясь друг с другом, они делились меж собой о происходящих в городе событиях, обсуждая, куда могут привести эти накалившиеся страсти, подумывали о мерах предосторожности. Хорошо хоть, что руководство, видя, как все более обостряется ситуация, ввело в город новые дополнительные военные силы. Руководил войсками, призванными охранять азербайджанские кварталы Еревана, полковник Баязев (по национальности татарин, бакинец). Мы хорошо его знали по сотрудничеству в нашей газете, каждое утро он навещал нас, рассказывая о том, как войска несут службу по охране людей. По словам полковника, с 15 по 25 апреля им приходилось дежурить все ночи напролет, не смыкая глаз.

По мере приближения событий к своему финалу, всё становилось ясно. Целью митингов и демонстраций было не почтить память погибших в 1915 году, а возрождение путем возвращения Армении "древних" армянских земель "Великой Армении". Эти требования я услышал 23 апреля в 10 часов утра (а вечером в 7 часов должны были провести вечер представителей общественности города, посвященный "геноциду") на многолюдной процессии на главной площади Ленина, направляясь к себе в редакцию. Это шествие ничем не походило на организованные во время октябрьских и майских праздников, а также в связи с днем [140 - 141] Победы демонстрации. Во-первых, было много народу, во-вторых, в воздухе стоял такой шум и рев, что не слышно было даже произносимых в микрофон слов руководителей правительства. Слово представили католикосу, но и его не услышали, тогда вынуждены были в принудительном порядке разогнать шествие. После разгона митинга я стал свидетелем того, как с площади собрали все листовки и плакаты, сгрузив все это в 4 машины. Множество таких плакатов и листовок было приклеено на деревья в парке. Оказалось, что это было только началом.

Настоящие драматические события произошли вечером после 6 часов. На вечер представителей общественности были приглашены и 7 азербайджанцев. 3 пригласительных прислали в редакцию, и 4 - партийным работникам. Но на вечере присутствовал лишь М. Байрамов, работавший в то время секретарем райкома партии в Веди. В тот день я тоже собирался пойти на вечер. Выйдя в 6 часов из дому, я стал свидетелем невиданного до тех пор шествия на протянувшейся от железнодорожного вокзала до площади Ленина Октемберянской улице. Перед 200 тысячами участников демонстрации, двигавшимися вдоль по улице, имевшей в ширину 30 метров, на красной материи, обшитой черной каймой, была написана лишь одна цифра – 2.000.000. По обе стороны несли плакаты и лозунги с требованиями о присоединении Карабаха и Нахичевани. Среди гула было слышно лишь произносимое в один голос 200-тысячной толпой слово мнацек - соединяйтесь. Когда шествие достигло площади Ленина, произошла еще одна сцена. Оказалось, что примерно еще столько же людей после посещения парка имени композитора Комитаса должны были в условленное время соединиться тут. Более 300 тысяч человек (цифра была объявлена позже) собрались на Театральной площади, где и теперь проводятся демонстрации, вокруг театра и оперы и балета. При виде такой ситуации, я вернулся домой и, включив телевизор, стал смотреть на проведение вечера.

На вечере с докладом о 50-лети "геноцида" выступил один из лидеров движения, президент АН республики В. Амбарцумян. Доклад длился час. Потом по телевизору объявили после 15-минутного перерыва концерт. Но прошли и пятнадцать минут, и полчаса. Не было передачи и через час. Было ясно, что что-то произошло, Я позвонил к кое-кому. Наконец; М. Байрамов, участвовавший в том вечере, объяснил, в чем дело:

Руководители "Комитета воссоединения Армении" потребовали выступления на вечере и их представителя. Согласно этому требованию одному представителю было разрешено войти к выступить. Однако после доклада ему слова так и не предоставили. Кто-то из работников милиции сообщил им о том, что их представитель арестован и брошен в подвал. Через пять минут после этого сообщения все стеклянные стены здания оперы были разбиты вдребезги, заседание было отменено, а члены президиума бежали через подземный ход. На обращения католикоса Вазгена II к народу никто не реагировал. И поэтому слово представили председателю комитета госбезопасности. С помощью пожарных машин кое-как шествие было разогнано. Таким образом, торжественная церемония была расстроена. На вечере присутствовали делегации армян со всех зарубежных стран, а также представители ЦК КПСС.

На следующее утро я отправился на площадь, чтоб посмотреть на разрушенное здание оперного театра, и не поверил своим глазам. Все стекла здания были на месте и в целости. Стекла были вставлены еще ночью, чтобы прибывшие сюда 6 представителей из Москвы не видели этого.

Мой сосед Миша Айрапетян был выходцем из Баку, работал тут начальником милицейского отделения и по характеру был шутник. Хорошо говорил и на азербайджанском языке. Вот уже несколько месяцев каждый раз, встречая меня, он говорил: Нахичевань и Карабах отдают, уже и постановление вышло. Я же отвечал, что все это пустая болтовня, грезы. Чтобы уверить меня в этом он обещал: Если эти земли не отдадут нашим, тогда я обрежу себе ухо (и тогда я добавлял: как Андраник).

24 апреля утром я снова встретился с Мишей. Я знал, что он шел в первых рядах вчерашних демонстрантов. Волей-неволей припомнив наши прошлые разговоры, я задал ему вопрос Миша, как насчет Нахичевани? Что с карабахскими землями? Чуть немного замямвшись, он ответил: мы пошли требовать землю, а нам дали воду. Он имел в виду воду, которой поливали их из пожарных машин.

О событиях 1965 года, расшатавших заложенные на протяжении 50 лет более или менее положительные основы национальных отношений и способствовавших разжиганию вновь национальной вражды, я пишу так подробно по той причине, что нигде они, кроме как в памяти немало переживших в то время ереванских [142 - 143] азербайджанцев и записной книжке представителей ЦК КПСС сделавших некоторые пометки о своих беседах с азербайджанской интеллигенцией, не зафиксированы.

В то время начинавшееся в Ереване нагорно-карабахское движение было лишь национальной организацией, созданной интеллигенцией Еревана. В НКАО об этом движении не знали. После проведенной среди армянского населения НКАО широкой пропаганды, в 1980-е годы это движение перекочевало и туда. Комитет "Карабах" в Ереване и организация "Крунк" в Нагорном Карабахе являются "преемниками" созданного в 1965 году "Комитета воссоединения Армении". В последнее же время эти националистические организации переименованы, по решению Президиума Верховного Совета Армянской ССР стали называться "Армянским общенациональным движением". Согласно 45 статьи Конституции Армянской ССР эта организация представлена как общественная организация (25 июня 1989 г.) На учредительном съезде этой организации участвовали представители различных контрреволюционных организаций зарубежных армян, в том числе и от организаций Дашнакцутюн и Гичак. Уже сами названия выступавших на съезде неформальных организаций и их лозунгов и призывов помогают разобраться в их направлении. Среди этих организаций можно назвать следующие: "Конституционное право", "Объединение национального самоуправления", "Союз армянской молодежи", "Партия национальной независимости Армении", "Армянская национальная армия" и др. Большинство лозунгов были посвящены Нагорному Карабаху. Относительно же армии были выдвинуты два таких лозунга: "Армянский солдат не должен служить в оккупационной армии", "Армянские солдаты, соединяйтесь". Все это - ростки тех семян, которые были посажены в 1965 году.

УДАР В СПИНУ

События 1965 года осложнились еще и по той причине, что столетие со дня рождения лютого врага нашего народа Андраника Озаяна (1865, 25 февраля) совпало с 50-летием "геноцида". Армянские националисты, до этого молча поджидавшие своего часа, воспользовавшись нахождением Микояна у власти, получали разрешение на официальное проведение юбилея Андраника. Дело дошло до того, что опубликованная в двух других органа Центрального Комитета [143 - 144] Армении статья об этом преступнике была с силой втиснута и в газету "Совет Эрменистаны". Помнится, эта статья до 12 час ночи пошла без снимка. После согласования с Москвой был помещен и снимок одноухого кровавого преступника. Это был ударом в спину армяно-азербайджанским отношениям. Эти статьи отозвались большим резонансом. Через несколько дней после выхода газет из Нахичевани, Ордубада, Гянджи, Баку и многих районов Армении адрес Президиума Верховного Совета СССР, ЦК КП Армении хлынули потоки писем. В этих письмах о кровавых злодеяниях Андраника говорили сами живые свидетели тех событий, приводились исторические факты об учиненной и резне, истреблении азербайджанского населения.

Возникает очень важный вопрос, за что армянский народ считает Андраника своим героем? По их мнению, Андраник вел борьбу против Турции во имя защиты "Западной Армении» и потому он народный герой. В действительности же, как свидетельствует вся мировая литература, этот авантюрно, прислуживавший трем хозяевам, прежде всего, является врагом армянского народа. Виновником всех армянских погромов в Турции является он сам же, его авантюрная борьба за власть. В марте 1965 года Аднан Мендересин в своей статье опубликованной в выходящей в Болгарии армянской газете, так охарактеризовал это событие: "Измена государству, в котором предоставлены всяческие права, может быть наказана только (таким образом". Вторым "народным геройством" Андраника было учинение им погромов и кровавой резни армянских азербайджанцев, насильственное изгнание их из своей родины.

Во имя какой же свободы армян вел борьбу Андраник в 1918-1919 годах? Какой независимости добился он для своего народа? После учиненной кровавой резни он скрылся сперва в Англии, а оттуда уехал в Америку, где прожил некоторое время, умер же он 1927 году в Париже.

Народным героем Андраника представили руководители республики, известные всем представители националистически настроенной интеллигенции. Я сам являюсь свидетелем события, подтверждающего этот факт.

В октябре 1965 года рано утром мне позвонил помощник первого секретаря ЦК КП Армении У. Н. Заробяна и спросил, о том получаем ли мы журнал "Азербайджан"? Я ответил, что да, получаем. - А как же 9-й номер, получили ли? - спросил он снова. Я сказал, [144 - 145] что да, получили. - Тогда, - сказал он, - я прошу вас взять тот номер и явиться в Центральный Комитет. Когда я взял журнал, собрался выходить, снова зазвонил телефон. Те же самые вопросы теперь уже задавал мне заместитель председателя Президиума Верховного Совета Армянской ССР. Я ему сообщил, что журнал хочет первый секретарь. И он сказал, чтоб я отнес журнал в ЦК.

Очень скоро дело выяснилось. Видный азербайджанский народный поэт, покойный Расул Рза во время своей поездки во Францию в 1965 году побывал на кладбище Пер-Лашез, посвятив ему свое стихотворение, названное "Страницы из жизни" Именно стихотворение и вывело их из себя.

В стихотворении ни названо, ни одного имени, никто не оскорбляется. Тем не менее, это стихотворение было переведено на армянский язык и отправлено из Баку в ЦК КП Армении. В течение месяца этот небольшой отрывок стихотворения превратился в объект обсуждения на собраниях Армении. В тот год съезд писателей Армении превратился в съезд против Расула Рзы. Выступавшие, обходя стороной задачи, стоявшие перед литературной общественностью, наперебой талдычили об оскорблении личности Андраника.

Я до сих пор помню один афоризм, высказанный Расул муаллимом где-то в конце 1967 года. В тот год я уже работал в энциклопедии. Расул муаллим только что вернулся из поездки в Москву и вдруг зазвонил внутренний телефон. Я поднял трубку, он вызвал меня к себе. Как только я вышел к нему он с улыбкой спросил:

-Что нужно твоим друзьям от меня?

-Как, опять что-то случилось?

-Нет, ты знаешь Ашота Грашина?

-Да, знаю, переехал из Баку в Ереван.

-Встречались в Москве, он спрашивал у меня, что я сделал армянам, что те недовольны мной? На вопрос я ответил вопросом: - Но что же я сделал армянам?

-Они говорят, что вы оскорбили в журнале их "народного героя" Андраника.

-Я снова задал ему вопрос разве Андраник подонок? Ашот ответил, что нет. Так почему же тогда они относят к себе, ведь я написал стихотворение подонку!!!

Да, речь тут идет не об именах, а о деятельности, прочитав в стихотворении слова: "пролитая кровь безвинных младенцев", тут [145 - 146] же становится понятно, что имеется в виду этот кровавый палац. Конечно, можно написать десятки томов о содеянных преступлениях Андраника. Но я хочу отметить одну истину о том, что путем проведения 50-летия "геноцида", возведения в "народные герои" обыкновенного злодея - преступника ярые националисты сумели за 5-10 лет создать в представлении молодежи образ врага, перенесли эти драматические сцены из Еревана в Нагорный Карабах, они нанесли стране миллиардный ущерб. Если Чернобыльская трагедия исчисляется 7 миллиардами ущерба, землетрясение в Армении 8-10 миллиардами, то вымышленная "проблема" Нагорного Карабаха нанесла стране еще более тяжкий урон.

Почему же армянские ультранационалисты, так громко вопящие и взывающие о помощи, демагогически рассуждающие о справедливости везде, начиная от Верховных Советов до страниц мировой печати, ни словом не обмолвятся о событиях 1965 года? Умалчивая о событиях тех лет, ярые националисты, норовящие в своих пасквилях, напичканных всякого рода выдумками, облить грязью и оклеветать наш народ, тем самым стараются замести следы. С. Капутикян, Х. Барсегян неоднократно настаивали на том, что Нагорно-Карабахское движение есть "детище" перестройки и гласности. Лидер партии республики С. Арутюнян, выступая с высокой трибуны второго съезда, снова заявил, что карабахское движение - это только требование армянского населения области. Т. е. это означало, что Армения в это дело не вмешивается. Хотя, отвечая на вопросы газеты "Коммунист" (17 октября 1988 года) он на вопрос: "Еще, какие вопросы интересуют арцахов?" ответил так: "Прежде всего, их, а также всех армян, живущих на любой точке земного шара, интересует не вопрос, а проблема (проблема присоединения НКАО к Армении - С. А.), все остальные вопросы второстепенные".

В 1965 году С. Капутикян направила в Академию Наук СССР письмо - жалобу о разрушении исторических памятников армян в Нагорном Карабахе. Однако почему-то она не "замечает" уничтожения в Ереване всех памятников, относящихся к истории азербайджанца. Только в одном Ереване

были разрушены до основания 4 мечети, имевшие тысячелетнюю историю. Последняя же мечеть была подожжена в октябре 1988 года, в один день вместе со средней школой имени Ахундова. Именно в 1965 году была переименована улица имени видного партийного и государственного деятеля Н. Нариманова. Путем разрушения и уничтожения древних [146 - 147] азербайджанских памятников во всех районах республики, армяне готовили почву для заявления о том, что азербайджанцы тут не коренное население.

Как лицо, знакомое с истоками происходящих между обеими республиками событий, утверждаю, что корни создавшегося на протяжении десятилетий образа врага в лице азербайджанцев уходят в шестидесятые годы. Когда в 1967 году я уезжал из Еревана в Баку, многие мои друзья и знакомые осудили меня за предпринятый шаг, не советуя бросать дом, приобретенный за многие годы авторитет, должность и начинать все заново на новом месте. Но я понимал, куда ведет развитие все более накаляющихся национальных страстей. Однажды (в 1966 году), когда я вернулся с работы домой моя маленькая дочь (тогда ей было 6 лет) задала мне во дворе такой вопрос: "Кто турки?" Я, указав рукой в сторону Агры дага, сказал, что вон за той горой живет великий народ. После этого она задала еще один вопрос "Но почему же тогда девочки (армянские девочки) говорят мне, что мы турки и кровопийцы?" Эти слова до сих пор еще звенят в моих ушах. Представьте себе, как же часто эти слова должны были повторяться в семье, чтобы войти в плоть и кровь 6-7-летних детей, создав в их сознании такие вражеские мысли о целом народе. Значит, эти идеи вражды всегда существовали у них, хоть и скрытом виде, теперь же, в период гласности, они всплыли наружу, стали наглым образом высказываться и открытую. Детям 6-7-летнего возраста того времени сейчас по 30-35 лет. На сегодняшних митингах и демонстрациях участвуют юноши и девушки, несущие в себе эти бесчеловечные идеи.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Вот я написал, эти два слова и перед глазами так ярко пронеслось все мое прошлое, горы моей родины со снежными вершинами, журчащие родники, реки, леса, равнины - эйлаги, места для охоты с засадами, что я не удержал слез. Я знал, что это была наша последняя встреча - прощание с теми горами.

О том, какие ужасы и муки перенесли азербайджанцы в Армении за последние два года, написано немало. Но две из них особенно сильно подействовали на меня, я так был взволнован, что не смог дочитать статью. Одна из них - статья бывшего жителя селения Эвли Джалалоглунского (нынешнее Калинино) района Армянской ССР Таира Талыблы под заголовком "Двинулся народ, [147 - 148] я пришел, а родина осталась" (газета "Ени фикир", № 6, 13 декабря 1989 года). Второе выступление - опубликованное в газете "Эдебият ве инджесенет" стихотворение прекрасного нашего поэта Мамеда Аслана "Шахриярнаме". В стихотворении, пронизанном глубокой болью отражены несчастья и трагедии, выпавшие на долю нашего народа.

И чем больше начинаешь размышлять об этом, тем сильнее охватывает ужас. И возможно, поднимая шум, армянские ультранационалисты в первую очередь преследовали цель полностью изгнать, "очистить" Армению от азербайджанцев. Каким же образом требование 118 тысяч армян Нагорного Карабаха (эту цифру не помешало бы сопоставить с 65 миллионами людей в Союзе, проживающих за пределами своих республик) превратилось в международную "проблему", затянувшись более чем на два года.

Первой причиной затягивания решения данной задачи является ошибочная позиция руководства Азербайджана, его неспособность дать политическую оценку событиям.

Вторая и самая большая ошибка заключается в либеральном отношении центра к задаче Нагорного Карабаха. Если бы глава государства еще в преддверии этих событий вместо обещаний, данных группе принятых им экстремистов во главе с Сильвой Капутикян, уже 25 февраля 1988 года принял бы такое же решительное и категоричное решение, какие принимались в Верховном Совете СССР 3 октября и 28 ноября 1989 года, то не было бы и сумгаитской трагедии, массовых убийств и погромов в Гугарке, не было бы Тбилиси и Ферганы. Существует хорошая поговорка о том, что безнаказанность самый лучший разрушитель общества.

Односторонние антиазербайджанские выступления центральной печати, в том числе и органов печати Армении, были главной причиной всех межнациональных столкновений и погромов. В то время как в органах печати Армении (в каждом номере на протяжении года), а также центра и за рубежом сумгаитские события склонялись по всякому с указанием числа убитых, национального состава, возраста и пола, неоднократно публиковались судебные очерки о преступниках и судебном процессе над ними, то о происходящих в это же время кровавых злодеяниях в Армении, в особенности в Масисе, Гугарке, Калинине, Степанаване, Арарате ни слова не упоминается, ни в одной, в том числе и азербайджанской, печати (лишь один раз в газете "Правда" промелькнуло сообщение [148 - 149] о том, что в Гугарке убито 8 человек). Ни словом не обмолвились по этому поводу на организованных

брифингах и журналистских конференциях Министерство внутренних дел СССР и прокуратура СССР, не сообщив, даже наказаны ли кровавые преступники, или продолжают безнаказанно гулять на свободе. Большинство преступлений остались нераскрытыми. Всем известна роль газеты "Известия" в разжигании национальной вражды. 20 декабря 1988 года корреспондент "Известий" анонимно сообщил об убийстве азербайджанцев вооруженными бандитскими отрядами. Тот же самый корреспондент, находившийся в Армении, писал: "Были созданы вооруженные бандитские отряды, открылся огонь, увеличилось число убитых среди тех, кто не желал покинуть Армению". Не странно ли? Во-первых, автор не хочет понять одну истину, что были не желавшие уехать оттуда, а насильственно изгнанные, с применением оружия. И жертвами были не армяне, а азербайджанцы. А во-вторых, что значит - увеличивается число убитых? Неужели же человеческая жизнь настолько дешевая, что автор не посчитал необходимым указать число убитых? Армяне дали знать корреспонденту М. Крушинскому, что все это совершено во имя мести за Сумгаит, добавив при этом: "Что нам остается делать, если центральное правительство не может защитить нас?" Из слов бандитов выходит так, будто нападающие вовсе не они, а азербайджанцы в Армении. Центральное же правительство никак не может защитить их от них.

Третья ошибка. Отсутствие до сих пор, несмотря на прошествие двух лет, политической оценки сумгаитских событий. До сих пор еще остаются неизвестными как причины этих событий, так его организаторы и те, кто дирижировал, стоя у пульта с дальнего расстояния. В этой связи я обращался в Политбюро со следующими вопросами:

1. Почему армянское население Сумгаита за 15-20 дней до известных событий сняли из сберегательных касс свои деньги? (сберкассы нетрудно проверить).

2. Откуда могло быть заранее известно о готовящихся событиях армянским агентам из Армении и заграницы, что они той же ночью сняли на видеоленту все происходящие события, проведя потом везде широкую пропаганду против нас? В то время как Комитет Государственной безопасности находился в неведении.

3. В судебных очерках по Сумгаиту, в сообщениях прокуратуры СССР и Министерства внутренних дел СССР наряду с преступниками [149 - 150] Ахмедовым, Исмаиловым указывалось и имя Григоряна, первым совершившего убийство 5 армян. Однако неожиданно вдруг Григорян был, вычеркнут из списка, и его имя больше нигде не упоминалось. Почему разве так трудно было определить, почему армянин убивал 5 армян? По чьему указанию он действовал, и сколько ему заплачено денег?

Отсутствие своевременной политической оценки межнациональным столкновениям, - безнаказанность подлинных зачинщиков этих событий, нетвердость, нерешительность центра в этих вопросах, принятие полумер, не основанных на социальной справедливости, привели к нагнетанию напряженности, к гибели сотен людей в обеих республиках, лишению спокойствия и мирной жизни более 700 тысяч человек, появлению потока беженцев - и все это под предлогом ущемления национальных интересов 118 тысяч армянского населения в НКАО.

Однако, несмотря на попрание всех международных правовых и общечеловеческих норм, до сих пор еще изгнанным из Армении азербайджанцам не был возмещен нанесенный материальный ущерб в размере 2.5 миллиарда рублей, по этому поводу в высшие органы власти даже не велось разговора. В этой связи Азербайджанское правительство согласно резолюции ООН от 11 декабря 1948 года о "Правах беженцев на возвращение на родину или материальную компенсацию по их желанию", а также резолюции ООН от 1951 года о статусе беженцев ("Большая Советская Энциклопедия", т. 10, стр.) должно выступить перед Союзным правительством или ООН с претенциозным заявлением. Однако Азербайджанское правительство до сих пор еще не воспользовалось своими правами на выдвижение требований в соответствии с международными правовыми нормами. Не принято никаких мер для размещения в плановом порядке азербайджанцев, изгнанных из Армении в одном районе, с прибытием в республику турков-месхетинцев и созданием комитета помощи Карабаху было полностью позабыто о беженцах из Армении. Проблему эту не решить никакими фондами помощи и благотворительными мероприятиями. Все это можно обеспечить только на союзном уровне, путем получения полной компенсации.

Человечество, независимо от расы и национальности всегда живет надеждой. И мы тоже, потерявшие родину, земли, свои очаги, все же не потеряли своей надежды. Как говорил уstad Шахрияр, наступит день, когда справедливость и правда восторжествуют. [150 - 151]

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ОЧЕВИДНЫМИ ФАКТАМИ

Со дня своего основания дашнакская партия, навлекшая за последние 100 лет немало бед и страданий на народы Закавказья, и, в первую очередь, на проживающих тут тюркоязычных народов и грузинов, объединила армянский народ в едином центре, сплотив его в один кулак. Однако, дашнакская партия не принесла счастья армянскому народу. Несмотря на то, что эти единство и сплоченность всегда были направлены против турков и азербайджанского народа, ее притязания на чужие земли и национальный эгоизм, оборачивались невыносимыми муками и несчастьями для армянского народа. Дашнакская и гичакская партии всегда втягивали, армянский народ в кровопролитные войны призывали к насилию, вандализму, бесчеловечной жестокости. Одной из причин становления их опасными для тюркоязычных народов врагами было покровительство им со стороны русских правящих кругов еще со времен царской России.

На протяжении 70 лет со дня установления Советской власти в Закавказье, азербайджанский народ свято следовал ее установкам, искренне веря в исчезновение национальных противоречий и розни, в вечное братство и дружбу этих двух народов. Однако, как оказалось на деле, армяне подпольно, тайком продолжали проводить в жизнь свои омерзительные планы, в чем нередко потворствовали им и советские руководители.

Мы безоглядно верили, что являемся членами самой интернациональной в мире КПСС. И что, под руководством подобной мудрой и справедливой партии, нет и не может быть случаев пристрастного отношения к какому-либо народу.

И только теперь я полностью, до конца понял, что после победы [151 - 152] Октябрьской революции в различные периоды нехристианские, главным образом, тюркоязычные народы всегда подверглись тяжким испытаниям, истреблениям и ссылкам.

Так, в тридцатые годы руками дашнакских палачей Григоряна и Маркаряна были загублены и репрессированы до 30 тысяч видных представителей азербайджанской интеллигенции, отважных сынов нашего народа. Дашнакское лобби планировало в первую очередь изгнать всех азербайджанцев из родных земель и М. Дж. Багиров, видимо, ради своей карьеры не меняя курса этой репрессии, и руководствуясь решением, принятым за закрытыми дверями, выселил всех азербайджанцев из Армении - из их исконных земель.

После сталинской эпохи эта политика была продолжена и во времена правления Хрущева.

Проводимая же Горбачевым политика в целом отличается от политики прежних лет лишь одной особенностью. В настоящий период ведется наихудшая "хирургическая операция", на глазах у пробуждающихся от спячки народов осуществляется политика дискриминации. Приведем лишь некоторые факты.

Несмотря на разрешение Сталина, на выселение азербайджанцев из Армении, ради целостности СССР он сохранял территориальную неприкосновенность.

Начиная, со времени правления Хрущева азербайджанские земли официально стали раздариваться Армении. Неофициальный же захват земель Азербайджана был начат еще с 1929 года. Захват этот производился путем различных махинаций и уловок.

Я хочу подтвердить все сказанное на примере истории земель Мегринского района, очевидцем которой был сам.

До 1929 года селения Нуведи, Тогуд и Эрнезир Мегринского района как официально, так и практически являлись территорией Азербайджана. Начиная с указанного года, армяне стали строить различные махинации и комбинации для присвоения этих земель. Сперва под предлогом укрупнения колхозов селение Тогуд слилось с селением Ишванидзор, а селение Эрнезир - с Нуведи. В результате данной операции, проведенной в жизнь в 1939 году, три селения превратились в одно и тем самым намного облегчились планы по присвоению.

Когда в 1948 году была попытка выселить из Мегринского района всех азербайджанцев, моя мать, не занимавшая никаких высоких постов, не боясь, обратилась к председателю на [152 - 153] собрании со следующим вопросом: "Десять лет тому назад вы сказали нам, что все народы - братья, мол, давайте жить вместе с армянами. В то время многие семьи из нашего селения Тогуд, не согласившись с подобной политикой, переселились в город Гянджу. Мы же, поверив в ваши слова,

приехали сюда. Так почему же теперь вы хотите разлучить нас с армянами и выселить отсюда?" После этого вопроса ни в одном из селений нашего района не проводилось собраний, и дело по переселению было приостановлено.

До мая 1969 года селения Нуведи, Тогуд и Эрнезир, несмотря на фактическую принадлежность Мегринскому району, по официальным документам являлись землями Азербайджанской ССР. После этого стали строить и проводить в жизнь новые козни и махинации: в мае 1969 года при помощи продажных и несообразительных азербайджанских руководителей эти земли были официально переданы Мегринскому району, т. е. Армянской ССР. В связи с этим событием хочу сделать некоторое отступление. Прислужник дашнакской мафии А. Вольский в своем интервью в "Литературной газете" (№ 2, 1990 года) показал, что армяне не хотят жить совместно с азербайджанцами из-за различий в вероисповедании. Так пусть же тогда ответят господа Вольские, почему же, когда армянам нужно было присваивать наши земли, они продемонстрировали готовность заключить в свои объятия азербайджанцев из селения Тогуд? А сегодня, когда в их цели входит перекройка границ, вера азербайджанцев колет им глаза?

Хотя все земли Мегринского района были переданы армянам, один вопрос не давал покоя армянским экстремистам. Как в самом Мегри, так и в Ишванидзоре, Гарчеване, Лехвазе совместно проживали и армяне и азербайджанцы. Селения же Нуведи, Вартанизор, Алдере. Маралземи полностью состояли из азербайджанских жителей. И только лишь в небольшом селении Маллев этого района проживали одни армяне. В таком случае армяне не могли считаться полновластными и единственными хозяевами земель этого района. Такое же положение было и в 20 других районах Армении. Армянские экстремисты давно лелеяли мечту изгнать из этих районов всех азербайджанцев. Однако они и сами смотрели на эту мечту как на несбыточную. Им и в голову не могло бы прийти, что придет время и КПСС возглавит такой Генеральный секретарь, при котором они станут зверски, беспощадно изгонять из территории Армении не только азербайджанцев, но даже и курдов. [154 - 155]

То, о чем армянские экстремисты не посмели мечтать в периоды правления Сталина, Хрущева, Брежнева, теперь, при власти Горбачева они осуществили с молниеносной скоростью, в течение двух недель - в основном за ноябрь-декабрь 1988 года - и под руководством назначенного Горбачевым Арутюняна.

В отличие от бездарного Везирова, тут же наказывавшего и освобождавшего от должности азербайджанских руководителей, посмевших встать на защиту своего народа, внонь назначенный на должность первого секретаря ЦК КП Армении Арутюнян увольнял всех секретарей райкомов партии, более или менее верных коммунистов, чтобы беспрепятственно осуществить свои омерзительные планы. Живым свидетельством тому служит заявление Гасанова Махмуда Керим оглы - беженца из селения Бююк Айрым Туманянского района. Вот краткое его содержание "За 10 месяцев руководства нашим районом первого секретаре Шахвердяна, нас никто не трогал. За человеческое, по коммунистически честное отношение к азербайджанцам 17 ноября Шахвердяна убрали с должности, назначив первым секретарем Кочиняна. 28 ноября трое азербайджанцев - Ахвердиев Ахверди Алиев Аббас и Махмудов Самед - были зверски убиты. Наше кладбище сровняли с землей. Я вынужден был покинуть все свое имущество, добро и ехать сюда, а теперь являюсь бездомным скитальцем".

Они же и лишили всех веры в КПСС. Об этом и содержание заявления Мехтиева Фирудина Гурбан оглы, беженца из селения Низами Масисского района:

"Я был парткомом в селении. Верил в партию. 28 ноября армяне напали на нас. Меня потащили в Нотариус. Председатель Нотариуса Сурик избивал меня щипцами. Потом посадили меня на поезд. Очнувшись, я обнаружил себя в Сабирабадской больнице".

Центральное правительство не могло не знать обо всем этом. Однако, несмотря на это, Совет Министров СССР принял решение, запрещающее изгнание народов в обеих республиках, лишь после того, как Армению полностью "очистили" от азербайджанцев. Тем самым состав армянского населения в Армении достиг 99,4% (в действительности, все 99,99%). И это конечно, важное и большое "достижение". В республике, большинство населения которой в прошлом веке составляли азербайджанцы и курды, теперь не осталось ни одного мусульманина.

Видя, что не так-то легко дарить НКАО соседней республике, [154 - 155] центральные правящие круги стали прибегать к различным уловам псам и даже несколько раз добились изменений в Конституции СССР.

Сталинская эпоха была знаменательна репрессиями, хрущевская и брежневская - взяточничеством. В периоды их правления происходила купля-продажа людей и должностей, деньги превращались в средство для попираания правды и человеческих прав.

В нынешнюю же эпоху происходит массовая депортация народов со своих исконных земель, мест проживания против них совершаются тяжчайшие кровавые преступления. В этот период центральное телевидение, радио и органы печати направили свою деятельность на создание

необъективного, отрицательного общественного мнения против азербайджанского народа, добившись на этом поприще, к сожалению, немалых успехов.

Я не историк, но прочел много исторической литературы. И нигде, ни в одной из них не сталкивался с фактом отождествления с государством и народом-агрессором, народа, защищающего свои земли от агрессии. Однако, как центральные правящие круги, так и информационные органы, не ставя никакой разницы между действиями армян и азербайджанцев, во многих вопросах отождествляли их друг другу, давая одинаковую оценку их деятельности. Но каким образом можно отождествлять армян, притязающих на чужие земли, с азербайджанцами, защищающими свои суверенные права.

Именно вследствие подобного отношения к событиям центральных органов два соседних народа - армяне и азербайджанцы - превратились в непримиримых врагов, которые и в будущем не найдут покоя. Не будет уверенности в спокойной жизни в будущем детей и внуков.

Азербайджанский народ до конца до последней капли крови будет защищать свои исконные земли НКАО, не допустив передачи Армении и пяди из ее территории.

Прежние руководители - кройщики Азербайджана, пользуясь зимней спячкой своего народа, подарили или продали Армении одну шестую часть земель республики. Но теперь, в эпоху перестройки азербайджанский народ неожиданно проснулся от спячки и никоим образом не допустит "хирургической операции" по передаче души и сердца народа - Карабаха - соседям.

Когда в свое время я узнал об артистическом прошлом пришедшего к власти Рейгана, то подумал, что из артиста не выйдет [155 - 156] стоящего президента. Но впоследствии мне пришлось убедиться, что если человек, начавший свою деятельность как артист, серьезный, то из него может выйти самый лучший глава государства, И в действительности, Рейган стал одним из самых лучших президентов в истории США.

М. С. Горбачев же приступил к "артистической деятельности" лишь после того, как стал главой государства. Выступая неоднократно перед всеми народами на сессиях и съездах по поводу вопроса об НКАО, он вместо подтверждения законности прав азербайджанского народа, один за другим принимал решения в пользу армянских экстремистов. Назначив прислужника армянского лобби А. Вольского главой Комитета особого управления в НКАО, он добился еще большего ухудшения положения в регионе, доведя его до черты межнациональной розни.

Подобных людей я не считаю представителями русского народа. Так как подлинные представители русского народа не захотели бы развала СССР, не направляли бы дашнака Гдьяна в Узбекистан; породив в узбекском народе ненависть к руководству, подлинные представители русского народа не стали бы ради доставления удовольствия армянской мафии клеймить и очернять их руками Лигачева, Демичева и других, не принесли бы в жертву армянской мафии мир и спокойствие 300 тысяч русских жителей Баку.

Никому не известный доселе Игитян, несмотря на безнаказанное оскорбление нашего народа с трибуны съезда, и сегодня продолжает делать открытые нападки на наш народ, пользуясь поддержкой своих московских покровителей.

Во время поездки М. С. Горбачева и его супруги Раисы Максимовны в Италию их сопровождали одиннадцать армян.

Нам бы и во сне не снилось, чтобы генеральный секретарь, распространяющийся о гласности, мог бы вести тайные переговоры и сделки с римским папой. С какой же стати человек, объявивший гласность главным лозунгом, вдруг пожелал тайно, без свидетелей встретиться с Бушем и римским папой? Уж не результатом ли подобных встреч стало почти, что немое молчание (за исключением двух-трех передач) по поводу страшного землетрясения в Таджикистане и регулярное посвящение чуть ли не 5% всех передач центрального телевидения и органов печати такому же стихийному бедствию в Армении? В Армении для 500 тысяч лишенных крова в результате землетрясения было выделено 12 миллиардов рублей, в то время как 300 тысячам азербайджанцам, [156 - 157] туркам и курдам, оставшимся без жилищ и денег в результате учиненных армянами погромов, грабежей и насилия не посчитали, нужны, выдать из бюджета и одного рубля денег. Под предлогом землетрясения в Армении все призывники освобождены от воинской службы, в результате чего там создана мощная вооруженная армия, вот-вот готовая напасть на Азербайджан, так почему же не освобождены от воинской службы беженцы - азербайджанцы?

Пока что кульминационная точка завершилась кровавыми событиями 19-20 января.

Официальные органы Советского Союза, в том числе и органы печати, радио, и телевидения не только не дали объективной оценки, правдивого освещения происходивших в Баку январских событий, их причин, хода и результатов, а напротив, всячески утаивали, заметали следы, из кожи вон лезли, чтобы исказить, напичкать ложью достоверные факты, оправдать действия центра, свалить вину на других. И поэтому у советских людей, да и мировой общественности сложилось ложное представление

о бакинской трагедии. Вот почему в Азербайджане назрела настоятельная потребность необходимости в правильном, объективном информировании общественности о произошедших январских событиях.

Кровавые события 19-20 января навечно вписались в страницы истории азербайджанского народа.

Наиболее проницательные представители азербайджанской интеллигенции давно предвидели готовящееся против нашего народа преступление. Но к несчастью, они были лишены права голоса. В то время как правдивый голос азербайджанского народа не находил отклика и звучания на страницах центральной печати, ложь и клевета армянского дашнакского сброда, возглавляемого Арутюняном, не имели конца.

Московская печать и центральное телевидение посеяли столько лжи и выдумок, что на тихий и терпеливый, интернациональный азербайджанский народ навесили ярлыки: дикий, националисты, террористы, фундаменталисты и т. д. и т. д. Наверное, никогда в истории и ни в одной, стране так и на таком уровне не душили справедливый голос семимиллионного народа. В заключении московские руководители "Красной армии", выдававшая себя за самую справедливую армию, решили отомстить азербайджанскому народу. [157 - 158]

Думается, что М. С. Горбачев совершил такую невиданную в истории преступную акцию, которую надолго запомнит наш народ, передав из поколения в поколение.

Что требовал азербайджанский народ? Просто-напросто защиты своих суверенных прав, неприкосновенности территориальной целостности. И найдется ли такой народ, который не потребовал, не пожелал бы этого же, не стал бы бороться во имя святого дела? Да если даже и нашелся бы, то его нельзя назвать народом.

Как получается, что ложь и клевета армянских экстремистов льются потоками, а к справедливому гласу азербайджанского народа все глухи?

Давайте хоть на миг, как бы трудно нам не было, позабудем о том, что происходило раньше. Обратимся к материалам февральского пленума.

В своем выступлении на февральском пленуме Арутюнян изобразил все так, будто бы именно сумгаитское событие стало причиной национальной вражды. И что Армения никак не вмешивается в дела НКАО, а просто-напросто сами армяне из НКАО хотят отделиться от Азербайджана. И разве руководивший пленумом Генеральный секретарь не знал о том, что все это ложь и измышления? Знать-то знал, да просто не выражал своего отношения к ним.

Ведь Горбачев прекрасно знал, что зачинщиками сумгаитских событий были сами же армяне, подготовившие почву, условия для этого. Поводом для сумгаитских событий послужили трагедия в Аскеране (имеется в виду гибель от армянской пули двух азербайджанских парней) и хлынувшие из Гафана и Сисиана первые азербайджанские беженцы, организатором же их был Григорян. А с другой стороны, разве дважды принятые на сессии Верховного Совета Армянской ССР решения о воссоединении НКАО к Армении не подлили масла в огонь, став еще одним поводом для развернувшихся трагических событий?

Видимо, даже потопив азербайджанский народ в своей крови, у центра все равно не отлегло на душе. Если бы было не так, то он стал бы пресекать наглые измышления и клевету Арутюняна.

Оказание доверия в руководстве республикой в такое напряженное время человеку, впадшему в немилость и потерявшего авторитет еще в застойные годы, т. е. приход к власти бездарного и неспособного человека, давно уже прекратившего связи с Азербайджаном, [158 - 159] еще более осложнили обстановку. Везиров и его окружение, вместо того, чтобы распутать узлы в событиях, способствовали еще более прочному их запутыванию. В такое тяжелое для республики время, Москва специально назначила на пост первого секретаря бездарного Везирова.

В конце 1989 года нельзя было не почувствовать готовящееся против азербайджанского народа грандиозное преступление.

Начиная с декабря 1989 года, армянские экстремисты перешли в наступление по всему фронту. Сперва сессия Верховного Совета Армянской ССР приняла постановление о воссоединении НКАО к Армении, утвердив бюджет автономной области. В НКАО обнаружилось ракеты "земля-земля", вертолетами засыпались десантники в Чайкендский и Шаумяновский (сельский) районы. Стали поступать недобрые вести из Кубатлов, Кедабека, Лачина, Зангилана, Казаха. Центральное же правительство не выражало на все это никакой реакции.

Как известно, охрана территориальной целостности Азербайджанской ССР - конституционная обязанность СССР. Так как у Азербайджанской республики нет собственной армии. Но как быть? Спокойно наблюдать, как уничтожается азербайджанский народ, подарить армянам священные земли, оставшиеся нам в наследство от предков, иди же включиться в смертельную борьбу, до последней капли крови, защищая свою отчизну от вражеских посягательств? Конечно, азербайджанский народ не мог

избрать первого пути. Значит, оставался один выход. Наш народ, во что бы то ни стало, должен был защитить целостность и суверенитет своей республики.

Ни центральные органы, ни республиканское руководство не прибегли в этих целях ни к каким мерам. В такой ситуации Народный фронт Азербайджана, завоевавший себе широкую популярность, и авторитет в народе выдвинул идею создания самим народом вооруженных отрядов. Руководящие органы и тут, пользуясь священными чувствами азербайджанцев, подстроили им ловушку. И даже первый секретарь ЦК КП Азербайджана Везиров на одном из своих выступлений по телевидению сообщил, что для защиты земли нужно формировать добровольные отряды. Это настоятельно потребовали также и секретари райкомов партии в приграничных районах. Так был создан Азербайджанский Совет Национальной обороны.

Все это были причины и факторы, обусловившие общезападный [159 - 160] митинг 13 января, создание по решению этого митинга Совета обороны. Задачей республиканского Совета обороны было формирование вооруженных отрядов, защита суверенитета республики, азербайджанского народа, требование отставки руководства, безучастно взиравшего на эти события и ставшего помехой на пути осуществления оперативных мер.

Многие лидеры Народного фронта, готовые пожертвовать своей жизнью во имя исполнения этой святой задачи, были брошены в тюрьмы или же подверглись преследованиям. Тем самым, еще более увеличилась пропасть между народом и правящими кругами.

Можно было ожидать, что при виде сложного характера событий М. С. Горбачев сам прибудет в Баку, даст распоряжения для принятия самых решительных мер по пресечению нападений армянских экстремистов, решению вопроса НКАО.

Но в Баку он не приехал, принятые же меры заключались лишь в провозглашении необоснованным решение сессии Верховного Совета Армянской ССР по НКАО. 15 февраля же М. С. Горбачев издал указ об объявлении в некоторых местах чрезвычайного положения. Сам этот указ тоже оказался односторонним.

Ежедневно из Мегринского района Армянской ССР совершались вооруженные нападения на поезда и Ордубадский район, из соседнего же Кафанского района не прекращались бандитские вылазки в Кубатлинский и Зангеланский районы. Нахичеванская АССР каждый день подвергалась огневому обстрелу. Наблюдаются регулярные налеты армянских боевиков в Казахский район. Из всех районов Армении чрезвычайное положение было объявлено только в Горисе, остальные были оставлены без контроля. И поэтому до сих пор то и дело ожидаются нападения из Кафанского и Мегринского направлений. И разве нельзя было установить чрезвычайное положение во всех армянских приграничных районах? Все это было продуманной акцией. Так, например, в Мегринском районе чрезвычайное положение не было объявлено по той простой причине, чтобы армяне имели возможность постоянно обстреливать проходящие отсюда поезда, а центральные органы печати скрывали эти факты. Как только азербайджанские железнодорожники ради своей безопасности отказались выходить на работу, тотчас же на страницах печати замелькало: "Азербайджан создает блокаду", имевшее целью поднять шум и военизировать азербайджанскую железную дорогу. [160 - 161]

Таким образом, вместо того, чтобы в целях снятия напряженности и разрядки накалившейся сложной обстановки принимать приемлемые решения и давать объективную оценку событиям, стали прибегать к более грязным и не достойным средствам. Когда 13 января на общезападном митинге члены НФА обращались с просьбой к народу восстановить и поддержать спокойствие в городе, они уже знали о существовании черных сил, стремившихся создать беспорядки. Лидеры НФА еще 2 января предупреждали заместителя министра внутренних дел СССР Лесаускаса и руководство республики о готовящемся покушении на армян. К сожалению, те, кто создавал эти беспорядки, оказались чрезвычайно искусными в своем деле. И поэтому вовремя пресечь их действия оказалось невозможным. В городе были организованы нападения на армянские семьи. Кто их, организовал? Возможно, что нынешние следственные органы и не выведут на свет божий главных зачинщиков этого дела, но пройдет некоторое время и кто-то из самих организаторов откроет эту тайну для будущих поколений.

Один из самых непостижимых вопросов заключается в том, каким образом двенадцатитысячная армия министерства внутренних дел, находившаяся в городе, даже не предприняла попытки для пресечения погромов и убийств, став своего рода наблюдателями? События продолжали свой ход по прекрасно спланированному сценарию.

После 15 января контроль в городе был вынужден взять на себя НФА, сумев спокойно и без шума вывести армян из города. На самом деле уже 16, 17 и 18 января в Баку не произошло ни одного убийства. После того, как были предприняты меры по прекращению погромов армян, то же самые черные силы стали стремиться к созданию конфликта между местными и беженцами - азербайджанцами. Однако на этот раз здоровые силы вовремя спохватились и козни не удалась. В дело

включились мудрые аксакалы города, которые смогли общими усилиями предотвратить надвигающуюся новую беду.

Для азербайджанского народа готовился еще один ярлык. В конце 1988 года на территории Нахичевани были разрушены все пограничные ограждения на протяжении 170 км. Все это было приписано делу рук экстремистов, исламских фундаменталистов, террористов, пожелавших воссоединить Северный Азербайджан с Южным. Это было явной, неприкрытой ложью. [161 - 162]

Стоило азербайджанскому народу проснуться от спячки, как тут же он почувствовал свое одиночество. Видя, как вырывается из рук центральная часть родного Карабаха - НКАО, он вынужден был взывать о помощи. Можно ли было искать эту помощь у исламских сторон? Конечно же, нет. Так как наш народ давно прервал всякие связи с другими исламскими странами, в том числе и с расположенным по соседству Ираном, и даже под воздействием советской политики часто становится участником широкой пропагандистской кампании против них. Что же было делать? Безусловно, все же обратиться к своим соотечественникам Мы должны были уповать на моральную поддержку Иранского государства, где проживает 20 миллионов турков - азербайджанцев, Турецкого государства с населением, состоящим из анатолийских турков и 3 миллионов турков - азербайджанцев.

Создалась странная ситуация. Когда год назад представители азербайджанской интеллигенции выразили протест по поводу получения Арменией, притязающей на исконные азербайджанские земли, материальной помощи и моральной поддержки от всякого дашнакского и гичакского сброда из США, Англии, Италии и других государств органы московской печати ничем не отреагировали на это, но стоит появиться на страницах армянской газеты "Коммунист" какой-либо статьи против панисламизма, как тут же центральная печать обвиняет азербайджанцев в исламском фундаментализме. И никто не спросит, как же случилось, что азербайджанский народ для защиты своей земли просит помощи у Турции и Ирана?

Парадоксально: для того, чтобы задушить азербайджанский народ, вынудив его уступить свои законные исконные земли Армении, надо было Советскому Союзу и общинам из зарубежных стран всячески помогать армянам, вооружив их до зубов.

В случае же, когда азербайджанский народ не подчинившись этому, начал мобилизовывать свои силы, готовый на борьбу не на жизнь, а на смерть, надеясь при этом на моральную поддержку своих соотечественников в Иране и Турции, тогда он стал обвиняться в национализме, терроризме, исламском фундаментализме, кровожадности. Получается, что Центру предписано связать азербайджанцев по рукам, а армянам, пользуясь этим - бить сколько угодно? Азербайджанскому народу - разоружаться, а армянскому - вооружаться до зубов как с помощью США и Италии, так и со стороны СССР? [162 - 163]

Все прекрасно знают, что армяне втягивают азербайджанский народ в войну. Они ступили на путь неофашизма и оккупации. В своё время, когда армяне еще действовали завуалированно, исподтишка, я заявлял об этом на собрании, проведенном 2 декабря 1988 года в большом зале педагогического института имени В. И. Ленина заместителем коменданта города Баку Колесниковым: "В Армении появились тенденции, но осуществлению идей неофашизма, оккупации, создания Великой Армении. Если русский народ вовремя не поймет этого, Советскому Союзу придется туго". В то время Колесников воспринял мои мысли как преувеличенные. Однако последующий ход событий показал, что дело обстоит намного серьезнее, чем было высказано мной.

Комитет Государственной безопасности, воспользовавшись естественными чаяниями и мечтой азербайджанского народа об изменении сурового пограничного режима, сам же и организовал разрушение пограничного ограждения. Вызывает удивление, что советские вооруженные силы, истребляющие, где надо и не надо мирных жителей, на этот раз не произвели ни одного выстрела по нарушителям пограничных законов. В ряде случаев же сами пограничники предоставляли людям ножницы, чтобы срезали проволоки. Интересно, как воспримут эти события те, кто по истечении определенного времени будут иметь возможность посмотреть видеозаписи торжества, устроенного совместно с пограничниками в честь открытия границы?

В преддверии же январских событий началось массовое переселение офицерских семей и тем самым были подтасованы факты, подтверждающие национализм азербайджанского народа. Таким образом, была подготовлена почва для искусственной приклеивания азербайджанскому народу ярлыков террориста, фундаменталиста и националиста. И под предлогом всего этого азербайджанскому народу готовилась страшная расправа.

Ниже приведены вопросы, свидетельствующие о том, что операция носила характер спланированного уничтожения.

1. С какой целью и руководители Азербайджана, и Примаков в своих выступлениях заверяли о том, что с Баку комендантского часа не будет?

2. Почему чрезвычайное положение было введено в момент, когда в стране еще не имелось ни одного закона по нему и без всякой разъяснительной работы среди населения?

3. Почему была нарушена 119 статья Конституции СССР и в [163 - 164] Баку объявлено о чрезвычайном положении без согласия на то республиканских органов верховной власти?

4. Если в течение двух последних дней руководство республики изменило свое мнение, придя к решению об установлении чрезвычайного положения, то почему народ не был осведомлен об этом? Ведь посредством радио, телевидения и других средств информации можно было сообщить народу о введении в городе Баку с такого-то времени и часу чрезвычайного положения. В такой ситуации необходимо было также разъяснить народу саму сущность и назначение чрезвычайного положения.

5. Почему о введении чрезвычайного положения было объявлено утром, в пять тридцать - после завершения массового истребления, т. е. после 6 часовой бесчеловечной, жуткой расправы над мирным населением, с применением ядовитых, огнеметных, со смещенным центром тяжести пуль, мощнокалиберных пулеметов, снарядов, брошенных из танковых пушек?

6. Почему до применения таких страшных орудий для разгона пикета, и, главным образом, безоружного пикета, не воспользовались слезоточивыми газами и резиновыми пулями?

7. Почему стреляли в жителей, оказывавших пассивное сопротивление сидячим образом? Здесь уместно будет провести сравнение: в горных районах, чтобы стеречь отары овец при них держат диких собак. При появлении чужих людей собаки нападают на них, готовые растерзать, однако если чужак опытный и садится на землю в неподвижном состоянии, без признаков сопротивления, собаки не трогают их. И неужели у военного командования четырех типов, введенного в Баку против безоружных людей, к тому же, граждан СССР, не хватило разума, как у собак?

8. Почему против 8-15 летних детей, 60-70-летних стариков применялись ядовитые, огнеметные, со смещенным центром тяжести пули?

9. Почему уже до начала операции все больницы были высвобождены от больных, а запасы лекарств и крови уменьшены? Почему отказались от лекарств, предложенных зарубежными странами? И разве это не свидетельствует о спланированном истреблении людей?

10. Почему машины скорой помощи, врачи подвергались обстрелу и при этом метили в основном выше ног?

11. Почему стреляли в жилые дома, в людей, сидевших в своих квартирах? Чем можно объяснить следы от пуль на окнах и стенах домов? [164 - 165]

12. В чьих интересах было бросить на Баку сорокатысячную армию четырех видов, прибывших из различных регионов Советского Союза, в то время как был дан приказ войскам стрелять по людям и путем демонстрации по телевидению редких трупов людей из отдельных районов СССР вызвать в русском народе гнев и возмущение против нас? Уж если понадобилось отразить кровавые события в Баку, то центральному телевидению следовало бы со всеми подробностями показать уложенные рядом друг с другом трупы азербайджанских детей, женщин, мужчин, пожилых, в том числе и русских, евреев, и только на фоне подобной страшной картины действительности продемонстрировать также редкие трупы безвинных солдат, стремясь именно таким образом вызвать ненависть к тем, кто допустил такой бесчеловечный, невиданный жестокости преступный акт против мирного города и мирных жителей.

13. Для чего надо было выпускать в людей целую автоматную очередь, в то время как для убийства человека достаточно и одной единственной пули? Почему у убитых людей были вырваны глаза? Подобное глумление над трупами людей ничем иным, как вандализмом не назовешь.

14. После 20 января ежедневно в тон или иной части города совершается убийство одной безвинной жертвы. Чем можно объяснить все это?

Следует отметить еще один горький факт, В ноябре - декабре 1988 года 200 тысяч азербайджанцев ошибочно думали, что части Красной Армии, возглавляемый Самсоновым в Ереване прибыли для их защиты. Однако эта армия не только не оказала им помощи, но даже в ряде мест, примкнув к армянским экстремистам, сообща зверски расправлялись и изгоняли азербайджанцев. И хотя наши беженцы, бросив всё своё имущество, добро, большинство из них сумели добраться в Баку в целостности и сохранности. В то время было убито около 100 азербайджанцев. И самое страшное то, что другие части этой армии, не защитившей их год назад от нападков армянских экстремистов, теперь под командованием генерала Язова пролили кровь 30 беженцев, 20 человек были тяжело ранены, остальные 20 - без вести пропавшие. Во время кровавых январских событий на страницах газет давали списки погибших. Имена некоторых из убитых были неизвестны. Скорее всего, большинство из них были беженцами, так как у многих азербайджанцев [165 - 166] из Армении бандиты отнимали не только добро и деньги, но и сжигали их паспорта и другие документы.

Эти несчастные бежали в Азербайджан в надежде сохранить свою жизнь и обрести покой. Но судьба распорядилась иначе. Как и многие местные азербайджанцы, они тоже были потоплены в крови.

Некоторые стремятся свалить всю ответственность за содеянное на членов и лидеров Народного фронта Азербайджана, обвиняя их в том, что они не предложили народу разойтись по домам. Но почему и как они могли это предложить? Ведь за несколько месяцев до этого, во время обсуждения кровавых

событий в Тбилиси были одобрены предложения по поводу не использования армии против народа и никаких разговоров о введении чрезвычайного положения не велось, в таком случае, почему НФА должен разогнать пикет? Ведь никаких оснований для введения чрезвычайного положения в Баку не было. И разве нельзя было вместо того, чтобы взрывать энергоблок телевидения, лучше дать по нему и радио подробное сообщение с указанием времени, о готовящемся введении чрезвычайного положения в городе Баку?

Создается впечатление, что сотрудники центрального телевидения и печати, руководители официальных органов не считают азербайджанский народ за советский, будто и нет Азербайджана в составе СССР. И если эта республика считается чужой, то почему тогда Примаков заявил о недопущении любым путем ее отделения от СССР?

За исключением более или менее объективной статьи Б. Вишневого и др., опубликованной в газете "Комсомольская правда" за 10 февраля, до сих пор в центральной печати не опубликовано ни одного честного и правдивого материала.

Мы желаем, чтобы все люди призадумались над приведенными тут фактами и при возможности возвысили голос протеста, и самое главное, чтобы узнали и услышали подлинную правду, разделили беду и горе азербайджанского народа.

Выражение: "Русские беженцы из Азербайджана" словно ножом полоснуло, пулей пронзило наши сердца, Весь азербайджанский народ всегда относился к русским как к родные братьям. Да к тому же в последнее время очень часто смешиваются понятия беженец и переселенец. Вполне возможно, что сегодня азербайджанец, доведенный до отчаяния в связи с существующим в Баку [166-167] чрезвычайным положением, переедет в другое место. И разве его мы назовем беженцем? Нет. Переселенец и беженец должны различаться. Из Азербайджана выехало большое количество армян, однако беженцами среди них можно назвать лишь тех, кто уехал в январе 1990 года. Неверно будет называть беженцами и тех азербайджанцев, которые покинули Армению до ноября 1988 года. Думается, под словом беженцы следует понимать тех, кто вынужден был бежать, бросив все свое имущество, добро, дом в чрезвычайных трагических обстоятельствах, остальных же целесообразнее называть переселенцами. Более 100 тысяч азербайджанцев, хлынувших в Азербайджан из Армении в ноябре - декабре 1988 года действительно беженцы. Так как, спасаясь от смерти, они бежали, кто, в чем был, не успев даже прихватить с собой кое-что из белья и одежды. А вот, например, в кооперативном доме по адресу: город Баку, 1410 проезд, дом 3 проживало семь армянских семей. Все они с помощью азербайджанцев нагрузили свое имущество в контейнеры и, продав кооперативные квартиры в два-три раза дороже настоящей цены, уехали в разные места. В январе же 1990 года до 2-3 тысяч, армян вынуждены были уехать, оставив на произвол судьбы все свое добро. Последние являются беженцами, остальные - переселенцами. Ни один русский, выехавший из Азербайджана, не попадает под статус беженца. В противном случае это будет большой несправедливостью. Азербайджанский народ, ненавидящий русскую армию за убийство своих сыновей и дочерей, вместе с тем питает к русскому народу только добрые чувства. [167 - 168]

ИСМАИЛ ОМАРОГЛУ

В ГОРАХ ТЕХ ОСТАЛОСЬ

Многое осталось в тех горах... Студеные родники, гранитные скалы, на которых высечены наши имена, изумрудные склоны, незабываемые красоты ущелья Бановша - фиалкового ущелья... И еще Беюк-гая, Кемяр-гая, десятки других таких же неприступных скал, древнейшие захоронения, где покоится прах наших далеких предков огузов, наскальные изображения... И еще равнина у подножия горы Лалвар, пройдя по которой можно выйти к поселку медников... Когда-то давным-давно обнаружили люди здесь богатейшие залежи меди и приступили к их разработке. Прослышали о месторождении и иноземные предприниматели. Рассказывают, что в прошлом веке объявился здесь некий француз по имени Манес и открыл цех... От него ли пошел, или ещё раньше был заложен, но по сей день народ добром поминает поселок Алаверди, где, как гласит предание, каждый, кто умел и любил, работать, мог рассчитывать на добрый кусок хлеба. А если пройти выше по склону горы, то вы непременно попадете в село Узунлар (ныне переименовано в Одзун), с древнейшим в округе некрополем. Там будет село Колагирян (ныне поселок Туманян). А рядом ещё одно человеческое обиталище - поселок Санаин, знаменитый тем, что здесь по преданию жил Шейх Санан.

Севернее горы Лалвар расположена Борчалинская равнина, далее находятся места, известные в народе под названием "сторона Джалалоглу". И еще есть в этих краях урочище, "Уч кился", что по-русски означает "Три церквушки". На этом месте когда-то высились албанские храмы. Да и армяне называли это место "Учкилис". Чуть поодаль расположен живописнейший поселок Шамлыг. С незапамятных времен в этом поселке проживали азербайджанцы и греки, которых в этих краях называют ещё, "берзанами". Старики утверждают, что жили эти два народа во все времена в мире и согласии. Юноши - азербайджанцы женились на девушках - берзанках и наоборот. Словом, чуть ли не весь поселок ходил в родственниках. Основная масса взрослого населения поселка трудилась из медных [168 - 169] рудниках. С годами, когда стали расширяться рудники, объявились в этих краях и армяне - жители более отдаленных сел. Жили все в дружбе и согласии. И не было никаких конфликтов вплоть до последнего времени.

По соседству с поселком Шамлыг расположено село Юхары Аг-гала. Мой далекий предок - прапрадед родился и прожил свою долгую жизнь именно в этом селе.

Трудно описать все красоты Юхары Агтала. Прекрасно наше село и весенними грозами, и летним чистым небом, и щедрыми дождями... И, конечно же, изумительными певчими птицами. Да и памятниками древности, творениями рук человеческих, не обделено наше село: здесь вы встретите памятники византийской эпохи, албанские сооружения, старинные мусульманские надгробия. О самых разных народах, религиях расскажут искусенному сохранившиеся за многие века надписи на стенах храмов, на кладбищенских камнях.

Гарабулагский лес другой своей стороной упирается в уголья известных в Борчалинской округе селений - Салахлы, Моллаоглу, Агерпю. Раньше, вплоть до послевоенных лет, в этих лесах прятались гачаги. По сей день, в народе ходят легенды о подвигах и печальной судьбе этих народных мстителей. Когда-то, очень давно, из лесной чащобы в эти села была проложена узкая колея, по которой можно было проехать на подводе, запряженной парой коней. С годами эта дорога расширялась, и теперь по ней едут даже большегрузные автомашины. Однако не всякому водителю она доступна. Тут требуются особые мастерство и сноровка.

Есть еще одна дорога к лесу, ведущая на восток. Где-то в середине леса дорога раздваивается. Одна ее колея приведет вас к Черной скале (Гара гая), напоминающей по очертаниям спящего льва. Другая же ведет к урочищу Нахадак. Об этой-то колее, называемой "фракийской", ходит в народе наибольшее количество легенд. В одной из них утверждаемся, что проложена она войсками Александра Македонского. Урочище Нахадак в свое время представляло собой крупнейший населенный пункт во всей округе. До наших дней в относительной сохранности дошли три памятника древности. Один из них - христианская церковь, возведенная здесь в раннем средневековье албанцами, предками нынешних азербайджанцев. Старожилы утверждают, что до последнего времени эта церковь как культовый храм не использовалось армянами, исповедующими христианство. Азербайджанцы же, вопреки [169-170] своей вере, не оставляли без внимания церковь, из поколения передавалось в этом крае уважительное отношение к храму. Здесь совершали обряд жертвоприношения крестьяне окрестных азербайджанских сел.

В трехстах метрах от христианской церкви находится еще один древний памятник. Это языческий храм. Истари у здешних азербайджанцев считалось грехом, не посетив сначала языческий храм, а затем - христианскую церковь, отправиться сразу в мечеть на противоположном берегу реки. Станный обычай, но в подобной последовательности - глубокое уважение и верность, которые хранят местные азербайджанцы - мусульмане к святыням и верованиям своих далеких предков.

А что касается мечети, известной в народе под названием Шейпурханская, то до последнего времени был еще цел ее стройный минарет. Однако вернемся к языческому храму. По преданию, на этом месте находится могила то ли матери, то ли сестры Нахадака. Сам памятник отличается от обычных надгробий, в первую очередь, размерами. Это каменное строение высотой около пяти метров. Перед ним специальная площадка для установки свечей. Строение в свое время было украшено металлическими фигурками мужчины, женщины и ребенка.

Если взобраться на вершину Черной скалы, то можно увидеть на горизонте конусообразные вершины гор, возвышающихся над селом Кямарли Казахского района Азербайджана, дома селений Юхары Керпулу и Ашагы Керпулу, что находятся в Ноеберянском районе Армении, сизый туман, выходящий над рекой Дона (в последнее время ее стали называть Дебед, а иногда и Тават).

Игрушечными кажутся с этой высоты дома, другие строения крестьян на правом и левом берегу реки Дона. В ясную погоду отсюда можно обозреть всю равнину вплоть до озера Гюмушун, расположенную неподалеку от Тбилиси.

Вот такую, говоря военным языком, стратегическую позицию занимает Черная скала. Впрочем, в дни давних войн и междоусобиц именно овладение Черной скалой сулило противоборствующим сторонам заметные преимущества.

Правее Черной скалы круто поднялись к небесам вершины Четиндага (Трудная гора). Впрочем, на картах, выпущенных в последнее время, уже отсутствует часть названия. Так историческое название Четиндаг изменили и теперь оно обрело усеченную форму "Четин". У подножия Четиндага проходит железнодорожная [170 - 171] ветка, ведущая в Тбилиси. Здесь же находится одна из крупных железнодорожных станций - Агтала, с довольно крупным поселком того же названия. Знаменита эта местность и своими многочисленными старинными меднорудными промыслами. Некоторые из шахт действуют и по сей день.

По обе стороны дороги, ведущей от железнодорожной станции Агтала к рудникам, построены жилые дома. Чуть поодаль вдоль ущелья расположены старинные села Гюмушхана к Ашагы Агтала. И здесь в свое время бок о бок жили азербайджанцы, армяне, греки.

Округа эта хранит немало памятников, связанных с подвигами легендарного Кероглу, а также продвижением полчище Тамерлана. Это и развалины древних башен, и средневековые поселения, возведенные по случаю остановки войск завоевателя. По сей день в народе именем Тамерлана называют скалу и равнину, где в те далекие времена совершило остановку воинство Великого хромого. Если же подняться от этого места по дорожке, ведущей в гору, то вы попадете сперва в село Бала Айрым, а чуть позже - в Беюк Айрым. Расстояние между ними около трех километров. И знамениты они в целом районе отменными плодами своих многочисленных садов, многотравьем лугов.

Сады в Беюк Айрыме были заложены аксакалами села еще в 20-30-х гг. После войны мой отец долгие годы был в них садовником. Здесь, в этих садах и прошло мое детство, как и детство всех моих сверстников - односельчан.

У отца моего было немало верных друзей среди армян соседских сел. По осени они варили тутовку. Тут уж мужики не могли усидеть дома. Собирались в садах у костров, за чаркой доброго первача вели неторопливые разговоры о житье-бытье. Наши соседи армяне неплохо говорили по-азербайджански. И так уж было заведено, что если собирались вместе то, как правило, говорили по-азербайджански. Помню, как друг отца дядя Мартирос попросил меня однажды:

-Сынок, говори почаще с моим внуком по-азербайджански. Пусть знает и этот язык.

И еще рассказал тогда дядя Мартирос о том, как в начале века возник конфликт между армянами и турками.

-Однажды опасность подступила вплотную к нашему селу, - говорил дядя Мартирос.- Турки были совсем близко, и в такой вот момент нас поддержали соседи - азербайджанцы. Обошлось. Никто [171 - 172] из наших тогда не пострадал. Вот так и живем с тех пор - в дружбе и согласии.

Старик подумал малость и добавил:

-Э-э, сынок, мало ли кто норовит столкнуть добрых соседей?! Во все концы света рассыпаны, нынче наши и каких только среди них людей нет?! Так что, пусть уж знает мой внук тюркский язык. Небось, вреда от этого не будет, а польза - непременно.

Тогда, в те далекие годы детства, я многого не знал. Это потом, когда подрос, стал соображать более зрело, многое понял. Понял и удивился. Как же могло случиться так, что ребята, с которыми мы

срывали абрикосы с одного дерева, купались в одной речке, гоняли по лужайке видавший виды мяч, могли так измениться?

... Однажды мы с ребятами вышли на сбор тут. Все бы ничего, но тут один мой дружок, на что-то обидевшись, выпалил:

-Вы турки! Вы наши враги!

Как? Эго я - твой враг?! К счастью, рядом оказался друг отца, старый железнодорожник дядя Нерсес.

-Замолчи, щенок,- сердито сказал он. - Не болтай того, чего не знаешь! Какие они турки? Турки живут в Турции, а это азербайджанцы.

Потом дядя Нерсес подошел ко мне, обнял за плечи и ласково сказал:

-А ты не обращай внимания. Чем крепче укус, тем скорее треснет кувшин, в которой он залит.

Впоследствии наше село объявили бесперспективным, а колхоз решили соединить с соседним совхозом Чочкан (Очканд) Были недовольства, высказывались соображения о целесообразности объединить в одном хозяйстве крестьян трех азербайджанских сел, расположенных рядом. Но никто не стал вникать о суть предложений, и просьб и дело свершилось. В одночасье жители нашего села лишились права па трактора и другую технику, на коров и овец. Жизнь села резко осложнилась.

Справедливости ради надо отметить, что первыми забеспокоились, интеллигенция села, аксакалы. Пошли заявления в высокие инстанции с просьбой вернуть селу первоначальную форму хозяйства. Шло время, письма, и заявления крестьян возвращались в местные партийные и советские органы с резолюциями для принятия мер. И, наконец, меры были приняты: теперь наше село передали в состав совхоза Шыныг (впоследствии Шнох). Так прошло еще десять лет. [172 - 173]

Надо сказать, что земля в наших краях была плодородной, Помните, я говорил о наших прекрасных фруктовых, садах? Так какой же умник откажется от такого добра?! Так поступил и тогдашний директор Шыныгского совхоза Гамсар Норикян, человек решительный, с весом; с ним считалось самое высокое районное начальство. Так что по сути, жалобы на него с самого начала потеряли свой реальный смысл. Он изредка навещался в село, заигрывал с народом, старался ублажить недовольных.

В то время мой отец еще продолжал работать садовником. Тут случилось такое дело: замдиректора совхоза, некоторые бригадиры подступили к отцу с предложением продавать на рынке излишки плодов. Отец понимал, что дело это не совсем чистое и потому не соглашался. Тогда пошли в ход придирки, жалобы на садовника. Вмешался в дело сам директор. Он был хорошо знаком с моим дядей и через него передал отцу, чтобы тот не очень сопротивлялся. Но не таков был мой отец. "Нельзя подличать в саду, урожая лишимся",- твердил он.

А отдельное хозяйство нашим крестьянам удалось создать только после смерти Г. Норикяна, Совхоз вроде стал свой, однако руководителя назначили со стороны. И вообще, начиная с 50-х гг., в руководство хозяйством выдвигались посторонние для села люди. Новый директор, первым делом, определил, что плодовый сад бесперспективен. Сад был выделен из хозяйства, а должность отца ликвидирована. Так жители села были лишены огромного участка на склонах горы Лалвар.

Помню, как назначили председателем к нам человека по фамилии Хачатурян. Первые дни он жил то у одного, то у другого из местных крестьян, пока не обосновался в доме Гамид-киши, одного из уважаемых стариков нашего села. Мы тогда были детьми, но помню из рассказов взрослых, что этот Хачатурян не раз говорил на сельских сходах: "Братья - мусульмане, поверьте, не по доброй воле я пришел к вам, заставили меня. Но я постараюсь сделать все, что в моих силах. А вы поддержите меня, не жалейте усилий". Как говорится, стерпелось - слюбилось. Сельчане постепенно привыкли к Хачатуряну, а тот к ним.

И ещё рассказывали, что в райцентре, долго не давали хода его заявлению об освобождении от занимаемой должности. И вот такое решение было принято. Так в тот день Хачатурян ходил именинником: "Люди, поздравьте меня, я освобожден от должности!" Но с уходом Хачатуряна беды сельчан не кончились. [173 - 174]

Прошли годы. И были они еще более тяжелыми для села. Что ж, такова наша доля, говорили старики, надо терпеть, другого выхода нет. Ведь, слава богу, пока не гонят с родной земли.

Надо сказать, что в те годы люди повсюду жили в страхе. Не было исключением и наше село. Репрессии тридцатых годов черным кругом прошли и по изумрудным склонам наших гор. Потом была война. Опять потери. С фронта не вернулись лучшие мужики села. Все годы войны провел на фронте и мой отец. Наступила весна сорок пятого, постепенно стали возвращаться в село те немногие, кого изрядно покалечив, пощадила война. Вернулся и мой отец.

Надо было подымать село, и основной груз этого нелегкого труда лег на плечи горстки вчерашних солдат и подростков. Однако не успел народ, как следует впрячься в дело, как грянул гром среди ясного неба: пошли слухи о том, что есть-де решение правительства о выселении азербайджанцев

с территории Армении. Еще не успели осмыслить до конца это сообщение, как пришло новое известие: уже сняты со своих мест жители села Лембели, что на границе Армении и Грузии (Борчалинская низменность). Тут по-настоящему всполошилась сельская интеллигенция. Пошли ходоки по разным инстанциям. Тогда-то мы впервые узнали о злополучном постановлении Совета Министров СССР от 23 декабря 1947 года, по которому 150 тысяч азербайджанцев из 23 районов Армении должны были быть переселены в Азербайджан. Сбывалась давняя мечта армянских националистов, дашнакского отребья об "очищении" Армении от иноверцев. Одно только не укладывалось в голове - как могло Советское правительство принять такое решение? Однако факт оставался фактом: полным ходом шла операция по спешному освобождению азербайджанских, сел от исконного населения.

К тому времени люди уже знали печальную историю месхетинских турок. Нет, тут что-то было не так. И вот пришло решение: послать ходоков в Москву и выяснить все с первых рук.

Сельского аксакала Ашура-киши и Гасана Ахмедова не приняли ни в ЦК, ни в Совете Министров, ни в Верховном Совете СССР. Повернули, как говорится, с порога, дело, дескать, решенное и не о чем толковать. И нечего было думать о приеме "Великим вождем". Оставался единственный выход, которым и воспользовались ходоки нашего села. В один прекрасный день все они отравились к Мавзолею Ленина, захватив с собой женщин и детей. Тут всполошилась [174 - 175] кремлевская охрана и привела их в комендатуру. Так они, наконец, попали в высокие кабинеты. "Операция" удалась... наполовину. Переселение крестьян Алавердинского района было на время отложено. Но недаром говорят, что крестьянина не проведешь, люди понимали, что никому не избежать общей участи. Так и случилось. Через некоторое время, без особого шума перевезли в Азербайджан жителей райцентра, потом поселка рудников, следом пошли крестьяне сел Шамлыг, Гюмушхана, постепенно исчезла азербайджанская часть населения из пристанционных поселков.

Вспоминаются мне сегодня люди, чья память хранила бесценные сведения о событиях тех лет. Как жаль, что в свое время никому не пришло в голову записать все, что помнили и знали наши сельские старожилы. Кое-что удалось записать мне в течение 1975-1983 годов. На этой основе и был подготовлен ряд материалов, прозвучавших по Азербайджанскому радио. По сей день с глубокой благодарностью вспоминаю помощь, которую оказали в подготовке этих передач сотрудники радио Маиля Мурадханова, Мовлуд Сулейманлы, Интигам Мехтиев, Агалар Мирза и другие.

Однако мы несколько отвлеклись. Итак, состоялось еще одно переселение народов в невиданных масштабах. Остались на земле предков возведенные их руками дома, любовно взращенные сады...

В райцентре проживала моя двоюродная сестра Фируза. Я часто бывал у них. Иногда, если засиживались допоздна, оставался ночевать. В райцентре на каждом шагу можно было встретить жителей Борчалы. Одни привозили фрукты на продажу, другие приезжали за покупками. Город Алаверди считался промышленным центром, потому его магазины снабжались довольно хорошо. В те времена очень редко возникали ссоры между армянами и азербайджанцами. Да и то на конкретной бытовой или, скажем, служебной почве. И никогда - на национальной.

Все изменилось, пожалуй, с начала 60-х годов. Появились публикации в армянских газетах, стали выходить отдельные книги, где исподволь звучали националистические призывы, возбуждалось неприятие представителей другой национальности.

Помню такой случай. В то время работал я простым рабочим в пристанционном поселке. Однажды в обеденный перерыв все собрались в комнате прораба, читали что-то. Я подошел как раз в разгар горячего спора о только что прочитанном и еще не знал, о чем речь. Навстречу мне вышел дядя Абил (родом из Казахстана и прекрасно [175 - 176] говорил по-азербайджански). Обняв меня за плечи, ответил сторону и сказал:

-Ты, сынок, не обращай на них внимания и постарайся, как можно меньше с ними общаться. А если и скажут что-то обидное, не сердчай. У них туман в голове от бесполезного чтения ненужных книг.

Или другой случай. Мой приятель, с которым я дружил, чуть ли не с детства, однажды огорошил меня словами:

-Ты многого не знаешь. Не знаешь, например, что твой дед убил моего деда.

Я был крайне удивлен. Ведь знал из рассказов старших, что дед мой умер, когда отец еще был совсем маленьким. А что касается деда моего приятеля, то я его видел живым и здоровым еще вчера. Понятно, пытаюсь объяснить, убедить его, что он ошибается. Нет, отвечает, речь не о твоём или моём деле конкретно Мы, говорит, недавно прочли книгу, где написано, что ваши деды в Турции убивали наших дедов. Понял, говорю, но при чем тут я и ты? И еще, говорю я своему приятелю, как же понять тогда нашего Степана, который все твердит, что непременно хочет уехать в Турцию?

Видать, мой приятель не совсем еще созрел для пропаганды национализма, потому что он махнул в ответ рукой и сказал: "Ара, откуда мне знать... если так написано в книге, значит, так и было".

Кстати, может вас, заинтересует история Степы? Я попытаюсь рассказать все, как было.

НОСТАЛЬГИЯ ПО РОДИНЕ ИЛИ ЖЕРТВА ПРОВОКАЦИИ

На площади перед комбинатом часто слонялся без дела среднего роста человек, время, от времени ругаясь по-турецки в адрес неизвестных лиц. Он сторонился людей, избегая разговоров, расспросов. Рассказывали, что когда-то он приехал из Турции, затем решил вернуться назад, да так и не получил на то соответствующего разрешения. Четырежды он пытался перейти границу нелегально, однако каждый раз его хватили, возвращали назад наказывали за незаконные действия.

Как-то мы сошлись с ним накоротке, и он поведал мне о своем горе. Да, действительно странной - иначе не назовешь - оказалась судьба у Степана. [176 - 177] В Стамбуле от своего отца он унаследовал большое, разветвленное торговое дело. Только на одном из центральных рынков он имел шесть магазинов. Впрочем, делом по-настоящему занимался старший брат Степана. Они сдавали помещения магазинов в аренду и недурно зарабатывали на этом. Степан жил бобылем, никак не мог жениться.

Разбогатец, старший брат перебрался в Америку, отказался от своей доли отцовского наследства, и Степан начал вести дело сам. Вскоре он почувствовал вкус к деньгам, к богатой жизни, стал посещать различные сборища и вечеринки. Чаше всего, естественно, он бывал в кругу своих соотечественников - армян. Тут-то и возникла идея переехать к себе, на исконную армянскую землю. Доброхоты утверждали, что там, в Советской Армении, все живут богато, у каждого полно денег. Так что, живи - не хочу.

Степан, человек по натуре доверчивый, быстро соблазнился такой перспективой! В числе первых подал он документы на репатриацию в Армению. Быстро закрыв дело, он вскоре оказался в Советском Союзе, при распределении попал в Алавердинский район. Между прочим, во время собеседования в Ереване выяснилось, что он плохо знает армянский язык. Добавьте, что ему как одинокому не сразу было предоставлено жилье. На первых порах Степана устраивают в общежитие для холостяков, он получает работу по "специальности" - продавцом в магазине. Это потом выяснилось, что Степан за всю свою жизнь ни одного дня не стоял за прилавком. Понятно, что уже на второй день он оставил работу в магазине и поступил грузчиком на комбинат.

Конфуз произошел со Степой и в день первой получки. Исписавшись в ведомости, он ждал, что получит обозначенные в первой графе 120 рублей. Ему объяснили, что с него удержаны налоги - за бездетность и подоходные. Ничего, не поняв, Степан обиделся и потом часто возвращался к этому разговору. Через год он вновь неожиданно заупрямился, стал требовать свои "120" без всяких удержаний и даже устроил скандал, подравшись с главным бухгалтером. При разборе он пытался объяснить администрации, что за один проезд на пароходе из Турции с него уже целый год удерживают "пароходные". Вконец, окончательно обидевшись, он решил покинуть свою "новую родину".

Так у Степана возникла и укрепилась неприязнь к апологетам "Великой Армении", к тем, кто все свои помыслы направлял на разжигание межнациональной розни. Теперь при случае он, не [177 - 176] таясь, говорил, что все хорошее и доброе, что он имел за свою жизнь, осталось там, в Турции, "Турция - моя родина, там находится могила отца. Там в Турции, живут добрые, чуткие люди, нет вражды и обмана", - повторял Степан.

ПАМЯТНИКИ СТАРИНЫ. МОГИЛЬНЫЕ ПЛИТЫ

В декабре 1988 года нас потрясло невероятное известие: наших сельчан всех до единого выселили из села. Всех до единого человека! Все это трудно укладывалось в голове, и я решил позвонить по телефону к знакомым в селе. Жил я тогда уже в Баку. Увы, телефоны на том конце провода молчали. Позвонил в соседнее село Чочкан, к телефону подошел директор совхоза Вермиш. От него-то я и узнал, что жители азербайджанских сел ушли в соседние села на территории Грузии. А что касается коров и овец, то не беспокойтесь, они у нас, в нашем селе, сказал он. В одночасье были изгнаны и исчезли в неизвестном направлении мой старый отец, трижды раненный в минувшей войне, парализованная, прикованная к постели мать, дядя, не успевший все еще избавиться от фашистского осколка, полученного в боях Великой Отечественной, его внуки и правнуки, моя сестра, другие родственники. Что делать, у кого узнать, куда бежали наши, где нашли они приют? Прошло немало тревожных минут и часов, пока мы получили сообщение о том, что основная масса жителей нашего села прибыла в Ханларский, Шамхорский, Казахский, а также частично в Исмаиллинский и Шемахиинский районы Азербайджанской ССР. Покидая в спешке свои дома, многие не успели взять ничего из домашних вещей, кроме одежды. Когда страсти улеглись, моя сестра вернулась в наше село, однако ничего из своих вещей уже не обнаружила.

Уже потом стало известно, что в изгнании жителей азербайджанских сел самое непосредственное участие принимали районные партийные, советские организации, органы внутренних дел. Попробуй, возрази, защити свои права, когда имеешь дело с вооруженными до зубов людьми с налитыми кровью глазами! Впрочем, они не раз доказывали, что их угрозы не беспочвенны. Был расстрелян, например, нерасторопный житель села Бала Айрым Ахверди, сожжено имущество ашуга Мутуна. А самого его побили так, что по сей день старик еле передвигает ноги. Или другой случай: девяностолетний аксакал нашего села дедушка Аббас Хасы оглу пробираясь через лес вместе с внуками, напоролся на погромщиков. [178 - 179] Старику удалось спрятать девочек и, после долгих уговоров, продолжить свой путь. Однако, едва ступив в село Садахлы, то есть, оказавшись в безопасности, старик умер от разрыва сердца...

Дядя Насиб, брат моего отца, до сих пор никак не может определиться. Еще недавно по случаю смерти своей жены Тамашы, которую он похоронил по сельскому обычаю рядом с могилами близких родственников, старик заказал двойной надгробный камень, а рядом с именем жены, датой рождения и смерти, он попросил записать своё имя, год рождения... Дату смерти определит судьба говорил он близким... И вот теперь там, в Армении, осталась одинокая могила с двойным надгробием, а здесь... одинокий, мечущийся старик.

Отец мой так торопился с отъездом, что забыл отвязать пса. Три месяца он корил себя и успокоился только после того, как люди, побывавшие в селе, сообщили ему, что с собакой все в порядке. Зная, как тоскует отец по своей собаке, знакомые старались забрать пса с собой, однако это им не удалось. Пес вырвался и убежал, петляя вокруг нашего бывшего дома. Недаром говорят, что собака до смерти остается преданной родному очагу. Не оставил наш пес без присмотра дом своего хозяина.

После побега из родных краев отец несколько месяцев прожил в селе Гирк Исмаиллинского района Азербайджана. По соседству, в селе Калбанд, обосновалось семейство моего дяди Халлы. Не удалось устроиться в одном селе. А вроде вначале все шло хорошо: армянин, с которым уже договорились об обмене домами, в последнюю минуту передумал, заявив, что не собирается переезжать в Алавердинский район Армении. Отец же не мог жить в чужом доме без доброго согласия. А ведь ему было нелегко жить одному в чужом селе, без привычного за долгие годы окружения близких родственников. По сей день, хотя прошло уже немало времени с тех трагических дней, он то и дело вскрикивает во сне, просыпается в холодном поту. "Что с тобой, отец?" - спрашиваю. "Спи, сынок,- отвечает он нехотя, - просто я снова увидел во сне свой дом".

Беспокоят отца также воспоминания. "Вот прожил я немал; лет. Считай, семьдесят из них отдал служению государству. Колхоз строил, работал не жалея сил. Потом воевал. Был трижды тяжело ранен. Попал в плен, бежал из плена. Партизанил. Потом снова работал в селе, подымал хозяйство. Да, нелегкая была жизнь. Но такого, что случилось нынче, даже представить в дурномном [179 - 180] сне не мог. Страх, да и только. Страшно не за себя, о за государство, которое не смогло защитить своих людей. Ведь все отдали ему без остатка, и руки свои, и пот, и кровь! А оно не пришло на помощь в тяжелую минуту, оставило нас один на один с вооруженными негодьями!"

Помню, отец работал возчиком в колхозе. Как-то поспорили они с Хачатуряном. Видать, спор был не шуточный, потому что отцу пришлось оставить работу в колхозе, Посидев дома один день, на следующее утро он отправился в соседнее армянское село, к своему старому фронтовому другу - каменщику. Так вот, сходил отец к нему и вернулся с нужными инструментами. Занялся делом. Точил, выравнивал камни для домов, для надгробий. Последнее было делом сложным. И не всегда он брал деньги за эту работу. Между делом поправлял заброшенные могилы, ставил хоть скромные, но все же надгробия над ними. И гордился этим. Впрочем, все это осталось там - и надгробия, с таким старанием выточенные отцом, и угловые камни для жилья. И некому нынче оплакивать покойников, и вряд ли кто осмелится в дни поминовений навестить дорожную могилу...

"КУДА ДЕРЖАТЬ ПУТЬ?"

Эту фразу я впервые услышал в марте 1988 года от беженцев из Армении, нашедших временный приют в Баку. Эти люди многократно обращались в центральные органы власти Армении, пытаясь защитить свои права и имущество, однако, не добившись ничего, бежали в Баку и Москву. А вот тут помогут. Я прекрасно понимал проблемы этих людей. Еще в начале так называемой Карабахской кампании в Армении попытались заручиться поддержкой людей других национальностей в первую очередь, азербайджанцев. Прерывались занятия в школах, учеников приглашали ехать в Ереван, принять участие в демонстрациях и манифестациях по этому поводу. Кстати, в те первые дни были пущены, слухи, что идею передачи Нагорного Карабаха Армении поддерживают также курды, азербайджанцы и русские. Необходимо отметить в этой связи, что центральная печать, с подачи инициаторов этой акции, открыла в то время зеленую улицу публикациям, потворствующим в сущности вопиющей незаконности. На неоднократные наши протесты представители ТАСС, прибывшие в те дни в Баку, отвечали односложно: ничего не можем сделать, слишком велик нажим на нас. Так и шли на страницы союзной печати, в зарубежные страны неверные, искаженные толкования сути происходящего, отдельных событий. Добавьте к сказанному, что информационное агентство Армянской ССР - Арменпресс имело через ТАСС прямые каналы выхода на некоторые зарубежные страны, Получался заколдованный круг: из Еревана шла неверная информация, которую могли приостановить или отредактировать в Москве, однако этого не делала, ибо целиком и полностью разделяли идею аннексии - иначе не назовешь - чужой территории. К тому же, и те, кто обрабатывал поступающую информацию, и те, кто преподносил ее советской и мировой общественности, были или армянами или же проармянски настроенными людьми. В работе армянского лобби в Москве в этот период не было сбоя.

Тем временем поток беженцев из Армении нарастал. Бежали [181 - 182] азербайджанцы из села Алавердинского (впоследствии переименованный в Туманянский), Ноемберянского, других районов Армении. Жалобы, просьбы посыпались градом. И никто не пришел людям на помощь: ни партийные организации, ни местные советы, ни правоохранительные органы. Было немало ходячих в Москву, Баку. Их ждала печальная участь: вернуться в свое село, в свой дом они уже не смогли. Все было кончено.

По-прежнему центральная печать, телевидение молчали. Люди металась в поисках родственников, близких, с которыми расстались в пути. Кстати, вскоре были перекрыты и дороги, ведущие в родные места. Матери металась в поисках детей, молодые люди сбились с ног, разыскивая своих престарелых бабушек и дедушек. И над всей этой суматохой висел один неизменный вопрос - упрек: "Где же наше правительство?"

Первую волну беженцев я встретил на дороге, ведущей из приграничного с Арменией Бейлаганского района. Трудно описать тревогу женщин, негодование мужчин. Бежали десятки, сотни самоотверженных тружеников и тружениц, колхозных полей, ферм, садов, чей труд был отмечен высокими наградами. Дети, сутились, путались под ногами, словно искали неожиданного избавления от внезапно навалившейся беды.

Предпринимались первые шаги по приему беженцев в Азербайджане. В приграничных районах спешно освобождались помещения школ, клубов, был организован сбор постельного белья, домашних вещей первой необходимости. И надо отметить, что с первого же дня этот добрый почин по оказанию поддержки беженцам принял всенародный характер. Многие предлагали свои дома под временное жилье, приносили одежду, посуду, продукты питания деньги.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

В таких-то нерадостных хлопотах застала беженцев весть о землетрясении. В горных районах это явление случается нередко, и на первых порах большинство азербайджанцев - бывших жителей Армении - никак не могло осознать всю глубину происшедшей трагедии. К тому же, в те дни самые невероятные слухи рождались как мыльные пузыри и как мыльные пузыри мгновенно лопались. Видимо потому и восприняли многие сообщение о землетрясении с сомнением. Это уже потом, спустя несколько дней, жившие полупоходной жизнью семьи из газет узнали подробности случившегося. Узнали и были потрясены.

События седьмого декабря глубоким рубцом останутся в сердцах тех, кто еще вчера был жителем Армении. Погибли люди, с которыми многие из них еще вчера жили бок о бок, делили хлеб и соль; в развалинах лежали дома, многие из которых они люди возводили собственными руками; было неизвестно, что случилось с могилами предков.

В Азербайджане из поколения в поколение передается боль страшных землетрясений. По сей день хранится в памяти народа страшное землетрясение, случившееся в Гяндже в XI веке, да такой силы, что был полностью разрушен, город и рухнула гора Кяпяз. А в 1902 году прекрасный город Шемаха был в одночасье сметен с лица земли мощнейшим толчком.

Беда есть беда, и каждый переживает, болеет душой, страдает, когда она приходит. Случись она в Ташкенте, Ашхабаде или далекой Мексике. В такой ситуации каждый спешит на помощь, хотя бы мысленно желает пострадавшим быстрее избавления от беды.

Неправда, что мир разделен на враждующие нации, что это явление извечное и необратимое. Правда, в том, что кому-то вновь случайно разжигать страсти, подымать один народ на другой, винить в своих бедах соседей, подогревать, возбуждать в людях образ вечного врага. Люди, в общем-то, везде одинаковы. Только, может, молятся [183 - 184] разным богам, по-разному относятся к устройству жизни, поют разные песни... И не может быть, чтобы козни, кучки отщепенцев увенчались успехом. Пройдет время, народы, враждующие сегодня, многое переосмыслят, научатся отличать правду от лжи, добро от зла, и тогда все станет ясно. И вновь обретут люди потерянных по чужой злой воле друзей своих, будут вместе печь хлеб, праздновать свадьбы своих детей. Ибо нельзя повернуть вспять закономерный ход истории...

Вот почему для нас предметным уроком на будущее должны стать трагические события дней сегодняшних.

Любопытную историю рассказали мне в те дни. В одном из небольших сел на границе представители двух союзных республик встретились, чтобы обсудить вопросы, связанные с беженцами. Было высказано немало суждений, по некоторым из них возникали споры. Тут вдруг земля закачалась под ногами и люди, перепугавшись, невольно кинулись обнимать друг друга. Тот, кто рассказал мне эту историю, вспоминал "Значит, пошла земля из-под ног, нас понесло вправо, затем бросило влево и вдруг чувствую, что кто-то меня крепко обнимает. То ли, чтобы меня удержать, то ли чтобы самому не упасть. И такая тревога была в его взгляде... Толи за свою, толи за мою жизнь. Неужто, подумалось мне, это тот самый человек, с которым минуту тому назад мы ожесточенно спорили? Мы были благодарны судьбе за то, что остались живы от души проклинали тех, кто заварил всю эту кашу. Вот такие дела. А что было дальше? Вы правы, мы расстались, по-доброму пожав друг другу руку".

Неужто каждый раз, когда страсти закипают до предельной точки, надо, чтобы случилось землетрясение? Чтобы встряхнуло людей, закачалась земля под ногами? А нельзя ли до того набраться ума и терпения, чтобы по-доброму решить все проблемы? Развене понятно, что землетрясение вместе с просветлением, приносит страшное горе, оставляет на долгие годы; зримые и незримые рубцы и шрамы?

Где старики древнего города Гюмру (Ленинакан), чья память хранила чудесные легенды, где юные девицы, с песнями встречавшие летние зори в горах? Как сложится судьба детей, оставшихся без крова, без родителей? Где нынче мои друзья из Сарала, Гумсара, где те, кто напевал мне песни Арчута?

Когда-то мы подшучивали над знакомыми ребятами из Спитака, что в Хамамчы (хамам - по-русски баня) так назывался Спитак [184 - 185] раньше, все жители банщики.

Стоит мне прикрыть веки, как вижу прекрасные горы Спитака, живописные села, на склонах, прекрасных ликом и статью жителей этих мест. Помню степенных армянских стариков из соседних сел, пришедших к нам в гости с дарами своих садов, помню нехитрые крестьянские торги.

Недавно разговорился я с одним из своих родственников. Вспомнил старик свое село, взгрустнул, прослезился. "Понимаешь, - сказал он немного смущенно, - я не могу согреться в чужих стенах. Не могут они согреть меня, так как грели родные стены..."

Многим казалось, что землетрясение отодвинет на задний план "проблему Карабаха". Правительство Азербайджана, население республики одними из первых в стране откликнулись на беду соседей. И это несмотря на то, что в те дни Азербайджан с огромным напряжением духовных и материальных сил решал проблемы около двухсот тысяч беженцев, нашедших убежище на его территории. На какое-то время были отложены все внутренние дела, началась мобилизация ресурсов для оказания помощи пострадавшим от страшной беды. Снарядили первую группу спасателей в составе 60 человек. К несчастью, самолет потерпел катастрофу на подступах к Ленинану...

Ко времени землетрясения множество азербайджанцев, проживавших в окрестностях Ленинану, были уже изгнаны из своих домов. Однако немало их еще оставалось там и многие из них разделили участь оказавшихся в эпицентре землетрясения. Десятки, сотни людей азербайджанской национальности погибли, пропали без вести. Впрочем, что там говорить, землетрясение не делит людей по национальности. К сожалению, в те дни ни слова не было сказано о погибших или потерявших кров азербайджанцев, проживавших в районе беды. Не успели еще погаснуть пожарища Ленинану и Спитака, а на площадях Еревана уже возобновились митинги под лозунгами борьбы за Карабах. Воодушевленные невиданной по масштабам помощью зарубежных стран, армянские экстремисты с новой силой развернули свою "борьбу". Переход или переезд "границы" Армении со стороны Азербайджана становились небезопасными. Утвердился душевный кем-то лозунг: "Армения - без турок - азербайджанцев". Нарастала волна гнусной клеветы на страницах периодической печати, в передачах телевидения и радио. И это духовное потрясение оказалось сильнее самого землетрясения. Теперь рушились не дома, хозяйственные строения, а [185 - 186] вековая вера людей в дружбу, доброту, жизнь, в незыблемость государственных законов.

"ВЕРНИТЕ БЕЖЕНЦЕВ!"

Зима 1988 года оказалась тяжелой и драматической не только для беженцев, но и для всего азербайджанского народа. Мой отец и другие ветераны утверждали, что подобного кошмара не было и в тяжелые военные годы. Там, на войне, все было проще. Каждый знал, где друг, а где враг. И от друга, соседа-однокопника не ждали подлости, удара в спину. А тут...

В ту зиму все жили с надеждой на весну. Бездомные надеялись, что правительство примет меры, все образуется. Казалось, беженцев и не оставляли без внимания: создавались комиссии и комитеты, их представители приезжали, обещали принять меры, утрясти вопрос... Однако очень скоро стало ясно, что проку от этих обещаний мало! Но люди не теряли надежды, многие верили, что там наверху, наконец-то, решат что-то главное, самое важное, и тогда можно будет вернуться в свои дома. Верил в это и житель села Юхары Агтала, восьмидесятилетний Касум Велиев. Не только верил. В марте 1989 года он решился на смелый шаг: вернулся в свое село, вошел в свой дом и... прожил там до ноября. Но не прошла даром такая смелость моему дяде, а это был именно он. Менее чем за полгода из жизнерадостного, говорливого, в общем-то, бодрого мужика, он превратился в старца с ничего не выражающими тусклыми глазами. Вот что он рассказывал после вторичного ухода из родного дома:

-Родной очаг манит к себе и это не трудно понять. Понимаешь, я во сие видел свой двор, землю, на которой работал. В декабре поднялся страшный шум, гвалт. Нас заставили покинуть свои дома. Я бы остался, несмотря на эти угрозы, да жаль стало женщин, детей, немощных. Вот и решил перемахнуть через горы и устроить их у друзей в Борчалинских селах Грузии. Не все, конечно, держали путь именно туда. Многие пошли в сторону Азербайджана. Там родственники у них были. И каждый думал при этом, что переживем и эту волну. Пройдет педеля, месяц, все успокоится, и вернемся к себе. Внезапный ветер налетел, говорили люди, подует и перестанет. У нас в горах такое бывает. Скажи, кто [186 - 187] бы мог подумать, что в наше-то время, в Советском государстве могут выгнать человека из дома, который он построил собственными руками? А? Но, видать, ошибались. Дело на этот час оказалось нешуточным. Понял, что ой как нелегко будет нам возвратиться туда, где похоронены наши отцы и деды. Что было делать? Перезимовали. Кто как сумел. Спасибо всем родным и знакомым, кто потеснился ради нас, укрыл от холодов. Борчалинцы сделали для нас в ту суровую зиму все что могли. Все худо-бедно были устроены под крышей, последним куском хлеба делились с нами. Однако недаром в народе говорят, что сердца могут быть едины, но всякая семья должна иметь свою крышу над головой... И еще мне было обидно за стариков, наших армянских друзей. Аксакалы вроде отмежевались, отошли себе в сторону, а дела-то стали вершить молокососы, отравившие бороды. Попросил как-то передать верным людям из своих друзей - армян, чтобы присмотрели за моим домом, коня моего пристроили куда-нибудь. Пришел ответ: приезжай сам, трудно нам уследить за твоим домом в опустевшем, обезлюдевшем селе.

Вот я и не выдержал. Как не отговаривали, 8 марта поднялся и вышел в путь. Шел я лесом. И старуха навязалась, пошла со мной. Как не гнал, не уступила. Так и пришли мы в свой дом.

Верно, говорят, что конь и собака самые преданные человеку животные. Коня я нашел. Знакомые помогли, не дали погибнуть. А встретили меня в селе собаки. Каждая у своего порога. Что тут скажешь! Коню я обрадовался страшно. Ведь, можно сказать, с рождения сижу в седле. Взберусь на коня, возьму в руки поводья - и весь мир мой!

Таким вот образом добрались мы со старухой до своего дома. Что можно было унести - унесли, но кое-что все же оставалось, жить можно было. Обустроились, привели в порядок комнаты, прибрали во дворе.

Кроме нас в селе жили еще и три семьи берзанов (греков). Правда, в смутные дни, они тоже перепугались, на всякий случай удалили из села своих детей, внуков. Вскоре нас пришли навестить старые знакомые, приятели - армяне. Пришли, как полагается, с гостинцами. Заговорили. Все были едины: этому долго не бывать. Да и как могло быть иначе? Ведь еще наши отцы дружили. В нашем доме всегда бывало много гостей. Немало доброго видели соседи от моего отца, да и я не отказывал людям в помощи. Вот потому и пришли ко мне, когда я вернулся в обезлюдившее село. Правда, в дальнейшем не стали уже ходить, хотя обещали навещать. Видать кому-то это не понравилось. Я-то не сразу понял, в чем дело. Дело-то происходило по весне, понятно, что забот у мужиков в это время невпроворот. Ждал терпеливо, верил, что придут еще навестить старика...

Словом, не дождался. А есть-то, надо было?! Пошел купить хлеба еще кое-чего. В соседнем поселке Шамлуг меня знали все - от мала до велика. Честно говоря, обида была у меня на жителей этого поселка за то, что так легко расстались с односельчанами - азербайджанцами. Однако пошел. Не скрою, встречали меня неплохо. Кое-кто даже приглашал зайти в дом. Я не оказывался, но в отношениях чувствовал какой-то непривычный холодок. Эго потом я узнал, что новоявленные "герои" нации, бородатые юнцы, стали угрожать тем, кто меня привечал. Дальше - больше. Однажды участковый милиционер остановил меня и сказал: "Дядя Касум не обижайся, приходи в поселок пореже, да не бери с собой ружья". А ружье, скажу тебе, я брал с собой только потому, что шел в поселок через лес. Через несколько дней вновь встретился с ним. На этот раз он попросил, чтобы я сдал ружье. Сдал, Прошло еще несколько дней. Он вновь объявился и сказал, чтобы я не ходил в посёлок. Если нужно, что купить из еды, то он сам все устроит. С тех пор я почти и не ходил туда.

Дело шло к лету, и появились первые армяне, желающие обменять дома. Были люди из Сумгаита, Мингечаура, Гянджи, даже в Баку. Однако никто из них не решился остаться в нашем селе. Вроде все им нравилось у нас: и дома, и студеные родники, и леса. У нас ведь отменные луга, прекрасный воздух. Одно их всех пугало - бездорожье. Да и газа в домах нет, село расположено в стороне от железной дороги. Так и не договорились об обмене

Тем временем, некоторые из наших на последние сбережения стали покупать жилье в Мингечауре, Сумгаите. Они, видать, поняли, нет, что им пути назад. Под видом обмена, конечно, приобрели. А так за деньги. В то лето в наше село приехала армянская семья из Мингечаура. Неплохие, вроде, люди. И сам, и жена такие приветливые. Ох, и проклинали тех, кто знал карабахское дело! Ведь как хорошо жили в Азербайджане, до этого говорили они.

Живет в нашем селе Горгор-киши. Так мы его зовем!? Верзан по национальности. Ты же знаешь, что берзанами мы почему-то называем греков. Неплохой мужик. С ним-то и решили поработать, [188 - 189] накосить сена. Тут каждая копейка на учете, одно слово - беженцы! А сено любому крестьянину в хозяйстве нужно. Заработаем, подумал я, можно и односельчанам помочь, послать особо нуждающимся кое-что. Торговлей занялся Горгор-киши. Он-то мог свободно посещать соседние армянские села.

Однажды к вечеру Горгор-киши позвал меня. Выхожу во двор, а там несколько человек нагружают машину сеном. Горгор-киши шепнул мне, что договорились за двести рублей, Однако почуяли мы, что наши покупатели и не собираются платить. Двое из них мне показались знакомыми. Были они из соседнего села Товет. Стали они говорить, что, дескать, обижают там, в Азербайджане наших братьев - армян. В Сумгаите дома их сжигают. Надо им помочь, погорельцам. Так что, не обессудьте, денег вам мы не дадим. Я говорю им, ребята, я знаю ваших отцов и дедов, между нами никогда такого не было, все дела свои мы делали честно. Вы же видите, что я живу один в этом селе. Давайте поговорим как люди, как настоящие мужчины. Посмотрите, разве я пострадал в этой истории меньше? Разве не на разоренное гнездо свое я вернулся. Притом я же не крал, а работал. Нельзя же так. Побойтесь бога, говорю я им, он один и у вас, и у нас

Видать, проняло. Заплатили 150 рублей. Когда расставались один из парней обернулся и на прощание сказал:

- Касум-киши, не жди больше никого из близких и знакомых армян. Ребята из нашего комитета "Карабах" поговорили как положено, так что вряд ли осмелятся ослушаться. Помни армянам нечего общаться с туркам, это твои дружки усвоили, знай и ты!

Не будем строго судить людей. Если человеку угрожают, говорят, что он может поплатиться жизнью детей, внуков, то, понятно, он не устоит. Разве мы сами не по той же причине оставили свои дома?! Подойдет группа таких парней, скажет пару слов насчет детей, женщин, дочерей, поневоле перепугаешься. Так вот, я все-таки сказал тому парню, не сдержался:

-Послушай, - говорю, - неужели это так сташно, что восьмидесятилетний старик вернулся к себе домой?

Короче, пока был в селе, понял одно: нет власти на местах, каждый делает то, что взбретет ему в голову. Как же это можно, чтобы какие-то ублюдки все село держали в страхе? А руководители делают вид, что боятся их. Как же иначе? Ведь не исполняют же своих обязанностей, по их вине попираются законы государства. Иначе вернулись бы люди в свои дома. И еще, подумал я, что такое положение кому-то выгодно. Не без этого! Ведь если не действует законы, значит можно делать что угодно. Некому спросить! Все можно списать на особое положение.

Честно говоря, я не собирался вторично покидать свой дом, своё село. Больше того, думалось, что моему примеру последуют и другие. Тогда и оживет по-прежнему наше село. Тут только одна загвоздка была. Пользуясь тем, что были, оставлены дома, опустели села, появились в нашей округе грабители. Брали все, что лежало не так. Сперва обворовывали оставленные дома, потом, осмелев, перекинулись на своих. И пошло. Кто-то у кого-то угнал корову. А когда хозяин подымает шум, ему говорят: это дело вражеских рук, наверно, турки угнали. Куда уж нам, до того ли было в те дни? А как объяснишь? То-то же!

Тем временем, часть наших сельчан перебрались в Алтыгагач, что в сотне километрах от Баку. Места вроде неплохие, горы кругом. Правда, не такие как у нас. Стали строить, возводить дом, Тут не до грабежа, к тому же, в далекой Армении. Я, понятно, пытался объяснить все это, да не тут-то было. Уж слишком притягательной была для кое-кого эта идея. Стали устраивать засады на окраине села, чтобы поймать воров из Азербайджана. Говорили и так, что якобы Касум-киши, это значит я, нарочно вернулся в село, чтобы вору могли иметь своего человека здесь.

Однажды ночью слышу шум. Накинул пиджак, вышел. Гляжу батюшки, мой дом окружен! Вышел за порог. Подходят люди, вооруженные автоматами. Был среди них и председатель сельсовет нашего. Я его по голосу определил. В общем, полезли в чулан, в подвал, сунулись в хлев. А я, главное, хожу за ними и каждого спрашиваю: "Люди добрые, что все-таки стряслось, скажите, ради бога?" Наконец объяснили. Вроде кто-то сказал, что у меня ночуют турки, это те которые угоняют скот в соседних селах. Ну, говорю, в таком случае ищите, но подумайте сперва, это как же они сумели пробраться через ваш "карантин"! Да там даже собака не проскочит, всюду посты поставили.

С тех пор мы лишились покоя. Пару раз приходили, когда меня не было дома, старуху напугали. Убирайтесь вон, сказали, чего это вы торчите здесь, когда все ушли из села. Были угрозы и похлеще: дескать, если не уйдете добром, то спалим вашу развалюху. Пришлось помянуть режим: теперь днём я спал, а по ночам охранял свой дом. Вооружился, конечно, дрын увесистый срезал, да топор [190 - 191] пор держал наготове. Благо бездомные собаки теперь все время кружились возле моего дома.

И вот наступил день, когда нападение на мой дом все же свершилось. Несколько юнцов с криком и руганью ворвались во двор. Одного из них я узнал. Говорю ему, парень, тебе не стыдно, я же с твоим дедом хлеб-соль делил. А он, совсем еще мальчишка, расплакался. "Что я могу поделаться, говорит, я получил задание. Заклинаю вас тем хлебом, который вы делили с моим дедом, уезжайте, снимите с моей души грех".

Позже люди с автоматами зачастили в село. Теперь я стал беспокоиться за детей. А что если кто-нибудь из них решит проведать старика? Тогда-то и решил окончательно, что надо уходить.

Да, чуть была, не забыл. Однажды в селе мне попала пуля, подобрал, положил в карман. И надо же такому случиться! Буквально на следующий день мне встретились те самые вооруженные ребята, спросили, есть ли у меня оружие. Нет, говорю, откуда быть ему. Пошарили по карманам, обнаружили пулю. Вот, говорят, пуля от автомата, значит, есть и автомат. Короче, повели меня домой, битый час искали. Перерыли всюду, даже сен переворошили во дворе. Понятно, что ничего не нашли. Тут я не выдержал и говорю:

-А теперь проверьте свои патроны, может, кто из вас обронил когда?

Словом, так ни с чем и ушли...

Вскоре я во второй раз оставил свое село. Было тяжело на душе, не скрою. Потом взял себя в руки, подумал, не беда, если со мной моя лошадь, да жена рядом. Значит, еще не конец. Пошли мы напоследок к тем армянам, что перебрались в наше село из Мингечаура, попрощались. Грустное было расставание, старухи всплакнули. Когда вышли на дорогу, старик обнял меня и сказал:

-Бог не простит, что люди творят такую несправедливость.

Пришли мы со старухой в село Садахлы. Там я узнал от знакомых, что мой сын Шариф вечером должен подъехать сюда. По телефону сообщил. Раз так, думаю, надо коня отдать. Да только такому

человеку, который понимал бы толк в лошадях. Чем черт не шутит, а вдруг еще вернусь в эти края, как же быть тогда без лошади? Поехал к ферме возле леса. Застал там паренька только, все остальные были в отъезде. Отдал ему коня, попросил передать отцу. Назад, понятно, вернулся пешком. Пройдя немного, сел у дороги отдохнуть. Путь был неблизкий. И еще подумал, а что, если повезет и машина, какая подбросит меня до Садахлы, А тут назло группа вооруженных людей с овчарками. Встать, скомандовал один, руки вверх. А сам стягивал с плеча автомат.

-Эй,- говорю я им на армянском языке, - сукины вы, сыны разве не стыдно вам воевать со стариком, к тому же не вооруженным? Да и что я могу вам сделать, если даже у меня в кармане спрятано оружие? Вон вас сколько!

Один из парней не поленился, проверил мои карманы. Ничего не обнаружив, они успокоились. Одного из них я узнал, да и он меня признал, видимо.

-Дядя Касум, - сказал он, немного помедлив, - не говори никому, что мы тебя задержали. Если отец узнает... В общем, прости.

А чего прощать? Разве он виноват в том, что случилось? Это с тех надо спросить, кто довел людей до такого. Вот вам и Карабах! Жили ведь бок о бок, поддержкой друг другу были в трудные минуты. А тут кому-то понадобилось выяснить: армянский Карабах или азербайджанский. Вот и пошло великое переселение народов. А не лучше ли вернуться к тому, что было? Чтобы каждая семья вновь собралась под своей родной крышей. Вот и не надо гнать тех, кто еще держится, тех, кто решил вернуться.

И еще подумалось мне, что не случайно нынче населили трудные времена с продовольствием. Крестьянам не до того нынче. Кто станет в такие дни сеять и жать, пасти овец, доить коров, выращивать плоды и овощи? Вот и воровство, пошло оттого, что всего не хватает.

... Вскоре я приехал в Сумгаит. Кое-как устроился, живем. Только тоска не оставляет. По дому родному, по нашим горам. Коня своего вижу во сне.

И все же, как хорошо, что есть у нас и такая родная земля, как Азербайджан. Есть свой народ, который пригнул нас, приютил.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда я писал эти строки, рядом на моем письменном столе лежала довольно объемистая папка. В ней были собраны копии заявлений и других обращений отдельных граждан, депутатов сельских и других Советов, крестьян, рабочих, служащих в ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, Совет Министров СССР, Прокуратура СССР. Хранила она, эта папка и подлинные документы - фотографии [192 - 193] разрушенных домов, оскверненных захоронений, списки замученных, убитых. И все это не во время войны, не в результате вражеской оккупации, а в наши, перестроечные дни. Я собрал эти документы для передачи в республиканский архив. Но, несмотря на нее мое глубокое уважение к работникам архива, пока не рискую этого делать. Боюсь, как бы длинные руки дашнаков не достали их там. Ведь известно, что именно по их желанию Москва уже изъяла из архивных хранилищ Азербайджана немало ценных документов. Язык не поворачивается сказать, но вряд ли мы дождемся их возвращения по назначению.

Вновь и вновь листаю печальные свидетельства недавних событий. Боже мой, как много написано только за последние два года, но каким только адресам не слали люди свои просьбы, кому только не излагали свои злоключения! Среди адресатов и центральные газеты - "Правда", "Известия". Однако приходится констатировать, что ни на одно письмо уважаемые издания не откликнулись подобающим образом. Тем временем, та же "Правда" из номера в номер на первой странице печатала леденящие кровь сообщения о "блокаде Армении", о том, что в результате тормозятся восстановительные работы в зоне землетрясения и т. д. И ни разу газета не поинтересовалась, по какой причине не могут ехать поезда в Армению, не сообщили своим читателям об обстрелах составов экстремистами на территории Армении, о взрывах на железнодорожном полотне, проходящем по территории Мегринского района Армянской ССР. Не худо было бы рассказать и о блокаде дорог, организованной армянским населением на территории НКАО. Кстати, короткие информации об этом создавали у всесоюзного читателя совершенно противоположное впечатление: будто это опять же со стороны Азербайджана заблокированы дороги.

Не откликнулся на обращение полномочных депутатов и Верховный Совет СССР, Как говорится, ни ответа, ни привета!

Вот заявления и жалобы директора Юхары Агталинской сельской школы Шарифа Велиева, бывшего директора школы села Беюк Айрым Мамиша Алиева, председателя сельсовета Лятифа Исмаилова, бывшего директора школы села Юхары Керпулу Шарифа Мансурова, учителя литературы из школы села Птчаван (Тазакейд) Билала Аскерова, ветерана войны, бывшего активного бойца

Итальянского сопротивления, одного из боевых командиров [193 - 194] отряда, действующего в далеких Аппенинах, Джавада Акимли...

Были установлены имена людей, изгонявших азербайджанцев! из родных домов. Все это оформлено должным образом. Есть свидетельства очевидцев. Однако никаких мер в отношении виновников тех драматических событий все еще не принято. До сих пор преступники продолжают занимать довольно высокие партийные и административные должности. До сих пор с высоких трибун собраний и митингов раздаются голоса коммунистов, активно претворяющих в жизнь националистическую политику дашнакской партии. Центральные партийные организации закрывают на это глаза. Об этих жалобах, заявлениях, о невинно погубленных жизнях, о жестоко изгнанных из своих домов в лютую зимнюю ночь не было ни одного сообщения в информации ТАСС, в программе "Время", на страницах ведущих газет страны. Только после того, как последний азербайджанец покинул Армению, там был установлен комендантский час.

Надо ли говорить, что люди должны знать правду? Какой бы горькой она ни была. Если не будет установлена истина, если она, эта истина не станет достоянием всех, то вряд ли удастся наказать виновных. Самое страшное в этом вопросе безразличие, равнодушие. Равнодушие, которое царит ныне в государственных учреждениях, в органах, призванных стоять на страже закона.

На сегодня в нашей стране самая страшная трагедия - это трагедия беженцев. Вот почему надо решать проблему беженцев сообща, всем миром. Это и гражданский, и просто человеческий долг каждого из нас.

НЕУТИХАЮЩАЯ БОЛЬ ВОСПОМИНАНИЙ

Сегодня, углубляясь в суть и корни событий, происходящих вокруг Нагорного Карабаха, мне невольно вспоминаются годы службы в Армении, проведенные после окончания Азгосуниверситета.

В знойный август 1972 года я впервые прощался с Баку, где родился и вырос, с родителями, совсем недавно проводившими на службу в армию еще двух моих братьев.

Чем дальше отходил поезд от родного города, тем сильнее пронизывала душу какая-то непонятная тоска. В купе все шумели и галдели, припоминали радости и печали студенческой жизни, я же, забравшись на верхнюю полку, погрузился в думы о домашних, о том, как нелегко им придется, лишившись сразу подмоги трех молодых парней, о той неизвестности, что ожидала меня впереди.

В ту ночь все заснуло, я же, выглядывая в форточку поезда, всматриваясь на протянувшиеся вдоль Араза колючие проволоки и столбы, разделившие мою Родину надвое, и сердце обливалось кровью. Я с тоской, как замороженный, во все глаза смотрел на Араз, лежавший передо мной и мне казалось, что стоит только протянуть руку и зачеркнуть горсть воды, и можно будет освежить иссохшие губы, остудить и успокоить натянутые нервы, положить конец этой длительной разлуке. Но то и дело мелькавшие в вагоне силуэты солдат переворачивали вверх дном все мои представления, возвращая меня к реальной жизни, и я волей-неволей вынужден был смириться с этим беспощадным велением судьбы. Таким образом, устремив взгляд в глубь далеких селений, расположенных по ту сторону от границы, я старался сохранить все в памяти. [195 - 196]

Тогда же я впервые увидел грандиозную каменную память нашей истории - Худаферинские мосты, имеющие сегодня заброшенный вид и молчаливо зывающие о помощи. Эти мосты, исполнявшие в свое время историческую миссию соединения народа, находясь в величественном одиночестве, уныло озирали в пустоте обоих берегов.

За два года службы в Армении я обошел многие места, столкнулся со многими событиями, открыв для себя много истин.

Для того чтобы узнать армянский народ, достаточно нескольких месяцев. Здесь ты на каждом шагу обязан помнить, к какой нации принадлежишь, хочешь-не хочешь, тебе напомнят, что ты находишься в Армении.

За время моей службы в Ленинакане - втором в Армении крупном промышленном городе - я не раз сталкивался здесь с фактами глубоко укоренившегося ярого воинствующего национализма. В первые дни, проходя по центральному колхозному рынку мимо рядов с продавцами - азербайджанцами и слыша песни азербайджанских певцов я безмерно радовался. Тогда, в те первые дни, видя внешнее спокойствие, я наивно думал, что, кажется, население этого города обошла стороной зараза националистической болезни. Но с течением времени все мои мысли были полностью опровергнуты

Вместе с группой сокурсников мы снимали отдельную квартиру в городе у армянина по имени Богдан, выходца из Баку. Как-то беседа с ним о Баку, его глаза наполнились слезами:

-Вы еще не знаете, какие националисты эти ленинаканские яряне. Самые лучшие мои годы прошли в Баку. Я благодарен азербайджанцам.

Хотелось бы знать, как теперь относится Богдан-киши к Баку и азербайджанцам, сохранил ли в душе чувства былой благодарности и симпатии к нам, иди же, подобно тысячам других, деливших с нами хлеб и соль и разбогатевших за наш счет армян, хулит и шельмует за нашей спиной?

В Армении азербайджанские песни пользовались особой любовью. Особенно они были равнодушны к пластинкам и магнитофонным записям песен народной артистки СССР, гордости нашего народа Зейиаб Ханларовой. Тому были свои причины. Во-первых, все азербайджанские песни переводились и исполнялись армянскими певцами. Неоднократно слыша наши песни на армянском языке, я каждый раз спрашивал у них, почему они искажают наши [196 - 197] песни, на что неизменно отвечали: "Это наши песни". За два гола я не раз становился свидетелем присвоения армянами сотен азербайджанских песен, приписывания себе многих наших музыкальных инструментов. Позже я узнал, что процесс этот начат в Армении давно, и продолжается по сей день.

Армяне посягают, можно сказать, на все культурное наследие Азербайджана, прибегают к тысячам козней и провокаций, грязных махинаций для присвоения себе самых ценных наших источников, духовных богатств. Вот почему мы не должны терять бдительность даже в самом

незначительном вопросе, касающемся Азербайджана, и вовремя пресекать их злонамеренные происки против нас, разоблачать их политику, преследующую далеко идущие цели. Находясь в Ленинанконе, я всегда думал о том безразличии и безучастности, проявляемыми нашими искусствоведами, представителями интеллигенции к этим вопросам, и, собираясь вместе, мы, призванные на службу азербайджанские офицеры не раз обсуждали между собой эти факты. Неоднократно отсылали письма в адрес Министерства культуры Азербайджанской ССР, так и не получив ответа на них.

В Армении особо уделяется внимание воспитанию детей в националистическом духе, глубокому изучению ими своего национального прошлого. Портреты лютого врага азербайджанского народа, кровавого убийцы Андраника различной формы и размеров продавались в ленинанканском рынке. Здесь также продавали небольшого формата книжечку - завещания кровопийцы и палача Андраника. Армяне считают, что эта книжка должна быть в каждой семье. Армяне считают это завещание - священным. В то время и спрашивал у Богдана причину этого благоговения. На что тот стал уверять, что никакие книжки нисколько не уменьшат его любви к азербайджанскому народу. Не видя национализма в Баку, нет и почвы для продолжения его здесь.

Переступая порог историко-краеведческого музея пол названием "Ширак", расположенного неподалеку от дома офицеров в городе Ленинанконе, сразу сталкиваешься с огромным, на всю стену, жутким табло, заставляющим содрогнуться. На табло была нарисована груда человеческих черепов и под ними надпись: "Череп армян, убитых турками". [197 - 198]

Я не помню имени художника, нарисовавшего это табло. Но, глядя на него, невольно приходили в голову мысли, что нарисовано оно с целью насаждения националистических чувств, пробуждения ненависти к народу, которому приписывалось это злодеяние. Кто же собрал эти черепа в одну груду? И почему это табло, являющееся плодом фантазии художника, было вывешено для зрелища на стене государственного учреждения?

Глядя на табло в душе наплывало множество вопросов, на которые я не в состоянии был ответить.

С появлением в музее пионеров и октябрят раскрылась и главная цель, суть этого табло. Сотрудник музея знакомил ребят с этим табло подробно и долго. Даже не зная армянского языка, я ясно чувствовал, как действовали его слова на ребятшек, которые, возможно, впервые в жизни сталкивались с таким страшным зрелищем. Когда они переходили в другие комнаты музея, их лица были багровые, а глаза заплаканные. А одна группа никак не могла оторваться от табло, они смотрели на него, переговаривались меж собой. Время от времени в их речи слышалось слово "турк" и я понимал, что речь идет именно об этом табло.

В Армении с малых лет детям вбивают в головы, что "турки - это враги армян", насаждают в них националистический дух. Корни продолжающихся сегодня событий вокруг Нагорного Карабаха уходят в те годы, а может быть в еще более далекие времена. Ведь в Армении имеются сотни и тысячи средств пропаганды, подобных музею "Ширак", отравляющих сознание подрастающих поколений национализмом и по сей день продолжающих целенаправленно, на государственном уровне проводить эту политику. В скором времени, т. е. в начале 1973 года, одна из улиц рядом с музеем была переименована в улицу Андраника. Городской совет отметил это событие с большой торжественностью. По свидетельству местных азербайджанцев, в честь Андраника произносились хвалебные речи, а в адрес турков сыпались проклятия.

В то время как в нашей республике только с недавнего времени стала проводиться борьба за применение азербайджанского языка на уровне государственного, в Армении эта проблема давным-давно решена. Человек, не знающий армянского языка, сталкивается тут с большими трудностями.

Помнится, в ленинанканской бане мне отказали выдать билет за то, что я говорил с ними на русском, а не на армянском. На мое объяснение, что я не армянин, а азербайджанец, кассир тут же отреагировал: [198 - 199] "ты турок", и что-то ворча себе под нос, по-армянски он наконец-то выдал чек.

Подобное случалось со мной неоднократно. Принимая заказ на переговоры с Баку, с нами говорили на армянском языке, видя же, что мы не понимаем, нехотя обращались на русском и зачастую не исполняли заказа.

Однажды азербайджанские солдаты, служившие со мной в одной воинской части, сообщили мне о предстоящих гастрольных выступлениях в Ленинанконе нашего соотечественника Тофика Дадашева и просили взять их с собой.

Получив разрешение у начальника штаба, я в первый же день гастролей повел ребят на концерт Тофика Дадашева. Встреча проводилась в городском доме офицеров, зрительный зал был полон солдат и офицеров, кое-где виднелись изредка и местные жители. Ведущий, еще до выхода на сцену Тофика

Дадашева стал выступать на армянском языке. Все в недоумении переглядывались, не понимая его слов. Потом на сцену вышел Тофик Дадашев. Ведущий - армянин стал говорить и с ним по-армянски. Тофик Дадашев, обратившись к нему по-русски, объяснил, что тут в зале, да и он сам в том числе, никто его не понимает. Тот тоже, изъясняясь на ломанном русском языке, ответил, что не знает русского. В зале поднялся шум. Когда Тофик Дадашев, собрался покинуть сцену, заявив, что не сможет дать концерт на армянском языке, его остановил русский офицер, директор дома офицеров, и, извинившись за происшедшее недоразумение, вызвался сам вести встречу. И лишь после этого концерт наконец-то был начат.

Это маленькое происшествие ясно показало, как фанатически относятся к своему языку армяне.

За два года военной службы в Армении, я встречался с азербайджанцами, интересуясь с их образом жизни. Особенно мне были интересны беседы и рассказы пожилых людей. Являясь живыми свидетелями многих исторических событий, эти люди своими рассказами воскрешали картины дореволюционной Армении, в том числе и Еревана, давали точные сведения о проживавших там азербайджанцах. Сегодня с большой благодарностью вспоминаю этих людей.

Из рассказа девяностолетнего Гусейна Аббас оглу: [199 - 200]

В Армении мы, азербайджанцы, в редких случаях звидели армян. Мусульмане жили в демирбулагском квартале и армянские, фаэтончики остерегались показываться там. Сейчас на месте этого квартала построены закрытый рынок и универмаг.

До Великой Отечественной войны в Ереване действовало восемь мечетей. Построенная примерно во второй половине прошлого века Гаджи Гусейнали ханом Голубая мечеть ("Гёй месджид") еще до недавнего времени была в целости и сохранности. В этой мечети, бывшей одной из красивейших в мире, до революции размещался городской казий. После установления Советской власти казни уже занимал там пост заведующего загсом. Армяне после тридцать седьмого года превратили эту мечеть в краеведчески музей. В мечети висела очень дорогая люстра, доставленная из Франции. Громадный голубой купол мечети, отделанный эмалью, издали притягивал глаз своей красотой. Эта мечеть, состоявшая из двенадцати келий, была выстроена из красного кирпича. Он имел высокий минарет, двор был выложен каменными плитами. Здесь росли различные деревья, а построенный прямо в центре бассейн с фонтанами придавал двору мечети особую красоту.

В то время как Гусейн баба, много чего переживший на своем веку, называл другие мечети, существовавшие в Ереване, вспоминал о происходивших в те времена событиях, я не переставал удивляться ясной памяти этого благообразного старца. В Ереване кроме Голубой мечети были еще: "мечеть на вершине холма", "городская мечеть" (она размещалась рядом с кинотеатром "Москва", ее называли еще "мечетью Панах хана", так как его дом находился за этой мечетью), мечеть Сартиб, на улице Деирманлар (Мельничной), мечеть Гаджи Новрузали бека, мечеть Сардар, мечеть, неподалеку от Керпубулагы, мечеть Гаджи Джафар бека. В этих мечетях служили такие известные ученые своего времени, как Гаджи шейх Алекпер Мирза Гусейн, Молла Аббас, Молла Гасым и др. По словам Гусейн бабы, Мирза Гусейн был одним из редких ученых исламского мира, свободно говорил и писал на фарсидском, арабском, русском, итальянском, армянском, и некоторых европейских языках.

Пожилые люди рассказывали, что в Армении до 1918 года были всего две армянские улицы. Армяне жили только на улицах Астафяна и Назаровского. В городе действовали всего две церкви. Церковь Суп Саркиса и Желтая церковь.

В Армении любой дом, улица, холм, селение, река свидетельствуют [200 - 201] о тысячелетнем проживании в этой местности азербайджанцев. Названия улиц Еревана еще раз подтверждают это. Улицы Даббаглар, Саллахлар, Деирманлар, Гариблар, Месчиддалы, Габиристан, Рустамхан, Афсар, Кемурчу, Гюрджи, Шейхуль Ислам карвансаралары, Канал Мемур, река Аби хаят, поселок Тохмаган, сад Гаджи Сардара, Одун мейданы, Мал мейданы, Гоюн мейданы, сады Кошекли, шехер, Талар, Дер, Делме, Нерекир и другие вовсе не охватывают весь перечень существовавших в Ереване топонимов. До революции в Ереване действовали следующие принадлежащие азербайджанцам бани: баня Гаджи Гафара, баня Демир булаг, Шехер хамамы, баня Фантазия, баня Гаджи Али, Инженерная баня. В городе была всего одна армянская баня, которая называлась "баней Амбарцума".

Из всего этого вытекает, что Армения не является исторической родиной армян. Они представляли тут пришлое население, а воее не аборигенов. Эту мысль подтверждают и некоторые армянские историки. Так, например, Б. Ишханян пишет, что подлинная родина армян, Великая Армения в древнеисторическом значении, находилась в Малой Азии, т. е. за пределами России (Б. Ишханян, 1916, с. 18). Подобных примеров можно приводить сколько угодно.

За два года службы я узнал многое, запечатлев в памяти те статные изуверства, чинимые в Армении над азербайджанцами до и после революции. Резмеренный, - неспешный рассказ Гусейн бабы воссоздавал канувшие в прошлое кровавые страницы тех лет...

В 1917 году в Армении неизвестными лицами были подожжены все рынки и лавки с товарами. В городе сеялись слухи, будто бы поджог был учинен казаками. В то время в Ереване размещался отряд казаков из 1000 человек, возглавляемый азербайджанцем. Таким образом, армяне стремились поднять казаков против своего предводителя, создать в городе панику и переполох. В действительности же, поджог был устроен самими армянами. В тот же год армяне учинили расправу над азербайджанцами, жившими в горных селениях. Не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей, они беспощадно мучили и терзали, зверски убивали их, грабили дома. Те, кому удалось спастись от кровавых палачей, хлынули в город, где с тревогой ожидали конца события. Бандитские отряды дашнаков, собрав всех азербайджанцев селения, Завр в одном большом помещении, заживо сожгли их. Судя по разговорам, в этом селении [202 - 203] было 100-130 ломов. В те годы страшную расправу учинили также над жителями селения Дизе.

Слушая рассказы об этих событиях, превратившихся в предания, мне не верилось, что такое могло быть творимо человеческой рукой. Потерявшее человеческий облик дашнакское зверье заставляло жителей этого селения подниматься на минарет сельской мечети, откуда их подстреливали, а потом сбрасывали вниз. Рассказывают, что двор мечети был затоплен в крови.

В 1918 году во время армяно-азербайджанских столкновений у проживавших в городе азербайджанцев не было никакого оружия. И поэтому в целях защиты, они собирали вокруг своих домов груды камней, забрасывая ими нападающих на них, озверевших бандитов. Но подобный примитивный метод защиты, не мог долго выдержать вражеского натиска, и бандиты, прорвавшись в дома, устраивали над мирными, безвинными жителями настоящую бойню. Люди, уstraшенные особыми невиданными жестокостями армянских палачей, остерегались даже помогать друг другу при отражении нападения бандитов. В подобной ситуации в городе творились массовые убийства азербайджанцев.

В те годы Арсен Амирян, гордясь чинимыми дашнаками преступлениями, констатировал: "В Эриванской губернии дашнакцутюны уничтожили 200 мусульманских селений. Жители остались без крова над головой и без куска хлеба. Дашнаки вот так уничтожают крестьян (Газета "Бакинский рабочий", 1918 г., 28(15) мая). Из рассказа Гусейна Аббас оглы:

"В 1919 году во время резни в Ереване все мусульманское население города сбежалось и укрылось в Голубой мечети. В мечети было так много народу, что женщины и отдельные семьи вынуждены были оградиться друг от друга занавесью. Многие оставались там на долгие месяцы, так как мечеть хорошо охранялась отрядами из азербайджанцев.

Спасаясь от зверской расправы, чинимой дашнаками, жители селения Гархун. Трех церквей (теперешнего Эчмиадзина) набились в четыре вагона поезда, направлявшего в Азербайджан. Догнавшие их по дороге дашнакские вооруженные отряды перебили всех. Судя по рассказам, для захоронения убитых в старом ереванском кладбище не хватало времени. Распухшие трупы были навалены друг на друга. Даже иранский консул Мирза Джавал хан, не вынес подобного зрелища, дал указание своим солдатам [202 - 203] помочь поскорее зарыть трупы. Вырыв большую яму, солдаты закопали там все трупы.

Армянские националисты при упоминании названия Сардарабала тут же начинали громко причитать и проливать горючие слезы, оглашая всему миру о резне, учиненной там турками. В таких случаях они всячески стараются затушевать, замести следы своих страшных и грязных кровавых преступлений, которыми полна их история. Они также стараются забыть, что главными зачинщиками сардарабадских событий были именно армянские националисты. Жители селений Сардарабада (Октемберянского района) Джанфида, Хеимбейли, Багчаджыг, как и в других азербайджанских селениях, подверглись кровавой бойне. Армянские вооруженные отряды перебили большую часть населения этих селений, остальные же, спускаясь с гор вниз, погибли от мороза и стужи.

Из рассказа Фатмы Мешади Гурбан кызы:

"В зимние месяцы 1918 года армянские националисты угнали захваченных в округе Гейче азербайджанцев на остров Кешиш - Священник (раньше он находился посередине озера Гейче, когда же его воды стали убывать, остров оказался на суше) и там убили их".

Там же погибли и племянники Фатмы нене - дети ее сестры. Большинство населения окрестных селений, где жили азербайджанцы, в страхе убежали в горы, погибая, по дороге от мороза.

Впоследствии один из армянских кровопийцев с гордостью писал об этих событиях:- "Я в Басаркечере без разбора уничтожал всех татар (азербайджанцев - В. Г.). Иногда даже жаль было тратить нулю. Самым надежным средством против этих собак является сбросить всех оставшихся живыми после бойни в колодец и уложить сверху тяжелые камни, чтоб ни один не выжил. Я так и делал.

Сбрасывал всех мужчин, женщин и детей в колодцы и сверху засыпал тяжелыми камнями" (А. Палаян "Революционный Восток". 1936 г., № 2-3).

Как-то во время очередной командировки близ селения Балыглы Амасийского района я разговорился с одним из сельчан. Тот рассказывал, что только за этот век вооруженные армянские националисты уничтожили десятки тысяч мирных азербайджанских жителей как в Ереване, во всей Армении, так и в Нахичевани, в самом Баку, других районах Азербайджана, превратили в руины бесчисленное число селений. И он вправе был спросить: почему об [203 - 204] этом никто не пишет в Баку, не выпускаются книги, не сооружаются памятники? Ведь это наша история и пока живы еще очевидцы тех событий, надо записывать и издавать все это, донести до будущих поколений.

Тогда я, помнится, ответил ему, что теперь у нас другие времена, опубликование подобных вещей не разрешается. Сеять националистическую вражду между народами - самая подлая и омерзительная политика. Наш народ подходит ко всем другим народам мира с гуманистических позиций.

Мои собеседник выразительно посмотрел на меня. Сынок, сказал он, никто не может упрекнуть нас в плохих намерениях против других народов. Мы всегда отличались душевностью, сострадательностью к другим, старались видеть в человеке человеческое. Но тут, в Армении, с нами, азербайджанцами обращаются не по-человечески, в особенности стало тяжело нам в последнее время. Разве узнать свое прошлое постыдное дело? И разве, кто знает свою историю, становится воинственным националистом? Если это так, то почему в Армении ежегодно все издательства, газеты выпускают книги, брошюры, публикуют статьи и очерки, направленные против турков? Каждый раз после выхода в свет подобной книги против живущих тут азербайджанцев устраиваются тысячи козней... Разве государственные законы касаются только азербайджанцев? Почему же государство не установит цензуры для армянской печати? Почему создают им возможность печатать такие материалы?..

Конечно, он был прав, задавая эти вопросы. В свое время наш народ сознательным образом был оторван от своей истории, прошлого. Создавалась такая пустота, вакуум, для заполнения которого требовались годы и годы.

В Армении даже не стоит утруждать себя сравнением азербайджанских и армянских селений. Для того чтобы узнать разницу в них, достаточно будет, даже не входя в селение, издали, взглянуть на их внешний вид, чтобы догадаться, что тут живут азербайджанцы. Многие азербайджанские селения как Масисского, т. е. Зангибасарского, так и Амасийского районов, по своему социальному уровню и благоустроенности резко отличаются от армянских селений. Население тут живет в жалких, невыносимых условиях. Социальные права сельских жителей постоянно попираются, к ним относятся с презрением, лишая всех условий для нормальной человеческой жизни. Никогда не сотрутся из памяти [204 - 205] те события, увиденные мной в селениях Гюллидже, Балыглы, Ханджарлы Амасийского района.

Однажды со мной случилась странная история, еще более сблизившая меня с сельскими жителями.

В Амасийском районе рогатый скот был поражен ящурным заболеванием. Из приграничных селений срочно перевозили скот, отправляя каждую ночь колонны машин. Я и несколько солдат получили приказ, стоя на развилке дорог, ведущих в эти селения пропускать лишь машины со скотом, не допуская общения меж собой жителей селений. Как-то посреди ночи я как обычно проверял документы следующей друг за другом колонны машин, как в кузове одной из машин послышался стон. Я тут же дал приказ солдату проверить машину. Выяснилось, что водители и сидевшие рядом с ними их сподручные жестоко избив одного азербайджанца, забросили в кузов и хотели увезти с собой.

Кто знает, каков был бы конец этого азербайджанца, если бы мы не обнаружили его?

Армяне, воспротивившись требованию спустить на землю избитого по неизвестной нам причине азербайджанца, стали собираться вокруг меня. Среди солдат находился один армянин. Быстро отозвав меня в сторону, он предупредил: - Товарищ лейтенант, они замыслили убить вас, будьте осторожны!

Было летнее время. И хотя это происходило около 2-3 часов ночи, было светло. Заметив ключ в руках нескольких армян, направляющихся в мою сторону, я тут же разгадал их намерение. Вытащив оружие, я дал предупредительный выстрел в воздух. Армяне сразу приостановились. Оказывается, они думали, что мы без оружия. Солдаты, находившиеся в палатке, тут же выбежали с автоматами в руках. Армяне, поняв свою опрометчивость, стали просить и молить о пощаде. Я потребовал, чтобы они поскорее садились в машины и уехали. Они, что-то ворча себе под нос, удалились. У азербайджанца, представленного армянами "пьяным", я поинтересовался о причине пережитых им злоключений. Слезы душили его, однако он сдерживался. Он сказал, что работает на ферме. Армяне, под предлогом ящурной болезни, насильно отбирают у них и увозят здоровый скот. Я выступил против этого, и вот что они со мной сделали, - рассказывал он.

-Никого рядом не оказалось, чтобы заступиться за меня, дали бы отпор этим злодеям, увозившим под предлогом болезни здоровый народный скот. [205 - 206]

В ту ночь мы еще долго беседовали. Под утро я его отправил в сопровождении солдат.

К полудню к нашей палатке стали приближаться люди. Они подходили к нам и выражали благодарность за ночное происшествие. Выяснилось, что это были родственники "пьяного" работника фермы.

А вскоре к нам толпами стали стекаться прослышавшие об этом сельчане. Большинство из них, в знак благодарности и гостеприимства приносили с собой многообразные вкусные блюда, в другое время они резали для нас барана и угощали шашлыками. В то время солдаты не уставали восхищаться гостеприимству нашего народа. А солдат - армянин от души рассказывал им, какой добрый, радушный и щедрый народ азербайджанцы.

Хотелось бы знать, как теперь думает тот армянин, не требует ли он, примкнув своим соплеменникам, Нагорного Карабаха? Не заражен ли и он националистической болезнью, не позабыл ли добрых обычаев соседнего народа?

За два месяца пребывания в Амасийском районе в моей памяти запечатлелась еще одна история. Одному из жителей селения Балыглы справляли свадьбу, а невесту брали из соседнего селения. Свадьба уже началась, все всюю веселились, звуки черной зурны распространялись по всей округе. Среди жителей соседнего селения кто-то посеял ложный слух, будто бы из-за болезни скота им строго запрещается ходить на свадьбу, иначе военные сдадут их милиции.

В первый день свадьбы под вечер ко мне явился сам хозяин и стал сетовать на установленный запрет. Когда я сообщил ему о необоснованности этих слухов, хозяин свадьбы призадумался: "Это тоже очередная уловка армян" - сказал он.

В действительности, так все и было. Армяне соседнего селения специально пустили ложные слухи, чтобы помешать веселью азербайджанцев. На следующий день жители соседних азербайджанских селений стали стекаться на свадьбу. Каждый раз, проходя мимо, они горячо благодарили нас.

За два месяца пребывания в Амасийском районе я пришел к выводу, что тут попираются самые маломальские права этого обездоленного народа, на них смотрят с презрением, свысока, стараясь «помешать даже их общению друг с другом, их редкой радости. Одним словом, азербайджанцы, жившие в окружении армян, всегда находились под их давлением, в постоянном напряжении, и [206 - 207] самое главное, в Армении законы всегда защищали не безвинных азербайджанцев, а только армян. И я неоднократно был свидетелем этого.

В конце ноября 1988 года по Баку разнеслась весть о том, что на вокзал прибыл поезд, доставивший сюда изгнанных из Армении азербайджанцев. В то время мы все были взволнованы происходящими событиями, тревожились за судьбу оставшихся там, в Армении братьев и сестер. Собравшись на площади Свободы, мы с жадностью ловили информации на митингах. Я каждый день с болью в душе размышлял о судьбе знакомых мне людей в Армении, вспоминал жителей селений, где довелось мне прослужить. Надеюсь встретить хоть кого-то из знакомых, я то и дело заглядывал на вокзал. И я до конца своих дней не забуду той страшной картины, представившейся моему взору в те дни на вокзале. Большинство женщин были одеты в разгар зимы в одно-единственное платье, у некоторых на ногах были разные, непарные чулки, надетые второпях, на бегу. Многие мужчины были с перевязанными руками, у других все лицо было в темных кровоподтеках и синяках. Бакинцы, на глазах которых все это происходило, не могли не возмутиться при виде целых и невредимых армян со всеми своими поклажами, шествующих по другую сторону вокзала в сопровождении усердно охраняющих их рядов милиции и военных.

В те дни по городу распространилась весть о том, что армяне, отравленные самолетом "Баку - Ереван", вновь возвращены в город. Выяснилось, что после того, как они в целости и сохранности, вместе со своими пожитками под охраной военных были отправлены самолетом в Ереван, стюардесса, войдя в салон, столкнулась со страшной картиной. Армяне, рассчитывая попасть в Ереван, изодрали в кровь свои лица, разорвали на себе одежду, растрепали волосы. Увидев подобное зрелище, стюардесса тут же сообщила командиру корабля. Тот, в свою очередь, вышел на связь с военным комендантом Баку, рассказав о случившемся. Генерал дал приказ вернуть самолет обратно. Когда самолет сел в бакинском аэропорту, пассажиры с исцарапанными в кровь лицами, с изорванной в клочья одеждой, с плачем и воплями осыпая на армянском языке проклятия в адрес азербайджанцев, стали спускаться по трапу самолета вниз, думая, что высадились в Ереване. Как же, видимо, они были удивлены, снова оказавшись в Баку. Встретивший их офицер спросил, для чего им нужно было приводить себя в такой вид, обостряя и без того уже напряженную ситуацию? [207 - 208]

В тот день я столкнулся на вокзале с одним уезжающим армянином, взгляд которого надолго запомнится мне. Он со страхом затравленно озирался кругом, опустив правую руку в боковой карман,

весь вид которого выражал беспокойство и тревогу. По человечески тогда я пожалел его, проклиная тех, кто довел ситуацию до такой степени. При виде босоногих, простоволосых азербайджанских беженцев, изгнанных из Армении, мне невольно думалось: "Почему, ради чего и кого должны были эти люди, подобно" птицам, покинуть согретые своим теплом, уютные гнезда, бросить все, что нажито было ценою крови и пота на протяжении всей жизни и бежать, бежать, куда глаза глядят, бежать в панике и страхе за свою жизнь, за жизнь своих близких и родных?"

Через несколько дней, пятого декабря к нам позвонили и сообщили, что на станцию Аляты прибыло из Армении большое число азербайджанцев, изгнанных из Армении, которых солдаты не пускают в Баку. Вместе с близким другом Байрамали Алиевым мы направились туда. По дороге в Аляты нас несколько раз останавливали и проверяли документы. И в действительности, вокруг станции Аляты некуда было ступить ногой от машин. Люди, кто как мог, садились в машины и бежали. С трудом, отыскав своих близких родственников, мы пустились в путь. Население Алят очень хорошо приняло беженцев, с состраданием отнесся к беде. Всю дорогу беженцы, которых мы везли, с благодарностью вспоминали нахичеванцев, жителей Алят, которые приняли самое близкое участие для облегчения их положения.

Военные с помощью танков перекрыли дороги, не пуская беженцев в город. Странная сложилась ситуация. Они и сами никак не размещали беженцев, и не давали им найти приют у родственников. Мы вынуждены были повернуть машину обратно, добираясь до Баку окольными путями через гору.

Глядя на разбросанную одежду беженцев, у меня сжималось сердце. Жена Айдына Ибрагимова - жителя селения Сарванлар Масисского района Армении - Гюлис хала, видя мое состояние, заговорила: "Эх, сынок, это еще что... Видел бы ты, как на наших глазах превратили в руины наше селение... Невозможно описать. В Армении само руководство возглавляет изгнание азербайджанцев. Нас избивали, называя "турками", обзывали грязными словами, громили и грабили наши дома, не найдя же денег, грозили и всячески измывались, издевались, мучили и терзали нас. Сынок, о том, что мне пришлось бросить там свой дом, нажитое добро и [208 - 209] имущество, участок земли - я не очень кручинюсь. Мы построим себе новый угол на этой земле. Наш народ не оставит нас в беде. Мучает и терзает меня лишь то, что мне пришлось оставить там могилу своей дочери, рано ушедшей из жизни. Я этого не могу простить никому!..

Через несколько дней Гюлис хала слегла в больницу - сказались тяжкие испытания, пережитые ею. Все попытки врачей поднять ее на ноги были безрезультатны - температура никак не падала. Как-то я, отправившись в республиканскую больницу, поговорил с палатным врачом. Стыдясь и конфузясь, я пообещал "отблагодарить" его, лишь бы тетя Гюлис поскорее выздоровела. Мои слова сильно рассердили его, и он чуть было не выгнал меня. "Я сам не меньше переживаю и болею душой за беженцев, и готов обслуживать их сутки напролет, без передышки. Наш долг - сделать все возможное, что в наших силах, лишь бы они не чувствовали себя одинокими, без покровителей и заступников. Одиночество - большое горе. У больной сильное нервное расстройство. И на это нужно время. Не беспокойтесь, все, что нужно - мы сделаем", - сказал он.

Я был бесконечно благодарен этому врачу - седоволосой женщине.

Позже все происходившие в те дни в селении Сарванлар события подробно рассказал мне Магеррам Рзаев - житель этого селения: "Под предлогом распространения гриппа среди населения, начиная с середины февраля 1988 года в Армении стали закрываться все высшие и средние школы. В те дни проходили митинги в знак протеста против строительства в Разданском районе химического завода и на этих митингах стала выдвигаться проблема Нагорного Карабаха, слышались требования об изгнании азербайджанцев из Армении. После этого жизнь азербайджанцев в Армении стала невыносимой.

Восьмого апреля из Эчмиадзинского района в селене Сарванлар прибыли пять армян. Остановив "Жигули" марки "2106" рядом со зданием школы, они выставили две бутылки водки и стали пировать, то и дело задевая и пуская оскорбительные реплики проходящим мимо азербайджанским девушкам. Молодежь селения, не стерпев подобного безобразия, потребовали, чтобы они убирались восвояси. Но армянские экстремисты теперь стали оскорблять всех подряд - и стариков, и молодых, грозя им оружием.

Как раз в этот момент на место происшествия прибыла машина [209-210] "Гай" марки "ГАЗ - 24", возвращавшаяся из селения Мехмандар. Работник милиции, желая успокоить толпу, вышел из машины, чем не преминул воспользоваться один из армянских экстремистов, который тут же сев за руль, двинул ее прямо на людей. Житель селения Джафар Аббасов, действуя проворно, быстро ухватился за руль, отчего водитель, растерявшись, наехал на электрический столб. От удара, столб сломался, преградив путь машине.

Армянские экстремисты были сданы не местным органам милиции, а военным, лично в руки прибывшего в селение русского генерал-майора. При осмотре машины были обнаружены одно

охотничье ружье, 24 штуки шомполов и 18 патронов. Однако еще до осмотра машины армянским капитаном милиции оттуда был изъят револьвер типа Макарова. Несмотря на все это, военные вместе с тем обвинили азербайджанцев.

Азербайджанцы не смели появляться в городе или районном центре, а стоило им зайти в магазин, как тут же подвергались всяческому оскорблению. Их гнали из магазинов, называя "турками".

В середине июня ситуация еще более обострилась. В течение трех дней в Масисском районе были подожжены сорок домов, в один час 480 семей остались без крова, без родного очага. Жители селений Мехмандар, Рагимабад, Гарагышлаг, Демирчи, Шеллу, Зангиляр, Ашагы Неджили и Юхары Неджили ежедневно подвергались нападению. С целью защиты от армянских экстремистов создавались отряды самообороны.

Магеррам Рзаев рассказывал, и видно было, как нервно, судорожно дрожали его руки, как слезы душили его. Он то и дело останавливался, чтобы перевести дыхание, а затем продолжал: "По указанию дашнакской партии азербайджанцев не пускали на рынки, эти националисты и того не понимали, что тем самым они наносили удар, но себе лишали население Еревана разнообразной сельскохозяйственной продукции. Именно по этой причине было испорчено сто тысяч тонн сельскохозяйственного урожая.

15 и 16 ноября 1988 года организованные комитеты "Карабах" экстремистские отряды нападали на селение Ашагы Неджили. Жителям приходилось защищаться лишь при помощи охотничьих ружей. Однако долго сопротивляться вооруженными автоматами озверелым отрядам было невозможно 17, 18 и 19 ноября армянские националисты стали организованно и спланированно нападать на селение Зангиляр. Под руководством директора совхоза Г. Новрузова в течение трех дней жители выдерживали натиск [210 - 211] экстремистов. После азербайджанцы вынуждены были податься в соседнее селение Ранджбар. В покинутом селении армяне поджигали дома, грабили домашнее добро. А в конце ноября бесчинствующие националисты напали на селение Сарванлар.

До того, как начались эти события, пионер Байрам Рзаев принес весть, что двух мальчиков раздели и сбросили в реку Занги (Раздан). Ребята в скором времени были вытащены из реки, для их спасения в селение вызвали врача Манукяна. После оказания первой неотложной медицинской помощи, детей отправили в приграничный медицинский пункт. Несмотря на предпринятые меры, одного из мальчиков так и не удалось спасти. Армянские националисты, прежде чем сбросить ребят в реку, подвергли их пытке.

26 ноября армянские экстремисты, жестоко избив Алиева Насреддина Алескер оглы и Алиева Габиба Алескер оглы в селении Чубуглу (Джовагуг) Севанского района, разбили и смяли их машину марки "Жигули".

В тот же день был убит и работник магазина совхоза им. Низами, житель селения Юхары Неджили Сабир. 27 ноября житель селения Гарагышлаг Мушфик был зарублен топором в селении Чубуглу, армянские бандиты так измывались над ним, что труп стал неузнаваем. Признали его лишь по записке в руке.

28 ноября ночью начался ракетный обстрел селений Сарванлар, Захмат и Мехмандар. Время от времени слышались также автоматные очереди. Жители селений весь тот день испытывали ужас и страх. На следующий день армянские экстремисты как черные вороны устремились со всех сторон в селение Сарванлар. Впереди отряда шел заместитель начальника "ГАИ" Масисского района, старший лейтенант милиции Бабаханян. По его указанию бандиты врываются в дома. Не считаясь со стариками, женщинами и детьми, они оскорбляли честь и достоинство людей, тех же, кто осмеливался оказать сопротивление оглушали арматурой или молотком. Насильно выставив людей из домов, они на глазах у всех грабили добро и имущество, грузили все это в машины и увозили. В кратчайшее время они также вывезли весь скот.

Позже от жителей селения Сарванлар я узнал, что учитель Магеррам Рзаев в те тяжкие дни скрыл в своем двухэтажном доме до 150 жителей села, спасая их от верной гибели. Споев нескольких армян, ему удалось через их посредством отослать назад тех, кто хотел сунуться во двор, убедив их в том, будто бы в доме нет турков. Он даже выходил на окраину селения и приводил в свой [211 - 212] дом оставшихся без крова, гонимых армянскими экстремистами женщин и детей. Точно также он укрыл в своем доме семерых женщин и мужчину по имени Сабир, бежавших от рук бандитов из селения Яманджалы (Дехсуд) Арташатского района. Женщины, рыдая, сообщили, что в селении бандиты подожгли их дома, учинили расправу над жителями; люди бежали, куда глаза глядят, спасались, кто как мог.

Я спросил у Магеррама Рзаева, на что он надеялся, укрывая в своем доме столько людей. "Армяне думали, что я бакинский армянин, - ответил он. - И поэтому в мой дом не так настойчиво вламывались. Если бы они узнали, что в доме собралось столько азербайджанцев, беды бы не избежать. Разведя огонь во дворе, я жарил для потерпевших выловленную в реке рыбу. Дома я предупредил их, чтобы не издавали звука. На моих глазах в течение 20 минут селение полностью обезлюдело, дома были

разграблены. Стучавшим в мою дверь армянам я выдавал себя за армянина, прибывшего вместе с двумя братьями из Варташена. Они, поверив, уходили восвояси".

Как только стало поспокойнее, он послал человека к служившему на границе подполковнику Ширинову. В тот же день к дому Магеррам муаллима было направлено четыре автобуса. Когда автобусы вошли в селение, армяне сперва были сильно удивлены, а потом поняли, что допустили оплошность. Магеррам муаллим сам сажал в автобус и отправлял в путь укрывавшихся у него в доме стариков, женщин и детей. Бросив последний прощальный взгляд на село, где родился и вырос, на родную школу, он тоже с болью в душе сел в автобус.

Автобус довез их до селения Ранджбар. Все изгнанные с окрестных селений азербайджанцы собрались в этом селении, расположенном на границе с Турцией. Армяне не решались сюда сунуться, так как сбежавшихся сюда азербайджанцев защищали пограничники. Тысячи беженцев - азербайджанцев из окрестных селений, оставались тут, на нейтральной зоне, под открытым небом. Здесь стало известно, что Алиева Аббаса Мурсал оглу зверски убили.

Магеррам муаллим вместе с жителями селения поехал попрощаться с могилами своих родных на кладбище в Сарванлар. Тут они стали свидетелями страшной картины. 1 декабря обнаружили изувеченный труп сына жителя селения Зангиляр Судеифа. Прежде чем убить, его подвергли длительной пытке. [212 - 213]

Через три дня армяне через знакомого армянина узнали, что Магеррам муаллим азербайджанец. Приставив нож к горлу, они грозили убить его. Но Магеррам "муаллим настаивал на том, что он армянин, прибывший из Варташена. И только таким путем ему удалось спастись от рук расвирепевших кровожадных армян.

Сын Магеррама муаллима Чингиз Рзаев смог сфотографировать многие происходившие на его собственных глазах акты вандализма. К сожалению, часть из заснятых пленок была утеряна во время дорожных мытарств. Некоторые из приведенных в книге снимков принадлежат ему. Чингиз рассказывал, как армянские бандиты, ворвавшись в дом жителя их селения Судеифа Джафарова, на глазах родителей повалили на землю их шестнадцатилетнего сына Джафара Джафарова и, приставив нож к горлу, угрожали убить его в случае невыдачи золота и денег. Несчастливая мать, не выдержав, сняла с себя и отдала бандитам золотую цепь, пять золотых колец и имевшиеся при себе пять тысяч рублей и таким образом спасла сына от гибели. Осыпая его поцелуями, мать горько плакала.

То же самое учинили и над сыном другого жителя селения - Али Рзаева. Когда отец кинулся спасать сына, его сзади зарубили топором. Приехавшая с целью обмена из Баку за несколько дней до этих событий армянская женщина, самоотверженно бросившись к мальчику, не дала убийцам совершить злодеяние. Как вы смеете так зверствовать здесь, - вопрошала она, - ведь в Баку с нами так не обращаются. Отец спасенного мальчика, истекая кровью, вместе с семьей бежал из этого селения.

В те трагические дни были зверски избиты, получив различные телесные повреждения, и другие жители селения: Шамиль Алиев, Гамиш Рзаев, Наги Рзаев, Гюльзар Рзаева, Гамид Алиев, Галемзар Мамедова, Сария Аскерова, Эльхан Танвердиев, Эйюб Байрамов... Список этот можно продолжить, да разве это обязательно, чтоб показать во всей обнаженности всю жестокость, бесчеловечность, вандализм армянских извергов, которым нет, и никогда не будет прощения и оправдания.

В семье все страшно тревожились за брата Асифа, с нетерпением ожидая его возвращения. В такое опасное и смутное время он пустился в дорогу на грузовой машине, чтобы вывести со станции [213 - 214] Мидживан Зангеланского района семью брата тестя. Через два дня они вернулись, и мы все были в полном составе.

Из рассказа Пириева Салмана Намаз оглу: До самого последнего дня нашего пребывания в Армении мне не верилось, что нас могут изгнать, так как в Мегринском районе было спокойно, никто не затевал ссоры. Вот почему, когда приехавшие из Баку армяне предложили обменять квартиры, я отказался, категорически заявив, что из селения Алдере никто не тронется с места. Так думали все вплоть до последнего дня, и поэтому я припас на зиму 6 тонн угля, полтонны ячменя, полтонны корма для скота. А в это время армяне, проживавшие в райцентре, исподтишка действовали.

24 ноября (1988 г.) председатели колхоза и сельсовета были вызваны вместе с прокурором района и начальником милицейского управления сообщили им о необходимости всем селением срочно покинуть Армению, так как, как выразились они, в противном случае, может пролиться кровь. Из Сисиана, - утверждали они, - надвигаются вооруженные отряды, и мы не сможем защитить вас.

За день до этих событий жители селения сдали государству приусадебный урожай, не успев еще получить за них деньги, которые хранились в сберегательной кассе. Прежде чем известить жителей селения о предстоящей депортации, армяне изъяли из сберкассы все имеющиеся деньги. Таким образом,

в один день жители селений Алдере, Лейваз, Вартанизор и Маралземи, будучи вынуждены покинуть земли своих предков, лишились родного очага.

Пока Салман рассказывал, меня невольно притягивал взгляд его матери, 85 летней Дильбер нене. В глазах этой женщины таилась глубокая печаль. И не смотря на это, время от времени они вдруг светились радостью. Чувствовалось, что ей есть чем поделиться с нами, излить свою душу.

Из рассказа Салмановой Дильбер Орудж гызы: "Сынок, грустно и больно мне потому, что нам пришлось покинуть земли, где родились и выросли, бросить дом, нажитое на протяжении всей жизни добро и стать бездомными скитальцами. А радуюсь я тому, что на этот раз, благодарение богу, жителям наших селений посчастливилось выбраться оттуда подобру-поздорову, без убийств и погромов. А по прибытии в Азербайджан мы были окружены заботой и вниманием, родной народ не оставил нас в беде. На моем веку это было третье массовое беженство. После свержения царства Николая дашнакское правительство Армении чинило [214 - 215] зверскую расправу над жителями азербайджанских селений. Люди не спали по ночам, мужчины до утра сторожили на окраинах селений. В нашем селении жена Али бека Билгеис ханум была дочерью Гаджи хана, который жил по ту сторону Араза. Гаджи хан однажды прибыл в селение и предложил нам всем миром перебраться в Иран. Таким образом, еще до появления армян жители наших селений успели переселиться в Южный Азербайджан. Селение Алдере разместилось в селении Гулан. По поручению Гаджи хана там к нам относились хорошо, мы ни в чем не знали нужды. Так мы пробыли в Южном Азербайджане более двух лет".

Дильбер нене рассказала также и о том, как армяне после их массового переселения в Южный Азербайджан, дотла сожгли их селения. С того берега Араза все было видно как на ладони. Люди, как и сейчас, бежали, оставив на произвол судьбы все нажитое ценою крови и пота добро, имущество. Лишь одно селение Нуведи никуда не тронулось. Точнее, это селение находилось у границы с Азербайджаном и поэтому жители колебались в выборе решения. Армяне подвергли селение сильному обстрелу. Как бы стойко не защищались жители, долго выдержать они не могли. И поэтому, как только наступили сумерки, люди стали бежать кто куда. Вооруженные бандитские отряды разграбили и подожгли и это селение.

В наши дни жители селения Нуведи снова, проявляя стойкость и мужество, не покинули родную землю предков. В настоящее время это единственное оставшееся в Армении селение, где проживают азербайджанцы. Несмотря на неоднократные налеты армянских экстремистов, они героически защитили свою землю, поклявшись биться до последнего вздоха, не отступая ни на шаг.

-Мне не забыть, - продолжает Дильбер нене, - как в селение Гулан пришла весть о том, что армяне напали на Ордубад. Все наши мужчины, взявшись за оружие, поспешили на помощь. Стоя на берегу Араза, я с волнением ожидала возвращения отца.

После установления Советской власти в Армении сельчане стали постепенно, один за другим перебираться в свои места, к родным очагам. Мы тоже, видя мир и спокойствие, вернулись в селение Алдере. Но от селения осталось одно название. Дома испепелены, кругом камня на камне не осталось. Но, как говорится горя бояться и счастья не видать. Нарубили деревья в ближайшем лесу и построили себе жилища. Жизнь снова стала бить ключом.

После войны пошли слухи, что все азербайджанские селения [215 - 216] Мегринского района переселят в хлопководческие районы. Из разных мест Армении было депортировано более 150 тысяч азербайджанцев, которых переселяли в низменные местности Азербайджана. К счастью, на этот раз нас не тронули. Однако многие тогда слегли и не встали больше от сильных потрясений и дорожной неустроенности.

Салман, извинившись, прерывает мать: "Я забыл добавить. При переселении над нашими головами все время кружили вертолеты. Тогда мы не придавали этому значение. Позднее стало известно, что армяне сильно беспокоились за жителей армянского селения Астазур, находящегося в окружении азербайджанских селений. Они опасались, что во время переселения азербайджанские беженцы могут напасть на это селение. В таком случае, посредством вертолетов они должны были держать связь и направить в то селение подмогу для отражения удара.

Прибыв в Баку и приютившись в доме брата Яшара, я несколько раз съездил в селение. Армянин, завладевший моим домом, пригрозил натравить на меня собаку, если я войду. Я писал во вес инстанции, обивал пороги, но до сих пор ни копейки не получил за свой особняк площадью 120-130 кв. метров, за имущество и мебель, размещенные в шести комнатах, за огромный фруктовый сад. И я жду по сегодняшний день.

Невозможно спокойно, без боли душе слушать рассказ о пережитых ужасах главного ветеринара совхоза Заркенд Гейчинского округа, секретаря первичной партийной организации Исмаилова Мейфалы Иман оглы.

Уже начиная с октября (1988 г.), - рассказывает М. Исмаилов, стали наблюдать происходящие в Басаркечере (Варденинский район) изменения. В разных концах района, против азербайджанцев, совершались преступления, а местные органы власти не рассматривали никаких жалоб. Дело дошло до того, что среди бела дня, на глазах начальника милиции района была предпринята попытка опозорить и в безобразном виде сфотографировать председателя Гошабулагского сельсовета, депутата Дойле ханум. К счастью, на месте происшествия случайно оказался житель селения, юноша по имени Джаваншир, который, получив множество ранений и истекая кровью, грудью встал на защиту чести и достоинства [216 - 217] азербайджанской девушку. Видя, что ситуация чревата смертельным исходом, официальные представители власти вынуждены были вмешаться в дело и дав возможность улизнуть преступникам, они оказали помощь Джаванширу и Дойле ханум. В тот день Дойле ханум сопровождала сельскую молодежь в военкомат для прохождения осмотра комиссией. Отправив их в путь, она осталась решить некоторые вопросы.

Уже ни у кого в селении, - продолжает рассказывать Мейфали Исмаилов, - не осталось и тени сомнения в переселении. Некоторые семьи успели выехать в Азербайджан, другие продолжали переселяться.

Под руководством военного коменданта в Армении была прекращена связь между селениями, не было света, не выделяли продовольственных продуктов. В селениях со смешанным населением положение было плачевное. В азербайджанских домах устраивали погромы, людей избивали, забрасывали камнями, разбивали стекла домов, уносили домашнее добро, или же все предавали огню. Аналогичное творилось в селениях Чахырлы, Тустулу, Юхары Загалы, Боюк Мезре и др.

23 октября 1988 года в Басаркечерском районе состоялось собрание всех азербайджанских председателей колхозов и секретарей первичных партийных организаций. На собрании участвовал также первый заместитель Председателя Совета Министров Армянской ССР, председатель комитета аграрной промышленности республики Мовсесян. На собрание, проходившее в селении Беюк Мезре, добираться было трудно. Люди, опасаясь, шли окольными путями. Многие же вообще не смогли прибыть на собрание - по дороге армяне преградили им путь. На собрании Мовсесян открыто заявил, что азербайджанцы, проживающие в Варданисе (Басаркечере), держатся в качестве заложников за армян в Азербайджане. Правду говоря, я не поверил своим ушам. Следующие его слова: "жить здесь вам больше невозможно" вообще повергли меня в смятение. Его слова противоречили друг другу и люди терялись, не зная как быть. Вот так все и вернулись домой, не имея никакой надежды на будущее.

Через несколько дней селения были взяты в окружение. Жители некоторых селений предпочли бежать. Впоследствии мы узнали о трагической гибели от мороза в горах многих жителей селения Шиш гая, которые, перевалив гору Сарынер, хотели попасть в Кедабек Азербайджанской ССР. 29 ноября жители селений Ашагы [217 - 218] и Юхары Шорджа, Гошабулаг, Гаябашы, Субатан, Загалы, Сары Ягуб, Гарагоюнлу, Нариманлы, Аг килсе, Заркенд, Зод, Инек дагы пешком перевалив Кельбаджарские горы, прибыли в Азербайджан. При переходе погиб учитель селения Шишгая Азиз Рустамов, попавший в пургу. Жители Кельбаджар через несколько дней нашли его труп и похоронили.

В нашем районе всех азербайджанцев, попавших в руки армянских националистов, мучили и терзали изощренными садистическими методами. Так, например, у жителя селения Гошабулаг Али вырвали все зубы и, завернув в клочок бумаги, дали в руки и отпустили. Главного ветеринарного врача селения Азад Габиба Гаджиева опускали в студеную воду и избивали, повторяя этот прием по несколько раз.

Мейфалы Исмаилову трудно сдерживать волнение. Все это происходило на его глазах. Мы неоднократно заявляли о творимых против нас безобразиях, совершаемых насилиях представителям Москвы, высокого чина военным, будто бы прибывшим охранять нас. Но какой прок? Начиная с конца ноября бородачи ежедневно являлись в селение и стоя перед каждым домом, требовали посредством мегафона поскорее убраться из селения., в противном случае угрожали расправой. Оставшись в безвыходном положении, я тоже вынужден был отправить семью. Ужасы, пережитые мною, никогда не сотрутся из памяти. В самый разгар зимы несколько семей, в том числе и моя, пешком двинулись в Азербайджан. Мы тяжело, со слезами на глазах расставались друг с другом. Так как в селении никого не оставалось, совхозный скот мог погибнуть от голода, и я никак не мог позволить себе бросить их на произвол судьбы, да и побоялся, как бы потом с меня шкуру за них не сняли. Но я еще не знал, какой "сюрприз" уготовила мне судьба. Не знал, что в суматохе побега потеряли младшего сына Самира, с которым расставался я особенно трудно.

Жена Мейфалы - Шафига ханум вмешивается в разговор: "В дороге бушевала пурга, было так темно, что хоть глаз выколи. Дети держались друг за друга. Мы с трудом прорывались сквозь пургу,

шли, лелея в душе тысячи надежд. Сзади передали, что бородачи гонятся за нами. О боже, мы бежали, побросав на ходу и те небольшие узелки, что имели, завязая в сугробах, коченея от невыносимых морозов, кое-как добрались до Кельбаджарских гор. Там нас встретили азербайджанцы. Опомнившись и придя в себя [218 - 219] я вдруг обнаружила, что Самира со мной нет. Оставив детей, я побежала обратно. Кругом не зги не видать. Я решила, что, быть может, ребенок упал и завяз в снегу. Но сколько не искала, так и не нашла его. Через два с половиной месяца стало известно, что моего сына, потерявшего нас из виду во время пурги, подобрали сельчане, двигавшиеся вслед за нами, и увели с собой в другое селение Кельбаджара".

Шафига ханум рассказывала и невольно утирала слезы. "Никакой матери не пожелаю такого горя - сказала она. - Пока нашли его я, и мой муж заглянули в глаза смерти".

В это время в комнату вошел мальчик. Шафига ханум, указывая на него, сообщила, что он и есть тот пропавший сын Самир. Мальчик сидит на коленях отца, крепко прижавшись к нему. Он то и дело прерывает рассказ отца, задавая ему вопросы. Глядя на мальчика, мне невольно думается, неужели этот шестилетний малыш может позабыть увиденные собственными глазами ужасы? Как он прожил без родных два с половиной месяца? Какие чувства пережил он?

Мейфалы выводит меня из состояния задумчивости, Отправив семью, - говорит он, - в селении нас осталось трое: директор совхоза Алиев Мехмандар, я и водитель. Дав корм скоту, мы сели в машину и отправились в соседние селения. Когда до райцентра оставалось два километра, нас остановил пост "ГАИ". Заглушив мотор машины, они вынули ключ. Как только водитель Севиндик Азигулиев ступил на землю, его оглушили ударом молотка по голове, потом после длительного избиения, поволокли в комнату. То же самое они учинили и с Мехмандаром Алиевым. Очередь дошла до меня. Кто-то из бородачей сообщил, что я секретарь парткома совхоза и поэтому наказание должно быть еще более тяжким. Один из них, по имени Степа (скорее всего так звали его условно) сказал, чтобы отвели меня в комнату и повесили за ноги, вниз головой. А дальше он сам займется.

Когда они, скрутив мне руки, собирались потащить уже в комнату, издали показалась машина. Меня отпустили. Сидевшие в машине товарищи оказались моими знакомыми. В свое время я оказал им немало услуг. Я думал, что поступят так же, как и эти бородачи. Но ошибся. Указывая на меня, они припомнили, что делили и моем доме хлеб-соль и попросили отпустить меня. После долгих споров меня отпустили, шли, вернув даже изъятые из карманов вещи и деньги. Войдя в комнату, у меня сжалось сердце при виде положения [219 - 220] моих товарищей, лежавших без сознания. Я плеснул воды в лицо Мехмандара, чтоб очнулся. Бородачи тут же ударили меня. Но мои спасители опять вмешались в дело. Вскоре прибыл и секретарь Варденисского района Размик Енгонян. Указывая на директора совхоза и водителя, я сказал: " - Это награда райкома нам за то, что мы не бросили скот на произвол судьбы?" На что секретарь открыто признался, что он не в силах что-либо предпринять, и что власть находится в руках бородачей". Потом явился также и заведующий парткабинетом Сурик Егизарян. К тому времени директор и водитель уже были на ногах. Когда они сели в машину, бородачи на глазах секретаря дали по пинку каждому из них.

Армяне вылили все машинное масло. Проехав примерно 200 метров, развалился двигатель машины. Оставшись в безвыходном положении, я отправился в ближайшее селение Зод. Взяв оттуда трактор "Беларусь", мы прицепили к нему машину, а потом сдав совхозный скот, прибыли" в Азербайджан.

Во время беседы Мейфалы познакомил меня со своей бабушкой Хамаил нене - правнучкой ашуга Алескера. Она тоже рассказала много интересного о былом: "Брат ашуга Алескера Мешади Салех добравшись до Мешхеда в ту же ночь видит сон, будто бы его сын ашуг Гурбан сидит на паланкине на верблюде. В то время Гурбан был недавно женат, имел дочь по имени Хамаил и сына Имрана. Дети были совсем малы. Мешади Салех тут же возвращается обратно.

Через некоторое время, пока отец был в пути, Гурбан неожиданно умирает. Ашугу Алескеру приснилось во сне, что Мешади Салех, обняв надгробный камень своего сына на кладбище, горько плачет. Проснувшись, Алескер рассказывает свой сон домашним, заявив, что завтра Мешади Салех придет на кладбище.

Наутро люди отправляются на кладбище и видят, что и в действительности, Мешади Салех сидит на кладбище, обняв надгробный камень сына, и горько плачет.

Рассказывают, что с тех пор Ашуг Алескер никогда не играл на сазе. Хамаил нене будто и не говорила, а пела, так складно выходило у нее.

Потом она посетовала: - Сынок, нас изгоняли из родных земель и во времена Николая. Но тогда нас всех вернули обратно на свои земли, а вот теперь, прошло больше двух лет, а об этом никто [220 - 221] и не заикается. Что было мне ответить этой седовласой, умудренной жизненным опытом Хамаил нене?

Только и сказал: дай бог, бабушка, все встанет на свои места, все образуется.

Когда я, распрощавшись с семьей Мехралы возвращался домой, были уже сумерки. Меня не оставляли в покое мысли.

Вот уже два года как глава семьи, состоящей из одиннадцати человек, не работает. Трудовая книжка Шафигы ханум осталась в Армении, в средней школе, где она преподавала. Несмотря на неоднократные обращения туда с просьбой выслать трудовую книжку, ответа так и не получили. Мейфалы не может устроиться на работу, так как нет прописки. Семья кое-как держится. Но до каких пор так будет продолжаться?

Потом, поближе познакомившись с беженцами, я узнал, что у многих из них документы остались в Армении.

Созданный Советом Министров Азербайджанской ССР Комитет по беженцам, думается, не даст потухнуть последним проблескам надежды в душах этих людей. Многие проблемы будут решены в самое ближайшее время

Из рассказа Гусейновой Сугры Шахверди кызы, проживающей в Нахичевани: "Я поехала в Грузию проведать сына Сейфетдина. Был конец ноября. Все мы с тревогой следили за событиями, происходящими в Армении и Баку. Я сильно беспокоилась из-за своих детей, внуков, которых оставила в Нахичевани. Так как ходили разные слухи. Мне не терпелось поскорее добраться до дому. Сын же не хотел отпускать меня, я и сама видела, как беспокойно кругом. Но не смотря на это, все таки я села в автобус и поехала в Нахичевань. Как известно дорога в Нахичевань пролегает через Армению. По дороге все пассажиры сильно волновались, были не в себе. Рассказывали разные истории о том, как армяне останавливали по дороге автобусы, избивали азербайджанских пассажиров, высыпали на землю содержимое их корзин и сумок, а нередко и убивали.

Как только автобус переехал армянскую границу, армянские националисты приказали остановить машину и сойти вниз. Большинство из них были вооружены. У всех кто выхолил из машины, проверяли документы, обнаружив азербайджанца, они начинали [221 - 222] избивать, называя "турком". Ситуация сложилась критически. Армяне не считались ни с чем: для них не существовало ни женщин, ни стариков, ни детей. Били всех, отнимали сумки, высыпали на землю продукты, топтали ногами, шарили в карманах, присваивали чужие деньги и снова избивали. Подошла и моя очередь. До меня они уже избивали одну женщину. К счастью я хорошо знала и армянский и грузинский язык. Я сказала армянам, что грузинка, и еду к внуку, который служит в Нахичевани. Они, не поверив мне, заговорили со мной на грузинском. Убедившись, что я действительно грузинка, они поручили армянам, не тронуть меня. Они поставили сумки рядом со мной, сказав, чтобы я не беспокоилась.

Вскоре мимо, но дороге проехали военные машины. Наш водитель, пользуясь, случаем, быстро посадил нас в машину и поехал. Вещи пассажиров, все их имущество осталось там.

Остановив машину у здания Нахичеванского комитета государственной безопасности, мы все подробно зарегистрировали там, нам обещали возместить нанесенный нам материальный ущерб. Однако до сегодняшнего дня никому ни копейки не давали. Позже я узнала, что многие оказались в таком положении как мы, немало было и таких, которые были убиты армянами.

Слушая и читая об учиненных расправах, погромах, грабеже имущества, массовых убийствах азербайджанцев в Армении, о происходящих событиях вокруг Нагорного Карабаха и искусственном торможении решения этой проблемы, невольно начинаешь задумываться и искать корни, причины ярого национализма и экстремизма принципам человечности, гуманизма. Как могут люди совмещать в себе этот вандализм, зверство. Как быстро можно забыть все то доброе и человеческое, что наживалось веками у этих двух народов, чтобы не растоптать, не предать забвению, как бы к тому не стремились нелюди в человеческом обличье.

Постоянно односторонне высказываясь о политике геноцида, армяне представляли искаженные сведения, как всеобщему читателю, так и самому армянскому народу, тем самым, сумев вызвать в них чувство ненависти к туркам и азербайджанцам. Пока нет ни одной книги или статьи, где бы говорилось о безвинно загубленных армянами азербайджанцах в различных городах и селениях Азербайджана до революции, где бы объективно освещались исторические события. Но пока живы старцы-очевидцы тех дореволюционных армяно-азербайджанских столкновений, надо спешить записать их воспоминания, донести их до будущих поколений. [222 - 223]

Думается, одной из главных причин происходящих сегодня событий вокруг Нагорного Карабаха является искаженное отражение нашей истории в годы Советской власти, т. е. умолчание факта армяно-мусульманской резни в начале века и в целом массового уничтожения азербайджанцев во многих городах и районах Азербайджана дашнакскими военными отрядами, безмолвие наших представителей на различных международных симпозиумах, неисследованность периода массового уничтожения цвета

азербайджанской интеллигенции рукою засевавшего в Азербайджане в 30-е годы дашнакского отребья и своих продажных руководителей.

И поэтому, пользуясь нашим молчанием, армяне еще более усиливали антитуркскую пропаганду, воспитав все новые и новые поколения в духе национализма, представив всесоюзному читателю устрашающий, образ дикого кровожадного турка.

Если мы сегодня не сделаем правильных выводов из сложившейся ситуации, происходящих исторических процессов, не разберемся в допущенных промахах в деле решения данной проблемы, не проведем конкретной и целенаправленной работы по разоблачению армянских националистов и их приспешников, всей мафии, направленной против нашего народа, то, безусловно, с подобными трудностями в будущем нам еще не раз придется столкнуться. Думается, в программных мероприятиях, разработанных с этой целью, следует больше места отвести пропаганде на русском и европейских языках.

Старейший ученый Рамзи Юзбашев вспоминает, как в марте 1918 года вооруженные отряды Степана Лалаяна прибыли из Баку в Шемаху. Тут они тоже грабили, убивали, терзали, мучили, насиловали азербайджанцев, отличаясь особой жестокостью, от которой кровь стыла в жилах, а потом подожгли город. Во время этих событий Рамзи муаллим потерял 6 родственников. Т. е., как пишет он сам, армянскими дашнакскими вооруженными бандами были зверски убиты его родственники: Теймур (40 лет), Набат ханум (35 лет), Сейфулла (9 лет), Мамед Таги (70 лет), Гаджи Мовсум (60 лет), Ага Шариф (18 лет). Аналогичную резню и погромы армянские дашнаки учинили и в других городах Азербайджана - Баку и Кубе. Были уничтожены десятки тысяч ни в чем не повинных людей. Разве это не есть геноцид?

Все, рассказанное тут - лишь одна капля из всего того, [223 - 224] что пришлось пережить нашему действительно многострадальному азербайджанскому народу. И больно оттого, что, вынеся тысячу мук и страданий, мы забыли обо всем, смолчали, не возвысили голоса. И в ответ на громкие выкрики армян, требующих официального признания геноцида - истребления армянского народа турками, мы лишь кривили рот, не давая им серьезного отпора, не требуя признания геноцида азербайджанского народа со стороны армянских дашнаков.

На политические обвинения следует давать умный, политический продуманный ответ. Когда в 1984 году вышла книга З. Балаяна "Очаг", получившая широкое распространение, но всему Союзу, и нашей республике пресекались всякие попытки разоблачить пропагандируемые в данном произведении идеи, десятки статей, за лежавших в редакционных папках, сдавались в архивы органов печати, так и не увидев света. В результате, автор книги продолжал безнаказанно сеять национальную рознь, ненависть к азербайджанцам, фальсифицировать исторические факты. На страницах союзной и мировой печати нашли доступ провокационные выступления армянских историков, журналистов, писателей, изобилующие извращениями, ложными истолкованиями и домыслами. Выдвигались в корне ложные мысли о проживании армян в Нагорном Карабахе с древнейших времен, о переселении туда азербайджанцев будто бы в прошлом веке. В то время как армяне беспрерывно выпускали пестрящие искажениями и фальсификацией истории книги о многострадальном регионе, наши работы, по данной теме залеживаясь в папках усилиями некоторых руководящих работников, так и не видели света. Армяне, мастерски используя различные средства пропаганды, создали в свою пользу миф вокруг проблемы Нагорного Карабаха, представляя себя многострадальным народом, им зачастую удавалось сложить нужное для себя общественное мнение. Мы же даже не использовали того, что уже было высказано в свое время о Нагорном Карабахе такими русскими учеными и исследователями, как А. Грибоедов, Н. Н. Шавров, В. Л. Величко и др.

Однако, как показали события впоследствии, армяне не только "завладели навсегда землями, куда "их на первый раз пустили", но даже стали притязать на древность обитания их на этих землях, ошеломив не только азербайджанский, но и все другие народы страны ловко выдуманной и подброшенной "проблемой Нагорного Карабаха". Не успели мы оправиться от одних козней, как оказались жертвами более жестокой и низкой, бесчеловечной политики центра - кровавой январской трагедии 1990 года.

Это было очередной попыткой подавить и сломить волю, усмирить непокорный дух моего свободолюбивого народа, поднявшегося на священную защиту поправленных суверенных прав, своей свободы и независимости, своей земли.

НА СКЛОНАХ ДРЕВНЕГО ХАН-ТЕНГРИ

День моего вылета в Алма-Ату, 21 ноября минувшего года, был одним из тревожнейших дней Баку - город кипел, клокотал гигантским котлом, под которым расплылся огонь. И бабыхавшее над немолчно гремевшей митингующей площадью "...бах... бах!" казалось выдохом пара, взрывом, и, не приведи Аллах, будь этот котел закрыт наглухо, то кто знает, какие беды мог натворить гнев кипящей смолой бушующей массы, не нашедший выхода...

... В полночь, в аэропорту Бина, стоя в очереди у трапа с крепко зажатым в руке билетом (ветер так и норовил вырвать его!), я думал, что никогда за последние десять-пятнадцать лет авиабилет не доставался мне ценой таких мук. Даже "влиятельные" звонки не помогли... Когда самолет оторвался от земли, я взглянул на часы и успел удивиться: не припомню, чтобы когда-либо прежде график вылета из Баку соблюдался с такой точностью...

Напоследок взглянул на стремительно отдалявшиеся и таявшие где-то внизу огни Баку, я устроился в кресле поудобнее и вскоре задремал. Предстоял долгий, почти пятичасовой полет...

... Это было мое третье путешествие на землю братского Казахстана. Недели раньше, 14 ноября, на открытии "Дни казахской книги" в выставочном зале Главной редакции Азербайджанской Советской Энциклопедии, когда Аждар Ханбабаев (недавно трагически погибший) представил меня первому заместителю председателя Госкомпечати Казахстана В.И.Набокову и сказал, что мне предстоит вскоре поехать в братскую республику на "День азербайджанской книги", я обрадовался. В эту поездку, помимо книжной миссии, мне предоставлялась возможность повидаться с сонародниками, живущими в этом далеком краю, - их около восьмидесяти тысяч...

... Автор этих строк родился 29 июня, и если верить восточному гороскопу то одно из преимущественных или ущербных свойств природы, родившихся под созвездием Льва, - страсть к дальним странствиям, и они не упускают случая, чтобы отправиться в путь.

Когда весной 1969 года, осененный напутствием Мамеда Араза и Фикрета Годжи, мы с сотоварищем Сиявшом Сарханлы вылетели в Алма-Ату на III Всесоюзный фестиваль молодых поэтов, мне было всего-навсего 25 лет. Еще я не успел погрузиться, как нынче, сердце заходило томительной жадью дальних дорог, рвалось в путь, и то путешествие явилось первопутком. Была пора обострения наших отношений с Китаем, имя нашего героически павшего земляка Тофика Аббасова переходило из уст в уста, и еще до поездки мы узнали, что в программу фестивальных дней входит встреча с личным составом одной из застав на границе с Китаем...

Написал я эти строки и вспомнил, что первая поездка моя в Казахстан состоялась куда раньше, в 1954 году, когда я учился на третьем курсе Института нефти и химии, - в составе первых студенческих стройотрядов Азербайджана мы отправились в Мамлютский район Северо-Казахстанской области; за два месяца без малого выполнили изрядную работу в селах и поселках Налобино, Красногвардейске, построили клубы, гостиницы, объекты для ферм, молотильники, помогали местным труженикам, чем могли. Нас именовали "бойцами", и один из моих "однополчан" Афлатун Нематзаде ныне работает режиссером театра оперы и балета; Людмила Духовная - заслуженная артистка республики, Рамиз Агаев возглавил Мингечаурский горком партии...

Эта первая поездка, связанная с братской казахской землей, выпала из бегло перелистанной памяти потому, может, что тогда, за почти двухмесячный срок ни в одном из сел, где мы побывали, не встретили ни одного казаха; случайно или нет, не знаю; то же самое и в райцентрах - Мамлютке, Петропавловске. На вопрос о причине местные люди объяснили, что, дескать, казахи по натуре любят степь, простор, приволье, и им не по душе лесистый ветер республики.

Должно быть, в силу этой стройотрядовской памяти во вторую, "фестивальную" поездку я ощущал себя среди участников, так сказать, бывалым "казахстанцем", как-никак здесь находились очаги, желтые гнезда, в созидание которых и я внес посильную лепту... [226 - 227]

Ярчайшим впечатлением второй поездки стала несомненно, встреча с еще молодым, по уже всеосознано известным поэтом Олжасом Сулейменовым.

... На исходе Дней, побывав в гостях у пограничников, мы переночевали в юрте, у подножья древней горы - Хан-Тенгри. Грандиозная красота горы, увенчанной ледниковым шлемом, источавшим холодное ослепительное сияние, горный воздух, настоянный на запахах чабреца, полыни, мяты,

дастархан, раскрытый казахскими братьями от широкой, как степь, души, бешбармак из баранины и молодой конины, кумыс, поначалу робко "дегустированный", а после ненасытно поглощавшийся нами, наконец, иные зелья, традиционно сопутствующие застольям, опьянили нас в переносном и что греха таить, в буквальном смысле, после, попили, поели, и далеко за полночь завалились спать, на полу в постелях, разостланных на ковриках, под которые еще и теплый ворсистый войлок подложили... Ни свет, ни заря и я проснулся от чьих-то рук, тормошивших меня и голоса: "Шынкыс! Шынкыс!" Точнее, я сперва открыл глаза, а уже потом вздрогнул от голоса и очухался: "Шынкыс!" (так казахи произносят имя Чингиз) "Галх, ат бар!" Вставай, мол, конь готов. Оторопь меня взяла - парень, возомнивший меня заправским наездником - в силу моего кавказско-азербайджанского происхождения - чуть свет приволок неоседланного норовистого иноходца... Мне было не, по себе еще и потому, что на этот оклик проснулись и высыпали из юрты все мои товарищи по музе, и в том числе единственная поэтесса из Белгорода Татьяна Олейникова, взывавшая ко мне, мол, возьми и меня: "Сейчас мы им всем покажем, как горцуют на иноходце"

А у меня во рту пересохло при виде четвероногого огнедышащего чуда природы, с задраным хвостом, нетерпеливо переступающего джейраньими ногами... И я не мог выдавить из себя ни слова, сказать, что не горазд, ездить верхом...

Но вдруг меня осенило - выручила Татьяна, - не могу, говорю, рисковать ее жизнью, конь не оседлан, не обуздан, с таким драконом недолго и скопытиться. Похоже, проняло. Во всяком случае, призадумались. Пока они опомнились, я успел высмотреть у коновязи ("мамаагач") у соседней юрты лопухую, оседланную кобылу, на вид - доходягу. Я ринулся к ней, отвязал поволок, и с демонстративным проворством вскочил в седло, Татьяна, с помощью ребят, примостилась сзади, на крупе.

Верно, говорят, лошадь - существо умное, и наша кляча, похоже, [228 - 229] учуяла, что наездник никудышный, и не думала сдвинуться с места; я, пытаюсь сохранить невозмутимость, спесиво понукал её, а в душе молил Аллаха сжалиться надо мной и привести в движение эту животину, спасти меня от посрамления... И впрямь, произошло чудо, словно некто вял моей тайной мольбе, кобыла, перейму её печали, ступила шаг, другой, пошла, родимая... Так вот, вечером этого, столь незадачливо начавшего памятного дня, мы услышали, что к нам на встречу приедет Олжас. Весть всех воодушевила, недели - не дождемся... А он пришел запросто, безо всякого шума, тут же перезнакомился со всеми и оказался простым, своим парнем, без амбиций, прочего; незаметно перевел разговор в русло тем, интересующих нас всех взаимосвязях братских литератур, о заботах поэзии молодых, об обретениях и потерях, сопутствующих развитию современной поэзии, о вопросах художественного перевода и так далее.

Разговор затянулся допоздна. На прощанье я получил новоизданную книжку из "огоньковой" серии - "Глиняные письмена" с дарственной надписью: "Дорогому Чингизу от дальнего родственника Чингисхана. Олжас Сулейменов".

II

И вот я вновь сижу, лицом к лицу с Олжасом, и от первой встречи эту разделяет почти двадцатилетний дистанция времени. Беседуем - уже более двух часов. И сам Олжас, и участвующие в разговоре известный казахский прозаик, секретарь писательского союза республики Хаким Тарази, и поэт Базарбай Исаев серьезно интересуются Азербайджаном, последними событиями, происшедшими у нас, затрагивают проблемы взаимосвязей и общения наших братских литератур.

На исходе беседы Олжас приглашает меня пообедать. Я, поблагодарив, говорю о том, что нас с Базарбаем ждут в колхозе "Луч Востока" Талгарского района, где живут азербайджанцы. Прежде чем попрощаться, Олжас, извинившись, попросил задержаться на несколько минут, сел за письменный стол, набросал что-то на странице; вложил в конверт и передал мне с просьбой - обнародовать через газету "Коммунист" его сердечные слова, связанные с Азербайджаном. "Сейчас азербайджанский народ переживает самый бурный, напряженный, драматичный и страшный период своей истории. Национальное сознание и самосознание народа [229 - 230] приобрели новый размах, сейчас, с высоты его окрепшего национального достоинства лучше пилятся все его великое прошлое и будущее. В этот ответственный момент самое важное, - правильно осознать общенародную программу - не растрчивая, а обретая. Возродить, без потерь, забытые национальные богатства, ценности, добытые в многотрудном XX веке. Защищая как зеницу ока, каждую пядь родной земли, не нанести вреда дружбе и родству, ни с каким народом, ни с каким настоящим человеком. Пусть теперь само это время, эпоха сплотит людей. Подлинная культура - искусство жить, не унижаясь и не унижая. Это искусство мы теперь все сообща начинаем постигать, постигая, растем как равноправные нации братского Союза. Это единство уже не патриархальная община народов. Всем сердцем, умом и сознанием я желаю братьям, друзьям, сестрам в родной мне республике солнечной, доброй судьбы!

Пусть в наступающем 1989 году воцарятся мир и благополучие! Будьте счастливы!

Всегда ваш
Олжас Сулейменов".

... Машина, в которой мы едем с Базарбаем, миновав через прямые, как по линейке проведенные улицы, выходит на автомагистраль - на Талгар. Глядя на поля, увитые осенним туманом, вспоминаю давнюю первую встречу с селом, куда мы направляемся.

... Несколько месяцев тому назад, после завершения работы выставки "Азербайджанская книга" в Алма-Ате, оргкомитет решил - свыше трех тысяч книг преподнести в дар братской республике. Из них треть книг, научных и художественных, была передана в фонд Госбиблиотеки имени А. С. Пушкина. Остальную часть, преимущественно издания на нашем родном языке было решено передать Талгарскому району, где азербайджанцы проживают наиболее компактно. Этому доброму торжеству предстояло свершиться ДК поселка Дзержинского, - центральной усадьбы колхоза "Луч Востока".

В тот день мы встретились с первым зампредом Госкомпечати республики В. И. Набоковым, как и условились у гостиницы "Жетысу", в полдень. Виталий Иосифович познакомил меня с симпатичным своим спутником. Он оказался моим сонародником, заслуженным деятелем искусств Казахстана. Вагиф Рахманов, родной брат народного художника Марал Рахманзаде, окончив Московский [230 - 231] вуз, как новоиспеченный скульптор, получил назначение в Казахстан; ныне является признанным мастером резца, преподает в институте искусств. Произведения талантливого ваятеля, участника многих международных выставок, - мрамор, гранит, медь, бронза - украшают столицу республики, улицы и площади и других городов. (Пару дней спустя после знакомства я побывал в мастерской у Вагифа, познакомился с его женой - казашкой, у них кроха - девчурка; посмотрел множество работ - плод интересных творческих исканий, композиции (глина, терракота), воплотившие наши национальные обряды и традиции и с чувством сожаления узнал, что у нас в республике нет, можно сказать, ни одной его работ...)

Всю долгую дорогу Виталий Иосифович без устали вспоминал вслух свои богатые впечатления о "Днях казахской книги" в Баку, об архитектурных сокровищах нашего прекрасного города, о щедром радушии нашего народа, и я, признаться, внимал его исповеди с польщенным и благодарным чувством...

Поселок Дзержинского одно и двух этажными домишками сбегает к большаку по зеленому склону, увитому серпантинном проселочных дорог. Дворец культуры примостился, в центре, на всхолмьи. Перед ним столпился народ, полно машин. Оказывается, до нас сюда для участия на празднестве, прибыл из Алма-Аты большой писательский "десант".

Когда я сходил с машины, на миг мне показалось, что я ступил на землю в какой-то из сотен весей родного мне, привычного и милого сердцу Карабаха. Быть может, что ощущение возникло оттого, что кругом, куда ни глянь, виделись как будто бы знакомые - по теплой смуглоте, по лепке и чертам - лица и до слуха доносилась музыка родной речи, но которой душа успела уже истомиться даже за считанные дни разлуки. Подойдя к выступившим вперед аксакалам и седым матерям, я говорил им "салам", здоровались обеими руками; сердце зашлось от родных привечаний: "Хош гялмисиниз, бала!" ("добро пожаловать, сынок"), "Хемише сиз гелесиниз! ("Всегда бы вам приезжать"), светящиеся лица удалцов, застенчиво-смущенных молодежи, сила и тепло рук, подолгу пожимавших и не отпускавших мои руки, растрогала меня до глубины души. "Что так редко заезжаете!", "Совсем нас забыли!", "Какими судьбами!" - слышалась и укоризна, а я в ответ второпях выдавливал из себя "Иншаллах, будем видеться почаще!", "Впредь учтем!" - и в душе хотел уверовать, что так оно и будет...[231 - 232]

Экспозиция и просторном, светлом фойе ДК отразила с наивозможной полнотой нынешний мир азербайджанской книги. Изящные тома. От Низами, Кази Бурханеддина, Физули, Сабира Джалила Мамедкулизаде до С. Вургуну, Р. Рзы, И. Эфендиева И. Гусейнова, отдельные тома "Библиотеки мировой литературы", "Библиотеки всемирной детской литературы", романы Сабира Ахмедова, Анара, Эльчина, Юсифа Самедоглы, Акрама Айлисли книги А. Мамедова, К. Велиева, В. Кулиева, сборники с книгами, к рождению которых ты причастен как редактор и составитель, внушает здесь особое, доброе чувство. Стеллажи, стенды плотно отступила молодежь. Многие из них, быть может, впервые видят книги родных поэтов и прозаиков, чье имя у них на слуху. Даже глядя со стороны, нельзя не ощутить сколь удивительное чувство будет в них это узнавание воочию родников родного художественного слова.

Здесь же, поодаль выставка-продажа. Выстроился "хвост". До сего момента я еще не достаивался скольких просьб об автографе, более того, помимо своих пяти-десяти сборников, приходится расписываться и на книгах Н. Гасанзаде, М. Исмаила, А. Абдуллы, С. Рустамханлы, Р. Ровшана...

Здесь же телевизионщики, радиожурналисты, газетчики, горят окрест юпитеры, меня куда-то "волокут", просят повернуться так или этак перед камерой, наставляют, как держать микрофон, и странное дело, я, стрелянный телевизионный воробей, от избытка эмоций и переживаний, вроде, пребываю, малость в невменяемом состоянии, тарашусь на них, слушаю и пытаюсь следовать вразумлениям...

Наконец, народ вошел в зал, расселся, приглашают и нас, и я вздыхаю с облегчением. "слава богу", думаю, вырвался из рук этих, "дошлых" репортеров.

III

Зал битком набит. Все стоя аплодируют нам, усаживаемся на сиене. Второй секретарь Тагларского райкома партии Алихан Гайбаев приветствует гостей; говоря об интернациональных традициях земляков, сообщает о том, что в одном лишь Талгарском районе проживает свыше пяти тысяч азербайджанцев, среди них и фронтовики, тринадцать кавалеров ордена Великой Отечественной войны. Далеко за пределы района шагнула слава бригадира [232 - 233] овощеводов колхоза С. Бадалова, зав. фермой того же колхоза удостоенного ордена Трудового Красного Знамени А. Исмаилова, о бригадире овощеводов колхоза имени Калинина Ш. Керимова, отмеченного орденом "Знака Почета"; Заведующий отделением колхоза им. XXIV партсъезда А. Каналов, звеньевая колхоза "Кызыл кайрат" А. Гюнешева, тракторист колхоза "Алма-Ата" М. Эйюбов, овощевод колхоза "Луч Востока" Т. Ахмедов - в ряду ударников труда.

Гейбаев, продолжая рассказ, сообщает, что в школах и дошкольных учреждениях района повышено внимание обучению на национальных языках. В ряде школ, которые находятся в селах с преимущественно азербайджанским населением, родной язык включен в учебные программы. (После встречи, в ходе беседы с товарищем Гейбаевым и председателем колхоза "Луч Востока" Львом Дмитриевичем Саровым мы приходим к общему выводу, что с января 1989 года в поселковой средней школе можно сформировать отдельный класс, где бы вся учебная программа в рамках начальной школы велась бы на азербайджанском языке, и для этого есть все условия).

Секретарь райкома, завершив выступление, предоставляет слово мне, это столь неожиданно: что, выйдя к микрофону, я долгое время не могу собраться с мыслями и найти зацепку. Прямо в глаза лупит свет софитов и "дигов" вдоль полукружия рампы, за этим слепящим сиянием сидят с неразличимыми лицами, затаившие дыхание сотни людей, ничего не слышно, кроме стрекотания теле-и кинокамер.

Я ведь и не ахти, какой оратор, а тут еще такая буря эмоций нахлынула, сейчас и не, припомню толком, о чем говорил, с чего начал и как закончил. Потому долго не смолкавшие рукоплескания после моей сбивчивой взволнованной импровизации я отношу, прежде всего, в адрес представляющего мной народа, края, земли...

Еще до встречи, из разговоров в фойе с местными людьми я узнал, что мероприятия такого рода проводятся в поселке впервые, жители и не припомнят случая, чтобы сюда пожаловали труженики пера... Потому не трудно представить, с каким вниманием, интересом и воодушевлением были восприняты выступления секретаря СП Казахстана Хакима Тарази, лауреат республиканской Госпремии, прозаика Мухтара Магауина, поэта Базарбея Исаева, значимого автора романа "невеста" тюркоязычной писательницы [233 - 234] Зинель Ахмедовой, любимца турков, проживающих в Казахстане, поэта Бекира Перишана... Скульптор Вагиф Рахманов дал слово подарить поселку ряд своих работ и изъявил готовность принять в своей мастерской посланцев поселка для отбора в удобное им время.

Нельзя было слушать и смотреть без волнения выступления семейного ансамбля во главе с Мовлудом Ахмедовым, ансамбля азербайджанских народных музыкальных инструментов "Барг" ("Искра") из села Энбекши, наши народные песни в исполнении самодеятельного коллектива колхоза имени Мичурина, состоящего из азербайджанцев, старинный звонкий саз, ашугские мелодии...

...Застолье за братским дастарханом затянулось допоздна. Долго мне будут помниться теплота сердечных слов, дружеская ласковость, светившаяся в глазах колхозного парторга, казаха Азата Бекмурзина, председателя сельсовета уйгура Магжута Курбанниязова, комсомольского секретаря чеченца Билала Мехметханова, моего сонародника. повара Галета Урфанова, сотворившего все эти яства...

Когда, далеко за полночь, мы собрались в обратный путь, в Алма-Ату, нашу "Волгу" гурьбой обступили люди. Налоследок работник колхоза Лятифшах Шахмурад оглы, выступив вперед, пригласил нас Наутро быть его гостями, мол, поделимся хлебом, повспоминаем родину, отведем душу... Я в знак благодарности приложил ладонь к глазам, Расстались. Уже отъехав на порядочное расстояние, я обернулся и увидел провожавших нас молодых друзей - Ханалы, Исми, Гюльнар, Гюльмин Агапашу, Тафсиру, Эльмурада, Айнишу. Галета... все еще не разошедшихся, машущих рукой вослед...

IV

... Все это вспоминается в дороге и вдруг, вернувшись в реальность, обнаруживаю, что Мы уже подъезжаем к селу. Лятифшах с компанией встречают-привечают нас у околицы. Сошли с машины, поздоровались, и продолжили путь - к дому Лятифшаха.

Просторное подворье, одноэтажный дом - в середине села. Пройдешь в железные ворота - по правую руку - хлев, кладовые, курятник. За домом - сад; абрикос, алыча, вишня, черешня. Нас приветает почти столетняя седовласая хозяйка Инджи-гары. Опираясь на палку, правой рукой обнимает меня за шею, целует в лоб: [234 - 235]

"Добро пожаловать, сынок!" Я в непроизвольном порыве, наклонившись, целую её заскорузлую, морщинистую длань, и, подняв голову, вижу две слезинки, навернувшимися на ее голубоватые, потускневшие глаза...

Молодые шумно зазывают в дом, мы снимаем обувь, по сельскому обычаю, в прихожей, минуем широкую веранду, устланную коврами и паласами, и входим в горницу – гостиную. Этот очаг ничем не отличается от сотен, тысяч домов в родном Карабахе, Мильской, Муганской степи, где довелось делить хлеб-соль. Одна лишь разница, что в этой, комнате устланной коврами, обставленной мебелью, нет посередине стола,-снедь подана на скатерти - покрывале, растеленной на полу поверх циновки, именуемой казахами "алаша", а обочь - подушечки - мутакья и тюфячки...

Гостю - место во главе, но я, поблагодарив, усаживаю на почетном месте Инджи-нэнэ, сам примещаюсь слева от нее, подобрав ноги под себя, по правую руку - Базарбей на мутаккю облокачивается. Людей много. Все - родня Лятифшаха, друзья-приятели. Здесь и Мамед с Фатьмой, их лет Махяддин, Гюльбеяз, Милез-киши (Бадалов) с Султанханум, дальше - Мамед Мамедов, прибывший из соседнего Чиликского района. Напротив меня сидит Махмуд-дайи, сторож на ферме, отец пятерых детей, здесь же и родственницы хозяина Сона-баджи с сыном Тельманом, и Тазагюль...

После того, как Инджи-нэнэ произносит! "Бисмиллах", мы принимаемся за еду. Я берусь за миску с довгой, а Базарбей тут же кладет мне в тарелку "казы" - колбасу конины, "примшик" - сыр...

ИЗ РАССКАЗА ИНДЖИ-ГАРЫ

...- Мы, сынок, родом из села Кирзамит, что в Грузии. Нияльский, значит, сельсовет, аспинского района. Там и город большой неподалеку, Ахыска (Ахалцих – Ч. А.). Да обрушит Аллах дом лиходея! Нас было больше сотни дворов, у всех сносное житё, сад, огород, животины, какая-никакая. Война шла, как все, так и мы, полуголодные, полусытые, а жили. Которые на фронт ушли-ушли, а которые остались -без дела не сидели, подсобляли больным, сирым, плечо подставляли...

Та зима выдалась, сынок, лютая, в сорок четвертом. С дровишками худо, не так, как нынче. Кизяком, хворостком топили. В ночь на 21 ноября, мы уже спать, легли - стучат в ворота. Нас еще раньше [235 - 236] лай собак разбудил. Встали, отперли - отряд целый, энкаведе, в военной форме... Не к нам одним пожаловали - отовсюду лай доносился, дети режут, крик, шум... Короче, что тебя томить, говорят, собирайте пожитки, два часа на сборы, а куда собираться, зачем - не говорят... Нас в семье двенадцать человек, пара буйволов, четыре коровы, отара на черный день, в поте лица своего добро скопили. Все осталось без призера. Чего возьмешь с собой за пару часов, разве мы в себе были, все перемешалось.

Напихали нас в грузовики, столько машин, прикатили, окаянные, не счесть. Когда к поезду подвезли - уже заря занималась, на других путях пыхтел паровоз с составом длиннющим - скот погрузили... Говорят: пятнадцать минут на посадку. А кому, безбожники, на посадку захочется! Так затолкали пинками, прикладами, загнали в вагон...

С нашего села сто десять семей подняли, были и с других околотков... Словно, восемнадцать дней тащились поездом. За больными, увечными не присмотришь, воды-чай поставить - с трудом доставали горячую, на станциях по ночам брали. Начался тиф,... Чтоб те дни канули безвозвратно! Что тебя изводить, кто помер - помер, а кто остался - добрались сюда полуживые.

Эти вот самые места - не такие были тогда, пустошь сплошная, ни деревца, ни кустика, хоть шаром покати, ветер гуляет...

Вырыли землянки утлые, набились. Муки нет, хлеба нет, перебивались насилу, травой-муравой паслись, ровно животины... Казах - народ хороший, сынок, с открытой душой. Да говорят, похоже, и вера единая... У каждой юрты - кол вбит, "мамагадж" называется. Спешился у этого колышка, хозяин сам выйдет, привяжет коня, а самого, не спрашивая, кто таков, в юрту затащит, перво-наперво дастархан накроет, угостит, чем богат... Спасибо им, очень они нас выручили. Да и нынешние времена на добро не скупятся, услышали - гостей ждем, тут же явились с этим "пришмиком", "казы", мы хоть и не привычны

к такой "снеди", но и па то спасибо... Так вот и зажили, оправились, очухались, мальцы подросли, оперились. Нынче, благо, многие грамоте выучились, школу окончили, образование получили, вернулись в село и за дело взялись...

Теперь нам особо пенять не на что. Но, что ни говори, а мы - как птицы, оторванные от родного гнезда. Молодежь, конечно, многим разницы нет, но у таких, как я, старых людей, тоска в душе глубоко затаилась. Днем еще ладно, в хлопотах, заботах как-то забываемся, а, но ночам сердце поет, в костях вербит от тоски по [236 - 237] родным краям. Кому мы не угодили, в чем провинились - и не знаю, да обрушит аллах дом лиходея, раскидали нас по белу свету...

На этом я и завершу свои заметки. Конечно, можно было бы в концовку вставить некую оптимистическую ноту. Но она прозвучала бы фальшиво, и этот ложный мажор не пришелся бы по сердцу - ни мне, ни уважаемым читателям.

Пусть незавершенный сказ-дастан многотрудной судьбы наших сонародников, размещившихся у склонов далекого седого Хан-Тенгри, найдет свое продолжение и отзвук в сердцах сыновей и дочерей родной земли, которые прочтут эти слова... [237 - 238]

МЕСХЕТИНСКИЕ ТУРКИ

История беспристрастно фиксирует жизнь, судьбу, духовное развитие и политический путь любого народа со дня его вхождения во всемирный дом человечества. Надо ли говорить как важно, чтобы историк был предельно объективен в своих научных выкладках, чтобы не допускал никаких искажений, никакого домысла и отсебятины, исследуя перипетии пути, пройденного тем или другим народом. Факты, подлинные события - вот главные аргументы историка. Умолчание исторического факта для историка, по меньшей мере, не корректно. В номере от 22 июня 1988 года "Правда" писала, что ныне всем от мала до велика известно о трагедии чеченцев, балкар, карачаевцев, изгнанных со своих мест в 1944 году. И если, отмечает газета, историк молчит об этом, то о каком уважительном отношении к истории можно говорить?

И в самом деле, если историк приравнивает фактические действия определенного отрезка времени к восприятию того или другого лица, или подгоняет в рамки определенной господствующей идеологии, тем самым, искажая истину, то кому нужна такая история и какая от неё польза обществу?

То, что было высказано "Правдой", можно в полной мере отнести и к судьбе других народов, пострадавших в годы массовых сталинских репрессий. Особенно это относится к месхетинским туркам.

Скажем сразу, что этот народ пострадал не только в 1944 году. Если взглянуть на документы, зафиксировавшие определенные моменты жизни месхетинских турок с начала нынешнего века, то можно будет отнести их к самым многострадальным народам, когда-либо населявшим мир. Дело дошло в последнее время до того, [238 - 239] что, грубо говоря, посторонние люди, не имеющие к ним никакого прямого или родственного отношения, определяют кто они, месхетинские турки, откуда они взялись и каково их изначальное вероисповедание. Хотя бы пригласили представителей самих месхетинцев принять участие в многочисленных дискуссиях, научных спорах об их этногенезе. Смешно сказать, что некоторые горе-ученые рекомендуют им даже в угоду своим "теориям" изменить язык, религию (см. "Литературная Грузия" 1988 г. № 8).

Позвольте, а не начало ли это грядущих новых репрессий против этого народа? Никто не станет возражать, что можно научным путем определить этническую принадлежность народа, однако нельзя устанавливать ее по указанию сверху, тем более по требованию начальства, особенно в нынешней обстановке. Совершенно справедливо писали "Известия", что никому не дано право быть арбитром в таком вопросе. Каждый сам определяет свои корни, свою национальную принадлежность (номер от 30 января, 1989 г.).

А что касается грузинских фамилий некоторых турецких семей, то отметим, что она, фамилия, отнюдь не определяет национальную принадлежность того или иного человека. Разве мало грузин, к примеру, с русскими фамилиями (Цицианов, Моуравов, Андроников и др.). Ни сами они, ни другие люди не отрицают их принадлежности к грузинской нации. Кстати, среди турок с грузинскими фамилиями были даже мусульманские священнослужители, видимо, тут дело в другом. Омар Фаиг писал, что в свое время была очень сильна тенденция изменить национальную принадлежность турок, проживающих главным образом, в приграничных областях, лишить этих людей духа турецкого народа, языка своих предков. Тогда-то и возникли попытки записывать Али оглу, к примеру, как Алидзе. Однако время показало, что эти люди, приняв грузинскую фамилию, в душе все равно оставались турками.

Месхетинские турки, о которых много пишут в периодической печати в последнее время, представляют собой одну из ветвей турецкого народа, вернее являются чистокровными кавказскими турками. В свое время территория, на которой они живут издревле, входила в состав Ахалцихской провинции в составе единой Турецкой империи. В 1829 году и в последующие годы в результате русско-турецких войн граница между двумя государствами менялась, однако это не мешало кавказским туркам сохранить свои национальные [239 - 240] традиции, язык и верование, также как и грекам, курдам, аджарцам, с которыми они жили, но нес времена в мире и согласии. Однако с голами в этом районе стало накапливаться армянское население, которое переезжало сюда в результате войн, с территориями Турции и Ирана. Для такого переселения у царского правительства были свои резоны: создать на границе с мусульманскими Турцией и Ираном заслон в виде поселений, состоящих из христиан. Таким образом, была в какой-то степени нарушена этническая гармония, сложившаяся, как было уже сказано,

веками. Несмотря на такую политику, до последнего времени большинство населения региона составляли месхетинские турки. По данным энциклопедических изданий за 1929 год 55 процентов населения Ахалцихской зоны составляли турки.

В то время их, так же как и нас, азербайджанцев, называли просто турками, вернее, кавказскими турками. И только спустя 45 лет эти люди получили название месхетинские турки! Речь идет о турках, которые были сосланы с Месхетии Грузинской ССР в Среднюю Азию. Как говорится, нет, худа без добра: теперь стало ясно, откуда эти люди родом.

И вот наступил день, когда правительство объявило, что намерено вернуть месхетинских турок на их историческую родину. Было принято постановление, запланирована дата переезда первых трехсот семей. Однако... однако, увы, все осталось на бумаге. Воистину над этим пародом вот уже 70 лет витают черные тучи несчастий.

На Кавказе месхетинские турки считали себя жителями Грузии, иначе говоря, родом из Грузии, однако явно тяготели к Азербайджану, азербайджанцам. Азербайджан был роднее, что ли для них. И не случайно в давние времена учиться молодежь отсюда уезжала в Турцию, а работать предпочитала в Азербайджане. Тесные, взаимно уважительные отношения установились между представителями интеллигенции двух народов. Справедливости ради, скажем, что в развитие азербайджанской культуры, просвещения не малый вклад в свое время внесли и выдающиеся деятели месхетинских турок, деды и прадеды нынешних поколений. Достаточно сказать, что в конце прошлого века и Шеки и Шемахе вместе с Мухаммед Хафиз эфенди Шейхзаде его земляк из Ахалциха, известный в то время публицист, активно сотрудничавший в журнале "Молла Насреддин" Фаик эфенди Неманзаде открыли школы совершенно нового типа. Оба они были представителями [240 - 241] турок. С их же именами связано открытие в Азербайджане первой школы для девушек. В 1898 году на страницах газеты "Гарджуман" было напечатано сообщение, где говорилось, что в Шемахе открылась школа для девочек, которой взялись руководить жена и дочь господина Шейхзаде.

Жена Хафиз эфенди Шафига ханум вскоре была приглашена работать в первой женской гимназии, открытой в Баку известным нефтепромышленником и просветителем Гаджи Зейналабдином Тагиевым. В связи с этим, руководство шемахинской школой перешло в ведение Говхар ханум.

Все названные мною люди были выходцами из месхетинских турок. Кстати, Шафига ханум оставила след в нашей культуре и как первая азербайджанская писательница. В свое время в местной периодической печати было опубликовано немало ее не лишенных таланта рассказов, Особенно тепло, встретили читатели и критики ее рассказ "Сироты",- переведенный также на русский язык. Дело талантливой своей матери достойно продолжали затем ее сыновья, известные в нашей республике я, пожалуй, за ее пределами выдающийся врач-хирург Фуад Эфендиев (его имя присвоено крупнейшей в Баку клинике) и журналист - переводчик Адиль Эфендиев. Этот список можно пополнить также именами Аладдина Эфендиева, Ахмеда Пипинова и десятков других деятелей, без которых существенно обеднела бы история науки и культуры азербайджанского народа.

А что сделано нами в ответ? По сути ничего. Ведь неоднократно месхетинские турки на наших глазах подвергались дискриминации, гонениям, а мы тем временем молчали, прикусив язык. Надо ли говорить, что быть одиноким в беде особенно невыносимо. Ведь нам самим в последние два года пришлось испытать сполна эту горькую чашу.

Да, не было в тяжелые, трагические дни подлинных друзей у месхетинских турок, которые заступились бы за них, подняли бы голос протеста против несправедливых гонений, учиненных над этим народом.

Месхетинские турки еще в период первой мировой войны ощутили всю горечь одиночества. При молчаливой поддержке частей русской армии, своих единоверцев, армянские экстремисты развязали подлинный террор против местного мусульманского населения. Много крови было тогда пролито, много сел сметено с лица земли. Особенно лютовали армянские вооруженные банды приграничной [241 - 242] зоне. Убийцы не щадили ни стариков, ни детей. Толпы беженцев хлынули на восток, туда, где они надеялись обрести спасение. Бежали те, кому удалось спастись от пули бандитов, бежали старики, женщины, прихватив с собой своих и чужих детей. Тогда впервые возникла проблема детей - сирот. Омар Фаик обратился ко всем азербайджанцам со слезной просьбой: "О вы, благородные бакинцы, гянджинцы, агдашцы, шемахинцы, шекинцы! К вам обращаюсь, друзья мои. Помогите несчастным детям.... Пусть каждая состоятельная семья возьмет на время 10-12 оставшихся сиротами детей.... Подумайте, кто эти младенцы, рвущиеся в ваши объятия: дома их разрушены, родители зарезаны, старшие сестры бежали в леса и наверняка стали там добычей диких зверей; у них нет родных и близких, сами они еле доползли до нас" (газета "Ени игбал", 3 июня, 1915 года).

Зверская резня турок в приграничной зоне длилась много лет. Вот что писал в то время Ахмед Джовдат (Пипинов): "Из Анатолии до нас доходят печальные вести. Мы слышим плач детей, вопли

женщин. Нет предела бесчестью. Убивают пулей, штыком, топором, камнем. О боже, и они могут называться людьми?" (газета "Ачыг соз", 20 августа 1917 года).

Скажем прямо, если при царе месхетинские турки еще пользовались какими-то крохами прав, то уже после революции, особенно в период культа личности, были лишены и их. Более того, именно правительство обрекло месхетинских турок на тяжкие страдания. Впрочем, разве ныне им обеспечены их права? Что произошло, к примеру, после трагических событий в Фергане, происшедших в прошлом году? Честные люди отмечали, что правительство знало и могло предотвратить кровавую бойню. Так, полковник П. Студеникин писал, что события в Узбекистане давно назревали и бессмысленно утверждать, что все началось из-за горстки клубники на базаре. Правда и то, что по сей день этот вопрос не нашел своей оценки в соответствующих высоких инстанциях, до сих пор остается неясным судьба десятков тысяч людей, вынужденных вторично покинуть свои дома.

Воистину злой рок не оставляет месхетинских турок вот уже столетие.

В трагические для месхетинских турок дни первой мировой войны бакинское благотворительное общество командировало в район бедствий группу людей для оказания посильной помощи во [242 - 243] главе с известным врачом и общественным деятелем Хосров беком Султановым.

Наступил февраль 1917 года. Волны русской революции докатились и до гор Кавказа. Когда возникла идея создания в Закавказье самостоятельных государственных образований, лидер месхетинских турок Омар Фаик высказался за сохранение их в составе Грузии с условием предоставления жителям Ахалцихского и Ахалкалакского уездов автономии. Однако этого не было сделано. Вместо автономии меньшевистское правительство Грузии бросило его в метехскую тюрьму. Вскоре после установления Советской власти в Грузии Омар Фаик вошел в состав первого революционного комитета. Комитет опубликовал обращение к народам, в котором говорились также о предстоящей автономизации территорий, где проживали аджарцы, абхазцы и осетины. Были там и предложения по дальнейшему устройству жизни населения Борчалинского уезда. Им предлагалось самим решить в составе, какой из трех республик они хотят остаться ("Бакинский рабочий", 20 февраля 1921 года). Однако ничего не было в этом документе о судьбе месхетинских турков. На первый взгляд может показаться странным, что Омар Фаик, еще несколько лет назад, будучи по существу бесправным, требовал автономии для своего народа, а сейчас, как говорится, облеченный властью и доверием, он молчал. Однако тут была своя причина.

Дело в том, что изначально социалистическое общество равных людей, пользующихся одинаковыми правами, одним словом "социализм" представлялся подлинным миром братства людей разных национальностей. И в этом мире должны были на равных началах сосуществовать все народы, независимо от их величия или малочисленности. Все должны были иметь одинаковые права. Не своего языка, культуры, обычаев и традиций.

По принципу равенства предполагалось, что представители всех народов и народностей, проживающих в пределах одного государственного образования, будут пользоваться всеми правами граждан страны. В то время на территории Армении проживало более полумиллиона азербайджанцев. Примерно столько же насчитывалось их и в Грузии. После образования Азербайджанской Советской Социалистической республики отпала необходимость [243 - 244] создания автономных образований для этих людей. Это в равной мере относится и к Нагорному Карабаху, где к тому периоду большинство населения составляли армяне. И то, что вопреки логике и здравому смыслу была все же образована автономная область, надо полагать, не в малой степени вызвало последующую драматическую ситуацию, плоды которой особенно остро ощущают жители региона в последнее время.

Что же касается месхетинских турок, то они на наш взгляд, исходя из языковой, религиозной близости, тождества традиций и обрядов должны были тянуться к Азербайджану, поддерживать с ним особые отношения. Кстати, в двадцатые, тридцатые годы именно так и было. И не только месхетинские турки, а также азербайджанцы, проживающие компактно на территории той же Грузии, Армении, Дагестана поддерживали тесные связи с соответствующими научными и культурными учреждениями на территории Азербайджана, что давало возможность для обеспечения их городов и сел кадрами учителей, врачей, и других специалистов. Так, при активном участии специалистов из Азербайджана средние специальные учебные заведения были образованы в Дольше, Адыгоне и т. д. В свою очередь наиболее способная молодежь из среды месхетинских турок училась в вузах и средних специальных учебных заведениях Азербайджана, после окончания, которых возвращалась в родные места. Подобная практика охватывала также подготовку партийных, комсомольских кадров, специалистов различного профиля. Будучи полноправными гражданами Грузинской ССР, эти люди поддерживали с пользой для себя тесные научные, учебные и другие контакты со своими азербайджанскими коллегами, чему, повторяю, не в малой степени способствовала близость языков, алфавита, культурных и прочих традиций.

Отметим, что при этом никому не приходила в голову дурная мысль использовать эти контакты в неблагоприятных целях, в ущерб интересам третьей стороны. Все были довольны сложившейся ситуацией, в том числе правительство Грузии, для которого в какой-то степени отпадала необходимость обеспечения учебных, культурных, медицинских потребностей жителей региона. Так при поддержке своих азербайджанских братьев месхетинские турки создавали в районных центрах театральные труппы, печатали газеты на родном языке. Это были поистине гигантские шаги новой жизни, обретенной малым народом в семье советских народов. [244 - 245]

Однако недолго длилось это счастье. Уже в злопамятном 1937 году вершины гор в Ахалкалаки и Ахалцихе обволокли черные тучи беды. С бесчеловечной жестокостью за короткое время была репрессирована, а, по сути, уничтожена основная масса только что образованной интеллигенции. Для сведения сообщим, что скорую, но, тем не менее, жестокую расправу над лучшими сынами и дочерьми этого малого народа справил не кто иной, как сам Б. Кабулов, в то время работавший начальником Ахалцихского отдела милиции, а в последующем начальником Особого следственного отдела НКВД СССР, один из самых приближенных людей Берии. Этот садист и негодяй прошел начальную школу зверств именно здесь, на юге Грузии. Рассказывают, что доведенный до отчаяния пытками и издевательствами Кабулова, старый и больной Омар Фаик на очередном допросе в его кабинете разбил стакан и со словами: "лучше покончу с собой сам, чем позволю сделать это такому подлецу как ты", вскрыл себе вену.

В официальных следственных документах, которые проводились недавно, отмечено, что крики и стоны из тогдашнего кабинета Кабулова доносились все ночи. (См. Архив Комитета государственной безопасности Грузинской ССР, дело № 17557).

Не успела окончательно затухнуть волна национального бедствия, поднятая 1937-м годом, как началась Великая Отечественная война. Около сорока тысяч месхетинских турок покинули свои дома и вместе с другими советскими людьми отправились на защиту Родины. Большинство из них пошло воевать добровольно. 25 тысяч воинов - месхетинцев не вернулись назад, пали смертью храбрых в этой суровой битве. Печальной была участь и тех, кто уцелел в огне боев: вернувшись назад, они обнаружили покинутые дома, запущенные сады и поля... К тому времени все туркоязычное население горного края было насильно вывезено в степи Узбекистана и Казахстана. Часть из них погибла в пути, не выдержав лишений, другая похоронена в знойных степях Средней Азии... В ту пору семьи переселенцев потеряли около 17 тысячи только детей! Уж слишком разительно непохожими были климатические условия их родины с местом нового пребывания.

Надо сказать, что переселение турок - месхетинцев планировалось давно, хотя вся операция была проведена в считанные дни. Зима в том далеком 1944 году в этих месхах была ранней, уже в первых числах ноября ударили сильные морозы. Наши войска успешно продвигались на запад, и ни для кого не было секретом, что [245 - 246] сегодня-завтра падет Берлин, и советский народ будет торжествовать великую победу. Все с нетерпением ждали этого дня. Ждали и верили в победу и в селах турок - месхетинцев. И вдруг, на тебе! Вместо радостного сообщения, среди ночи в их дома врываются солдаты, да не немецкие, а свои, советские и приказывают спешно собираться в дальнюю дорогу.

В то время месхетинские турки проживали компактно в 220 селах, не считая городов. Все эти населенные пункты в одночасье были блокированы войсковыми частями, в течение очень короткого времени освобождены от жителей. Все - от последнего умирающего старца до новорожденного ребенка, даже женщины находящиеся в родильном доме - были погружены в товарные вагоны и "отправлены" на восток.

Я не случайно взял это слово в кавычки. По горькому недоразумению наши отцы и деды по сей день так, и называют ту трагическую акцию. Видать, недосуг было подобрать более подходящего слова. Как говорится, чтобы прожить, прокормить себя и свою семью, хозяйке дома надо не один час повертеться в своем доме. Это притом, что в доме известно, что где лежит и добрая хозяйка делает все, можно сказать, машинально. Благо хоть и не богато в доме, все же есть из чего слепить еду. Как же обходились семьи, десятки тысяч людей в плотно набитых теплушках, без провизии, без огня, подчас без воды в течение долгих месяцев утомительного передвижения в неведомое? Как не погибли на этом пути все до единого? Истинно, что всему господня воля. Значит, укрепил он дух людей, вселил крепость в их тела...

Не погиб на этом страшном пути, сохранил себя и свою память и Лятифшах Бараташвили. Кстати, его судьба драматична вдвойне. Дело в том, что перед той роковой ночью Лятифшах привел в свой дом жену, девушку из соседнего грузинского села. Когда солдаты ворвались к нему, то было велено собираться только Лятиф-шаху - жена была грузинка по национальности и не подлежала депортации. Вот как описывает Лятифшах Бараташвили события той ночи: "На тюках со скарбом сидели старухи и плакали, причитая как по умершему близкому человеку. Они рвали на себе волосы,

били себя по груди. Я подошел к ним, спросил, что случилось. Выяснилось, что на их глазах перевернулась машина и погибли все их близкие...".

Невдомек было тем старухам, что надо бы приберечь слезы и [246 - 247] для последующих трагических событий, которых им за долгие месяцы и годы уготовано судьбой ой как много!

А вот другая выдержка из воспоминаний невольного мемуариста: "Вооруженный офицер водил из вагона в вагон девчонку лет шести, одетую в лохмотья и говорил: "Она сиротка, отец погиб на фронте, а мать неделю тому назад скончалась. Возьмите ее с собой". Значит не все потеряно, если солдату, насильно сгоняющему людей из обжитых домов, не безразлична судьба девчушки! Впрочем, он ли виноват в трагедии народа? Солдат остается солдатом: есть приказ - надо исполнять!

К сожалению, в те страшные дни лишились опоры, и поддержки все месхетинские турки и девчушка та была не одинока в этом (впрочем, кто думает и заботится об их судьбе сейчас?). Казалось сам господь отвернулся от них. "Господи, если не в силах помочь нам, то оставь нас" - это крик души старика, который никак не соглашался с тем, чтобы выбросили из мчащегося на восток, битком набитого товарняка тело его скончавшейся старухи.

И еще хочется упомянуть о судьбе Нунуш Фсйзуловой. После того, как ее муж ушел на фронт, она одна воспитывала четверых детей. Сохранила же она по приезду на новое место жительства лишь одного сына. Таких было тысячи. В то время считалось, что Нунуш еще повезло, сохранила хоть одного...

Говорят смерть сама по себе не страшна. Страшнее то, что выпало на долю этого народа. Достаточно только подумать о женщинах, воспитанных в строгости мусульманских законов, и вынужденных совершать многомесячное "путешествие" в товарных вагонах, набитых до отказа знакомыми и незнакомыми людьми, двери которых раскрывались один раз в сутки.

Свидетельствует мой приятель, испытавший в детстве всю чашу горечи изгнания и ныне проживающий в Баку.

"Мы ехали в вагоне, битком набитом исками пяти семей. Было нас около тридцати человек. Мать моя отказывалась от воды, не прикасалась к хлебу. Она таяла на глазах. Наступил день, когда она с трудом стала забираться на полку. Кожа да кости. Тогда я ничего не понимал. Это уже потом я понял, что немогла моя мать на глазах у всех проходить за узкую ширму, пристроенную в углу вагона". (Журнал "Азербайджан", №2, 1989 г.).

В тех страшных условиях, они сохранили человеческое достоинство, чувство стыда. К сожалению, и тогда, и ныне виновники [247 - 248] их трагедии не испытывали и не испытывают и сотой доли стыда за содеянное злодеяние.

Были не менее драматические ситуации в тех тюрьмах на колесах. У нас принято, например, - да только ли у нас? - что когда у женщины начинаются родовые схватки, то из дома удаляются все взрослые мужчины, даже дети мужского пола. Это, чтобы избавить женщину от неловкости, чувства стыда. А ведь, как было уже сказано, власти не пощадили даже женщин на последнем месяце беременности. И они рожали под мерный перестук колес железнодорожных составов - такова природа человека. И вот установился такой порядок в вагонах: мальчики бросались ничком на пол вагона, мужчины сбивались в один угол и громко разговаривали, спорили, чтобы заглушить крики и стоны роженицы. И нельзя было понять, крик ли это убежденных сединой отцов семейств или плачь за поруганную честь. Видимо, и то и другое.

Эшелоны переселенцев достигли места назначения в конце 1944 года, когда в здешних краях стояли лютые морозы. Поселили их на огромном расстоянии от Самарканда до Алма-Аты. Был установлен для них комендантский режим, иными словами, для десятков тысяч невинных людей был определен по существу режим предателей родины. Специальное разрешение требовалось на то, чтобы посетить родственника в соседнем селе, на женитьбу сына, на свадьбу дочери. Кстати, выдавались они, эти своеобразные индульгенции не так-то просто. И так было до 1956 года. Период оттепели первым коснулся кавказских ссыльных: на историческую родину свою стали возвращаться чеченцы, кабардинцы, балкарцы, ингуши. О судьбе месхетинских турок - ни слова. Как ни старались инициативные группы, созданные из числа наиболее активных переселенцев, ничего не получалось.

Все усугублялось тем, что целый народ, переселенный со своих родных мест и лишенной по сути свободы, начал утрачивать свой родной язык, культуру. Во всей огромной полосе их проживания не было ни одной школы на их родном языке. Нечего говорить о культурных, просветительских учреждениях. Напомним, что бессмертное сказание тюрских народов "Китаби Деде Коркут" по языку повествования наиболее близок именно к разговорной речи турок-месхетинцев...

Большинство месхетинских турок было расселено в сельской местности. С годами очень немногим удалось перебраться в большие города. Этим и определялся характер их деятельности. Занимались [248 - 249] они выращиванием хлопка, овощей, трудились в животноводческих фермах, разводили сады. Добросовестный труд многих из них отмечен высокими государственными наградами,

немало - среди турок-месхетинцев Героев Социалистического труда. Однако на руководящих должностях их нет ни в одной из трех восточных республик их последнего обитания. Отличаются они трудолюбием, твердыми жизненными устоями; не одна забытая богом пустыня за короткое время усилиями месхетинцев была превращена в райский уголок. Им чуждо чувство зависти, никому они не желают зла. Зарабатывать свой хлеб своим честным трудом - вот их обычный жизненный девиз. Не случайно когда-то в Европе бытовала поговорка, что слово турка крепче печати и клятвы. Это истинно так.

Итак, прошел и знаменитый XX съезд КПСС. И снова не был решен вопрос о возвращении на историческую родину месхетинских турок. Тогда руку дружеской помощи к ним протянула Азербайджанская республика. По инициативе тогдашнего первого секретаря ЦК КП Азербайджана в Среднюю Азию и Казахстан, в места проживания месхетинских турок выехала большая группа ответственных работников, специалистов республики. И в 1958 году было принято решение о переселении 2150 семей. Азербайджанская республика взяла на себя все расходы по переселению на свою территорию этих людей. И уже в сентябре того же года в Саатлинском и Сабирабадском районах были образованы первые колхозы из прибывающих. Кстати, первыми в Азербайджан приехали турки, проживающие до того в Узбекистане. Свои колхозы эти новые жители Азербайджана назвали в память родных сел, насильственно покинутых поздней осенью 1944 года: "Адыгюн", "Вархан", "Ахыска". Руководителями хозяйств стали сами же турки. Одним из первых организаторов колхоза на территории Азербайджана был Герой Социалистического Труда Мовлуд Байрагдаров, который и возглавлял хозяйство долгие годы. Впоследствии он переехал в Нальчик, где и скончался.

И в последующие годы продолжалось переселение турок на Кавказ. Это стало для них хоть слабым, но все-таки добрым утешением: до родных гор теперь было рукой подать. Так, стали месхетинские турки в последующие годы селиться на территориях Хачмасского, Шамхорского районов Азербайджана. Часть из них обосновалась в Нальчике, Грозном и Ставрополе. После Ферганской трагедии в Азербайджан приехало очень много турок, бежавших [249 - 250] от резни. В настоящее время в нашей республике их проживает более 100 тысяч человек.

Вместе с тем, на сегодняшний день все же значительная часть месхетинцев - турок по-прежнему находится в Средней Азии и Казахстане. Впрочем, точных данных об этом пока нет. По сведениям, почерпнутым из публикаций печати Грузинской ССР, в 1944 году было переселено 125 тысяч человек. Добавим к тому, что 40 тысяч турок в то время находилось на фронте. Однако не станем называть определенную цифру, чтобы не ошибиться, ибо все эти данные почерпнуты нами не из официальных источников. Одно, несомненно, на сегодняшний день: если учесть естественный прирост населения, который был довольно высоким среди месхетинских турок, то ныне же нельзя относить их в состав так называемых малых народов, тем более, относиться легкомысленно к их судьбе. Но, к сожалению, их нынешнее положение не опровергает этого. По-прежнему никому нет дела до них, по-прежнему не решается вопрос их возвращения на историческую родину. Напомним, что вряд ли найдется в истории последнего столетия народ, которого дважды изгоняли бы из своих домов, сел.

Так кто же в таком случае так называемый "многострадальный народ"? Наши соседи армяне или турки - месхетинцы? А ведь почему-то о "многострадальной" судьбе армян ныне оповещается во весь голос со всеми правдами и неправдами не только в самой Армении. Об этом систематически публикуются материалы на страницах ведущих московских изданий, об этом трубят во весь голос многие радиостанции мира.

Нам остается сказать: имеющие глаза да увидят, имеющие уши да услышат истину и имеющие совесть да определят кто воистине многострадальный народ. И кто виноват в его страданиях.

У нас в народе говорят, что если ребенок не плачет, его не накормят грудью. Это касается малых детей. А когда плачут взрослые, притом не к месту и без причины, то это признак отсутствия чести. [250 - 251]

ТРАГЕДИЯ МЕСХЕТИНСКИХ ТУРОК

Край под названием Месхетия расположен на юге Грузинской ССР и граничит с Турцией.

До XVI века здесь в основном проживали месхетинские турки. Они поклонялись будде, жили дружно, имели свои определенные территории, куда входили нынешние Ахалцихский, Адыгейский, Аспиндзский, Ахалкалакский и Багдановский районы Грузинской ССР, а также Ардаганский вилайет Турции.

В XVI веке Месхетия входила в состав Турции, потому-то и назывались жители края месхетинскими турками.

Так и жили эти люди, преумножая свои хозяйственные и культурные достижения, пока не началась очередная война между Россией и Турцией. В XVIII веке, в результате этой войны часть края была присоединена к России.

И вот грянула Великая Октябрьская революция. Кстати, в революционном движении начала XX века принимали активное участие и представители передовой интеллигенции месхетинских турок. В анналах революционной истории сохраняются имена Шукри Полад оглы, Омара Фаика и других представителей этого народа.

В целом же месхетинские турки с восторгом приняли Октябрьскую революцию, ибо возлагали очень большие надежды на предстоящие социальные перемены, связанные с ее победой. Увы, не всем этим надеждам суждено было сбыться.

Однако по декрету, подписанному Лениным, вскоре после революции, как и многие другие малые и большие народы бывшей царской России, месхетинские турки приступили к строительству новой жизни. В Ахалцихском уезде, тогдашнем центре края были открыты школы, и дети месхетинских турок впервые стали [251 - 252] учиться на своем родном языке. Однако не долго длилось счастье. Вскоре умер В. И. Ленин, и власть в стране фактически перешла к Сталину. И в развитии культуры, просвещения месхетинских турок определились признаки застоя и депрессии. Уже в 1928 году школы, где совсем недавно преподавание велось на языке месхетинских турок, были преобразованы в азербайджанские и грузинские. Затем началась своеобразная грузинизация людей. Официальным языком повсеместно был объявлен грузинский, люди были вынуждены принимать грузинскую фамилию. Впрочем, эти меры встретили хоть и молчаливое, но все же упорное сопротивление. Мало кто соглашался добровольно менять свою фамилию, отказываться от духовных и этических ценностей, накопленных поколениями. Не станем скрывать, часть населения, не выдержав все усиливающегося давления властей, все же поменяла свои фамилии на грузинские. Так, Ломягил стал называться Ломидзе, Лапигил - Лapidзе, Зелагил - Зелодзе... Надо было жить, иметь возможность трудиться.

Не с позиций узкого национализма, а объективности ради считаю необходимым остановиться на некоторых фактах и явлениях того периода.

Как уже было отмечено выше, после того, как в школах было приостановлено преподавание на родном языке, дети стали учиться или в грузинских, или же в азербайджанских учебных заведениях. Сложилась довольно странная ситуация, когда дети в школах говорили на одном языке, а дома на другом. Безусловно, такая учеба не могла не сказаться отрицательно на их успеваемости. Таким образом, было заложено заведомое снижение интеллектуального уровня развития подрастающего поколения.

В годы культа личности Сталина, можно сказать, была поголовно истреблена интеллигенция народа. Воцарился всеобщий страх. В этот период и началась первая волна эмиграции месхетинских турок: всяк мало-мальски грамотный спасался бегством перед неминуемым арестом и ссылкой в далекие края, что, в свою очередь, было равносильно смерти.

Всем известно, что интеллигенция составляет мозг любой нации. Таким образом, немногочисленный по глобальным масштабам народ, можно смело утверждать, был, по сути, обезглавлен. Теперь в селах, даже в райцентрах оставались главным образом малограмотные, а то и вовсе безграмотные люди. Цель была достигнута, с такими людьми можно было делать все, что угодно, по [252 - 253] вести их куда угодно. И начались сперва робко, потом все смелее оскорбления в адрес народа, самые неприкрытые поношения и т. д. Так жили, - если такое существование можно назвать нормальной жизнью, - месхетинские турки вплоть до 1941 года.

В 1941 году началась война. Как ни тяжела была война, беда сплотила все народы страны. Свою, пусть небольшую лепту в общую для всех победу внесли и сыны месхетинских турок.

Не правда, что на войне бывают победители и побежденные, что для первых эта радость, для вторых горе. Война не щадит никого: ни победителей, ни побежденных. Вдумайтесь в страшную цифру всеобщих потерь: 60 миллионов! Столько погибло людей во время второй мировой войны. Десятки миллионов семей остались без кормильца, столько же если не больше невест лишились своих потенциальных женихов. А сколько разрушено сел, городов, заводов и фабрик, школ и больниц? Прошло более 45 лет, но до сих пор народы продолжают залечивать тяжелые раны страшной трагедии. И не только материальный, но и психологический урон нанесла минувшая война сообществу народов. А это, увы, почти неизлечимо.

До войны по эту сторону границы месхетинских турок насчитывалось 165 тысяч. 42 тысячи из них ушли - сражаться с фашистами. Оставшиеся в тылу старики и женщины, как и повсюду в огромной стране, делали все, чтобы помочь фронту. Днем и ночью, в основном на колхозных полях, трудились десятки тысяч человек. На фронт отправлялось все: хлеб, мясо, масло... Даже лошадей своих, которыми раньше в большинстве случаев пахали землю, месхетинские турки отдали фронту. Пахать и собирать урожай стали вручную. А много ли могут наработать вручную немощные старики и бабы? Наступил голод, унесший немало жизней, особенно детских.

Но главная беда была впереди. Осенью 1944 года, когда всем уже было ясно, что ждать победы осталось недолго, в Месхетии грянул настоящий гром. Под предлогом обеспечения безопасности южной границы, Сталин и Берия вынесли страшный приговор целому народу: переселить в восточные районы страны.

Беспристрастно анализируя сложившуюся в то время ситуацию, нетрудно понять, что основная цель акции заключалась в желании "очистить" от месхетинских турок участки земли, на которой [253 - 254] они проживали веками. О какой угрозе со стороны Турции можно было говорить в конце 1944 года? И какую опасность для могучей державы могли представлять оставшиеся здесь немощные старики, женщины и дети?

Тем временем, как и все советские люди, месхетинские турки доблестно сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Тысячи воинов-месхетинцев удостоились высоких правительственных наград, Героями Советского Союза стали Бекир Мустафаев, Муртаз Каралиев, Мафиз Джульфаев, Ибрагим Туджигил, Убри Бадалов, Бедир Мурадов, Исмаил Керимов и другие.

14 ноября 1944 года был оглашен приказ, подписанный Сталиным. В течение трех часов все жители края были погружены в специальные машины и доставлены «а железнодорожные станции. Оставались заброшенными дома, годами накопленное добро. На станциях людей в спешном порядке посадили в товарные вагоны, и началась эпопея длиной в несколько месяцев. Понятно, что вагоны абсолютно не были приспособлены для перевозки людей, в них отсутствовали элементарные санитарные и бытовые условия.

Так, в преддверии лютых зимних холодов люди, одетые наспех, неуспевшие в спешке захватить самое необходимое, без достаточного количества пищи, в холодных, никак не прогреваемых товарных вагонах отправились в далекий путь. Немало было на этом пути горя и слез. Мертвых оставляли в открытом поле во время редких и недолгих стоянок.

Подсчитано, что по пути из родины до Средней Азии, куда, в конечном счете, их привезли, месхетинские турки потеряли более 17 тысяч человек. В первые годы, не выдержав резкой смены климатических условий, умерли еще несколько тысяч. Среди переселенцев начались эпидемии, свирепствовали самые различные болезни. И не мудрено: на новом месте было не намного легче, чем в товарняках.

И вот победой советского народа завершилась война, на полях которой сложили головы 27 тысяч месхетинских турок.

Так, где же справедливость? Где, правда, истина? Как не задаться вопросом: почему, по чьей злой воле была уготовлена такая горькая судьба для моего мирного народа? Почему лишили его права быть "равным среди свободных народов"? Чем объяснить столь жестокое коварство правительства, руководителей государства, призванных стоять на страже Конституции, интересов своих [254 - 255] граждан? И это ли претворение в жизнь заветов В. И. Ленина о свободе, равенстве, братстве? И когда, наконец, установится равенство между великими и малыми народами? Этой ли доли ждали месхетинские турки, с восторгом и рукоплесканиями встретившие Октябрьскую революцию?

В течение 12 лет по приезде в Среднюю Азию месхетинские турки жили в условиях комендантского режима. А это значит в переводе на обычное понятие, что они были лишены самых элементарных прав. Без разрешения коменданта нельзя было оставлять место постоянного жительства. Особое разрешение требовалось даже для посещения соседних сел, где проживали родственники. Ежемесячно надо было отмечаться в соответствующем журнале, подтверждая тем самым, что ты еще

жив и проживаешь там, где тебе следует жить. Нарушившие эти правила подвергались наказаниям, а чаще всего их просто-напросто обирали.

Нельзя было даже жениться на той или другой девушке без разрешения коменданта. Был такой случай в совхозе "Совай". Некий молодой турок женился, так сказать обзавелся собственной семьей. А дело случилось в то время, когда комендант был в отпуске. И чтобы не тянуть со свадьбой, было решено все необходимые документы оформить по возвращении коменданта. А когда тот вернулся, то первое, о чем распорядился, арестовать невесту, так как она не значилась в списках проживающих в подведомственном ему селе. И только ценой дорогих подношений удалось, наконец, смилостивить старого служаку.

И таких курьезов было немало. И все это надо было вытерпеть, вынести...

В 1944 году, по приезде в Узбекистан, я попал в детдом. В семье нас было пятеро детей и матери одной было крайне трудно всех нас прокормить. Из детдома со временем я попал в профтехучилище, по окончании которого был направлен для работы в Ташкент. До 1948 года я проработал здесь слесарем на одном из заводов.

В том же году я поступил в автодорожный техникум города Коканда. Но тут вышла заковырка: Коканд административно входил в Ташлакский район, и комендант района отказал мне в особом учете. Я настаивал, просил, обивал пороги соответствующих учреждений и добился своего. В сентябре 1949 года - ровно через год после того, как я успешно выдержал вступительные экзамены - меня под конвоем привезли в город Коканд и сдали там под расписку тамошнему коменданту. Тот в свою очередь заручился согласием директора техникума следить за мной.

Этот случай я описал не случайно. Вот почему многие юноши и девушки из месхетинских турок так и не смогли получить образования. Больше того, в 1948 году вышло постановление, запрещающее принимать на должности учителей и воспитателей турок - месхетинцев. Такое унижительное положение тянулось вплоть до 1956 года. В этом году - смешно и грустно сказать - мой народ получил оправдание. Только вот вопрос, от какого преступления или тяжкого греха их оправдали? Это целый народ-то!

Месхетинцы прожили в Узбекистане в общей сложности около 45 лет. Годы эти, несмотря на лишения, оскорбления, унижения, о которых можно говорить бесконечно, в общем, были годами мирного труда. Мы работали бок о бок с узбеками, русскими, татарами, киргизами, таджиками и не было за все это время ни одного серьезного недоразумения на национальной почве. Как говорится, труд, и радость во все времена месхетинские турки поровну делили с теми, с кем жили и работали рядом.

Начиная с 1953 года мы, неоднократно обращались в самые высокие инстанции с просьбой вернуть нас в родные края. Десятки делегаций от имени нашего народа побывало на приемах у руководителей партии и государства. Увы, все наши усилия не дали ощутимого результата.

Так наступил 3 июня 1989 года.

В этот день началась новая трагическая страница в судьбе месхетинских турок. Ранним утром 3 июня сотни семей пробудились от неистовых воплей и угроз озверевшей - иначе не скажешь - многотысячной толпы узбекской молодежи.

Этому предшествовали митинги и сборища, состоявшиеся в Фергане, Коканде, Маргелане, Кувасае и других районах, в которых как ни прискорбно принимали участие даже религиозные деятели. Было принято решение расправиться с месхетинскими турками, изгнать их из Узбекистана, тем самым продемонстрировать всем людям не коренной национальности свою решимость очистить свою землю от инородцев. Отмечу, что до того ходили упорные слухи о том, что узбеки собираются выступить против русских. Об этом было известно даже бывшему первому секретарю [256 - 257] ЦК КП Узбекистана Р. Нишанову. Однако он не принял никаких мер.

Турок-месхетинцев тем временем на всякий случай предупредили, чтоб в случае беспорядков, не встречали, сидели бы по своим домам. Такая вот предупредительная мера против вылазок экстремистов. И вот началось. Толпы молодых людей ринулись громить дома месхетинских турок. Шли подростки, одурманенные анашой, выкрикивая как боевой клич: "Убивайте турок! За каждого убитого турка - 500 рублей!". Кстати, до сих пор не известно, кто ссужал этих молодчиков деньгами. Впрочем, может быть компетентным учреждениям это известно. Однако турки, подвергнувшиеся в этот и последующие дни' бесчеловечным погромам, с нетерпением ждут ответа на этот вопрос.

Впереди погромщиков, как правило, шли подростки с камнями и палками, набитыми гвоздями. Следом за ними подступали к - турецким домам более взрослые бандиты с ножами, огнестрельным оружием. Как ни печально, среди погромщиков было не мало и милицейских работников. Они-то и наводили бандитов на турецкие дома.

Остальное известно. Об этом писали в те дни все газеты, подробности приводились в телевизионных передачах с демонстрацией подлинных хроникальных кинокадров.

Погромы длились по 6-ое июня. И только прибытие на место происшествия воинских подразделений спасло месхетинских турок от полного уничтожения. Но эти пять страшных дней и ночей турки - месхетинцы не забудут никогда.

9 июня 1989 года в военный полигон, куда к этому времени были эвакуированы семьи месхетинских турок прибыли первый секретарь ЦК КП Узбекистана Нишанов, министр внутренних дел СССР Бакатин, глава мусульман Средней Азии, журналисты. Р. Нишанов молчал, Бакатин выступил и обещал сделать все, чтобы вернуть этих несчастных людей на их историческую родину. Впрочем, он тут же оговорился, что пока этого сделать будет нелегко, потому что там, на Кавказе обострились межнациональные отношения. В таком случае все в один голос стали просить, чтобы их отправили в Азербайджан. На это Бакатин ответил что, это исключается, ибо более 200 тысяч беженцев из Армении и настоящее время находятся в Азербайджане. И это создаёт ряд чрезвычайно сложных моментов по их устройству. [257 - 258]

Надо сказать, что военный полигон был мало приспособлен для проживания такого числа людей. Грязь, отсутствие санитарных и бытовых условий привели к массовому заболеванию среди беженцев. Было решено эвакуироваться в Россию.

12 июня 1989 года полигон посетил председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков. Он побывал во всех районах, где происходили погромы, затем выступил перед беженцами и заверил, что в течение двух месяцев правительство рассмотрит вопрос о возвращении месхетинских турок на их исконную родину.

Таким образом, под усиленным конвоем беженцы были переправлены самолетами в Россию, где их распределили по областям и районам.

Тем временем турки тянулись в Азербайджан, к народу, с которым были связаны родством языка, привычек, традиций. Так в этой республике появилась большая группа из Узбекистана. Однако многие из них пока не встали на паспортный учет, потому не имеют работы, живут в тревоге за свой завтрашний день.

Для нас, турок, ясно одно: азербайджанский народ, несмотря на все сложности момента, принял нас и сделал все, чтобы обеспечить нас всем необходимым. Доказательство тому - особое внимание, чуткость, которые мы испытываем на каждом шагу. И мы верим, что впереди у нас покой и благополучие.

И еще мы верим в то, что наступит желанный день, и турки вновь обретут свою, на десятилетия потерянную родину. [258 - 259]

ЛЮДИ, УСЛЫШЬТЕ НАШ КРИК О ПОМОЩИ!

Месхетинский край - один из живописнейших уголков Грузии, где веками бок о бок жили и трудились грузины и турки. Территория этого края составляет около 8 тысяч квадратных километров. По переписи 1926 года здесь проживала 71 тысяча тюркоязычного населения.

Вскоре после победы Октябрьской революции, как и повсюду в стране, здесь началась коллективизация сельскохозяйственного производства, были созданы первые колхозы. Все, вроде шло хорошо, однако в тридцатые годы турецкое население региона почувствовало неприязненное отношение к себе со стороны руководства республики. Развернулась кампания грузинизации местного населения - насильственно на грузинский лад изменялись фамилии турок, детям, по сути, запрещалось учиться на своем родном языке. По сравнению с грузинами и армянами, проживающими в крае, турки стали ощущать ущемление своих прав. Их не выбирали в руководящие партийные и советские органы на местах, неприкрыто оттесняли от активного участия в общественной жизни. Понятно, турки не соглашались с таким положением, десятки, сотни наиболее решительных людей из их среды поднимали голос протеста. Вот тут-то и начались первые акты репрессии против турецкого населения края. Протестующих против несправедливости объявляли кулаками, врагами народа. По ложному обвинению в середине тридцатых годов было арестовано сотни, тысяча лучших сынов и дочерей народа, из коих мало кто остался в живых. Оказался среди оклеветанных и уничтоженных и выдающийся просветитель и общественный деятель месхетинских турок Омар Фаик Неманзаде, который был расстрелян 10 октября 1937 года. [259 - 260]

Убедившись, что план по ассимиляции турок не удался, националистически настроенные деятели в руководстве республикой, решили добиться переселения месхетинских турок с их исторической родины. И добились своего.

Месхетинские турки вот уже более сорока лет отмечают 15 ноября как день национального траура. В этот день 1944 года по приказу "вождя народов", во имя "обеспечения безопасности южных границ страны" из пяти районов компактного проживания насильно вывезли всех до единого турок. Этот приказ был издан в дни, когда до победы над фашистской Германией оставались считанные месяцы, когда советские войска, в составе которых доблестно сражалось более 40 тысяч сынов турецкого народа, уже вели бои на подступах к Берлину...

Приказ вождя выполняли войска внутренней службы. И надо дать им должное: в течение трех часов десятки тысяч людей были вывезены из сотен сел и городов и погружены в своевременно поданные к железнодорожным станциям товарные составы. И начался долгий, полный трагических событий путь в Среднюю Азию и Казахстан.

Привезли нас, всю жизнь проживших в горах, в степь. Кое-как сколотили себе жилье. Все помнят, как тяжело жилось в войну, однако па первых порах местное население помогало нам, чем могло. Простые узбеки, казахи, киргизы помогали нам обстроиться, старались облегчить наши страдания. Это было проявлением доброты человека, и мы за это искренне признательны этим людям.

Тем временем пришла долгожданная победа. Со слезами радости на глазах встретили и мы это известие. Стали ждать возвращения своих. Для солдат месхетинцев это осложнялось тем, что им теперь надо было разыскивать нас по новым адресам...

Переселенцы в основном занялись сельскохозяйственным производством. А главная культура в этих краях - хлопок. Вот и стали турки - крестьяне хлопкоробами.

До 1956 года переселенцы жили в особо отведенных для них местах, находились под контролем соответствующих внутренних служб. В течение двенадцати лет каждый турок дважды в месяц обязан был исполнить унижительную процедуру, пройти регистрацию в комендатуре. Неповиновенье распоряжению особой комендатуры равнялось подписанию себе смертного приговора. На основании указа от 1948 года отлучка из населенного пункта, где прописан переселенец, даже по такому общепринятому у всех народов [260 - 261] поводу как похороны родственника, посещение больного, каралось до двадцати лет каторжных работ.

Печальный указ 1948 года был аннулирован, в 1956 году, после XX съезда КПСС. Кстати, именно начиная с того года часть месхетинских турок стала переезжать в Азербайджан, на Северный Кавказ, в Грузию, другие регионы страны.

Тем временем в Грузии господствовало мнение, что турки не зря были переселены со своих территорий. Этим и объясняется, что население республики выступило против возвращения турок. Правительственные органы республики приняли решение, по которому места прежнего проживания турок были объявлены погранзоной. Следовательно, туда ограничивался доступ. Кстати, по сей день турки не могут даже на короткое время поехать в свою бывшую родину, чтобы посетить могилы родных.

В настоящее время турки расселены по многим регионам СССР. Около 10 тысяч их проживает на Северном Кавказе, более 80 тысяч проживают в Казахстане, 60 тысяч - в Азербайджане, 20 тысяч в Киргизии, более 300 тысяч в Узбекистане. Тысячи турок живут на Украине, в различных областях России. И надо сказать, что где бы они ни жили, везде они четко исполняют свой гражданский долг, самоотверженно трудясь в самых различных областях народного хозяйства.

На сегодняшний день мечта каждого турка - вернуться на родину. И можно понять это желание моих земляков. Как бы хорошо ни было на чужбине, родные края, родная земля все же тянут к себе. Видать только в своем доме человек может чувствовать себя вполне свободным, уверенным. До сих пор турки не имеют школ на родном языке, учебников, словарей, нет у нас издательств, лишены мы телевизионных и радиопередач на родном языке. Во всей стране не издается ни одной газеты на Турецком языке.

Руководящие партийные и советские органы страны по сей день оставляют без малейшего внимания наши нужды и проблемы. Вместе с тем борьба турецкого народа за свое возвращение на родину не прекращалась ни на один день. В 1964 году в городе Фрунзе был образован Временный оргкомитет для координации усилий народа в борьбе за национальную свободу. Первоначально руководство деятельностью комитета было поручено Энверу Олабашову, ныне руководит им Юсиф Сарваров. Оба эти лидера проживают в Кабардино-Балкарии. Комитет действует в рамках советских законов, не допускает экстремистских проявлений, последовательно [261 - 262] борется за справедливое решение проблемы месхетинских турок, за их возвращение на свою историческую родину, обеспечение народу равных со всеми народами Советского Союза прав на развитие культуры, языка.

В 1988-1989 годах значительно активизировалась борьба месхетинских турок за возвращение на землю своих предков. Так, во многих городах и поселках Узбекистана были проведены митинги, посвященные обсуждению путей скорейшего решения этой насущной и главной нашей проблемы. На митингах в частности было решено обратиться к участникам. Первого съезда народных депутатов СССР, который должен был открываться в Москве. С этой целью была создана группа, куда вошли представители всех регионов проживания турок. Наши представители побывали в Москве, встречались с избранниками советского народа, были уверены, что в новой общественно-политической обстановке, воцарившейся в стране, их голоса будут услышаны и справедливое требование месхетинских турок будет удовлетворено. Увы, мы тогда еще не знали, какую страшную трагедию уготовила нам судьба...

Мелкие стычки, обычные между молодыми людьми, были поданы как национальная нетерпимость и раздуты недругами, как узбеков, так и месхетинских турок до массового кровавого избиения.

Вот официальные данные о результатах тех страшных дней: 110 человек погибло, 1011 ранены или получили повреждения, разрушено или сожжено более 1200 жилищ. Специальный корреспондент "Собеседника" К. Михайлов писал, что многоопытные эксперты не могли скрыть глубокого потрясения увиденным. Военнослужащие, продолжает К. Михайлов, принимавшие участие в наведении порядка в Сумгаите, свидетели Закавказской осени 1988 года, в один голос твердили, что те злодеяния представляются по сравнению с трагедией, развернувшейся в Узбекистане детской шалостью.

То же самое подтвердил Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, побывавший в те дни в Андижанской области. На встрече с партактивом он подчеркнул, что увиденное им в лагере месхетинских турок не может сравниться ни с чем.

Вне нашего желания июнь 1989 года войдет в историю межнациональных отношений узбекского народа черной страницей. Впрочем, этот день - 11 июня указом Президиума Верховного Совета республики был объявлен днем национального траура. [262 - 263]

Возникает вопрос: можно ли было избежать всего, что случилось в те печальные летние дни? Ответ может быть однозначным. Да, если бы партийные, советские, правоохранительные органы вовремя вмешались бы в дело, сделали бы все, чтобы контролировать ситуацию в регионе.

15 июня в лагере беженцев состоялись похороны погибших. Н. И. Рыжков свидетельствует, что по всему лагерю раздавался стон, люди оплакивали своих близких.

Выступая перед членами местного комитета самоуправления в лагере беженцев, Н. И. Рыжков заверил нас, что в скором времени будут детально изучены пути по обеспечению возвращения месхетинских турок на их историческую родину. Будет также рассмотрен сам факт беззакония в отношении этого малого народа, свершенного в годы произвола...

Еще до начала ферганской трагедии, в Грузии некоторые особо крайние националисты проводили активную пропагандистскую работу, основная идея которой была направлена на срыв справедливого требования месхетинских турок на возвращение на свою историческую родину. Так, профессор И. Ломоури, заведующий отделом Института Востоковедения Академии наук Грузинский ССР, выступая на странице газеты "Заря Востока" (март 1989 г.) утверждал, что необходимо принять во внимание в первую очередь тот факт, что желающие переехать на свои прежние земли составляют основную массу месхетинских турок. Во-первых, утверждает далее ученый, земли в тех краях не хватает даже для тех, кто там ныне проживает. Во-вторых, Грузия одна из самых многонациональных республик. И не надо забывать, что здесь в последнее время значительно обострились межнациональные отношения. Размещение же на территории республики чуждого нам в этническом плане народа может еще более обострить обстановку.

Вот такая постановка вопроса! Как же после этого можно говорить о гуманизме, человеколюбии, терпимости, наконец, к привычкам, поведению соседей? И это ли не откровенная пропаганда национализма, облеченная в пристойную тогу учености? Впрочем, следствия подобных "научных" изысков не пришлось ждать долго. В газете "Московские новости" уже в июне того же года Дмитрий Сидоров писал, что 17 июня в Ахалцихе (т. е. в центре Месхетинского края), а на следующий день в Боржоме прошли многотысячные митинги, участники которых выступали против возвращения месхетинских турок. [263 - 264]

Хочется напомнить о размышлениях некоторых специалистов о причинах этнических столкновений. Так, в сентябре 1989 года в журнале "Новое время" (№37) социолог Ксения Мяло, и экономист Петр Гончаров констатировали, что в результате ферганских событий Узбекскую республику покинуло около 50 тысяч месхетинских турок. Из них 16 тысяч было вывезено из специальных лагерей, куда их вселяли при помощи военной охраны в самый разгар событий. Что это значит? Разве это можно назвать иначе, чем вторая депортация? Разве дело меняется от того, что в данном случае людей переселяли с их насиженных мест не по воле тирана-диктатора, а под натиском толпы, при содействии армии, которая не сопровождала их, а защищала?

Размещенные в лагерях турки, в большинстве своем особо пострадавшие от погромов, в один голос требовали вернуть их в Грузию, на свою родину. Однако руководство Грузинской ССР молчало. Таким образом, 16282 месхетинских турка были переселены в города и села Смоленской, Орловской, Курской, Белгородской и других областей РСФСР.

В газете "Труд" в статье под заголовком "Фергана: вчера и завтра" В. Белых отмечал, что экстремисты добились своей цели. Основная масса месхетинских турок хотя бы временно переселена за пределы Ферганской области. Государству, подчеркивает журналист, не удалось обеспечить безопасность этих людей.

Вслед за первой волной переселенцев в различные области РСФСР потянулись тысячи других. Люди оставляли свои дома, нажитое годами имущество, и уходили целыми поселками. Слишком велико было чувство страха.

20 июля состоялось очередное заседание бюро ЦК КП Узбекистана. Отмечалось, что партийные комитеты Ташкентской, Сырдарьинской, Самаркандской, Андижанской областей не сумели организовать необходимую разъяснительную работу среди населения, вовремя ликвидировать возникшую в межнациональных отношениях напряженность, в результате чего часть месхетинских турок покинула пределы республики. И в самом деле, за короткое время, вслед за первыми переселенцами. Узбекистан покинули около 70 тысяч месхетинских турок. 60 тысяч из них направились в Азербайджан. И если бы не сложная обстановка, связанная с событиями в НКАО и беженцами из Армении, которых к тому времени в Азербайджане уже было не менее 200 тысяч, видимо, месхетинские турки только бы сюда и приезжали. А так, значительная [264-265] их часть направились в Краснодарский, Ставропольский край, в Кабардино-Балкарию.

Однако не везде местные власти принимали месхетинских турок с распростертыми объятиями. Один из лидеров крымских татар Мустафа Джамилев сообщал 23 августа, что в Краснодарский край прибыло большое число месхетинских турок. Десятки, сотни семей, в сопровождении военных было поселено в различных районах Смоленской, Курской, других областей РСФСР. Однако, как подчеркивал Мустафа Джамилев, руководящие деятели Краснодарского края крайне враждебно встретили переселенцев. Им не только не было оказано никакой помощи, более того, делалось все, чтобы они как можно скорее покинули территорию края. Поступая так, краснодарские руководители ссылались на постановление Совета Министров СССР от 27 декабря 1987 года. Как известно в этом постановлении Крымская область и Краснодарский край объявлялись режимными, и в них было крайне ограничена прописка вновь прибывающих людей.

Из уст в уста передается следующий печальный случай. В семью месхетинских турок, кое-как устроившейся в крае, однажды приходит представитель отделения милиции, старший лейтенант

Аракелян. Пользуясь тем, что жена главы семьи плохо знала русский язык, он подсунил ей какую-то бумажку, объяснив, что это делается для того, чтобы зимой иметь право на получение дров для отопления. Женщина расписалась на листке, которую Аракелян унес с собой. Через десять дней всех, кто подписал эти бумажки, приглашают на заседание административной комиссии, где председатель райисполкома П. И. Хабаров сообщает им, что за нарушение паспортного режима им необходимо срочно эвакуироваться в Фергану или в Смоленскую область. И еще добавил П. И. Хабаров, что в Краснодарском крае плотность населения велика.

Турки попытались опровергнуть утверждение председателя райисполкома. С документами в руках они стали доказывать, что в Краснодарском крае на каждый квадратный километр приходится 58 жителей, тогда как в Ферганской области эта цифра составляет 250 человек - почти в пять раз больше чем здесь.

И еще пытались месхетинские турки объяснить, что их пребывание здесь не нарушит демографических условий края. Ведь они главным образом будут жить в домах татар, переезжающих из края в Крым, на свою родину. [265 - 266]

Однако П. И. Хабаров настаивал на переезде в Смоленскую область, сообщив при этом, что там для них выделена изрядная сумма для обустройства. Были и угрозы со стороны руководящих кругов края. В частности, пытались запугать наличием в крае 300 тысяч армян, которые, дескать, не потерпят такого соседства и в результате вновь вспыхнут столкновения на национальной почве.

М. Джамилев далее отмечал, что в крае распространялись слухи, будто именно с прибытием месхетинских турок в магазинах исчезли мыло, сахар, другие товары. Были случаи хулиганских вылазок против турок. Так складывалась судьба людей, насильно переселенных в Краснодарский край. И только крымские татары оказывали им в эти дни посильную помощь.

Таким образом, для месхетинских турок оставался один единственный путь - уехать в Азербайджан, к людям, которых они издавна считали своими кровными братьями. И турки пошли по этому пути.

Возникает вопрос: почему бежали из Узбекистана те турки, которых вроде не коснулись ферганские события?

На этот вопрос по существу дал ответ председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, который отметил в своем выступлении на республиканском партсовактиве в Ташкенте 15 июня 1989 года, что ныне между узбеками и месхетинскими турками образовалась трещина отчуждения и недоверия.

Могли ли оставаться после этого месхетинские турки в Узбекистане? И кто мог гарантировать им, что ферганские погромы не вспыхнут теперь с новой силой в других областях и регионах республики? Страх, главным образом, за свою семью, жен и дочерей, детей и стариков, гнал мужчин из этого, ставшего нелюбезным, края!

Кстати, нам, месхетинским туркам до сих пор не ясна причина столь жестокого озлобления узбеков против нас. Чаще всего пытаются найти корни происшедшего в социально-бытовых неурядицах местного населения, в низком жизненном уровне. По этому поводу, например, "Комсомолец Узбекистана" писал в номере газеты от 14 июня 1989 года, что некоторые основной причиной событий считают крайне низкий уровень экономической жизни населения. Это факт бесспорный, не будем его оспаривать. Однако, отмечает газета, правда не может быть половинчатой. Почему в официальных кругах молчат о том, что по количеству личных автомашин Ферганская область занимает первое место в республике? [266 - 267]

Почему никто не хочет проанализировать тот факт, что со дня установления комендантского часа на рынках Ферганы, Коканда, Ташлака цены на фрукты-овощи резко снизились? А ведь это случилось потому, что теперь за пределы этих регионов стало невозможно вывозить фрукты и овощи. Зачем мы молчим о том, что раньше дары садов и огородов в массовом порядке вывозились в центральные районы России, на Урал, в Сибирь, где все это продавалось втридорога и на этом обогащались разные темные людишки?

Первоначально была пущена версия, что массовые столкновения начались из-за того, что группа молодежи повздорила по поводу кружки пива. Тогдашний первый секретарь ЦК КП Узбекистана, народный депутат СССР Р. Нишанов, в свою очередь, объяснил происшедшее спором из-за тарелки клубники. Тем временем в самых различных газетах публиковались материалы, в которых указывалось на то, что это дело рук хорошо организованной мафии.

Так, 6 августа 1989 года народный депутат СССР Эркин Юнусов выступил со статьей в газете "Правда, Востока", где высказал мысль о том, что накануне ферганских событий сюда съехались руководители преступного мира со всей страны. Далее он утверждал, что в Коканде и Маргилане экстремистки настроенную молодежь возглавили уголовники, хорошо известные местным правоохранительным органам. Однако никаких профилактических мер не было принято.

Необычную версию одного из свидетелей горьких событий сообщил в своей статье, опубликованной в газете "Фрунзевец" полковник В. Хабаров, специальный корреспондент этого периодического издания. Эта статья опубликована в номере за 29 июня 1989 года и озаглавлена так: "Почему месхетинские турки?". Так вот, корреспондент сообщает читателям, что некий житель Ферганы, не захотевший назвать своего имени, сказал, будто, в случившемся виноваты и они сами, то есть месхетинские турки, не надо было скрывать, дескать, ничего.

В чем вина месхетинских турок и что они хранили в тайне? Я направился в лагерь беженцев, пишет далее В. Хабаров, чтобы получить ответы на эти вопросы. Там, в лагере я встретился и беседовал с членом временного комитета по организации переселения месхетинских турок, бывшим директором Кувайской ГРЭС Джемилем Шабановым, водителем Радыханом Исмаиловым и пенсионером, [267 - 268] бывшим учителем, Фикри Шукюровым. Никто из них не ответил на мой вопрос о причинах конфликта. Однако кое-какие их соображения заинтересовали корреспондента, и он поведал о них своим читателям. Так, они сообщили корреспонденту, что осенью 1988 года в Кувае приехал некий узбек по имени Алимджан, назвавшийся журналистом. Тогда стали говорить, что этот Алимджан призывал людей к неблагоприятным поступкам. Он старался говорить с каждым наедине. Главное, он упирал на то, что мусульманам надо очистить Узбекистан от иноверцев, в первую очередь от русских, которые вот уже семьдесят лет держат нас, узбеков в своем подчинении. Нам надо, наконец, стать хозяевами своей земли.

Полковник Хабаров сообщает также, что в те дни в лагере беженцев были разбросаны листовки на узбекском языке, где говорилось, что нам надо ослабить, наконец, кулаки и взглянуть в глаза друг другу: почему бы нам не стать плечом к плечу?

В свете вышеизложенного автор статьи приходит к выводу: а что если месхетинские турки пострадали за то, что не согласились на предложение сплотить ряды против третьих лиц? Не это ли обозлило тех, кто стоит за событиями?

Надо было в первую очередь расправиться с непокорными, заставить их покинуть эти места. Тем самым устроители хотели продемонстрировать свою силу, напугать остальных, объединить всех под кровавым знаменем.

Один из членов комиссии, которой было поручено выяснить, причины и корни ферганских событий, бывший первый секретарь ЦК КП Узбекистана, ныне персональный пенсионер Н. А. Мухитдинов писал в газете "Совет Узбекистаны" (12 августа 1989 года), что среди погромщиков было немало людей других национальностей, одетых в узбекскую одежду.

Еще один свидетель. Политический обозреватель группы печати ЦК ВЛКСМ Нурали Латипов, отвечая на вопросы корреспондента "Собеседника" (№ 42, 1989 г.) сообщил, что еще до ферганских событий он проводил специальный опрос среди студент от Ферганского политехнического института. Н. Латипов, по его свидетельству, спросил ребят: "Назовите столицу Нагорно-Карабахской автономной области". При этом им были предложены следующие названия: Сумгаит, Степанакерт, Махачкала, Нахичевань.

Только 30 процентов опрошенных студентов правильно назвали город Степанакерт. [268 - 269]

Подобный опрос Н. Латипов провел и после ферганских событий. На этот раз на вопросы отвечали люди из самых различных социальных групп, в том числе руководящие партийные и комсомольские работники. Результаты опроса, говорит Н. Латипов, были весьма плачевными.

Таким образом, Н. Латипов приходит к выводу, что организаторы политического восстания - а он именно так квалифицирует те события, - безошибочно сделали ставку на низкое интеллектуальное развитие местной молодежи. Понятно, что безграмотного человека легче склонить к той или иной акции. Он легко верит любому утверждению. Он не способен мыслить критически.

"Московские новости" в статье, опубликованной 25 июня 1989 года подвергла сомнению ответы Р. Нишанова на вопросы депутатов в процессе его избрания на пост председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Так, трудно понять смысл следующего его высказывания: "Все шло хорошо, однако в последние годы месхетинские турки неоднократно и активно выступали с требованием о возвращении их на родину". Как понять это? Неужели так, что когда-то гостеприимные в отношении месхетинских турок узбеки, в последнее время обозлились этими их выступлениями?

23 июня 1989 года XIV Пленум ЦК КП Узбекистана образовал специальную комиссию, которой вменялось в обязанность разобраться в причинах происшедших в Ферганской области событий, дать им политическую оценку, определить степень виновности местных партийных, советских и правоохранительных органов. В состав комиссии были включены также представители месхетинских турок.

Некоторые итоги работы комиссии однозначно говорят о несостоятельности утверждений о том, что события в Фергане стали полной неожиданностью. Кстати, некоторые партийные и советские руководители стояли именно на такой позиции. Комиссия отвергла также утверждения о том, что конфликт возник на бытовой почве. По результатам работы комиссии, Бюро ЦК КП Узбекистана 20

июля 1989 года принял развернутое постановление, в котором были определены меры ответственности за случившееся партийных, советских, правоохранительных органов Ферганской области. Бюро ЦК КП Узбекистана объявило строгий выговор первому секретарю Ферганского областного комитета партии Ш. Т. Юлдашеву, сочло невозможным оставить на занимаемой должности председателя облисполкома Х. Маджидова. Были соответствующим образом наказаны также второй секретарь обкома партии А. В. Козырь, (он получил строгий выговор), освобождена от занимаемой должности секретарь обкома Т. А. Агамбердиева. Строгие выговоры были объявлены секретарям обкома партии А. Р. Маматказиной и Б. А. Ашрафханову. Позже был освобожден от занимаемой должности начальник управления внутренних дел облисполкома С. Ю. Бурханов, а председателю областного управления КГБ Н. Г. Лескову объявлен строгий выговор и принято ходатайство об освобождении его от занимаемой должности. Подал в отставку министр внутренних дел Узбекской ССР.

Однако Центральный Комитет КПСС не дал политической оценки случившемуся. Не были привлечены к партийной ответственности ни один из высокопоставленных работников партийных, советских и правоохранительных органов республики.

По сей день на скамье подсудимых, за решеткой в местах заключения находятся одни только рядовые исполнители. Возникает справедливый вопрос: кто они, истинные организаторы и вдохновители погромов и когда они предстанут перед судом? Можно смело утверждать, что до тех пор, пока не будут выявлены и достойно наказаны истинные виновники событий, ответственность за содеянное будет лежать целиком на всем узбекском народе.

Итак, темные силы летом 1989 года одержали очередную победу. Турки были изгнаны из Узбекистана. А ведь за 46 лет они внесли свой посильный вклад в развитие экономики республики, на эти годы ставшей им второй родиной.

Как отмечалось выше, депортированным зимой 1944 года пришлось напрячь все свои духовные и физические силы, чтобы выстоять в горе, устроить свою жизнь. Другой вопрос, был ли по достоинству оценен труд народа, его вклад в общее дело? Ответ на этот не простой вопрос можно найти в документах комиссии, занимавшейся изучением причин и корней трагических событий. В частности, в них указывается, что при выдвижении на руководящие должности были допущены серьезные ошибки. Так, по числу населения, месхетинские турки, по сравнению с коренным населением в два раза меньше были представлены в корпусе руководящих кадров области, а что касается всех выборных структур советов, то здесь они были представлены в три раза меньше. К примеру, среди депутатов Ферганского и Кокандского городских советов не было ни одного турка - месхетинца. [270 - 271]

Хочется остановиться также на бездушном - иначе не назовешь - отношении центральных учреждений к проблемам месхетинских турок. Кстати, в этом отношении весьма своевременной и объективной, на наш взгляд, была статья, выпущенная Азеринформом и помещенная в газете "Баку" 22 февраля 1989 года. Авторы статьи А. Шарифов и С. Перец подвергли критике бездеятельность центра, все еще не принявшего соответствующего решения по проблеме месхетинских турок.

Справедливости ради надо отметить, что 26 июня 1989 года под номером 503 было опубликовано постановление Совета Министров СССР, предусматривающее принятие необходимых, первоочередных мер по обеспечению проживания месхетинских турок, покинувших места проживания в Узбекской ССР на территории областей РСФСР. Оно было с благодарностью воспринято всеми нами. Постановление правительства непосредственно касалось 16 тысяч турок, бежавших из Ферганы, предусматривало выделение значительных средств для помощи беженцам. А уже в 1990 году было принято еще одно постановление, по которому Совету Министров РСФСР целевым назначением выделялось 126 миллионов рублей капвложений, в том числе для строймонтажных работ, а также 100 миллионов рублей для населения в связи с переселением месхетинских турок в различные области РСФСР.

Значительную моральную и материальную поддержку месхетинским туркам, нашедшим убежища в городах и селах Азербайджана оказало правительство республики. Так, из официальных сообщений стало известно, что уже к февралю 1990 года, спустя всего полгода после прибытия в Азербайджан, значительная часть месхетинских турок была размещена на территории Саатлинского, Сабирабадского, Казахского, Кубинского, Хачмасского, Шемахинского и Ахсуинского районов. Многим из них были выделены жилье, участки земли для обустройства.

Несмотря на все трудности, азербайджанский народ проявляет к месхетинским туркам всяческое внимание, что проявляется в искреннем гостеприимстве, в огромном желании облегчить жизнь, помочь с обустройством. По сведениям, почерпнутым нами из сообщений печати, месхетинские турки ныне размещены в 27 районах и городах республики. К 1 декабря 1989 года приблизительно половина трудоспособного населения обеспечена работой.

К сожалению, те, кто бежал в Краснодарский и Ставропольский края лишены тех добрых чувств, что мы имеем в Азербайджане. [271 - 272] Многие из них, так и не найдя работу, были вынуждены

переселяться в Азербайджан. Однако мы понимаем, что ныне все резервы этой республики исчерпаны. В настоящее время представляет огромную трудность принять, обеспечить жильем и определить на работу людей. Но, повторяю, правительство республики, простые люди делают все, чтобы хоть как-то помочь беженцам. И мы, месхетинские турки никогда не забудем, что в тяжелый, трагический момент нашей истории именно азербайджанцы проявили в отношении нас подлинную заботу, оказали нам братскую поддержку и помощь, морально поддержали нас.

Разве можно забыть, как в начале июля 1989 года в республике были выделены все необходимые средства для поездки большой группы детей месхетинских турок в Ленинград, чтобы хоть как-то развеять запечатлевшиеся в детском сознании сцены пережитых ими страшных событий?!

Я прибыл в Баку в начале июля 1989 года и был поражен тем, с какой четкостью и слаженностью действовал штаб по приему беженцев. Руководил штабом наш молодой земляк Сейфеддин Мамедов. В течение двух дней пребывания в Баку, я основательно ознакомился с деятельностью штаба. Прием здесь проводился в течение всего дня, а ежедневно здесь собиралось не менее 100-150 человек. На пристанционных путях были выделены специальные пассажирские вагоны для беженцев, люди обеспечивались постельным бельем, другими вещами первой необходимости. Было организовано горячее питание для всех. Особой заботой окружали дежурные по штабу детей, больных, стариков. По мере комплектации групп, их отправляли в места назначения. И всё это делалось от всей души, с огромным желанием помочь попавшим в беду.

В ноябре 1989 года я решил перевезти свою семью - жену, дочь, а также вдову погибшего на фронте брата в Сабирабадский район, где жила и трудилась моя сестра. Чуть поодаль от города Али-Байрамлы, возле поста ГАИ мы вышли из автобуса. Решили узнать, как нам проехать в колхоз имени XX партсъезда. Офицер ГАИ не только помог разобраться нам с этим, но сам на своей собственной машине отвез нас туда.

Сестра бросилась нас встречать, начались объятия, поцелуи и, конечно, слезы. Тут я обернулся на молодого милиционером офицера и заметил слезы и на его глазах. Я едва успел пожать его руку, он сел в машину и уехал. Пользуясь случаем, я хочу выразить [272 - 273] ему нашу безграничную признательность. Навсегда запомню его имя - Айдын. Спасибо тебе, Айдын!

И это не единичный случай. Повсюду месхетинские турки встречали только доброе отношение к себе со стороны наших азербайджанских братьев. Я уверен, что именно в Азербайджане они будут жить среди своих искренних друзей, сумеют достойно развивать свою культуру и традиции.

Все беженцы в один голос рассказывают о заботе, которую оказывает им правительство республики, другие вышестоящие организации. Местные партийные и советские органы, представители Народного фронта Азербайджана принимают самое непосредственное участие в размещении людей, обеспечении их работой, облегчении их бытовых и социальных нужд. Из республиканского фонда благотворительности "Гайгы" семьям беженцев оказывается материальная помощь. Планируется выделение средств семьям беженцев и по официальной государственной линии. Немалые средства выделяют для оказания помощи беженцам также другие общественные организации.

Недавно я прочитал в газете "Ташкентская правда" статью председателя Совета Министров Узбекской ССР М. Мирказымова, где он признает, что месхетинские турки должны сами иметь право избрать место своего проживания и безотносительно от этого выбора, имеют права на улучшение жизненных условий. Читал я эту статью, а сам думал, что только в Азербайджане мы можем рассчитывать на достойную жизнь, только здесь мы будем жить в атмосфере доброжелательности и дружбы.

В настоящее время в Верховном Совете СССР функционирует депутатская комиссия по проблемам месхетинских турок. Наш народ ждет справедливого решения вопроса, скорейшего возвращения на родную землю всех месхетинских турок.

Все мыслящие, честные люди страны сегодня задаются вопросом: как быть дальше, что ждет впереди народ, который за который промежуток времени дважды был вынужден покинуть свои дома? Где жить этому народу?

Вот судьба одной лишь семьи Ибрагимовых. О ней рассказала "Комсомольская правда" (16 декабря 1989 г). Отвечая на вопрос корреспондента, глава семьи рассказала, что старший его брат живёт в Воронежской области, сестры - в Ростове и Орле. Один из братьев находится в Баку... А сами мы здесь, в Белгородской области. [273 - 274]

Нелишне напомнить, говорит один из героев очерка, что государство еще не оплатило долги 46-летней давности, когда месхетинские турки впервые насильственно были переселены с земли своих отцов.

Завершая эти записки, хочу сказать, что за эти годы в сердцах месхетинских турок накопилось огромное количество обид, но поводу лишений, потерь. И если в скором времени не будут решены надлежащим образом все его проблемы, то он окончательно потеряет доверие к советскому

правительству, в справедливость и гуманность устоев общества. И будет искать путей миграции в Турцию. [274 - 275]

НАРОД ПРОСНУЛСЯ...

Вот уже год, как отчаяние, боль, печаль не отпускают мое сердце. То, запрятавшись глубоко внутрь, то, выплескиваясь наружу. Воспоминания едят меня поедом, разрывают на части. Ничем не могу успокоить это сильное горе внутри. Да и как можно успокоить? Сейчас даже ребенка не обманешь. А как обмануть горе? Горе тоже предназначено человеку, брат, нет горя без человека. Оставшись в одиночестве, и горе перестает быть горем.

Это все, конечно, известные истины. Только только вот в чем вопрос: когда забываются эти известные истины, когда хочешь-не хочешь, во взглядах, которыми смотрят на тебя со стороны, ты читаешь вопрос "почему это так?", то чувствуешь себя виноватым. Особенно тогда, когда видишь этот вопрос в глазах жены и детей, в своем доме. И, наконец, понимаешь, в твоём организме, а если быть точным, в теле чего-то не хватает. Превращаешься в полчеловека. Но сам ты прекрасно понимаешь то, чего не хватает тебе - это твой очаг, твоя земля, твой дом, твой двор, твои предки. Я только сейчас по настоящему понял, что очаг - главная часть существа человека.

В прошлом году, вернее ровно год назад, в начале ноября, мы готовились к небольшому торжеству. Наш дом каждый день был полон людьми - друзьями, знакомыми, родственниками. Каждый шел со своим советом, со своей помощью. Когда встал вопрос о том, где проводить торжество, все единодушно решили, что первое радостное событие должно состояться в своем доме, благо, есть прекрасный двор и дом. Я не согласился. Мне хотелось, чтобы это произошло в отцовском дворе, в старинном доме где [275 - 276] появились на свет я и мои дети. У меня ничего не было, помимо отцовского дома. Там и состоялось наше торжество. Как оказалось, это праздничное веселье, где тамадой был мой друг - поэт Низами Сараджлы, и где другой мой друг - ашыг Векил с товарищами радовал своими песнями присутствующих, было последним для людей нашего села.

Сейчас, в полночь, когда я это пишу, размышляя о родном гнезде, перед моим мысленным взором встает дорогой мне одноэтажный отцовский дом с двором, со всеми постройками в нем. Тот самый старый отцовский дом, который называл родовым гнездом и который ценил выше своего нового современного дома, который должен буду однажды внезапно покинуть. Отцовский дом, связанный с моим рождением, детством, начало всех начал. И когда вновь ощущаешь, что ты существом своим оторван от этой первозданности, что все твои связи жестоко оборваны, тебя обуревают ужас. Представьте себе, что испытывают наши старики. С трудом успеваешь на похороны, которые следуют друг за другом.

Маленькое примечание. Из разговоров с мудрым человеком. В одной из бесед о постигших нас несчастьях я спросил: "Интересно, почему мы всегда опаздываем?" Тот мудрый человек ответил на это иносказанием:

- Брат мой, лев лишь один раз бросается на жертву. Пойманную добычу он ест только вначале, пока ненаестся и вновь никогда не возвращается к тому, что осталось. В лесу ведь есть и те, кто кормится падалью. Как я уже говорил, лев только один раз нападает на добычу. А если случается, что охота не удалась, он от злости три дня спит. Таков у льва характер. Мне кажется, что и наш народ похож на спящего льва.

Народ переселяется... Дорогой читатель, я не буду пока рассказывать тебе об известной мне больше или меньше правде явления, именуемого беженцы, о фактах убийств, нападении, погромах, поджогов. Пусть это остается на потом...

Для меня самым трагичным, самым тяжелым был последний день, день, когда я покидал свой дом. После того, как вынесли домашние вещи, которые, как говорится в сказках, на весах - тяжелы, а по весу - легки (несмотря на то, что предметов домашнего обихода у меня в доме было очень мало), я усадил в легковую машину, которая ждала нас во дворе, мать с женой, уже попрощавшихся с родным очагом. Отец мой был с детьми в Грузии. Я снова вернулся в дом. Согревая каждый камень, каждый кирпич руками, [276 - 277] поглаживая их, я попрощался с домом, который построил сам. Снова обошел все комнаты, одну за другой, оглядывая каждую, рассматривая полы, потолки. Несмотря на то, что во дворе беспокоился торопящийся хозяин машины, сделавший для нас бескорыстно в эти тяжелые дни доброе дело, я все же в последней комнате задержался больше, чем на полчаса. С тоской и горем смотрел я в последний раз из окна, у которого не раз просиживал часами.

Вот так распрощался я с родиной, со своим домом.

Но когда я вышел во двор, то уже сдержаться не мог. Бросившиеся ко мне наши две собаки словно молили о помощи. Я опустился на корточки, чтобы попрощаться с ними. Каждая из них, дрожа, положила мне на плечи лапы. Полными слез глазами я смотрел, и мне казалось, что я вижу в их глазах слезы. Я не мог удержаться от рыданий. Я знал, что собаки могут чувствовать, теперь я убедился воочию.

Ветер сносил людей с ног - такой поднялся ураган. Как будто и ветер стонал, прощаясь. А через несколько дней случилось землетрясение. Как будто земля, разверзаясь, стонала.

К тебе возвращаюсь, потерянная родина, родное село, гнездо, где родился, рос и видел много хорошего. Возвращаюсь, но пока только в мечтах.

Благодарю тебя, мой с широким сердцем народ, за твою бесконечную доброту, за представленный кров, работу, за облегчение части моих забот. Но что сказать моей Отчизне, моему отчужденному дому, которые вот уже год не покидают мои сны. Часто задают вопрос: Где расположен ваш район?" И всегда отвечаю: Прямо в центре Азербайджана, на древней земле огузов, в моем сердце, в крови, текущей по моим венам". Я снова вспомнил о них и хочу более подробно рассказать о своем крае.

Называется он Даг Борчалы. Это горная часть большого уезда, отошедшего к Советской Армении, называется Борчалы. Он окружен со всех сторон горами. Плодородные земли равнин, долин, ложбины между этих гор называются также Лорийской равниной. Широко употребляемое сегодня в нашей речи выражение "Лору дили" ("Язык Лору") связано с этой землей. Когда говорят "Лору дилинде даныш" ("Говори на языке Лору") имеется в виду разговорный, живой народный язык. Так же как Лору является родиной огузских племен, народностей (это подтверждают часто встречающиеся здесь огузские могилы), точно так же и язык Лору [277 - 278] есть язык огузских народностей, язык Деде Коркута. Лору занимает большую территорию. Центр ее - Джалалоглу (Степанаван), с одной стороны она простирается до Каракися (Кировакан), с другой до Гумруя (Ленинакана). Агбаба подпирает амасийскую сторону. Лору - горная местность. Ее низменная часть называется Джанбахча. Мое село находится именно здесь. Эвли, Кызылкия, Сары ял, Демирчиляр, Муганлы и Саатлы - самые оживленные из сел Джанбахчи. Они и относятся к низменным селам Даг Борчалы. Села Джанбахчи были для наших братьев - сестер, бабушек и дедушек из Караязы, Сарвана, Газаха и других - местами летнего отдыха. Я не раз видел, как наполнялись слезами глаза Аббаса Абдуллы, когда он вспоминал об этих местах, где прошло его детство. В самых проникновенных строчках Исы Исмаилзале, Эйваза Борчалы, Зелимхана Ягуба воспеты эти места.

Родная моя Джанбахча! Богатое не только сыром-моталом, сливками с медом, но и ашыгами, гостеприимством Ойское ущелье. Иногда мне приходится слышать слова "пришлый". Не переживай, мой Джанбахча. Те, кто называют меня пришлым, самое малое - враги азербайджанского народа, льющие воду на мельницу армянских националистов. Армянские националисты тоже называют азербайджанцев пришлыми. Будто бы азербайджанцы и в Азербайджане и на Кавказе пришлые. Вот тут-то я понял смысл слов того мудрого человека, о котором рассказывал раньше. Я верю, что мой народ, подобно тому спящему льву, однажды проснется и разорвет на части всех чиновников, политиканов, спекулянтов должностями, кто навешивает на меня ярлык пришлого.

Родное мое село Эвли! Несчастный мой очаг! Моя бедная родина!

В паспортах тысяч беженцев ты сейчас - запись о месте их рождения, в сердцах - память о Родине, в крови - бушующее горе. Тот, кто смотрит на твоих сыновей как на трусов и беженцев, глубоко ошибается, потому что о многом не догадывается. Не знает их храбрости и мужества. Ничего страшного, кто не хочет знать - пусть так и думает. Глубоки корни этих несчастий. Бог - свидетель, что имя твое всегда было среди первых, среди знаменитых. Когда называлось твое имя, были те, кто гордились им, были и те, кто лаяли на него. Хорошо сказано нашими прадедами: "Собака лает на того, кого боится". Много страшного, много схваток видело ты. За время "твоего существования" четырежды менялось твое название, и каждое связано с каким-то историческим событием: Харрат, Ашыг Новруз, Молла Эйюб, Эвли. Это только те, что я знаю. Наверно, теперь на древнем имени твоем появится еще одна латка. Ведь мы не раз сами были свидетелями, как менялись названия многих наших отчих мест.

У своих детей часто спрашиваю, что лучше - Молла Эйюб или Баку. Говорят: Баку - хорош, но Молла Эйюб - лучше. Отец, говорят они, отвези нас в Молла Эйюб. Спрашивают: "Кто сейчас живет в нашем доме? Если в село придет усатый дядя, к кому он пойдет?" Я не могу им сказать, что усатый дядя Фарман (Ф. Керимзаде) уже никогда не придет ни в село, ни в Баку. Только дух его возвратился в родные края, чтобы смешаться с тенями великих предков.

Один из беженцев рассказывает, что недавно к ним домой принесли деревенский сюрприз - узелок сухого чебреца и шиповника. Маленькая внучка, держа его в руках и плача, долго никому не хотела отдавать. Все вдыхала запах села, аромат родины.

Мой навечно оставшийся в памяти, Молла Эйюб! Твои горы и равнины, цветы и травы впитались в мою душу, в мое сердце! Как возвышали тебя твои отважные жители, твои бескорыстно творящие добро сыновья. Стоило только начать какую-то работу, на помощь тут же спешили сотни рук. Благосостояние нисходило на тебя, словно манна небесная. Сейчас не могу, не вспомнить одно село, которое тревожит мою память, как древние баяты или сказки, любимые с детства. Оно вошло в судьбу профессора Афата Гурбанова, вот уже долгие годы стоящего на страже родного языка, писателя Мовлуда Сулейманлы, рассказавшего о происхождении слов, об их древности, моих друзей, молодых собратьев, по перу Ахмеда Огуза, Мираслана Бекирли. Называется оно Джуджа кенд (Кызыл Шафар).

И еще хочу напомнить, мы не бросили Родину, мы вынуждены были отступить. В тех краях, как залог остались наши сердца. Пусть не называют нас ни переселенцами, ни беженцами, ни бездомными. Пусть не радуют, не тешат врага.

О КАМНЯХ ОТЕЧЕСТВА

"Ушел народ - ты в одиночестве остался в пустыне", - сказал Деде Алескер с мудростью пророка, и эта строчка, полная боли, как будто была сказана о его посмертной судьбе и о горестной судьбе Гейчи. Как будто кричит эта строка, слыша причитания стольких оставшихся в одиночестве наших исторических памятников, наших очагов, наших святых мест, наших кладбищ, которые существуют столько, сколько и мир. Я хочу кратко рассказать о некоторых из этих памятников.

Крепость Кероглу - расположенная на той стороне села Молла Эйюб, где заходит солнце, и вытесанная из гигантской скалы, напоминает большой шатер. Самое интересное то, что здесь нет стен, выложенных из камня, - крепость вырублена из скалы.

Останавливаешься пораженный. Как, какими средствами удалось в такой огромной скале вырубить что-то? Внутри крепости чувствуешь себя, как в двухэтажном доме. Внизу видны ясли для двух лошадей (Гырата и Дурата). На скале остались следы конских копыт. Внутри крепости на стене выдолблен рисунок бараньей шкуры, вернее бараньей туши. На самом вершине крюки, где подвешивали баранов для освеживания. На одном из видных мест изображены полумесяц и звезда. Когда я в последний раз был в крепости, то видел, что полумесяц и звезда вырублены из стен, но, тем не менее, их место хорошо видно. Там, где внизу вход прикрывается большой скалой, - обрыв, похожий на туннель. Когда сверху в него бросаешь камень, туннель, как будто звучит. Говорят, что в этом туннеле спрятаны сокровища Кероглу.

Ходили слухи, что если кто-то попытается копать туннель, то погибнет ужасной смертью. В 30-е годы работники НКВД забрали двух азербайджанцев, начавших здесь рыть землю, и до сих пор о них ничего не известно. Наверно, именно отсюда идут слухи об ужасных смертях. Вполне может быть, что в том туннеле есть свидетельства образа жизни древних огузов.

В изданной два года назад в республиканской печати работе "Гобустан Союдбулага" молодой поэт и исследователь Ахмед Огуз рассказывает о найденных им в Союдбулаге наскальных рисунках древних животных и сцен охоты. Таких памятников, где оставили следы наши прадеды, в "Великой Армении" можно встретить на каждом шагу. Многие разрушены. А остальные подверглись ревизии.
[280 - 281]

Сердце, какого беженца сегодня не пронзает боль за оставленные в одночасье без присмотра пристанища двух святых - Хыдыр Элляза (в литературе остался как Хыдыр Ильяс) и Гаджи Халила. Мавзолей Гаджи Халила, куда по пятницам стекается весь народ, в том числе и из Борчалов, теперь мы сможем посетить только во снах.

Беженцы стали явлением после прихода армии... Мы думали, что раз пришли танки, дела наши наладятся. Немного успокоились, но все получилось наоборот.

Иногда воины проявляли "мужество". "Мы не можем полностью гарантировать вашу безопасность", - говорили они нам. Но вскоре мы поняли, кого пришли охранять красные солдаты Советской Армии, которым мы верили, и тяжелые танки. Их главная цель стала очевидной - просматривать нехитрый скарб беженцев, перелопачивать их имущество в поисках оружия!

Увидев такой "гуманизм", я поразился. А второй раз уже в Баку, возле кинотеатра "Пионер", где оказывалась помощь беженцам, я был свидетелем, как наводящие порядок солдаты избивали двух беженцев, а потом заталкали их в люк танка. От злости я заплакал и ушел.

...Все в округе уже покинули дома. Только Эвли оставалось на месте, хранимое от погромов и преследований.

Представителем арутюняновского правительства в район прибыл работавший раньше первым секретарем Калининского района Николай Степанович Карпенко. Провел собрание в кабинете директора. Очень хвалил эвлинцев, говорил об их мужестве, трудовом героизме. И еще сказал, "как свой человек", что никто не берется обеспечивать нашу безопасность.

...Так и опустело село.

Недавно побывал у одного родственника - беженца. Очень беспокойной показалась мне 90-летняя Саялы-нэнэ, которой выпала доля в столь пожилом возрасте стать беженкой. Как она не старалась, скрыть беспокойства не могла. Понял, что она хочет остаться одна. Вначале подумал, что она недовольна невесткой или сыном. Но разве можно заранее знать? Человек в горе порой может обидеться на какую-нибудь мелочь, поступок или неосторожный намёк, что и в голову не придет подумать. Словом...

Как только представилась возможность, неотрывно глядя на дверь, комкая слова, она начала:

- Ой, родной, я тут насочиняла, - сказав это, она застыдилась, [281 – 282] покраснела, задрожала, как сухой осенний лист. - Давно тебя жду.

Я подумал, что Саялы Аллахверди кызы хочет мне рассказать древние горестные баяты. Быстро достал ручку и бумагу. Но что-то мешало ей начать. Я настаивал.

- Только, чтоб дети не знали, - сказала она. - Засмеют. Может, самое время представить тебе, уважаемый читатель, эти строки, в которых не изменены ни одно слово, ни одна буква. И еще должен тебе - сказать, что Саялы-нэнэ в жизни никогда ничего не сочиняла. Но большое горе, переплавив в душе тоску, по родной земле с болью беженца, родило стихи.

Как говорится в дастанах, как только слова закончились, на щеках у нас обоих блестели слезы. Саялы-нэнэ, как большинство пожилых людей, уже готовила себя к смерти, и, определив в сердце своем, что будет похоронена на кладбище в родной земле, где лежит немало ее близких, думать не думала, что ее постигнет на старости лет. Всю горечь от случившейся с ней несправедливости, которой и книга тесна, вложила она в эти бесхитростные строки.

Связанные с отчим краем мысли и раздумья так горестны, что им трудно уместиться в сердце и на языке, порой они застревают на губах, что ни молчать не можешь, ни говорить, ни в написанном не находишь утешения. Даже в большую книгу невозможно их вместить. Огромные горы издали кажутся ей огромней, еще больше впечатляют. С тем, что велико, всегда так бывает на свете. Издали все кажется гигантским. И гении, и родина.

Сейчас, глядя из прошедшего далека на многое, что случилось со мной, я с большей ясностью начинаю понимать многие тайные проблемы, политические причины. Как я уже выше сказал, только некоторых из них я могу рассказать. И вынужден ждать удобного момента - от жизни, от вдохновения, времени, от ограниченной возможности. При случае это может стать причиной неприятностей.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ "АРМЯНСКОМ ОРУЖИИ"

И вот произошли сумгаитские события. Страшное бедствие надвигалось на нас. В один день произошло событие, которого хватает на месяц или на год. Везде началась путаница, неразбериха.

Все валились с ног. Азербайджанское население Ведибасара [282 - 283] было прижато к турецкой границе. Из Зангезура, Зангибасара, что ни день приходили трагические сообщения. В амасийских краях началось переселение. И хотя нее произошло у нас на глазах, никто не мог представить, что население Джалалоглу-Джанбахчы окажется перед лицом такой опасности.

Наши надежды, к сожалению, не оправдались.

Однажды мне встретился один армянин, который с иронией и намеком стал мне говорить: "Что же ты ничего не пишешь о тех зверствах, которые ваши турки совершали в Сумгаите? Ведь мы ждем от таких интеллигентов, как вы, решительного слона. Ты нами уважаем как товарищ, поэт. Почему ты молчишь?"

- В возникновении Сумгаитских событий нет вины никакого турка, - сказал я.- Это дело дашнакских рук. А цель - свалить на турков, не правда ли? - Я начал ему объяснять то, что знал. Он не мог скрыть удивления, что я правильно понял все. Но со мной он никак не хотел согласиться. Мы долго спорили. Разве передача нам Нагорного Карабаха и вам, азербайджанцам, не улучшит жизнь? Везде велась пропаганда, что помочь им в их "справедливых требованиях" наш долг. Настраивали нас против своих. По-моему, это и есть, как я понял, армянское "оружие". Несомненно, и то, что долгие годы права азербайджанцев, проживающих в Армении, бессовестно попирались, что они терпели немало горя. Но "оружием" армян они не стали и поднялись против провокации, именуемой "проблема Нагорного

Карабах". Борьбу вели только словом. Свои не встали против своих, в результате чего и были изгнаны, бросив все имущество, "покинули" родной очаг, оставили удобные квартиры, дома, потеряли работу, но "оружием" армян не стали.

Потом уже в Баку, да и вообще в Азербайджане, во время происходящих событий, я видел, как широко применялось это армянское "оружие" - раздробить один народ на несколько частей, чуть ли ни село на село, квартал на квартал, улицу на улицу. [283 - 284]

СКОРЬ ВЕДИБАСАРА

В мае 1989 года исполнилось 40 лет с тех пор, как наша семья в годы Советской власти впервые была изгнана из родного дома. За 40 лет она восемь раз вынуждена была менять свое место жительства. Однажды еще при Николае жители нашего села убежали в иранский город Маку. В XX веке всего за 70 лет людям Ведибасара, находящегося на территории Армянской ССР, выпала судьба девять раз становиться беженцами.

После окончания войны в Вединском районе было 40 сел. В 28 из них жили только азербайджанцы, в 3 селах - только армяне. В 9 селах азербайджанцы жили вместе с армянами.

В 1948 году под предлогом размещения армян, приехавших из-за границы, было принято решение выселить из Армении проживающих там азербайджанцев. Весть о том, что наше село переселилось в Сальянский район Азербайджана, дошла до меня в Баку в мае 1949 года. В то время я был студентом. Закончив экзамены, я поехал в село Шорсулу Сальянского района - новое местожительство нашей семьи. Когда я увидел моих родных, насильно изгнанных из четырехкомнатного дома, расположенного в местности, находившейся на высоте двух тысяч метров выше уровня моря и по климатическим и природным красотам не уступающей известным в мире курортам, приютившихся в одной комнатке чужого дома, и селе, затерянном в пустыне, где шипят змеи, сердце мое сжалось от горя. Кроме матери и пятилетнего внука все остальные (6 человек) были здесь. Моя 70-летняя мать не приехала. Сказала: "Вы езжайте! Я не могу расстаться с землей, на которой я родилась, я здесь умру!"

Расположенное у подножия гор село Коланлы - все в садах - было благоустроенным местом. Здесь жило больше 300 семей. Дома строились на берегу реки. Дорога, длиной почти в два километра от нижних домов села до самых верхних, была похожа на аллею. Фруктовые и декоративные деревья, высившиеся по обеим сторонам дороги, образовывали смыкающимися кронами непронускающие свет арки. В селе было до двадцати родников. Там, в Коланлы, чистую, совершенно прозрачную воду из речки не пили, считая грязной. Зато теперь в Шор-сулу, вынуждены были пить грязную куринскую воду, которую и водой не назовешь. Задохались в душном жарком климате. Многие люди болели. А было, что и умирали. Для избавления от бед некоторые семьи бежали в более прохладные районы - Мир-Башир, Шамхор, Казах и другие места. Чтобы приостановить этот процесс, возводились различные преграды. Помню, несколько семей решило вернуться снова в Армению, на родные земли. Три семьи нашли шофера, с которым договорились, что он отвезет их ночью к али-байрамлинскому поезду. Было ясно, что брать с собой можно только самые легкие вещи. О домашних животных, мебели и другом и думать не приходилось. Семьи моего отца Байрама Мурадова, Явера Рустамова и Худакерима Гасымова - всего одиннадцать человек - были ночью тайно на грузовой машине привезены на станцию Али-Байрамлы. Купили несколько билетов, чтобы не вызывать подозрений, спрятались недалеко от станции. Когда подошел поезд, вышли на перрон. Работники милиции, заподозрив что-то, потребовали у нас документы. К этому времени часть вещей и несколько человек уже были в вагоне. Нам приказали выйти из вагона. Началась драка. Милицейские работники и кондуктор выбрасывали чемоданы, узлы прямо на землю, а мы же старались вновь затащить их в двери и окна. Поезд тронулся. В него смогли сесть лишь четверо - я, учитель Х. Гасымов, его сестра и мой трехлетний племянник. Ребенок вскоре захотел, есть и начал плакать. Но у нас ничего не было: и еда, и деньги, и билеты остались у тех, кто не смог сесть в поезд.

На станции Девели (ныне Арарат) Вединского района с трудом уговорили водителя отвезти нас в село Коланлы. А там в наших домах уже были размещены армяне, приехавшие из сел Гызыл Хараба и Атдашы Мартунинского района. Мою мать уплотнили, поселив в хозяйственной пристройке, которую мы называли "крыша дома".

Руководители района, узнав о возвращении азербайджанцев (по-армянски - турков), приехали в село и начали пугать нас тем, [285 - 286] что мы нарушили закон. Преследованиям и нажимам не было конца. Наконец, в конце августа, угрожая оружием, работники милиции посадили нас на грузовую машину и во второй раз вывезли из нашего села. Моя мать вместе с внуком опять осталась там. Твердо сказала, что ее отсюда вынесут только ногами вперед.

На станции Девели нас набили в грузовые вагоны и куда повезут - не сообщили. Поскольку начинались занятия, я, сойдя в Али-Байрамлы, оттуда поехал в Баку. Через несколько дней, получив письмо, узнал, что нашу семью отвезли в высокогорное село Челебиляр Бардинского района. Через год наша семья перебралась в более обустроенное село - Ханкаракоюнлу. Прожив там два года, вновь вернулась на родину. В этот раз все дома в нашем селе были заняты армянами. Моя мать была вынуждена перебраться в соседнее село Багчаджыг. Там же вынуждены были разместиться и другие вернувшиеся. В течение нескольких лет в селе Багчалжыг собралось около сорока азербайджанских семей. Однако руководители района под предлогом укрупнения маленьких горных сел в 1957 году переселили тамошних азербайджанцев в низменное село Халисай. Здесь азербайджанцы жили вместе с армянами.

В 1948-1952 годах жители двадцати четырех сел Вединского района, в которых жили только азербайджанцы - Коланлы, Багчаджыг, Каракоюнлу, Азизкенд, Хахыс, Армик, Ингала, Тазакенд, Дашнов, Караторпаг Гель, Манкюк, Хосров, Кюсюс, Хейраныс, Карабаглар, Дахназ, Чеменкенд, Котуз, Гелайсор, Байбург Котанлы, Дашлы, Хартлыг - были насильственно переселены в Азербайджан. Села, где вместе жили люди двух национальностей - Гораван, Веди, Девели, Авшар, Шыхлар были очищены от азербайджанцев. Жители сёл Шилли, Кичик Веди, Халиса, Енгиджа, Араздеян, Гаралар, Ширазлы, Тайтан, несмотря на давление, устояли и не тронулись с мест.

В те времена запрещалось относиться с сомнением или критиковать решение официальных органов. Большинство людей верили в справедливость партии и правительства или заставляли себя в это верить. Не все понимали стоящие за этими решениями плохие замыслы. В связи с этим в неофициальных местах, в семьях по поводу переселения азербайджанцев из Армении было много разговоров и споров. Приостановку переселения в 1952 году населения поняло так, что это мероприятие было ошибочным и больше не повторится. Но умные люди с широким кругозором знали, что все не так просто. [286 - 287]

Я сейчас вспоминаю рассказы моего дяди Бабира Керимова. Мы, молодые, знали, что в 1918 году, в смутное для армян и мусульман время население Веди вынуждено было бежать в Иран и Турцию. Но про их трагедию нам не рассказывали. В эти дни дядя в открытую и рассказал нам подробности событий того времени, попытался объяснить нам суть дела. Он сказал: "В селе Шахаблы всех азербайджанцев собрали в одном сарае. Кое-кто из армян выбрал для себя одного-двух ребят и несколько молодых девушек в качестве слуг и рабынь и увез с собой. Затем закрытый на замок сарай подожгли. Мать, отец и четверо моих братьев сгорели там заживо. Мне было тогда 13 лет. Меня отправили в одно из сёл Мартунинского района смотреть за скотом, словом, сделали слугой. В один из вьюжных зимних дней я убежал из этого села и, пережив тысячи невзгод, добрался до Веди". Продолжая свое повествование, дядя говорил, что рано или поздно армяне злодейски выгонят нас отсюда. Мы в то время считали дядю человеком старых взглядов и говорили, что в социалистическом обществе такого быть не может. Советские законы крепки и нигде не пройдут самоуправство и насилие.

Но все оказалось не так.

Политика угроз насилия, отдельных выборов, направленная против жителей Ведибасара, сыграла свою роль. Несмотря на то, что одну четверть населения района составляли азербайджанцы, руководство полностью было арменизировано. Некоторые азербайджанцы, работающие на небольших должностях, на каждом шагу притеснялись, оскорблялись. У меня до сих пор в ушах слова, сказанные Ягубом Гасымовым, работавшим в 1969 году в районе начальником заготовительного управления и хорошо известным в Армении как организатор и искренний, бесконечно преданный друзьям человек: "Я больше не сомневаюсь, что здесь против нас проводится фашистская политика. На республиканском активе председатель Союза кооперативов Армении возмущенно сказал, имея в виду меня: вы все еще держите на должности турка? Разве я вам не говорил, что всех тюрок надо выгнать, с должностей".

Политика геноцида против азербайджанцев постепенно проводилась в жизнь. Распространялись листовки с требованиями превратить Армению в республику исключительно для армян, а азербайджанцев - изгонять. В магазинах и на базаре, в автобусах и на официальных собраниях велась широкая кампания против азербайджанцев. [287 - 288] Их выгоняли с базаров, избивали в автобусах; в печати, на собраниях не было передышки от клеветы и оскорблений. Начиная с 1965 года, каждый год в последние дни апреля - в годовщину истребления армян Турцией - на квартиры азербайджанцев совершались нападения. Поэтому в городских кварталах, где жили азербайджанцы, для их охраны в эти дни дежурили отряды солдат и милиционеров. Видимо, чтобы изгнать из республики всех людей других национальностей, уничтожить последние приметы пребывания здесь азербайджанцев, в жизнь проводились различные мероприятия по разработанной за границей дашнакской партией программе. Разрушить азербайджанские села, стереть их с лица земли, уничтожить исторические памятники - таковы были эти планы. Поэтому захватившие древние азербайджанские жилища после изгнания азербайджанцев армяне были выселены, а села сравнены с землей. В 1960 году села Коланлы, Гель,

Мангуг, Хосров, Ингала, Дашлы, Дахнез, Гарабаглар, Котуз, Гелайсор, Байбурт, Котанлы, Армик, Багчаджыг, Каракоюнлу, Хахыс, Кюсюс, Тазакенд, Караторпаг были уже развалинами. Все азербайджанские названия сел, гор, озер, рек и другие были переименованы в армянские.

В Армении шло нагнетание национализма. Какому-нибудь обычному армянскому деятелю посвящались пышные собрания, ставились памятники, а о таком человеке как Абаскулибек Шадлинский, революционере, национальном герое, отдавшем жизнь строительству социализма, говорить запрещалось. Везде велась пропаганда гениальности армянской нации. Как ни странно, многие уверовали в эту выдумку.

В 1970 году вместе с представителями интеллигенции я ездил в Армению для чтения лекций по линии общества "Знание". Доктор исторических наук, профессор Фуад Алиев и я побывали в Амасийском районе. Когда Ф. Алиев, говоря о прошлом народов Закавказья, сказал об армянских ученых, фальсифицирующих историю, у присутствующих армянских интеллигентов глаза заплыли от ненависти. Не принимая никаких доводов, доказательств, логик, они пытались оправдать фальсификаторов.

В гостинице мы стали свидетелями апогея националистических фантазий. Находящийся в командировке геолог во всеуслышание заявил в столовой, что армянскому языку дан статус международного, что в ближайшее время на заседаниях ООН армянский язык будет использоваться официально в качестве международного. [288 - 289] Будучи в Зангибасарском (Масисском), Вединском (Арагатском) районах, мы часто сталкивались с подобными фактами и воочию убедились, что находящийся в Ведийском районе поселок Девели (Арагат) является одним из центров армянских националистов, что здесь действуют их организация, типография и др.

Жизнь азербайджанцев в Ведибасарском районе превратилась в ад. К тому же официальные органы, пользуясь различными предлогами, чернили азербайджанцев, арестовывали, смотрели на них как на людей низшего сорта. Вышедшие из терпения азербайджанцы предпринимали ответные контрдействия. Например, в селе Девели была взята в заложники девушка, в селе Халиса во время стычки был убит один армянин.

В результате неясной обстановки, возникшей внезапно, в связи с действиями армянских экстремистов в Нагорном Карабахе в 1987 году кампания враждебности в отношении азербайджанцев в Армении достигла последней стадии. Но никто не хотел покидать родные места. И тогда армяне совершили самое страшное преступление, которое начали с села Ширазлы, оказывавшего самое активное сопротивление националистам.

Из записей колхозного кассира села Ширазлы Мехмана Алиева: "В начале 1988 года в наше село приехали машины без номеров, водители которых встречались с армянскими семьями, а против нас предпринимались оскорбительные действия, иногда стреляли. Мы тоже по возможности отвечали. В мае же на село с двух сторон началось вооруженное нападение. С каждой стороны в село двигалось самое меньшее машин 300. Были видны плакаты: "Турки, убирайтесь вон" "Тюркам - смерть". Из грузовых машин, наполненных металлоломом и камнями, на дома азербайджанцев посыпались камни и железо. С теми, кто пытался ответить, на неожиданное нападение, расправлялись, поджигали дома. Через несколько минут все смешалось - звуки выстрелов, визг младенцев, крики матерей, грохот взорванных машин и домов. Пламя подожженных домов взметнулось высоко в небо. 22 дома, сгорев, превратились в пепел. Особенно расправлялись с авторитетными семьями. Уважаемый в народе аксакал, советчик во всех трудных вопросах Агбал-ага (Нагиев Агбал Мир Ягуб оглы) был в то время болен. Сначала его дом обстреляли. Затем в окна, в сторону кровати, на которой он лежал, посыпались камни, и куски метал, Агбал-ага был тяжело ранен ударами в голову и грудь, через несколько дней скончался от этих ран. Вывезя азербайджанцев из [289 - 290] домов, экстремисты гнали их из села впереди себя. Большинство нападавших мы не знали. Это были люди из других районов. В эти дни в Армении практиковалась такая тактика: экстремисты из одного района посылались в другие, чтобы, во-первых, не жалеть знакомых и соседей, во-вторых, чтобы их не узнали.

Оказавшись в безвыходном положении, спасаясь от экстремистов, жители Ширазлы кинулись к двухкилометровой границе. Мы нашли убежище между пограничных столбов. Агбалагу и убитого во время нападения двухмесячного младенца (дочь Сахавата Акберова) похоронили здесь, возле пограничных столбов.

В палящие зноем летние дни мы жили в палатках, среди пыли, на границе. Еду и питье нам посылали жители Масисского района, Ильичевского района Азербайджана и других районов. Наше тамошнее положение видело немало приезжавших работников печати, тележурналистов, которые делали записи. Но, видимо, их голоса заглушали, и о трагедии Ширазлы в стране никто не узнал".

Из рассказа Хураман Акберовой, колхозницы, депутата Верховного Совета Армянской ССР: "Мы знали, что руководители Армении - наши враги. Приезжавшие из Москвы представители знакомились с обстановкой и уезжали. Явственно ощущалось, что они находятся под влиянием

руководителей Армении. Мы чувствовали заботу только со стороны руководителей Ильичевского района, особенно первого секретаря райкома партии Таира Алиева. Приезжавшие из Баку представители были как будто под гипнозом. Они виделись с нами, говорили, что разделяют наши беды, однако после возвращения, видимо, забывали и, выступая по телевидению и в печати, говорили, что в Араратском районе имеют место некоторые неприятные события. К слову сказать, это нас особенно ранило. Сравнивая действия азербайджанских руководителей с действиями армянских, мы оставались в недоумении. Получалось, что ни с какой стороны нам нет помощи. И все же небольшая надежда оставалась на Москву. Я, Мехман Алиев, наш земляк писатель Фарман Керимзаде поехали жаловаться в центральные органы. Мы стучались в двери всех руководителей. Были у Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Генерального прокурора, секретаря ЦК и других. Нас слушали, глядя холодными глазами, делали заметки, давали обещания. Но мер никто не принимал. Население Ширазлы вновь спасалось от жары в [290 - 291] палатках меж пограничных столбов, здесь же мучились старики, дети, больные".

В сентябре 1988 года в Ведибасаре началась настоящая война. Стали частыми стычки. В селах, где азербайджанцы и армяне жили вместе, из смешанных семей были изгнаны женщины и дети. Ночью кварталы охранялись дежурными отрядами. На окраинах, где жили только азербайджанцы или только армяне, тоже до утра не спали часовые. Причина была одна: армяне говорили, что Нагорный Карабах должен быть присоединен к Армении, а азербайджанцы утверждали, что в жизни такого не будет. Иногда вспоминались случаи вражды в прошлом. Словесная перепалка очень часто заканчивалась ссорами и драками.

Официальные органы района совершенно распоясались. На жалобы азербайджанцев не отвечали, им говорили, что вы здесь ходите, хотите, чтобы вас обидели? Азербайджанцев не допускали к их собственным рабочим местам - в правления колхозов, совхозов, на цементный завод, в школы. Было дано официальное распоряжение закрыть азербайджанский сектор в интернациональных школах.

Из написанного Гусейном Гусейновым, учителем, жителем села Халиса: "23 ноября, я, погрузив часть домашнего имущества на машину, где водитель был русский, направился в Азербайджан. Как только мы проехали Арташат, машину остановили "бородачи" с автоматами в руках. Засунув руку мне в карман, вытащили мои документы. Узнав, что я азербайджанец, бросили меня на землю и начали избивать. Били камнями, палками, пинали. После того, как меня ударил по грудной клетке дубинкой милиционер, я потерял сознание. Когда пришел в себя, увидел, что я в какой-то будке. Была ночь. Возле меня находился молодой "бородач". Как только я заговорил, он ударил меня прикладом ружья по голове. Я снова потерял сознание. Когда я пришел в себя, уже рассвело. Слышен был шум машины. Внутри зашли двое. Спросили: "Тюрк еще не умер?" Я с чего-то расхрабрившись, сел. Один из них среднего возраста пнул меня ногой в голову. Из уха хлынула кровь. Второй прижег горящим окурком папиросы мне лицо. Потом они ушли. Прошло несколько часов. Снова услышал шум машины. Меня волоком вытащили наружу и посадили в грузовую машину. Из их разговоров я понял, что меня хотят отвезти в пустынное место и убить. В это время я увидел на небольшом расстоянии знакомого армянина, который о чем-то говорил с бандитами, о чем-то их [291 - 292] просил. Они не хотели его слушать. В это время подъехали "Жигули". Мой знакомый армянин подошел к ним. Не знаю, что он сказал сидящим в машине. Но из "Жигулей" вышли двое молодых армян, взяли меня под руки и, усадив в машину, отвезли в арташатскую больницу. Узнав, что я азербайджанец, врачи не подошли ко мне. Парни снова посадили меня в машину и отвезли в дом армянина, на краю нашего села, которому я доверял. Оттуда уже сообщили моей семье".

Из записей Фахраддина Алиева, учителя, жителя села Халиса: "30 ноября 1988 года я вышел из дома, направляясь в сторону правления колхоза. Неожиданно услышал стрельбу. Осмотревшись, увидел, что со стороны села Авшар в наше село въезжают около сотни машин. Решив вернуться, домой, я повернулся и увидел еще одну колонну машин с оружием, двигающуюся со стороны села Шидли. "Бородачи" открыли огонь, они вваливались в дома азербайджанцев, их самих вытаскивали на улицу, избивали и раздевали. Я двинулся в другую часть села - в сторону поселка Девели (Арарат). Здесь бесчинствовала другая группа бандитов. В каждый азербайджанский дом врываются 10-15 вооруженных армян. Избивая, они вытаскивали людей на улицу, ставили их к стене, обыскивали, отбирали деньги, у женщин срывали с пальцев кольца, из ушей серьги, с рук - часы. По селу носилась "Волга" черного цвета с занавесками на окнах. Сидящие в ней давали указания отрядам бандитов. Я на мгновение растерялся. Придя в себя, понял, что ворвавшись в наше село, особенно со стороны поселка Девели, не из нашего района. Да и бандиты из разных отрядов друг друга не знали. Поэтому кое-кто принял меня за армянина, обращался ко мне с вопросом. Случайно пришла в голову мысль, может быть, я смогу вместе с ними дойти до соседнего Ильичевского района. Идя виноградными плантациями, я шел к железной дороге. Подходя к станции Арарат, я принял беспечный вид, чтобы не вызвать подозрений, и так дошел до военной комендатуры, расположенной на территории Ильичевского района.

Рассказав военным об обстановке, я попросил помощи. Меры были немедленно приняты. Бэтэры направились в сторону села Халиса. В одном из них был и я".

Из записей Ильгара Гусейнова, инженера, жителя села Халиса: "Нападение на наше село было неожиданным. Из разных кварталов села азербайджанцев, угрожая оружием, стогнали в его центр. В ломах, во дворах нас грабили. По дороге в центр села иногда останавливались, оскорбляли, снова обыскивали. Все бандиты были [292 - 293] вооружены. У многих были автоматы. Моего двоюродного брата Эльшада Гусейнова бросили в машину без сознания. Армяне жестоко избили его на улице, а потом еще ударили большим камнем по голове. Решив, что мертв, положили в яму, засыпав ее камнями. Когда вели азербайджанцев по дороге, они, услышав стоны Эльшада, вытащили его. Нас посадили на грузовые машины. На окраине села, остановив их, заставили нас спуститься. На ком бы ни была хорошая одежда, мужчине или женщине, снимали. Я остался в одной майке. Хотя было холодно, ожидание новых зверств сделало нас бесчувственными. Армяне открыто обсуждали между собой, как нас уничтожить. Один сказал, давайте спустим машину в канал, пусть там задохнется. Другой предложил отвезти в Ширазлинскую школу и там с нами покончить. Среди бандитов были и руководители района. Ясно ощущалось их активное участие в этих зверствах. Нас снова загнали в машины. В это время стал слышен грохот танков, которые шли от станции Арагат со стороны Азербайджана. Среди бандитов началась паника. "Волга" черного цвета с занавесками на окнах рванула на скорости. Из ее динамика отрядам бандитов поступило какое-то распоряжение. Когда воины приблизились, машины с экстремистами исчезли. Часть армян с автоматами рассыпалась по виноградным плантациям. Мы почувствовали, что спаслись от смерти. Танки сопровождали грузовые машины, наполненные полураздетыми людьми, до самого Ильичевского района".

Такие происшествия произошли во всех селах Вединского района, где азербайджанцы жили вместе с армянами. Несколько дней смогли защищать себя жители села Шидли, в котором жили только азербайджанцы. Но не получив ниоткуда помощи, они вынуждены были, бросив дома и имущество, спасая жен и детей, бежать в Азербайджан.

Армяне то хитростью, то давлением, то силой оружия заставили азербайджанцев уйти из родных мест, сделав их беженцами. Остались могилы отцов и дедов, памятники истории, созданные в период правления династии Каракоюнлу, Шаха Исмаила Хатаи, Шаха Аббаса - мечети, каравансарай, трехметровые могилы огузов, скульптуры баранов, священная земля гениального мастера Ашыга Алескера и народного героя Абаскулибека.

Националисты идут на любые преступления, чтобы стереть с нашей родной земли следы нашей истории. Они думают, что таким образом смогут уничтожить правду о том, что эта земля была [293 - 294] родиной наших отцов и дедов. Они забывают, что аромат, запах, мечта о земле Ведибасара будет жить в крови каждого из более чем 100 тысяч человек, изгнанных оттуда. Эта кровь, переходя из поколения в поколение, сохранит тоску по родине, придаст людям надежды, и что наступит день, когда черные силы, взявшие в XX веке под свое крыло армян и направляющие их на преступления, ослабнут, а азербайджанский народ, в 5-6 раз, превышающий по численности армянский, утвердивший свою талантливость и мощь благодаря гениям, которых дал человечеству, выпрямится, и тогда наши сыновья и внуки вновь вернуться на благодатные земли и цветущие горы Ведибасара и станут хозяевами своей матери земли...[294 - 295]

БОЛЬ

Когда боль разрывает душу, она просится на бумагу. Это горе и боль водили моей рукой, когда в 1983-1988 году я писал роман "Переселение". Но сегодня эта боль, и это горе так безмерно возросли, что нет сил, выразить их словами. Как знать, может это горе и побудит меня создать еще один роман. О днях сегодняшних. Конечно, если жизнь отпустит сроки. Лишь сегодня мы понимаем, что пятьдесят-шестьдесят лет поклонялись оборотням. Мне кажется, что подлинные убийцы, виновные в происходящих ныне несчастьях, будут выявлены лет через пятьдесят-шестьдесят.

...Интересно, обострялся ли армяно-мусульманский конфликт до такой степени на Кавказе, а также в других регионах совместного проживания армян и азербайджанцев? И вообще, в такой ли форме протекал армяно-мусульманский конфликт до XIX века?

Вряд ли, иначе это как-то нашло бы свое отражение в произведениях Низами, Насими. Хагани, Физули, Вагифа, М. Ф. Ахундова, Сеид Азима.

Семена армяно-мусульманской вражды на Кавказе в XIX веке были посеяны русской империей, и преемники ее политики лелеяли и периодически "поливали" любовно возвращенные из этих семян ростки.

Наступит тот день, когда русская империя вынуждена, будет убрать алчные руки от Кавказа, как это было с Восточной Германией, и лишь после этого будет положен конец "армяно-мусульманскому" конфликту.

Возможно, многие не согласятся с моей точкой зрения. Однако, во всяком случае, таково мое мнение.

Я родился в Беюк-Веди, но мне не исполнилось еще и пяти лет, [295 - 296] когда нас выселили с родных мест. Кто это сделал? Армяне? Нет. Сталин?

Сегодня широко практикуется списывать все грехи российского империализма перед лицом истории на Сталина.

Так почему же нас все-таки выселили? Для того, чтобы получить ответ на этот вопрос, совсем необязательно "лезть в дебри". Это принудительное расселение из Беюк-Веди было сделано в тех же целях, что и выселение крымских татар из Крыма и ссылка месхетинских турков из пограничных с Турцией областей в Среднюю Азию.

Как-то я спросил у своего отца, как могло случиться, что он. Сумев выучить, всего за пять лет Великой Отечественной войны русский и немного немецкий языки, не знает ни слова по-армянски. Отец в ответ рассмеялся:

- У кого я мог бы выучиться армянскому? Разве в Беюк-Веди были армяне?

В период с 1917 по 1919 годы Беюк-Веди находился в блокаде армянских дашнаков. Два долгих года жители Беюк-Веди под предводительством Абаскули-бека Шадлинского мужественно боролись против дашнаковского правительства. И хотя царское самодержавие было свергнуто, на Кавказе оставались силы, покровительствовавшие армянским дашнакам. Дашнакские отряды были до зубов вооружены английским и французским оружием.

После двух лет борьбы население Беюк-Веди было поставлено перед необходимостью покинуть родные земли.

Жители деревни всем миром перекочевали по ту сторону Аракса. И лишь моральное и экономическое вмешательство Османской Турции в эту борьбу, на самом высоком уровне спустя полтора года положило конец этой вынужденной эмиграции. Молодое еще советское правительство своей интернациональной политикой "остудило" армяно-мусульманский конфликт в Беюк-Веди. По той причине, что неокрепшему еще правительству нужна была передышка.

Когда я стал взрослее, отец много рассказывал мне об "армяно-мусульманском" конфликте в Беюк-Веди. Уже в те годы по соседству с нами жили несколько армянских девушек, вышедших замуж за наших односельчан...

Значит, любовь победила. Любовь смогла, проникнуть в эти сердца, еще не остывшие от вражды двух народов.

Я оптимист и с надеждой смотрю в будущее. Может быть, [296 - 297] вновь заживут кровоточащие душевные раны, нанесенные двум народам, может быть вновь, вспыхнут любовью Асли

и Керем. Сона и Бахадур, может, вновь юные Асли и Сона будут воспитывать своих детишек под тюркским кровом. Но наше поколение не доживет до этих дней. Слишком глубока рана, нанесенная вражьим клинком. Правда, народ видит и этот клинок, и окровавленную руку, его направляющую.

Народ видит все...

Летом 1988 года несмотря на уговоры родителей, в особенности же матери, я решил вновь вывезти детей из Баку в Шушу на отдых. К слову сказать, дети, побывав несколько раз в Шуше, дружно заявили, что никакие курорты - ни Феодосия, ни Гагры и Ялта, ни Гаджикенд, где они ранее отдыхали, не сравнятся с Шушой и что впредь лето они будут проводить только там. Я же с детства привязан к Шуше, где будучи ребенком, часто отдыхал в пионерском лагере, что размещался на улице Азербайджан.

Я заверил мать и твердо обещал ей, что оставлю машину в Агдаме, а оттуда, до Шуши доберусь уже автобусом. Но в Агдаме какая-то скрытая внутренняя сила побудила меня отступить от данного матери слова.

Это было как раз в те дни, когда стало известно о гибели двух азербайджанских юношей вблизи Степанакерта, когда уже были трагедии в Кафане и Масисе и, как их следствие, - трагические сумгаитские события, те дни, когда страсти накалились до предела.

Выйдя из машины у Аскеранского контрольно-пропускного пункта ГАИ, я подошел к низенькому тучному милиционеру и, сообщив, что направляюсь в Шушу, поинтересовался положением дел на дорогах. Не ответив ни слова, он лишь показал указательным пальцем в сторону Шушинской дороги. Я спросил еще о чем-то и почувствовал, что он не хочет говорить по-азербайджански. А белобрысый хилый солдат с автоматом наперевес дремал на контрольно-пропускном пункте.

Когда мы проезжали через центр Аскерана, я обратился к жене:

- Если хочешь, я остановлю машину - прогуляйся по магазинам...

Моя шутка понравилась ей и, подыгрывая мне, она ответила:

- Ну, давай, тормози. Что ж ты не останавливаешь?

На крутых виражах Шушинской дороги нам попала лишь [297 - 298] одна встречная машина. Я хорошо помнил, как оживлены, были в летнее время эти повороты, как трудно было их преодолевать, как нагревался мотор. Я вспомнил покойного Гашам-муаллима, бывшего в те годы секретарем в Шуше, сколько сил он вложил в строительство этой дороги, прокладка которой, по сути, была его заслугой. При виде этих ныне безлюдных покинутых дорог болью защемило сердце.

Окрестные деревни и живописно раскинувшийся на дне ущелья Хан-кенд, были окутаны туманом. Было очень прохладно, и, наверное, потому "против своих правил" мой "Москвич" "нагрелся не среди дороги, а при самом въезде в Шушу.

Шуша напоминала взятую с боем противником крепость. Повсюду мелькали вооруженные солдаты. Танки и бронетранспортеры расположились под раскидистыми кронами деревьев на территории санатория, скучились вокруг танцплощадки.

Корпуса санатория были переданы в распоряжение русских офицеров. Как и повсюду солдат водили в столовую под звуки барабанного марша и боевых песен.

А память навевала грустные лирические напевы Хана. И бархатный голос этот мучительно сжимал сердце.

Нет, в этой крепости не отдохнешь...

Знакомые и друзья в Шуше, узнав, что мы прибыли на своей машине, не могли поверить, что в пути обошлось без происшествий, что никто не преградил нам дороги.

Я знал, что, как и повсюду в республике, беженцы искали убежища и в Шуше. Я также слышал, что есть силы, которые хотят их вернуть назад. Прогуливаясь по городу, я встретил небольшую группу этих беженцев. Какая-то печать, объединявшая их, словно лежала на лицах этих измученных людей. Закутанная в черное кялагаи женщина горько рыдала. Один из мужчин громко утешал ее:

- Крепись, держи себя в руках.

Я последовал за ними. Мне хотелось со стороны взглянуть на их житье-бытье.

Поднимаясь вверх по дороге, мы подошли к пионерскому лагерю, находящемуся на улице Азербайджан.

Часть беженцев была размещена в этом лагере. Каждая пядь земли здесь была мне знакома. В этом лагере я проходил "школу интернационального воспитания" летом 1958-го, 59-го, 60-го, 61-го годов. [298 - 299]

Удивительно, что почти ничто здесь не изменилось с тех пор. И эти грушевые деревья растут на прежнем месте, разве что стали как будто ниже. Я почувствовал, что беженцы видят во мне чужака. Тогда я представился им. Что только не рассказали мне эти женщины, хотя все и так было очевидно. Многие бежали в одном лишь платье, не успев захватить с собой ничего. Дети испуганно жались к своим матерям. Несомненно, они не по-детски осознавали всю глубину постигшей их трагедии. Иначе

не жались бы так испуганно, словно ища защиты. Я пытался утешить, как мог, одну из этих женщин, но она лишь еще горше зарыдала

Погруженный в горькие раздумья, я вдруг увидел, что иду вверх по улице. Откуда-то слышались голоса солдат, дружным хором запевавших "Катюшу". В паузах между припевами отчетливо слышался топот солдатских сапог. Где-то на этой улице должен был лежать большой камень, на котором когда-то в детстве острием ножа нацарапал я две буквы. Дойдя до этого камня, я замедлил шаг.

Туман из ущелий постепенно прокрадывался в башню, и я вдруг вспомнил наше переселение из Беюк-Веди холодной осенью 1951 года. И хотя тогда мне не исполнилось и пяти лет, многое я помнил очень отчетливо.

Даже сегодня, когда я делюсь своими воспоминаниями, многие удивляются, что я мог сохранить в памяти эти события.

Может, причина того, что они так сильно запечатлелись в моей памяти в том, что я всегда мысленно возвращался к этим трагическим дням. В нашем кругу всегда, где бы мы ни собрались, вспоминают это переселение и те подробности, что были с ним связаны. Много я помню так, словно это было вчера. И как уже сказал, именно эти соображения побудили меня создать роман "Переселение".

Кто-то сказал тогда нам, детям, что там, куда нас отправляют, нет камней, возьмите с собой камни, чтобы было чем колоть абрикосовые косточки. И мы, деревенские ребята отправились к реке Веди, чтобы набрать камней.

На берегах этой давно обмелевшей реки, естественно, и не было ничего, кроме камней, больших и маленьких, любого размера и на любой вкус, но мы почему-то придирчиво отбирали их.

При прощании с родным кровом моя бабушка Хаджар так тёрлась щекой о стену нашего кирпичного дома, что содрала кожу лица, и на стене осталось кровавое пятно. [299 - 300]

Бабушка была очень впечатлительная и ранимая, часто плакала. Ей многое довелось вынести. В годы войны она выходила нескольких ребятешек, заменив им мать...

Когда мы полностью освободили дом, в осиротевший наш двор вошел, новый хозяин. На голове его красовалась высокая остроконечная шапка. Он был армянин, лет ему было около сорока пяти-пятидесяти. По разговору я понял, что он давно знаком с отцом. Потупив глаза, он попросил:

- Кязим-джан, дай нам благословение... Я не помню, что ответил ему отец, но хорошо помню, как он, показав на наши грушевые деревья, сказал:

- Береги эти деревья, жаль их.

Да, вот так мы покинули родные края. А что же сегодня рассказывают беженцы - азербайджанцы, изгнанные с армянских территорий. В Шуше один из беженцев сказал:

- Мы ничего не смогли взять с собой. У нас отобрали всё деньги и имущество, а потом подожгли дом.

Впоследствии, встречаясь с многочисленными беженцами в Баку и районах, выслушивая их безответные жалобы, по поводу которых я неоднократно обращался в Москву, я видел столько горя, что эта боль попросту притупилась и стала "будничной". Мой земляк - Фарман Керимзаде, который был и моим учителем, и товарищем по перу, и другом, всего себя, всю свою душу отдавал во имя дела беженцев, сострадая им, как, наверное, никто другой, и потому так рано ушел из жизни. Он и сам когда-то был вынужден оставить Родину, и потому боль беженцев он воспринимал как свою. Он хорошо помнил свое переселение из Беюк-Веди и, когда я говорил, что тоже все помню, посмеивался: "Не может этого быть, ты же тогда был совсем маленький".

А в моей памяти оживает тот день, когда нас всем миром согнали в битком набитые грузовые вагоны на станции Девели, и картина эта столь отчетливо проходит перед мысленным моим взором, словно это было вчера.

- Среди тех, кто пришел нас провожать, были и армяне. Я был свидетелем того, как многие из них плакали тогда.

И сейчас я часто задаюсь вопросом:

Разве сегодня не дети этих же армян в Беюк-Веди обрушили на азербайджанцев эти немыслимые беды? И это плоды "интернационального воспитания", семьдесят лет вдалбливаемого в наши головы... [300 - 301]

Оказывается, наши армянские сверстники у нас, под боком проходили совсем иную школу.

И выход в свет книги "Очаг" Зори Балаяна, и ее распространение в годы, когда еще на многое лежало табу запрета, вовсе не случайны.

Комиссия по переселению привела с собой даже нескольких музыкантов, которые играли на зурне... Я хорошо помню, что никто не хотел танцевать, но коммунистов все же заставили. Выходило так, что мы переезжали добровольно, с песнями и плясками, и никто нас не выселяет. Я даже помню, что не смогли найти ни одной женщины, чтобы составить пару танцующим коммунистам. Теперь я думаю, что, наверное, тогда среди этих женщин не оказалось партийных....

Я помню заявление, которое написал отец под диктовку какого-то незнакомца, пришедшего в наш дом накануне переселения, и никогда не забуду смех отца, когда он прочел нам его текст. Из заявления явствовало, что отец просит переселить его вместе со всей семьей. Наверное, в каких-нибудь архивах Армении и по сей день, хранятся эти заявления, чтобы когда-нибудь в будущем сказать, что...

И сегодня правительство могло бы прибегнуть к испробованному методу "местных рыцарей" Сталина... Но в этом случае оно бы политически скомпрометировало себя. А сегодня национальный конфликт на Кавказе, наоборот, способствует престижу правительства. Получается так, что власти предоставили маленьким народам независимость, и они сами решают свою судьбу.

Все знают, что натворили в Лачине "силы примирения".

...Не сложно было забить людьми вагоны... Сложнее было погрузить скот...

Десять дней мы коротали в тускло освещенном переполненном вагоне.

Название деревни, куда забросила нас судьба, было связано с камнем - Дашбурун, что значит каменный мыс.

Куда ни бросишь взгляд - всюду камни, щебень... Несколько дней мы жили в палатках, разбитых вокруг станции Дашбурун.

Затем нас расквартировали по домам местных жителей. А какие дома могли быть у бывших кочевников, лишь недавно перешедших к оседлой жизни? Нужно было как-то потеснить их и переждать суровую зиму. Иного выхода не было... И надо сказать, [301 - 302] что зима эта, которую пережили мы в палатках и землянках, не смогла сломить нас.

А лето принесло с собой страшную малярию, повально охватившую низменные районы.

Признаться, мне не хотелось бы долго распространяться об этом, если читателя заинтересуют подробности нашего переселения, он может обратиться к страницам моего романа "Переселение".

И хотя в обобщенной форме, я все же рассказал в этой книге обо всем, что довелось увидеть.

О горе же сегодняшнем, о сегодняшней боли писать трудно, очень трудно.

Но все же я убежден, что все беженцы, в том числе и мы, вернемся на свои земли, в свой отчий дом.

Правда, сейчас это кажется мечтой, несбыточным сном. Но этот сон мы должны сделать явью, и вернуться на свои земли, пусть через сто, через двести лет, но вернуться.

Такова основная цель задуманного романа, о котором вкратце я вам рассказал.

И еще раз хочу повторить, что ничто в истории не вечно, когда-нибудь русский народ, убравший руки от Восточной Германии, изменит свое отношение к народам Закавказья... По иному не может и быть: стоячая вода быстро тухнет.

Во всяком случае, жизнь пробудила нас от долгой спячки, в которую мы погрузились от "снотворного порошка" "интернационального воспитания". А способов борьбы тысячи... [302 - 303]

БУДУЩЕЕ ОДНОГО СЕЛА

Расскажу об одном селении. Об одном из 185 селений, которые были разорены дотла армянскими националистами, жители его насильственно изгнаны из родных мест. Напишу о том, что довелось увидеть и услышать в селении Халиса Ведисского (Арагатского) района в Армении.

30 ноября 1988 года рано поутру в селе послышался непрерывный гул. Спустя некоторое время въехали на улицу несколько автомашин, из них вышли секретарь райкома Акопян, председатель райисполкома, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета республики Сарыбек Вартамян, прокурор Адамян, его заместитель Барсегян, бывший начальник милиции, председатель Арагатского районного комитета "Карабах" Папоян и другие должностные лица. Они подошли к первым попавшимся навстречу людям.

Конечно, азербайджанцы не решались выйти на улицу. У армянина спросили, кто еще из них остался, не покинул свой дом. И принялись стучаться в двери: "Сейчас же собирайте вещи, какие можете, выходите. Сегодня же вас на автобусах отвезут в Ильичевский район".

Это была горькая, заставлявшая в тревоге трепетать сердца весть. Люди давно понимали, что им не дадут очнуться, что над их головами сгущаются беды. Знали, да ничего поделать не могли. Потому что вот уже 10 дней, как дороги были перекрыты.

С 20-го числа село было в блокаде. Никого не выпускали и никого не впускали из тех, кто сумел ранее выехать в Ильичевский район Азербайджана, чтобы обменять квартиру.

Люди всполошились. Осень же поздняя на дворе, конец года...

Второпях собрали пожитки, все то, что удалось за гол скопить, [303-301] золотые вещи, одежку и, взяв за руки детишек, направились к красным "икарусам", наготове стоящим на окраине села.

Часов в 10 показались автомобильные караваны со стороны Авшара и Девели. В мгновение ока в село ворвались более 300 "бородачей", которые без промедления рассеялись по улицам, подобно диким зверям, стали набрасываться на людей, не разбирая, кто перед ними - старик или ребенок, мужчина или женщина, избивали их, отбирали деньги, требовали золотые украшения.

По их мнению, как только была выдвинута проблема НКАО, все живущие в Армении азербайджанцы должны были выйти со знаменами на улицы и скандировать вместе с ними "Отдайте Карабах Армении". Но должен я сказать, что, у кого в жилах течет тюркская кровь, умрет, но слов этих не произнесет. Потому что биение его сердца созвучно знаменитой карабахской музыке.

А эти события рано или поздно должны были случиться. Ибо армяне к ним готовились долгие годы, поставив себе целью изгнать с родных земель местное азербайджанское население, обездолить этих людей.

В 1988 году одним из районов, где азербайджанцы составляли меньшинство, был Ведиский. Из 82 тысяч жителей здешних лишь 11150 были азербайджанцы.

Население в Ширазлы, Гаралар, Ениджа и Кичик. Веди было смешанным и, не оказав сопротивления, в скором времени покинуло родные края. В селениях же Халиса и Шидли сплошь проживали азербайджанцы. Но если в Шидли никто пока с места не снимался, в Халиса многие из 600 дворов были, покинуты, оставалось в селе всего 170 семей. Мужчины были безоружны, и всем им пришлось стоять лицом к лицу против "бородачей", вооруженных пистолетами, автоматами, гранатами, бутылками со взрывчатой смесью.

Экстремисты сперва решили взять Шидли. Они выставили людей на дороге, перекрыли пути, ведущие к близлежащей погранзаставе. И селение Халиса оказалось в окружении, в трудную минуту никто бы не смог прийти ему на помощь.

Вакханалия насилия началась в 11 часов. Армяне прочесывали квартал за кварталом, повсюду слышалось угрожающее: "Торопитесь, пока мы не тронули вас!", "Последний будет убит!", "В Армении не останется ни одного турка", "Ничего с собой не брать! Все армянское должно остаться в Армении" и т. д. [304 - 305]

Да, все нажитое трудом праведным оставалось им!..

Сельчане понесли убытки.

Ворвавшись в дом Тельмана Аскерова, "бородачи" разворотили дом в комнате, унесли спрятанные в тайнике чемодан, ценную посуду, мыло и сыр, а также 4.300 рублей денег.

У Адиля Курбанова отобрали и разорвали в клочья партийный билет, насильно "конфисковали" 8000 рублей и золотые украшения жены, всю одежду. Прямо на глазах этого несчастного человека армяне захватили его дом!..

Максуда Максудова попросту вытолкнули из его же двора. Насильно отобрали два костюма, облачились в них и заставили его пожелать им: "Носите на здоровье!" У его дочери Ханум вырвали из рук чемодан, отобрали 800 рублей, пять ковров.

На глазах прокурора Адамяна у Мамеда Касумова отобрали 9500 рублей. Ворвались в дом агронома Наби Джафарова и провели самый настоящий обыск. Все, что попало им в руки, сложили в машину и увезли, а у него самого отобрали и разорвали на клочки все документы, в том числе и партбилет.

Во дворе Джалала Салыхова учинили обыск. Сняли с его жены Хадиджи и похитили золотую цепочку, серьги и кольца.

У Сакины Махмудовой силой отобрали 7000 рублей и золотые украшения. А Марал Аскерова пострадала особенно. Мало того, что у нее взяли деньги и - еще и сорвали с ушей золотые серьги, и пожилая женщина, обливаясь кровью, упала прямо на улице.

Мамед Мамедов продал свой дом за 22 тысячи рублей, эта сумма хранилась у его жены. Ее заметили, когда она, затаившись за деревьями, хотела спрятать деньги и тотчас же отобрали их.

Ворвавшись во двор Джанбахыша Алиева, экстремисты на глазах его детей свалили этого почтенного человека на землю. Двое наступили ему на грудь, третий скрутил руки, а еще один бандит, приставил ржавый нож к горлу и потребовал сказать, где деньги. В противном случае ему грозили отрубить голову. Ну, кто променяет жизнь на деньги? Пришлось жене бедняги извлечь на свет божий с таким трудом накопленные 4800 рублей и отдать армянам, чтобы отпустили, наконец, Джанбахыша.

Подобные зверства творились повсюду. Сураю Керимову четверо бандитов сбили с ног. Один из них приставил нож к горлу, схватил в кулак волосы и оттянул голову. Молящая о пощаде мать бедняжки со всех ног подбежала к бесстрастно наблюдающему всю эту жуткую картину заместителю прокурора Мартину Барселяну, [305 - 306] чтоб не допустил убийства дочери. Тот, как и другие работники органов, следил, чтобы ни одного убийства не было совершено. Вот несчастной матери и говорят: если, мол, хочешь, чтоб дочь твою оставили в живых, принеси из дому и отдай нам все свои деньги, все золото. Тем временем бедная девушка бьется в страхе, голос ее, молящий о пощаде, срывается. И вполне возможно, что прoderжи ее в таком положении бандиты подольше, случился бы у нее разрыв сердца. Но как только мать вынесла им все свои сбережения, Сураю, наконец, отпустили.

Вторгшись в дом Ширзада Сафарова, который работал в селе водителем, бандиты потребовали у его жены: "Пока не тронули тебя, пока не швырнули за волосы на землю, принеси деньги, золото". Вышедший на шум Ширзад обратился к армянам: "Разве вы со мною вместе деньги зарабатывали, чтобы я отдал их вам?" Услышав это, бандиты взревели: "А турок, оказывается, и говорить может!" и набросились на Ширзада. И хоть сопротивлялся он мужественно, силы были явно неравны. Ширзада избili до беспамьтства: лицо его превратилось в сплошной кровоподтек, несколько ребер было сломано. Видя, что муж погибает под ударами озверевших экстремистов, жена его отдала им деньги, свои золотые украшения.

А Мартин Барселян, наблюдая все это, молчал, будто и не касалось его, что происходит глумление над беззащитными людьми, что подвергаются они бесчеловечным избиениям. Он стоял в сторонке и с улыбкой наблюдал это беззаконие. И только когда Ширзад вконец обессилел, и крики его прекратились, Маргин Барселян шагнул вперед, произнес одно только слово: "Прекратите" и удалился. Во всех случаях грабежа, насилия, беззакония "бородачей" сопровождали работники милиции, прокуратуры. Даже сам секретарь райкома партии находился в это время в селе.

Бандиты из отряда оголтелого экстремиста Папояна остановили учительницу Рашханду и потребовали, чтоб она сняла с себя бриллиантовые сережки. В неописуемом страхе она отдала бандитам весь комплект украшений. А учителя Имамверди подвергли грубому обыску, вывернули карманы, отобрали все наличные деньги...

У Суреддина Бабаева насильно отобрали деньги и золото жены. У Ханум Аскеровой - 4000 рублей, у Асли Новрузовой -1000 рублей и драгоценности, у Диляры Ахмедовой - 7300 рублей. [306 - 307]

Армяне заранее предупредили: берите с собой все, что у вас есть, и уходите. И обездоленные, в одночасье, потерявшие кров люди, взяв в основном наличные деньги и золотые украшения женщины, стали уходить из села. Однако армянские экстремисты безжалостно грабили их, отбирая все более или менее ценное.

Непосредственно возле автобусов зверства "бородачей" достигали предела. Бандиты словно испытывали на беззащитных людях свою силу, вступая, друг с дружкой в соревнование, кто больше и

лучше выглядит в избиении людей. И все это - на глазах секретаря райкома партии, прокурора, начальника милиции.

Сумгаитские события ныне широко известны, весь мир высказал по их поводу свое возмущение, тем более что армяне, сделав из мухи, что называется, слона, представили случившееся как геноцид. На самом же деле именно они проводят настоящую политику геноцида в отношении азербайджанцев в Армении.

По сей день не сообщено точно количество убитых в Армении азербайджанцев, об этом нигде вы не встретите ни слова, хотя известно, что в разное время в разных местах соседней республики такие факты имели место, причем сопровождалась исключительной жестокостью и садизмом. По-моему, даже самолет, на котором летели после землетрясения на помощь в Армению азербайджанцы, туманной ночью умышленно был направлен не в зону аэропорта, а в сторону горной вершины и уничтожен. Напомним, что на борту этого воздушного лайнера из 79 человек 50 были азербайджанцы.

Только в связи с "карабахской проблемой" погибло значительное количество людей, многие пропали без вести.

В один лишь день, 30 ноября в селении Халиса было убито два человека. О них где-нибудь вы встречали упоминание?

Или другой пример. 80-летняя Гюльгыз Исмайлова занемогла, вызвала врача. Но в это время в ее дом ворвались "бородачи", стали все переворачивать вверх дном, взяли то, что им понравилось, а старуху зверски избили. Потом двое бандитов приволокли ее в буквальном смысле слова к сгрудившимся возле автобусов односельчанам и швырнули на землю: "Нате, забирайте свою покойницу!"

Военный комендант района, наблюдая эту перешагнувшую все пределы жестокость, хоть и не высказал своего гнева, но и не молчал: "Чем вас прогневила эта древняя старуха? За что вы ее так мучаете?" [307 - 308]

Вооруженные "бородачи" неожиданно врываются во двор Кафара Джалилова, осыпая градом ударов всех, кто попадает на пути. Сыновья Кафара - Кямал, Джамал, Джалил, Халил, Джамиль вступают с ними в схватку, но силы явно неравны. Пятеро невесток Кафара, 10-12 его внуков были избиты, а двухлетний сынишка Джамия убит... Прознав об этом, майор милиции Бахшиян быстренько уводит "бородачей" со двора Джалиловых.

А на Сулеймана Байрамова совершили нападение прямо на шоссе на дороге. Повалили на асфальт, приставили к горлу нож. Сбегается народ, женщины, дети навзрыд плачут, молят о пощаде. Кто-то из толпы зовет на помощь знакомого армянина из соседнего села. Тот не раз бывал в доме Сулеймана, делил с ним хлеб-соль, не слышал от него дурного слова, но выходит вперед нехотя, пробует останавливать руку палача: "Погоди... Мы же не сумгаитцы, чтобы головы отрубать..."

Нет, они прекрасно знали, эти палачи, что зачинщиком известных событий в Сумгаите был армянин Григорян...

А волнение жителей селения Халиса с каждой минутой росло. Со всех сторон армяне врвались во дворы, в дома. Там, где были мужчины, завязывались схватки, но хозяев жестоко избивали, однако те мужественно вступались за своих жен и детей, и ни один из азербайджанцев не думал о боли, не ведал страха - все помыслы были направлены на спасение чести, достоинства, сохранение безопасности семьи...

Было бы у них оружие, армяне ни за что не ворвались бы в село. Но что поделать, если год назад все было сдано в милицию, прокуратуру?

Каким-то, однако, образом у Эльшада Гусейнова сохранилось охотничье ружье с двумя лишь патронами. И когда армяне насильно отобрали 7800 рублей у жены его брата, Эльшад не смог более терпеть, взялся за ружье и погнал перед собою в виноградники человек 5-10 "бородачей". Но армян в селе было много больше, и вскоре они взяли Эльшада в плотное кольцо. Тогда он сделал два выстрела в воздух, и, размахивая незаряженным ружьем, как дубинкой, вступил в схватку с бандитами. Но вот со спины подлым образом подирался к нему армянин и ударом топора повалил его на землю, после чего армяне откопали яму и заживо погребли в ней Эльшада. И только когда "бородачи" покинули село прятаящаяся от них в колхозных виноградниках семья откопала несчастного. [308 - 309]

Как израильские оккупанты палестинских беженцев, так армянские "бородачи" сгоняли азербайджанское население Халиса в одну многочисленную толпу. Плач и стон стояли над нею: мать искала дитя свое, брат - сестру, отец - семью. Не было среди этих людей ни единого не пострадавшего, у кого разбита голова, у кого - лицо, кому губу рассекли или нос расквасили, кому ребра перебили... И одежда у всех была изорвана, превратилась в окровавленные лохмотья.

К полудню азербайджанцев повыгоняли из всех домов. Полураздетые, в изодранных одеждах, превратившихся в окровавленные лохмотья, люди стояли на морозном ветру. Но армяне, не обращая на

это ни малейшего внимания, приказали мужчинам скопиться на одной стороне улицы, женщинам с детьми - на противоположной.

Начальник милиции Папоян повторил, что какое бы то ни было сопротивление бесполезно и лучше во время обыска все сдать самим: "Тогда мы отвезем вас на вашу землю". Как будто это село, где они родились, выросли и возмужали, - не их земля!

И вот началось. Мужчин обыскивали с поразительной тщательностью, ощупывая нижние рубашки, даже в обуви копались. И если кто отказывался отдавать деньги, но при обыске у него находили ту или иную сумму, тот подвергался унижительным оскорблениям, жестоким избиениям.

Женщин обыскивали в присутствии мужчин. Бандиты хорошо знали, у кого в азербайджанских семьях хранятся деньги, и напустили на скромных, стеснительных наших женщин и девушек нахальных, самоуверенных армянок. И те беззастенчиво, с исключительной наглостью вертели - крутили перед собою азербайджанок, требуя деньги, золото. Вновь и вновь обыскивали и тех, кто уже отдал все, что имелось.

Одна молодуха, явно стесняясь мужчин, сама отдала бандитам деньги и золотые украшения, которые спрятала за пазухой, однако ей не поверили, заставили стоять перед ними, ощупывали ее с ног до головы. Награбленное - деньги, облигации трехпроцентного займа, золотые изделия тут же делили между собою.

Отобранные у азербайджанцев чемоданы, сумки, узлы, даже припасенные на дорогу свертки с едой экстремисты швыряли в кузова двух специально для этого пригнанных грузовых автомашин. Приставленные к этому делу Сократ Нерсесян и Азад Манукян [309 - 310] внимательно следили, чтоб ничего не оставалось на руках у несчастных.

Все это время азербайджанцы не сводили глаз с селений Шидли и Девели. Но нет, никто оттуда не спешил им на помощь, хоть очень велика была вера в родных братьев, в их поддержку.

...Руководящие работники района Акопян, Папоян, Вартанян, Адамян, заложив руки за спину, внимательно следили за происходящим.

Не отводя глаз от них, ветеран войны Байрам Абилов произнес: "Я был на фронте, видел всякое, но даже фашисты нас так не мучали и не унижали. Они хуже фашистов!.." Услышав это, подал голос и агроном Наби: "Товарищ Акопян, что все это значит? Почему вы позволяете, чтоб так издевались над людьми?"

Пока секретарь собирался с ответом, Адамян произнес: "Они поступали, как ваши. Почему обижаются? Благодарите судьбу, что вам не мстят за Сумгаит".

Обыск длился четыре часа. Людей обобрали до последней ниточки, а потом погнали их в сторону Веди. Чимана.

Селение Чиман расположено в горах. Раньше, до 1950 года, это был Карабагларский район. В 1948-1950 гг. население его было переселено в Азербайджан. В результате опустели 42 азербайджанских селения, и теперь Чиман называют мертвым селом.

Ряды "бородачей" поредели. Многие из них возвратились в Халиса и, ворвавшись в опустевшие дворы, занимались мародерством, наполняли машины всем, что попадётся под руку - постельными принадлежностями и коврами, посудой и кухонной утварью, мебелью. Не гнушались и прихваченными из подвалов и кухонь продуктами - банками варенья, припасенного на зиму, впрок заготовленным сыром, мукой, мылом, сгоняли из хлева скотину, кур из птичника.

Не преминули воспользоваться выпавшим случаем и живущие в селе армяне, тоже присоединились к разбойничавшим "бородачам". Словом, каждый норвил оттяпать свою долю, да чтоб побогаче, пожирнее кусок был.

И какие только коллизии здесь не разворачивались!.. Хорошо, что хозяева настоящие этого добра не видели, как из-за лишней тряпки, из-за вышедшего из строя телевизора или стиральной машины ошибались в кулачном бою мародёры, даже над остывшим на плите казаном поносили один другого последними словами.

Время близилось к 6 часам вечера, когда со стороны селения [310 - 311] Давали, показались две бронированные боевые машины. Они шли из Ильичевского района. Однако, несмотря на это, разбойники делали все, что им заблагорассудится, выгнали толпу в 600-700 человек в поле и новели ее в сторону Ширазлы. Но когда бандиты увидели, что солдаты готовы открыть огонь, сопротивления оказывать не решились, отпустили людей, а сами возвратились в Халиса.

Изгнанные из родного села люди оказались во власти военнотружущих. Было холодно и голодно, с наступлением темноты одолевала усталость, все чаще слышались стопы детей.

Но в село невозможно было возвращаться. Ведь все дома там заняты армянами, которые не позволили бы этим несчастным людям переночевать даже в клубе или школе.

Между тем, до границы с Азербайджаном - всего 20 километров, но как это расстояние пройти пешком? Машин ведь мало.

Офицер с солдатами принялись останавливать частные автомобили, кое-как уговорили их владельцев подвезти людей до села за плату в 20 рублей с каждого. Но тут возникла проблема: ведь у многих из этих бедолаг и денег-то не было, все до копеечки у них отобрали...

С грехом пополам, как говорится, собрали по 14-15 рублей на брата. И за эти деньги проехали в открытых кузовах грузовиков путь, который на автобусе стоит 30 копеек.

На пути было три армянских селения. Как мимо них проехать, чтоб беды избежать? Одна из военных машин возглавила колонну, вторая - ее замкнула. И едва подъезжали к селению, солдаты спешили, стоя на обочине дороги, пропускали машины. Таким вот образом 30-минутный путь был проделан за три часа. Колонна прибыла в Ильичевск в 11 ночи.

Лица людей, ступивших после долгих мытарств на родную землю, просветлели. Преклонив колени, целовали и стар и млад землю, бросались на шею встречавшим, и те и другие не скрывали слез радости и счастья.

Вот как случилось, что 30 ноября 1988 года в селении Халиса Ведисского района Армянской ССР погасли очаги в 170 дворах...

170 семей оказались без крова... 170 домов было разорено. Со 170 подворий был угнан скот... 170 мужчин были обобраны до последней копейки, 170 женщин, 170 девушек лишились своих золотых украшений... Село понесло убытки более чем в 12 миллионов рублей. [311 - 312]

ШИЛА В МЕШКЕ НЕ УТАИТЬ

История - это наука, которая пустила глубокие корни в памятниках старины, в безмолвных камнях, именах, и никакие катаклизмы не в состоянии повлиять на нее. Каждый след, оставленный предками, - это нетленная старина, наша древняя история. И для каждого азербайджанца священная задача, первостепенный долг - как зеницу ока беречь и хранить разрозненные странички этой священной книги.

В последние два года "уважаемые" наши соседи выливают на историю Азербайджана ушаты лжи и злобных вымыслов. Дошло до того, что заведомая ложь публикуется на страницах газеты "Коммунист" (на русском языке), являющейся органом ЦК Компартии Армении.

14 сентября 1989 года на ее страницах была напечатана статья, написанная инструктором ЦК КП Армении М. Даврешяном и заведующим сектором филиала института марксизма-ленинизма при ЦК КП Армении А. Саркисяном под заголовком "Этнические группы в Советской Армении".

Читаем в этой статье:

"Согласно переписи 1979 года, в Армении проживали нижеследующие этнические группы:

Русские - 70336 человек,

курды - 50822 человека,

украинцы - 8900 человека,

ассирийцы - 6183 человека,

греки - 3653 человека"

Далее в статье говорится о льготах, предоставленных курдам являющимся представителями малой этнической группы. На самом же деле эти льготы предоставлены курдам – езидам. Иначе [312 - 313] курды - мусульмане не изгонялись бы из Армении вместе с азербайджанцами.

А интересно, почему в названной статье ни слова об азербайджанцах, испокон веков живущих в Армении? Может, во время переписи 1979 года в Армении не было азербайджанцев или на территории Армении азербайджанцы вообще не проживали?

Мы посоветовали бы "уважаемым" авторам, как бы трудно это для них не было, полистать кое-какие исторические документы, относящиеся к недавнему прошлому.

Прежде всего, отметим, что приведенные здесь, доводы - не более чем выводы рядового школьного учителя. Поэтому с самого начала просим у авторитетных авторов извинений. А теперь перейдем к своим доказательствам.

История заселения азербайджанцами территории современной Армении корнями своими уходит в глубь веков. Чьими же предками являются джигиты, в конных забавах на берегу озера Гекча удалю блиставшие, на озере Айгыр на птиц охотившиеся и в знаменитом "Деде Коркуде" упоминавшиеся? А каково происхождение наименований селений Гарагоюнлу в Красном районе, Афшар - в Араратском, Туркманли - в Эчмиадзинском, Гарагоюнлу - в Арташатском и т. д.?

Почему в Разданском и Масисском районах зона местожительства называется Озанлар, вы не задумывались? Не созвучно ли это слово, с именем большого мастера слова нашего народа?

История проживающих в Армении азербайджанцев тесно смыкается с этими наименованиями. И они были непоколебимы, пока Восточная Армения не была присоединена к России.

В конце XVIII - начале XIX века большую часть населения Еревана составляли азербайджанцы. В 1831 году здесь проживали 4484 армянина, 7331 азербайджанец, остальные 105 человек были представителями других национальностей (см. З.Горгодян, "Хорхртайин айастан и бнагчутюны" в последние сто лет (1831-1931), Хратаорагутюн мелконян фонди. Ереван, 1932, стр. 94). Азербайджанцами сооружены здесь десятки каравансараев, городская крепость, датированная 1582 годом, Гей-мечеть, являющаяся памятником 1582 года.

К слову, подробности строительства этой мечети до сих пор остаются притчей во языцех. А о городской крепости просветитель - демократ К. Абовян писал в своем труде "Рапы Армении": "Горло [313 - 314] возвышаясь на неприступной скале, озирается вокруг древняя крепость ереванская, похожая на тысячеглавого дракона".

В письменном сообщении, отправленном из Нахичевани 27 июня 1827 года чиновнику царского министерства иностранных дел Нессельроду, И. Ф. Паскевич отмечал, что до вхождения русских войск в

Ереванской провинции было 20 оседлых татарских (азербайджанских - ред.) племен. Сардар Гусейн хан отгоняет их на ту сторону Аракса, чтобы не снабжали они русские войска провиантом (см. С. В. Шостакович, "Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова", Москва, 1960). Конечно же, многие мусульмане, убоявшись прихода русских, покинули родные края. Армянские источники также показывают, что до присоединения Армении к России большую часть населения Восточной Армении составляли турки (азербайджанцы).

Начиная с 1828 года, покидают родные края в Армении азербайджанцы. Согласно пункту 15 Туркменчайского мирного договора между Россией и Ираном, армяне съезжаются в Армению из Ирана, а затем и из Турции. Поначалу они поселяются в местах, покинутых азербайджанцами, а позже - и в селениях, где проживают азербайджанцы. Все это подтверждается приведенными в названной нами книге З. Горгодяна.

В этой же книге указывается, что, согласно административному делению 1932 года, в Советской Армении было два города. 2310 населенных пунктов (указанная книга, таблицы №№ 1 и 2). Дополнительные исследования позволяют утверждать, что 1280 из этих населенных пунктов имели азербайджанские наименования. После же объединения многие из этих населенных пунктов пришли в запустение, оставшись без должного надзора, а иные оказались заселены армянами. Однако многие из их названий сохранились вплоть до 1931 года.

Конечно, в том, что азербайджанцы покидали Армению, сказались и русско-турецкие войны (1856, 1876 г.г.). А кровавые деяния дашнаков в 1918-1920 г. и привели к тому, что азербайджанцы в массовом порядке были изгнаны из Армении.

Вновь обратимся к книге З. Горгодяна. Он пишет "В результате политики "чистки", осуществленной дашнаками, изгнанные турки составляют 200000 человек к 1919 году, а к 1920 году - 60000 человек" (указанная книга, стр. 185).

Отметим, что часть изгнанных из Армении азербайджанцев после установления здесь Советской власти возвратились к родным [314 - 315] очагам из Ирана и Турции. Зверства дашнаков были особо масштабными в Зангибасарском уезде (нынешний Масисский район), о чем я расскажу ниже.

Как память кровавых лет вошли в наш язык и остались в нем навсегда такие выражения, как "зангибасарский погром", "отвечает Зангибасар". Именно в силу этих причин многие из вынужденно покинувших родные края людей живут на чужбине, тоскуя по родным краям.

А теперь несколько слов о событиях, которые мне довелось видеть собственными глазами. Хорошо помню конец 20-х - начало 30-х годов. Возвратившиеся из далеких краев в родные места жили в мире и согласии со старыми соседями. Прежние обиды потихонечку забывались.

90-летний житель селения Зангилар Масисского района Сейфулла Абил оглы Сулейманов вспоминает историю, приключившуюся в 1920 году, вскоре после его возвращения в родные края: "Испытывали мы острую нужду буквально во всем. Вдруг смотрю, друг моего отца Акоп из селения Кархын Эчмиадзинского района привез нам целый воз пшеницы. Осенью того же года дед мой нагрузил телегу рисом, отвез Акопу. Но тот этот дар не принял поначалу. Отец и говорит: "Тогда у нас не было - вы привезли. А теперь у вас нет - мы привезли". На том и сошлись...

Однако в 30-х годах этому добрососедству был положен конец. Когда вспоминаю, какие ужасы пришлось пережить азербайджанцам в период коллективизации в Армении, меня охватывает ужас. Азербайджанца, у которого на подворье были две коровы, объявляли кулаком и арестовывали. Никогда не забуду, в селении Зангилар жил молодой человек по имени Кохна Насиб. Зарабатывал неплохо и заказал себе как-то вставную челюсть золотую, поскольку свои зубы росли у него вкривь и вкось. В 1933 году он заболел и помер, позабытый, позаброшенный. И тогда из Гамарлинского района (в ту пору селения Масисского района входили в состав Гамарлинского) приехал милиционер по фамилии Есян и с помощью сельского парикмахера вырвал зубы у покойного и увез с собой, предварительно аккуратно завернув их в чистую бумагу.

Видя, что положение складывается тяжелое, азербайджанцы, проживавшие в Зангибасарском уезде, начали потихоньку сниматься с места. Многие из сегодняшних жителей Барды, Агдама, Геокчая, Гянджи, Нахичевани и других городов и районов Азербайджанской ССР в 30-е годы перебрались сюда селений Улуханлы, Мехманлар, Чобанкара, Шеллю, Зангилар и т. д. Зангибасарского уезда. В канун войны в каждом из селений по 5-10 человек из числа неимеющих даже начального образования были объявлены опасными элементами, арестованы и сосланы в Казахстан.

С 1935 года начинается уничтожение топонимов, соответствующих азербайджанскому языку. В Ереване были разрушены до основания многие архитектурные памятники азербайджанской культуры, в том числе Сардаргаласы, каравансарай, мечети. От существовавшего в городе азербайджанского кладбища не осталось и следа... К 1968 году название села Улуханлы четырежды (!) подверглось изменению: Улуханлы - Нариманлы - Зангибасар - Раздан - Масис.

В Зангибасарском (Масисском) районе до 1952 года было 30 селений, и 25 из них жили азербайджанцы. После 50-х годов все азербайджанские наименования были арменизированы. Наконец, по неизвестной и сегодня причине в 1948 году азербайджанцев начали в массовом порядке выселять из Армении в Азербайджанскую ССР.

Конечно, во имя сохранения заложенных отцами и делами, очагов люди сопротивлялись этому. Правительство Армении, чтобы сломить, это сопротивление, прибегало к самым изощренным мерам. Были закрыты в Ереване азербайджанское педучилище, азербайджанские отделения в торговом и ветеринарном техникумах в государственном пединституте имени Х. Абовяна, а также Театр азербайджанской драмы имени Дж. Джабарлы.

Вскоре после массовых переселений часть бывших жителей Зангибасарского района, не выдержав разлуки с родными краями, возвратилась к своим очагам. Но это не устраивало правительство Армении, и оно осуществляет дополнительные меры по изгнанию азербайджанцев. Был издан указ о ликвидации Зангибасарского и Карабагларского района, издавна плотно заселенных азербайджанцами. Это означало, что большая часть местной азербайджанской интеллигенции лишается работы.

Селения Зангибасарского района были переданы в три района в Арташатский, Эчмиадзинский Шаумяновский. На место выселенных из селений Зангибасарского района людей привезли армянские семьи из Ленинакана, Шамшадина, Мартуни.

После того, как азербайджанцы были полностью выселены, в 1968 году вновь образовали Зангибасарский район. Однако название [316 - 317] ему дали новое, по названию горы Масис (Агрыдаг), которое у каждого армянина вызывает обостренное чувство национальной мести.

И в самом деле, в Масисе националистические настроения возобладали в очень скором времени. В селениях с поголовным азербайджанским населением - Каракышлаг (ныне Дружба), Верхнее Неджили (ныне Низами), Габилкенд (ныне поселок им. Калинина), где большую часть населения составляют азербайджанцы, руководителями хозяйств были назначены армяне. Азербайджанская интеллигенция работала лишь в школах.

Даже те, кто не имел педагогического образования, устраивались в школы. По этой как раз причине в азербайджанских школах у большинства преподавателей нагрузка не превышала 6-10 часов.

Лишь для видимости в райкоме партии один из секретарей оставался азербайджанцем. С каждым годом картина принимала все более печальные очертания, ситуация становилась все напряженней.

Праздновавшийся с 1965 года 24 апреля День геноцида усугублял и без того тяжелое положение азербайджанцев. В этот день азербайджанские села брались под особый контроль. Никому не позволялось выезжать в райцентр, в город. В азербайджанские дворы подбрасывались листовки примерно такого содержания: "Турки, убирайтесь из Армении!"

Автору этих строк довелось присутствовать 27 апреля 1965 года на совещании, созванном в Арташатском райкоме партии по протесту азербайджанцев против подобных вещей. Однако все эти совещания, как и проводившиеся время от времени праздники дружбы и т. д., носили сугубо показательный характер, были своего рода ширмой, позволявшей закрыть глаза на творившиеся повсеместно безобразия.

...24 апреля 1983 года. Все друзья покойного Керим муэллима собрались на свадьбу его сына Таги Кафарова в поселке Масис. Как вдруг группа молодых армянских парней омрачила веселье грязной дракой.

Для наведения порядка вызвали милицию. Но прибывший на место происшествия заместитель начальника милиции Искандерян и его подчиненные почему-то признали виновными азербайджанцев. И вдобавок зло отругали их за то, что они 24 апреля (в выходной день!) справляют свадьбу. [317 - 318]

А избежавшие наказания неожиданнейшим образом армянские парни - зачинщики драки - ночью совершили набег на азербайджанское кладбище и осквернили 17 могил... Азербайджанцы в ответ провели недельную демонстрацию протеста, да кто обратил на это внимание? Более того, секретаря райкома партии К. Мамедова сняли, отметив, что в районе слабо поставлена идеологическая работа.

Как и во всех районах массового проживания азербайджанцев в Армении, в Масисе тоже считалось невозможным вести документацию на азербайджанском языке. Документы азербайджанцев писались по-армянски, поэтому нередко в паспортах, аттестатах, свидетельствах, даже в комсомольских и партийных билетах имена и фамилии азербайджанцев грубо искажались. Бывало так, что в двух документах имена и фамилии одного и того же человека не соответствовали друг другу. Эти искажения в документах долго еще будут напоминать о себе...

Расположенная в райцентре Масисского района средняя школа имени М. Азизбекова - одна из немногих, пожалуй, в Армении справил свое столетие (1985 г.). Статья, предвещающая этот знаменательный юбилей, была опубликована в газете "Совет Эрменистаны". Однако первый секретарь районного комитета партии П. Г. Сафян отверг просьбу педагогического коллектива о проведении юбилея. Ни П. Сафян, ни Министерство просвещения Армянской ССР не подумали о том, что на фасаде

школьного здания вывешена мемориальная доска в память о выдающемся демократе Джалиле Мамедкулизаде, который по-настоящему, большой любовью любил армянский народ. Поздравительные письма, адресованные выпускникам школы - сотням ученых, тысячам специалистов - с приглашением на праздничные торжества так и остались лежать в сейфе директора школы С. Кадымалиева.

Кровавые события 1988 года берут свое начало в Масисе. Начиная с февраля, все здешние жители были под своеобразным домашним арестом. Азербайджанцам даже не позволялось вывозить на базар сельхозкультуры, государственные заготконторы не принимали у них продукцию.

То, что произошло вечером 17 июня в поселке Масис, весьма напоминало боевые действия. С девяти улиц раздавались крики о помощи, но это ничуть не трогало работников правоохранительных органов района. И неудивительно, что все азербайджанские дома и дворы были разорены и разграблены. [318 - 319]

Старейшие учителя Дж. Аскеров, Г. Мамедов и десятки передовиков труда бросились, в чем были спасать детей, выводить их в безопасные места. Такое же положение было и в Саят-Нова, где дом Халила Касум оглы был разорен дотла и спален.

18 июня нападению подверглись в селении Зангилар дома, граничащие с Даштаваном. Был подожжен дом матери - героини Ковсар Керимовой, воспитавшей 10 дней. Пламя было видно с расстояния 5 километров, огонь бушевал 4-5 часов, однако пожарные машины так и не подъехали.

Все это видели своими глазами официальные представители, как Армении, так и Азербайджана. Однако мер никаких принято не было. И потому азербайджанцы оказались вынуждены покинуть родные края.

Трагические события, имевшие место в ноябре-декабре, должны быть вписаны в историю кровавыми строками. 29 ноября в назначенный час все азербайджанские селения Масисского района подверглись одновременному нападению. После разбоя, учиненного в Захмете, Дружбе, Дамирчи, Сарваларе, Овтамаде, Низами, Зангиларе, военнослужащие отвели людей в специально выделенное место в погранзоне. Вдали от родных очагов нашли вынужденную смерть свою Магеррам Адош оглы Гулиев из Зангилара, Сабир Курбанали оглы Мехтиев из Низами, Таги Мушвиоглы Тагиев из Дружбы, Аббас Мурсал оглы Алиев из Сарванлара.

10 декабря последний караван масисских азербайджанцев в сопровождении советских пограничников покинул родные края и направился в сторону Нахичеванской АССР.

...Придет время, и М. Даврешян и А. Саркисян поймут: "Шила в мешке не утаить!".

Объединив в 1937 году часть азербайджанских сел, расположенных на территории Артаматского и Эчмиадзинского районов, создали Зангибасарский (Масисский) район. В соответствии с составом его населения и была составлена данная таблица, согласно административному делению 1937 года. Приведенные в таблице цифры взяты из книги З. Горгодяна "Хорхрдаин айастан и бнагчутюны" (Ереван, 1932 г.), поясняющая графа – наша [319 - 320]

РАЗРУШЕННЫЕ МОГИЛЫ

Прочитав заглавие, читатель видимо подумает, что речь здесь пойдет о событиях последних двух лет и связана с положением азербайджанцев в Карабахе и Армении. Действительно, речь пойдет о покинувших землю предков беженцах из Армении, но не вчера и не сегодня, а сорок лет назад.

Я нефтяник, а не писатель. Взять ручку и написать эти строки меня подтолкнула одна фотография в газете "Азербайджан" №11. На ней было изображено кладбище с разрушенными надгробными камнями. Такого рода глумление над духовным прошлым моего народа возмутило меня. Эта картина напомнила мне 1967 год. Я пошел поклониться могиле отца. Уже тогда я стал очевидцем разрушенного кладбища.

Кладбище, о котором я хочу вам поведать, находится в селе Бююк-веди Вединского района. Это село - родина моих предков, находится в сорока километрах от Еревана. Наше село тогда считалось райцентром. Теперь же ему дан статус поселка. Больше девяноста процентов жителей были азербайджанцы. В селе было древнее большое кладбище (мой отец был предан земле в 1943 году).

Последний раз, это было в 1951 году, всей семьей навестив могилу отца, мы покинули село. Тогда нам даже в голову не могло прийти, что эту могилу мы больше не увидим.

Использованное мною выше слово "покинули" точнее можно передать - "добровольно" изгнаны.

В 1967 году, через шестнадцать лет мы всей семьей решили навестить могилу отца. Три брата и четыре сестры, мы, собравшись, отправились в путь и, оставив позади 800 километров, прибыли в наш район. Что мы увидели... Во всех районах и селах, где [320 - 321] проживали азербайджанцы, изменены, а точнее арменизированы названия, мечет (в одном только нашем селе их было три) превращены в груды руин.

Кладбище располагалось на окраине села, занимая склон горы, непригодный для земледельческой работы. Все надгробия были примерно одной формы и вытесаны из простого камня. Наконец мы достигли кладбища и го, что мы увидели, потрясло нас. Все было сровнено с землей, а надгробия свалены в угол как груды камней. Мы опустили па землю возле этих камней, и слезы сами потекли из глаз.

Немного успокоившись, мы попытались найти надгробие могилы отца. По одному переворачивая тяжелые камни, мы читали надписи на них. Но поиски продолжались недолго: забредший на кладбище старик сообщил нам, что здесь нет и одной десятой части всех надгробий. Почти все они увезены и использованы для различных целей в хозяйстве.

В 1947-1949 годах для претворения в жизнь политики переселения, о чем было принято решение на правительственном уровне, в наш район из Азербайджана приезжали лекторы, пропагандисты и рассказывали о перспективах скорого прогресса, о строительстве новых городов на берегу Хазара и Куры (Сумгаит и Мингечаур), о существующем дефиците рабочей силы. Забегая вперед скажу, что переселенцев ни в Сумгаит, ни в Мингечаур не отправили, а большинство их расселили по Миль-Муганской степи. Потом выяснилось, что рассказы о молочных реках и кисельных берегах - выдумка и ложь. Главной целью так называемого "добровольного" переселения было заставить людей расписаться на заранее заготовленных бланках заявлений.

Первое время мало кто соглашался лишался переселиться. В 1949-1950 годах число подписавших заявления быстро увеличили. Было странно, что люди, зная, что переселяются в совершенно другие, неподходящие климатические условия, вместе с тем оставляли дома, хозяйства, сады, могилы близких, со слезами па глазах все же уезжали.

На вопрос, почему оставляли родные места - моя мать, ответила лишь спустя пятнадцать лет. Оказывается, в то время в людях сидел такой страх, что, действовать вопреки принятому наверху решению у них не хватало смелости.

Выражение несогласия с решением, которое принималось после согласования со Сталиным, Микояном, и Багировым, могло [321 - 322] окончиться для них ссылкой в Казахстан или в Сибирь. Они это понимали и боялись этого. Вот почему "добровольно" покинута была земля наших отцов и дедов.

Моя мать работала учительницей, была депутатом Верховного Совета республики. Стабильности нашего семейного бюджета во многом способствовал приусадебный участок, дававший неплохой урожай. Поэтому мы решили не переезжать.

Но вышло иначе. В 1951 году в школах из-за нехватки преподавателей - азербайджанцев некоторые предметы начали вести на армянском языке. Кроме того, были обиды, оскорбления. Мы жили в своем доме как чужие. Помню, как зимой мы в саду обрезали сухие ветви деревьев. На нас тогда смотрели с подозрением и угрозой. Поэтому мать тоже заполнила бланк заявления. За двухкомнатный дом из кирпича и приусадебный участок нам колхоз дал 400 рублей (40 рублей). Что можно было поделаться? Странно, колхозники массово выселялись, а все хозяйство колхоза, принадлежавшее нажившим его людям, оставалось Армянской республике.

Наконец, в один из холодных осенних дней 1951 года, погрузив в машину вещи, сами, усевшись сверху, мы направились в сторону вокзала Девели (сейчас Арарат). С нами вместе переселялось около ста семей. На станции по очереди сначала полаются на первую платформу грузовые вагоны, которые заполняют вещи и люди.

Вся эта операция занимает примерно сутки. Через шесть дней пути мы достигли станции Евлах и три дня оставались там.

Нескольким семьям переселенцев в городе Барда дали место. В том числе и нам. Остальных разместили в различных селах района. Постепенно выделили участок, отпустили в кредит стройматериалы, и кто как сумел, построил себе дом.

Были и такие, кто, не вытерпев, возвращался назад, но, встретившись с сопротивлением, вынужден был снова уехать. Я хочу подчеркнуть, что между переселением 50-х годов и сегодняшним изгнанием есть много общего. Разница лишь в том, что в то время мы стали жертвами политики, а сорок лет спустя были изгнаны со своей родины в результате зверств, пыток и нечеловеческих унижений. И каждый раз число изгнанных исчислялось сотнями тысяч.

Хочу отметить, что те горные села нашего района, которые мы "добровольно" оставили ради Миль-Муганской степи, до сих пор пусты, и там никто не живет. Коланлы, Джамышлы, Менкуй и др. превратились в развалины. [322 - 323]

Те разнузданность, безответственные националистические выступления, откровенная агрессия против нашей земли и древней истории начались не сегодня, а много-много лет назад. Если не будет положен конец подобному рода действиям, может возникнуть опасность изгнания с других наших древних земель. [323 - 324]

УЩЕЛЬЕ ГАРАГОЮНЛУ

Ночью 30 ноября 1988 года зазвонил телефон. Я снял трубку. Звонивший не представился. Сказал, что армяне окружили наши села, перекрыли дороги, забирают и увозят с собой всех, кто попадает к ним в руки. Помогите скорее... люди в безвыходном положении.

Я растерялся. Куда, к кому обращаться? Как из Баку помочь азербайджанцам, живущим в Армении? Махал Гарагоюнлу - это десять сел, расположенных в Дарлыгском ущелье, что между Красносельским районом и Дилижанским ущельем. Четыре села входят в Иджеванский район, шесть - в Красносельский.

Я сел за телефон. Два часа провозился, пока неожиданно не услышал в трубке знакомый голос - то был начальник сельского узла связи Магеррам. Я спросил его об обстановке. Отвечал он сдавленным голосом, отрывисто:

- Положение тяжелое. Детей, стариков и женщин отвели в лес, на ферму и спрятали там. Сами несем караул на дорогах. Надежды мало, сообщите наверх, чтобы спасли нас. Мужчин из придорожных деревень ночью посадили в машины и увезли. Опасность ожидается и нас. Если есть возможность, пришлите грузовики. Только пусть едут через Кедабекский район. На иджеванской дороге опасно.

Всю ночь мы не спали, думали, как помочь. К кому обратиться?

Рано утром с земляком. Мусой Дашдамировым мы отправились в путь. По дороге узнали что, и в Кедабеке созданы штабы, которые размещают, прибывших людей по районам.

Посоветовавшись, решили прежде поехать в Казах, где как нам сказали, регистрируют людей из Спитакского, Кироваканкого, Иджеванского и Красносельского районов и размещают в районах Азербайджана. [324 - 325]

Уже у Шемахи мы увидели лагерь беженцев. Он раскинулся у самой дороги. Дети беженцев разожгли костры, собрались вокруг них. Зрелище было тяжелое, и сердце сжалось болью. Господи. В чем вина этих людей? Кому и что плохого они сделали? Сколько же раз будут гнать их из родных мест, их, что день и ночь возятся в земле, кормят миллионы дармоедов?!.. И не без умысла заварили всю эту кашу зимой, чтобы они погибли в снег, в мороз... Если была бы в тех хоть капля человечности, то так жестоко они с людьми не обращались бы...

Беженцев мы видели всю дорогу... а мысль уводила меня в ущелье Гарагоюнлу, в историю проживавших там древних племен... Когда я приезжал в село, аксакалы, да и отец часто вспоминали о страданиях и мытарствах, перенесенных людьми в "год беженцев". В памяти всплыли эти рассказы...

Ущелье Гарагоюнлу берет начало в Эр даге (Кедабек) и, спускаясь вниз, сливается с Дилижанским ущельем, которое, в свою очередь, в низине вливается в Казахский район. Или же наоборот, дорога, начинающаяся в Казахе, пролегает через Узунтала, Каравансарай (Иджеван), Молла гаясы, Шинкар булаг, село Хагыхлы, Красный мост (поворот в Красносельский район) и ведет в ущелье Гарагоюнлу. Села Гарагоюнлу лежат по обеим сторонам ущелья Дарлыг вдоль речки Геликчай - Алачыг гая (Даш айрым), Полад, Салах, Гарагая, Яныгпея, Чайкенд, Амирхейир, Гелкенд, Джывыглы. Яныгтепе и Амирхейир раскинулись у подножья эйлага Союг-булаг, Джывыглы - у подножья Джантепе, остальные - вдоль речки, у подножья Мургуз дага.

Богата и насыщена история ущелья Гарагоюнлу, живших там племен, людей. Здесь можно встретить памятники истории самых древних времен - огузское святилище на Мургуз даге, неподалеку от него бесчисленное множество скульптурных изображений баранов (издали они напоминают отару), чабана, собаки рядом с ним, чуть восточнее - ущелье Газандюшен, у его окончания, на северном берегу Геликчай - Гирдиман (в Чайкенде), Агджа гала, Гаралжинский отрог, старинные каменные мосты, крепости на скалах, связанные с именем Кёроглы. древние арыки, керамические трубы, огузские захоронения и др., что свидетельствует о том, что здесь тысячелетиями жили наши предки. И Мургуз (мур-мор - по-тюркски голубой), и Гейчинский махал - названия, отмеченные присутствием в этих местах тюрков. Об обитании огузов в этих краях говорят упоминаемые в "Китаби Деде Коркут" Агджа гала, [325 - 326] Газанлюшен, Гараджинский отрог, изваяния чабана и овец, различные памятники и топонимы. Огузы, жившие в северной части Мургуза - Таузе, Акстафе (Огузтайфе), Казахе, лето проводили в Мургузе, Союгбулаге, эйлагах Джантепе, зимой возвращались в низину, в свои агванские

дома. На этих горных отрогах - следы их богатейшей культуры. Хотя вокруг этих сел всегда было полным-полно прохладных родников, в агванские дома паши предки провели водопровод из керамических труб, а также рыли арыки, строили мельницы и различные оросительные сооружения.

Но бесконечные феодальные распри, разрывавшие страну в средние века, не обошли стороной и Дарлыгское ущелье, вынудив проживавших здесь огузов перебраться в различные области Арана.

Власть правителей возникшего в средние века государства Гарагоюнлу (1406-1468) распространилась и на Дарлыгское ущелье. Осевшие здесь когда-то многочисленные тюркские племена смешались с пришельцами. А упадок и распад этого государства завершился тем, что носящие уже его имя тюркские племена оказались разбросанными по всему Кавказу. Те, что остались в Дарлыгском ущелье, стали известны как "башгарагоюнлу".

Это узкое ущелье слышало голоса Шаха Исмаила, Шаха Аббаса, было свидетелем походов Надир Шаха. Позже сюда стали доходить слухи о ханских неурядицах. Слышали, что иранский шах Каджар прошел через Казах на Тифлис... Дарлыгское ущелье спасало своих обитателей от этих смерчей, и ураганов. Черные дни наступили потом, когда русские с севера подселили сюда духоборов, молокан, а с юга /из Вана, Занджана, Карса и т. д./ - армян, отдав им часть наших гор. Новых поселенцев русские снабдили на всякий случай и оружием. Молокане разбили в Чембереке село, построили там кирпичный завод, выложили красной черепицей крыши домов и нарекли его Красным селом. Гарагедик, что принадлежал коротышке Алы, отдал армянам из Вана, которые переименовали его в Маргуни. Армяне из Карса поселились рядом с молоканами и старому поселению дали новое название - Башкенд. Армянам и молоканам дали обширные земли на склонах Шахдага. Саратовка, Ивановка, Башкенд, Нижний Чемберек, Верхний Чемберек, Мартуни... Эти села расположились между Шыныг оба, Гейчей и Гарагоюнлу, разлучив жителей этих мест, мешая их общению.

Если же взглянуть на Гянджинскую губернию, можно увидеть, [326 - 327] как постепенно закреплявшиеся в Эриване армяне начали вмешиваться в наши дела, настраивали против нас молокан. А когда жаловались на них, армяне с молоканами объединялись и всю вину сваливали на нас. Тогда молодые мужчины убивали тех, кто несправедливо рассмагривал жалобу, и уходили в бега. Множество таких беглецов развелось в этих краях, самых разных - и честных, и тех, кто начисто был лишен совести. Были радетели за народ, а были и те, кто разбойничал, занимался грабежом. Некоторые из этих беглецов вступали в схватки с властями, губернатором. Узнав, что староста мучает людей, такие налетали на его дом в селе, раздавали его добро крестьянам, а сами уходили в горы. Горы были их укрытием. Там скрывались, оттуда спускались, чтобы вершить праведный суд, Гачаг Керем, Гачаг Танрыверди из Бозалганлы, Гандал Наги и братья Наби. Власти, не в силах справиться с ними, вербовали среди местного населения людей, которых запускали в отряды беглецов, дабы выдать их. Но народ старался быть начеку. Беглецов оберегали, укрывали, указывали им на предателей. Постоянно шли открытые и тайные стычки между народом и правительством, за укрытие беглецов людей ссылали в Сибирь. Устраивали власти и ловушки, провоцируя людей на ссоры и столкновения. Так была посеяна вражда между Гачаг Танрыверди и двумя сыновьями Гасан хана - Оруджем и Мансыром. Помирить их так и не удалось, настолько хитро были расставлены силки. Когда встретились они лицом к лицу в ущелье Четин, Танрыверди убил Мансыра, сам был тяжело ранен, от той раны и скончался.

Гасан хана, одного из самых влиятельных ханов Гарагоюнлу, по дороге из Чайкенда на эйлаг Союмбулаг убил армянин.

Богат наш народ воинственными своими сыновьями, каждый из которых мог противостоять войску. Шаху Исмаилу было лет четырнадцать, когда он во главе семи тысяч юношей наголову разбил двадцатитысячное войско противника. Но русская империя солдат из мусульман не набирала. Почему? Ее правители знали воинственный характер тюркских народностей. Пройди они воинскую выучку, с ними не справиться. Оттого и расселили русские правители армян вокруг нас. Им хорошо было известно, что на мировом политическом рынке армяне всегда играли роль лазутчиков. С этой ролью в Азии они прекрасно справились еще до спартаковских времен.

Все прочнее обосновывались армяне из Ирана и Турции в Каравансарае, [327 - 328] Дилиджане, Гаракилсе, Эриване, а для нас начинались черные дни...

В 1897 году нам сказали, что армяне совершили налет на дарлыгское ущелье. Большими силами, оружие приобрели у русских. Чтобы спасти детей, мы подались в Османскую империю. Гибли по дороге дети, старики. Дошли до Амасии. Перезимовали там, а затем услышали, что на родине спокойно, нам махал Гарагоюнлу, Дилижан, Гаракилсе и Гейчу передали Гянджинской губернии. Решили возвращаться, хотя многие уже и осели. Они остались, а мы вернулись, с трудом добрались до Дарлыга. Пшеница на наших полях полегла и почернела, бродили одичавшие домашние животные. А в родном селении мы застали бородатых мужчин - то были молокане, за которыми стояла власть. Посоветовавшись между собой, решили пожаловаться, правителю Шамширского махала Аллахьяр беку

Зульгадарову, который был приемным сыном Николая¹ Он приехал сам, показал удостоверение молоканам и велел им выехать из села в течение двух часов.

Люди разбрелись по своим домам, стали приводить их в порядок. Собрали с полей полегшую пшеницу, обмолотили ее, наладили мельницу. Запаслись на зиму едой для себя и кормом для скота, остатки которого нашли и привели во дворы к себе. А потом пошла обычная жизнь - пахали, сеяли, восстановили древние арыки, расчистили и расширили тропинки. За пять-шесть лет деревню полностью благоустроили. Но это длилось недолго.

Началась война 1905 года. Войска у нас не было, но были отважные мужи - Мешали Авды, Аллахверди, Гара Керим, Имран и другие, которым удалось выкрасть у дашнаков пушку и семерым остановить регулярное войско. Опять безоружное население стало покидать насиженные места, опять подалось в Турцию. По дороге [328 - 329] разбойники отнимали у нас последнее. Умиряли дети, старики, которых мы предавали земле прямо там же. Живые дошли до Амасии, нашли приют у добрых людей.

Но силен зов родной земли. Кто-то сказал, что война в России кончилась, там воцарилось спокойствие, и мы вновь потянулись обратно. Отстроили разрушенные очаги, стали налаживать хозяйство. И голодали, и не находили, чем укрыться, что надеть на себя. Подстрелишь дичь в лесу - съешь ее мясо без хлеба и соли, а из шкуры соорудишь одежду.

Смутные времена пошли, как только свергли с престола Николая - разбои, и грабежи, резня... Пошел слух, что в Дилижане собрал свои войска Андыр паша (Андраник), который предал турков. Люди взволновались. Трудно было противостоять им, вооруженным лишь охотничьими ружьями, регулярным войскам. Но наши мужчины не дали бы ему войти в родное ущелье, если бы не предатели - армяне, евшие наши хлеб-соль. В селе Хаггыхлы, что находится между Дилижаном и Каравансараем (Иджеваном), армяне загнали всех мужчин в один дом и подожгли его, спастись удалось лишь двоим. И вновь потянулись беженцы. На этот раз в Кедабек. Ещё год прожили люди в приютивших их селах Арабачы и Арыгыран.

В 20 м году возникло новое правительство, Советское. Гейча, Гарагоюнлу, Дилижанское ущелье, Гаракилсе (Кировакан), Каравансарай (Иджеван), Шамсаддин (Берд), Аллахверди относились Казахскому уезду Гянджинской губернии. Мы только-только заново прикипели к родным очагам. Армяне стали выискивать тех, кто принимал участие в войне 1918 года, уводить в Дилижан. Н. Нариманов, который 16 мая был в Гяндже, узнал об этом и приехал в Дилижан, освободил тех, кто остался в живых. Землю наших предков вплоть до Казаха отдали Советской Армении. Армяне вновь стали уводить и расстреливать участников события 1918 года, и тех, кого освободил Н. Нариманов. Среди арестованных ими был и Магеррам Эмин, который и рассказал людям о деяниях дашнаков. Азербайджанцев ночью вывели к берегу речки под Дилижаном, заставили копать ров. Поняв, что это значит, Магеррам Эмин после первого же выстрела бросился в речку, потом скрывался в лесу. Остальных армяне убили, трупы сбросили в ров и закидали землей...

После прихода Советской власти дашнаки ушли в подполье, то есть попросту заменили дашнакские билеты на большевистские [329 - 330] партбилеты. Днем они были примерными "коммунистами", а ночью - дашнаками, уводили из домов лучших наших сыновей, следы которые терялись навечно. Что мы могли поделать? При Николае хоть могли уйти в Турцию или Иран, а Советская власть перекрыла все дороги. Вот и остались мы в руках дашнаков в обличье коммунистов. Если у кого-то находили оружие, забирали его вместе с хозяином. И поминай, как звали...

Одним из тех, кто устанавливал Советскую власть, был наш земляк Бала Эфендиев, который и приехал к нам в село. Он был комиссаром по национальным меньшинствам в Армении. Собрав аксакалов, он призвал продать лишний скот, отдать детей учиться, ибо сейчас, сказал он, время благосклонно к ученым. Хороший был человек Бала Эфендиев, его потом в 37-м году расстреляли.

Создали колхоз, начали в нем работать. То, что родила земля наших отцов и дедов, собирали в одно место, ведь у колхоза не было ни амбаров, ни ферм, ни даже здания правления. Отобрали под правление одну из комнат в доме, где было их две. И зерно хранилось, и скот размещался в крестьянских домах. Мало-мальски грамотным нашлась работа складчика, счетовода, заведующего фермой, председателя правления. Поначалу созывались собрания, на которых все решалось сообща, голосованием. А как только новоявленные начальники вошли в работу, столкнулись с районным руководством, тогда и стали хитрить с народом.

¹ Иса Джафарзаде, археолог, рассказывал, что когда было завершено строительство железной дороги Тифлис-Баку. Николай приехал в Тифлис и поездом отправился оттуда в Баку. На каждой остановке его встречали местные жители, делали ему подарки. В Шамкире к поезду подошел бедный мужчина с двумя детьми, который через переводчика обратился к царю: "У меня нет ничего кроме двух моих сыновей. Одного из них я дарю Вам". Николай сначала удивился, а затем, подумав, ответил крестьянину: "Я заберу обоих и отдам их учиться. Этот он - укажал на Аллахьяра, - останется мне, а второй выучится и вернется к тебе". Братья действительно выучились, а приемный сын Николая Аллахьяр бек был членом Думы, работал в Гянджинской губернии.

Наступала осень, убирался урожай, и начинали мы выплачивать властям налоги - с хлеба, с мяса, с картошки... То есть власти получали свою долю со всего, что имелось в хозяйстве - с коровы - 9 кг масла, 56 кг мяса, с курицы (есть она у тебя или нет) - 125, а если запоздаешь, то и 200 яиц. Как только взимание налогов с колхоза и колхозников заканчивалось, люди оставались ни с чем.

До начала войны немцам, то есть до 1941 года, мы построили за десять лет две или три фермы для овец и крупного рогатого скота, больше ничего. С началом войны из села забрали всех мужчин, что могли держать в руках оружие. Остались только женщины, дети и старики. Их не жалел никто. Заработанное отбирали, отправляли солдатам. Даже шерсть из постелей тоже отбирали "на теплые белье для солдат". Вынесли и это. В лесах во время войны объявилось много беглецов. Это были мальчики из Гейчи, напуганные войной и убежавшие с фронта. Отряды районной милиции окружали их, расстреливали без суда и следствия. Родители даже не смели подойти к телам своих убитых детей... Кончилась [330 - 331] война. Вернулись в село несколько инвалидов, которые недолго прожили, умерли, не дожив и до пятидесяти, оставив после себя новых сирот. А тех, кто вернулся с войны здоровыми, сослали в Сибирь, наклеив на них ярлык "власовец". Сколько семей лишились своих кормильцев. Вынесли мы и это.

А в 1947 году сказали нам, что ссылают в Сибирь. Мир Джафар Багиров хотел оставить нас в Азербайджане. Люди много говорили на эту тему, и решили не уезжать ни в какую, а если заставят, мужчины укроются в лесу. Но дошла очередь и до нас. По проселочным дорогам, с большим трудом до нас добрались машины с военными, которые принялись уговаривать народ. Старики с помощью переводчиков рассказали офицерам о том, что с нами делали долгие годы. А один из сельчан, раненный на войне, обратился к приехавшим:

- На войне мы проливали кровь за вашу землю. Сколько в ней осталось наших мужчин. А сейчас, когда война кончилась, вы гоните нас с нашей родной земли. История вам этого не простит. Бог тоже... Среди офицеров были порядочные люди. Они крупно поругались с армянами, сели на свои машины и уехали. Так мы остались на своей земле, но слышали, что из районов, что вокруг Еревана, азербайджанцев выселили.

Умер Сталин. Сначала все плакали. Но старики радовались про себя и радость свою прятали, не могли заявить, что Сталин - не спаситель народов, а их палач... Прошло немного, как это сказали и сами власти...

Вышел новый закон о налогах. Ликвидировали большую часть налогов с личных хозяйств. Началось какое-то возрождение. Люди стали строить новые дома. В район пришел секретарь - Джамшид Султанов, который провел свет в азербайджанские села. Открылись школа, клуб, дом культуры, больницы, медицинский пункт. Заступивший на работу после него секретарь Али Гасанов построил узел связи, привел в порядок дорогу...

В 1965 году отмечалось 50-летие "геноцида армян". Во всех районах убрали с руководящих должности азербайджанцев. Переименовали более 300 местностей, поселков, районов, сел и др. на армянский лад. В этот список вошли и старинные азербайджанские названия - Шамсаддин и Басаркечар. Таким образом, в Армении была заложена основа нового преступления против азербайджанцев... Это было подготовкой к их изгнанию в 1988 году. [331 - 332]

Началось в 1988 году все довольно неожиданно. Но это рано или поздно должно было произойти. Подготовка велась, и подготовка в больших масштабах. Последующая довольно быстрая смена событий показала, что велась это подготовка не только в Армении, большая идеологическая работа была проведена среди армянского населения Азербайджана, СССР, да и во всем мире, готовились диверсии, на каждом предприятии был создан армянский "штаб". Все эти политические и идеологические меры не замедлили сказаться. Из родных очагов в Армении 250 тысяч азербайджанцев были изгнаны в течение трех дней. А Азербайджан в первые дни проявил к этим неожиданным событиям хладнокровие и равнодушие. Когда в течение трех дней дороги Азербайджана, его приграничные районы оказались буквально усеянными беженцами, правительство было поставлено перед неожиданными трудностями. Умные руководители нашли выход - разместили пришлых в селах с армянским населением. Создали штабы, приняли экстренные меры. Один из штабов разместился на выезде из Казаха в общегитити ПТУ. На это нельзя было взирать спокойно. Люди рассказывали друг другу о своих злоключениях, не успев договорить, тяжело вздыхали, кто-то кого-то утешал, надежду терять не хотели: "Не волнуйся, придет время, и правда восторжествует", "Как Бог уж повелит", "Как знать, может это и к лучшему". "Ей-богу, пришла снова пора перебить этих армян". А кто-то с юмором: "Бог велел нам убраться, чтобы самому с ними разобраться". Мужчина, сидевший в стороне, все время рассказывал о том, что когда их неожиданно стали сажать в машины, его сына вместе с соседским мальчиком не было дома - ушли пасти коров, и теперь он ничего о его судьбе не знает, боится, что убьют детей... И вдруг к нему ринулись с криком:

- Дядя, твой сын здесь, и стадо привел с собой!

Старик вытирал с лица счастливые слезы...

В штабе мы узнали, что в Казах приехали полностью жители сел Хаггыхлы, Алачыг Гая, Полад, Салах, Гарагая Гарагоюнлинского махала, а также частично - сел Яныгпея и Чайкенд, которых отсюда расквартировали по районам. Другая часть жителей Яныгпеи и Чайкенда, сёл Амизхейир, Гелкенд, Джывыглы принята в штабе, что расположен в селе Саратовка Кедабекского района, а оттуда направлена в Шамхор. Штабы по существу возникли также в Шамхоре и Кедабеке. В них обсуждалось положение, выяснялись возможности и размещались переселенцы. Внешне все это выглядело таким образом. На самом же деле 250 тысяч человек, изгнанных из Армении за три дня, подались в районы Нахичеванской АССР, села Грузии с азербайджанским населением, больше всего их оказалось в приграничных с Арменией районах Азербайджана, где они устраивались, кто как мог. Некоторые, разобравшись в событиях раньше, уехали несколько месяцев назад и поселились в заброшенных селах Азербайджана. Часть перебралась в отдаленные российские села, что само уже равносильно исчезновению...

Если смотреть из Шыных-оба на запад, то видны села, расположенные на северном берегу озера Гейча - Джил, Арданыш, Шорджа, Агбулаг, Тохлуджа, что входят в Красносельский район. Всего три дня назад их жителей с помощью специальных военных отрядов генерала Самсонова гнали впереди советских танков до Кедабекской земли, отобрав у них всежитое, а жизнь добро. Сделали это за один только день. В этот снежный, вьюжный день, сколько детей отдали Богу душу на руках у своих матерей, сколько стариков, в ногах которых не осталось сил, чтобы бежать. Кедабекцы нашли, спасли и привели в свои дома людей, которых буря застала на Топашане, горе Эвелик, Сарыбулаге. Мне рассказали, как женщина, без сил опустившаяся на колени в снег, боролась с вьюгой, не желая отдавать смерти двух своих детей, которые были у нее на руках. Ее заметил житель Кедабека, который, подбежав к ней, одного из детей привязал к своей спине, другого взял на одну руку, а второй схватил обессиленную мать, дотащил всех троих до жилья. А муж этой женщины был убит по дороге, были и пропавшие, трупы которых кедабекцы разыскали и похоронили.

Особенно хочется отметить заслуги первого секретаря Кедабекского райкома партии З Искендерова, который на вертолёте преследовал бородачей, гнавших беженцев, и заставил их отступить. Он встретился также с секретарем райкома Красносельского района и потребовал не трогать людей, дать им спокойно переселиться вместе со своим добром, и даже поставил некоторые условия. Благодаря этому в Красносельском и Басаркечарском районах жертв было мало.

По дороге, что шла под Саратовкой, брели двое, гоня перед собой 7-8 корон, 20-25 овец. Лица у них было заросшими, одеты как попало. Мы остановили машину и спросили, откуда они. "Из села Полад Иджеванского района, - ответили несчастные. - Через Иджеван пройти не могли. Десять дней мыкаемся по горам-долам и кое-как добрались, до Кедабека". [333 - 334]

Слов для утешения найти было невозможно. Да и что скажешь? Чего ждать от империи, где дашнаки делают все, что их душе угодно, где армянская мафия взяла в руки государственный аппарат и вертит им как хочет? Народы пока терпят. Ибо еще не попробовали армянской похлебки. К тому же в эти тяжелые дни люди проходят через огромные испытания. Многие годы дремавшие, потеряв всякую надежду, люди сейчас проснулись и во имя завтрашнего дня борются не на жизнь, а не смерть. Центр постепенно снимает с себя ответственность. Дает народам "полномочия самостоятельности". Это означает, что соседи, между которыми давние распри, могут сейчас действовать самостоятельно и добиться своих целей.

В Саратовке я встретил своего старшего брата Оруджа и соседку Зарнишан, у которой судьба сложилась все же трагично - позднее она вместе с дочерью погибла в автобусе, который армяне взорвали в Евлахе. Орудж рассказал:

- Из села я ушел последним. В соседних селах многим не дали унести из дома ничего, погрузили босых в самосвалы и повезли в Казах, где из машин их выгружали, поднимая кузов. Большинство людей были ранены. Армяне набились в село, не дожидаясь нашего отъезда, заявили, что здесь будут их дачи. Каждый выбирал себе дом. Многие из них были вооружены. Пять-шесть охотничьих ружей, которые у нас были, отобрали несколько месяцев тому назад. Приехавшее районное руководство объявило, что спасло нас от бородачей. Что приедут машины и увезут нас на границу с Кедабеком. Потом они уехали, а многим семьям машин не хватило, каждый выбирался из села, как мог. Людей переселили в шамхорские села. Сейчас своих и не найдешь. В разные места попали наши амирхейирцы - в Казах, Акстафу, Шамхор, Исмаиллы, Ахсу, Шемаху, Баку, Сумгаит... Надо бы собрать всех, поселиться вместе.

Я поднялся на вершину Эрдага, откуда можно было видеть Гейчинский эйлаг, Союгбулаг, Мургуз, Гарагоюнлу...

Родная земля. Проматерь. Разлучаемся с тобой. [334 - 335]

РУБЕЖИ

Впервые, что такое кочевье, я узнал в родном Шаруре. Свидетелем самых первых моих впечатлений была сказочная река Арпачай, проложившая себе дорогу через село Данзик. Отец ради удовольствия идти ночью несколько дней караваном, при лунном свете, покачиваясь на верблюде, покидал долину Арпачая и совершал кочевье в сторону пастбищ Айриджи и Даралагеза. Но и недели не проходило, как мы, дети, забыв о приятной прохладе пастбищ, ледяных и прозрачных родниках, о свежем гатыге и сливках, оставляли родителей и, убегая, возвращались вниз к арану. Большую часть пути шли пешком. В нашем селе среди моих ровесников не было ни одного, кто бы два месяца прохладного, благостного пастбищного сезона досидел до конца, не вернувшись в знойную жару, в долину Арпачая. В этом я вижу один из признаков привязанности к родным местам. В этом переходе - аран - пастбище, Арпачай был для нас как бы своеобразным рубежом.

А как же хан-Араз?

И эта река с детских лет оставила свой неповторимый след в моей памяти. В стороне от Арпачая находилось село. Не забуду, как мой дед Али Габибоглу на сходке аксакалов в этом селе спорил с Узун Гасаном (за высокий рост, статность его называли длинным, т. е. большим Гасаном – И. Г.). Мой дед говорил:

- Я верхом на верблюде через Араз переправился. Большой Гасан же отвечал:

- Я сделал то же, засучив шаровары.

Мой дед родился в 1889 году. Узун Гасан был моложе его. Суть спора заключалась в том что, когда Али Габибоглу переплыл Араз на верблюде. Узун Гасан был еще ребенком и поэтому никак [335 - 336] не мог такую реку перейти засучив шаровары. Но Узун Гасан не желал отказываться от своих слов. В самом деле, глядя на его высокую, стройную фигуру, человек волей-неволей начинал верить, что такому "Араз по колено, а Кура по щиколотку". Мой же дед считал, что Узун Гасан все-таки перешел Араз, но во время второго, а не первого бегства.

Али Габибоглу под первым бегством подразумевал смуту 1905-1907 годов, потому что он называл среди прочих и попа Гапона. Второе бегство 1918-1920 годов связано в народной памяти с известными событиями. Таким вот образом в памяти нашего поколения с детских лет запечатлелось слово "бегство". Рубежом при этих событиях стала река Араз.

Еще одно бегство, которое многими понималось как переселение, произошло в 1946-1948 годах. В предыдущих изгнаниях люди через некоторое время все же возвращались к родному очагу. Сожженные, разрушенные жилища с трудом, но удавалось восстановить. Массовое изгнание людей со своих мест после Великой Отечественной войны хоть и называлось ее авторами Сталиным и Мир-Джафаром Багировым "политикой переселения", стало причиной несчастья для 150 тысяч семей, насильно выселенных из родных краев и оставшихся без крова. В этот раз рубеж прошел через судьбы людей. Сколько человеческих жизней было загублено даром.

И, наконец, в 1988-1989 годах Азербайджан встретил еще одних переселенцев. На этот раз было настоящее бегство. Разница была в том, что люди покидали родину уже не верхом на верблюдах и лошадях, а в лучшем случае их сопровождали военные и грузовые машины. Немало было и таких, которые босиком, с непокрытой головой спасались бегством через заснеженные горные перевалы. Но до сих пор не написано объективной истории ни предыдущих, ни сегодняшних изгнаний. У нас молчание - золото, соседи устают напевать один мотив - к месту и не к месту.

Таким образом, самая большая трагедия запечатлелась не на страницах книг, а в окровавленной памяти народа. И это тоже своего рода рубеж.

В антиазербайджанской политике Армении, всегда заканчивавшейся изгнанием азербайджанцев с родных мест, родины их предков, и Нахичевань играла роль рубежа.

Изгнанники из Гейчинской области, Гюмрю, Велибасара. Дерелейеза, Зангезура, Мегринского ущелья в первую очередь бежали [336 - 337] сюда, находя здесь спасение. Нахичевань превратилась в мост, связывающий две части родины. За период с 1905 года по сегодняшний день в результате четырех изгнаний большинство беженцев, у которых было разрушено более полумиллиона жилищ, мощным потоком перейдя через этот мост в Южный Азербайджан, Игдыр, Эрзурум, поселилось на солончаках Мугани, изнывающей от жары и пекла Мильской равнине, рассыпалось по Ширвану и Апшерону.

О предыдущих бегствах мы знали лишь со слов дедов и отцов. В этот раз рубежом были не только дороги Нахичевани. Боль и горечь изгнания прошла, полоснув по сердцам всех, кто здесь жил.

Февраль - начало марта 1988 года

Нахичевань раскалена как медный казан, как не до конца потухший тендир - то гаснет, то воспламеняется. В каждом доме, в каждой семье слышно одно: Нагорный Карабах! Имя академика Аганбекяна, переплюнувшего в интервью зарубежному журналу авантюриста Андраника. Развитие событий по дашнакскому сценарию привело к неожиданным последствиям, вызвавшим переполюх в ряде сел. Первыми гонцами, изгнанных с земли своих предков, богатой горными пастбищами, рассказывались на первый взгляд странные вещи: "Бородачи заставляют нас покидать свои дома. Соседи не поддерживают нас, как будто у них не хватает сил. А может и бояться".

В самом начале развития событий слышались и такие нотки: "Мы поручили свои дома и всё добро соседям - армянам. Во всем виноваты бородачи".

В Нахичевани, можно сказать в каждом доме поселился гость. Но все это пока выглядит временным явлением: как будто азербайджанцы из разных районов Армении пришли открыть сердца, поделиться горестями. Их ободряют. И те и другие уверены, что так долго продолжаться не может. Надо переждать и все обойдется само собой. Неуравновешенная, постоянно балансирующая политика центральной прессы полностью сбила людей с толку. Республиканская же печать все еще продолжает муссировать идею дружбы двух народов!" И первые изгнанники с надеждой, что все наладится, возвращаются в свои дома. [337 - 338]

Вторая половина марта

Нахичевань приняла Гюльшой человеческий поток. Сотни семей из Еревана, Гейчи и, Гамарли, Веди, Зангезура. В этот раз те, кто пришел, говорили уже иначе: "Мы привели своих жен и детей. Мужчины вернутся назад". Часто вспоминались слова кербалаи Исмаила - героя фильма "Последний перевал" по сценарию Фармана Керимзаде: "У нас есть честь, достоинство". Тогда еще Ф. Керимзаде был жив. Покойный писатель время от времени приезжал в Нахичевань, ободрял беженцев, помогал, чем мог.

Рубрики газетных выступлений и телевизионных передач изменились. Лозунг "историческая дружба двух народов" сменился призывами к мудрости.

Некоторое время спустя, впервые за всю историю Азербайджана у нас появились комиссии по беженцам. Проблемы материального обеспечения беженцев, их размещения превратились в насущные. Я вовсе не хочу принизить роль этих комиссий. Члены комиссии, используя все возможности, помогали людям. Но никакая комиссия не решила бы проблемы, если бы не народ. Люди в массовом порядке обращались в комиссии по беженцам с предложениями о помощи, оставляли свои адреса, сообщили, сколько человек смогут разместить у себя дома. Часто, не выдержав, сами ехали к границе и оттуда из приграничного села Садарак подбирали беженцев и везли к себе домой. Ни в одной семье не возникал разговор о тесноте или другого рода трудностях. Более того, многие отказывались от помощи продуктами, которую оказывала комиссия. Отношение у всех было единым: "Сколько бы ни остались, будете любезными сердцу гостям". Но родные очаги ждут вас, и рано или поздно вы должны зажечь их. Землю предков нельзя оставлять без присмотра. Дух усопших на наших кладбищах не простит нас. При первом же удобном моменте обязательно надо вернуться".

В конце апреля на проходившем в Нахичевани митинге один молодой человек из числа покинувших родные места, отметив усложнившуюся общественно-политическую ситуацию, призвав прибывших в автономную республику беженцев вернуться к родным очагам, сказал: "Трусость, слепая вера разного рода слухам не подходят нам. Рассеивание по разным районам Азербайджана не спасет нас от беды. Наша сила - в единстве. Не медля ни минуты нам следует вернуться в свои дома. [338 - 339]

Эта прочувствованная речь осталась у многих в памяти. Беженцы начали возвращаться.

В этот момент я вспоминал опубликованную в 1911 году и после этого 70 лет ожидавшую встречи с читателем книгу нашего выдающегося писателя М. С. Ордубади "Кровавые камни", в которой рассказывалось, как в период первого по времени изгнания в 1905 году из пределов Эриванской губернии пятидесятилетний Новруз Казымоглу обратился к своим соотечественникам, готовым уже покинуть родную землю, со следующими словами: "Люди! Куда бежите? Разве вы хотите этим бегством сделать кавказских мусульман в глазах других народов без вины виноватыми? Или после этого

изгнания, может быть, армяне оставят нас в покое? Нет! Нет! Один раз, добившись своего, они еще больше осмелев, обрекут нас и наши семьи на невиданные доселе унижения и оскорбления.

Разве это не те самые армяне, которые год назад, стоило мне пошевелить пальцем, готовы были сломя голову бежать из Гыrx-булага. Что сегодня случилось с вами, послушно и бессильно как стадо баранов вы дружно бежите от них?! Если хотите - бегите. Я один встану на пути их полков и, выбрав удобный момент, достойно расстанусь с жизнью.

Мусульмане! Всякий уважающий себя народ должен уходить в другой мир, помня о чести и доблести. Согласно шариату пророка Мухаммеда встретить смерть спиной к врагу мерзко и недостойно. Знаете ли вы что после того как кости наших дедов, спящих в этой земле, будут извлечены из своих склепов, отнесены на чужбину и сожжены там, на месте надгробий сотворят Армению. Чтобы не отвечать за этот грех на том свете, я остаюсь защищать эту землю и сделаю все, что в моих силах", (с. 60-61).

И в самом деле, с весны по осень 1988 года два-три раза беженцы через некоторое время с надеждой возвращались домой, но вскоре вновь вынуждены были вернуться. Содержание осенних разговоров значительно посуровело: "Наши дома сожгли". "Стреляли по крыше нашего - дома". "Того-то ранили". "Детей не пускают в школу". "У такого-то машину угнали". Еще одной каплей был потрясший всех случай в Шидди. Шидди - одно из самых крупных азербайджанских сел Ведибасара, находится на берегу Араза. Дашнаки, этот сброд отщепенцев, в течение нескольких месяцев не давали покоя жителям села. Набеги, преследования, угрозы, использование огнестрельного оружия. После очередного нападения [339 - 340] был убит один из жителей села, пользующийся в области уважением сеид. Передвижение с места на место тогда уже было связано с риском. Даже посещение таких мест как кладбище было небезопасно. На дорогах поселился Соловей - разбойник. Но, несмотря на это почти со всех сел автономной республики люди на машинах направлялись в сторону кладбища Шидди. Бывший первый секретарь Иличевского райкома партии Тахир Алиев сделал все возможное, чтобы изгнанные из своих домов, живущие в палатках жители Шидди смогли, как полагается проводить в последний путь своего односельчанина. В тот день люди ни в чем не испытали нужды. Хоть это и был просто обряд погребения, люди вкладывали в него более глубокое содержание духовной стойкости и единства. В те дни это было важно как воздух, как вода. Может именно поэтому крестьяне Шидди около двух месяцев жили в палатках, с надеждой неся караул у родного села, одного за другим направляя в Москву гонцов с тревожными вестями. Все бесполезно. Те вернулись ни с чем.

В то же самое время центральная печать либо закрывала на все глаза, никак не реагируя, либо занимала одностороннюю проармянскую позицию, искажая происходящие в Азербайджане события, либо в лучшем случае играя роль балласта. А от такой политики никому пользы нет. Напротив, всякая лживая, недостоверная информация только будоражила людей. В этот же период центральные газеты и журналы как будто специально предоставляли свои страницы таким горлопанам и "национальным героям", как Аганбекян, Зорий Балаян. От них не отстало и Центральное телевидение, регулярно предоставлявшее эфир так называемой армянской интеллигенции, умело разжигавшей национальные страсти.

В азербайджанской же прессе царил информационный вакуум, доводивший людей до отчаяния. В лучшем случае звучали мотивы такого рода, как "от земли пая не бывает" или "Карабах - наш". Публицисты, в рот воды набрав, молчали, время, от времени упражняясь в критике некоторых лидеров застойного периода. Карабахская трагедия видимо была кое для кого недостаточно трагичной, если ее отодвигали на второй план. В свое время послушно следовавшие на поводке за бывшими руководителями, зарабатывавшие себе кусок прославлением и лестью, получившие богатство и должности, теперь обратили огонь критики в прошлое против своих благодетелей. А проходившие в Нагорном Карабахе [340 - 341] процессы с каждым днем принимали все более опасную форму, зовущая, кричащая о помощи земля горела под ногами. А газеты в который раз перемалывали набившую оскомину тему нахичеванской мафии. Как будто карабахская проблема вовсе не касалась нашей республики.

В те дни в Нахичевани, можно сказать, каждую неделю проходили митинги и демонстрации. Лозунг был один: "Дашнаки! Руки прочь от азербайджанской земли!", "Карабах - древняя азербайджанская земля!" Нахичеванское телевидение неоднократно выходило в эфир с передачами по международному вопросу, по истории Карабаха. Выступления в печати и по телевидению на эту тему писателя Г. Ибрагимова, поэтов А. Гасымова, Г. Рази, доктора филологических наук, профессора Я. Ахундова, доцента А. Алиева, кандидатов филологических наук А. Рагимова, Дж. Джалилова, кандидата исторических наук Г. Гадирзаде и др. приносили хоть какое-то успокоение людям. По требованию участников многотысячного митинга одной из самых красивых площадей Нахичевани было присвоено имя Карабахской. Жители сел, расположенных за 40-50 километров от столицы автономной республики, часто из-за отсутствия автобусов преодолевали это расстояние пешком, скандируя:

"Карабах!". А республиканская пресса все еще мусолила тему нахичеванской мафии. Об охватившей Нахичевань патриотической волне ни слова не писалось. Кроме того, находились такие публицисты и ученые, которые открывали огонь по историко-литературному прошлому Нахичевани. С одной стороны армянский геолог Сурен Айвазян обвинял Мирзу Джалила Мамедкулизаде в национализме, который он разглядел в повести – "Уста Зейнал". С другой стороны армянский "исследователь", немало поломав голову, сочинил книгу под названием "Армянские памятники и Нахичевани", где пытался доказать армянское происхождение построенных в восточном стиле тюрко-мусульманских образцов архитектуры. А официальная азербайджанская печать пыталась принизить значимость воздвигнутого в Нахичевани мавзолея Моминэ-хатун. И все это несмотря на то, что гораздо раньше известный русский искусствовед, действительный член Академии искусств СССР М. Алпатов, восхищаясь его редкой архитектурной красотой, писал: "По красоте архитектурной формы, замыслу, классической завершенности композиции и мастерству исполнения это сооружение в архитектуре средней Европы не имеет себе равного. Как самые прекрасные творения классической восточной литературы, [342 - 343] бессмертная "Шахнамэ" Фирдовси или "Лейли и Меджнун" Низами, так и нахичеванский мавзолей источает свет человечности".

За прошедший период вся республиканская пресса осталась равнодушной к окутавшей Азербайджан надуманной карабахской проблеме.

Армянская печать на страницах своих газет регулярно раздувала сведения о количестве людей, покинувших Азербайджан, и при помощи органов союзной информации распространяла дезинформацию по всему миру. И это происходило, в то время как азербайджанские газеты на своем родном языке боялись назвать истинное количество беженцев, прибывших в республику. Впервые такая информация проскочила в газете "Советская Нахичевань" 2 апреля 1988 года. В то время занимавший должность председателя Верховного суда Нахичеванской АССР Муса Гасанов, учитывая проблему размещения беженцев, вынужден был обнародовать эти цифры, за что получил приглашение на ковер в Баку. Куда все это нас вело? Те, кто недалеко и беспечно занимался словесной игрой, на самом деле способствовали увеличению аппетита наших соседей и на Нахичевань. Эхо Топханы в эти дни было слышно в Нахичевани, Гяндже, Казахе, Шеки, Ленкорани. В критические моменты обострения ситуации выступавшие по Нахичеванскому телевидению, обращаясь к своим южным братьям на языке Джалила Мамедкулизаде, старались донести до них, что "сегодня святым местом Кербела является патриотический Азербайджан. В чьем сердце есть хоть капля веры, чести и любви к родине, должен болеть за НЕГО. У кого в жилах течет кровь, и душа не очерствела, тот не может не увидеть разрывающий сердце траур Азербайджана".

В ноябре-декабре 1988 года, начиная с Баку до Нахичевани, всюду чувствовалась напряженность. Теперь уже не было сомнений в статусе тех, кто вынужденно покинул родные места. Они были не временные переселенцы. Они были изгнанники. Это было четвертое бегство. Его историю не было надобности искать в книгах и в рассказах аксакалов. Мы видели его своими глазами, были живыми свидетелями. Страшная картина стояла перед нашими глазами.

Вообще-то исторически для достижения своих низких целей армянские дашнаки прибегали различным приемам. Эти уже устаревшие методы не раз использовались в двадцатом веке в [342 - 343] Азербайджане, в том числе - неоднократно в Нахичевани. В различных исторических и литературных источниках упоминается, что в мае 1905 года армяне с целью посеять рознь рядом с селом Шихмахмуд убили трех направлявшихся домой жителей села Джахри, на другой же день застрелили одного тумбуллу. После этого они подожгли находящийся в центре Нахичевани базар и уничтожили священные книги, находившиеся в мечете. Затем, извратив все случившееся в наскоро состряпанных статейках, вели агитацию в разных районах Закавказья под предлогом испытываемых ими притеснений со стороны азербайджанцев. Более того, один из них фотограф - самоучка, засняв на пленку развалины выстроенной в восточном стиле мечети, поехал в Петербург и, распространяя там эти фотографии, выжимал у людей слезу, повествуя о "великом армянском горе". Этот безголовый армянин не понимал, что петербуржцы хоть как-то да способны увидеть разницу между мусульманской и христианской архитектурой. Одна часть этих фотографий каким-то образом попала в азербайджанские архивы. Хранимые в рукописном фонде Академии наук Азербайджанской ССР эти фото опозорившего себя фотографа подтверждают провокационный и экстремистский характер его действий (фото 1, 2, 3).

Ученый, кандидат исторических наук, доцент Али Алиев в книге "Шпион Антанты" раскрывает роль "генерала" Андраника в событиях 1918-1920 годов, когда он под предлогом защиты "притесняемого" армянского населения устроил себе кровавый пир Нахичевани. Наш старейший ученый раскрывает данную тему на основе имеющихся архивных материалов.

Я вспоминаю рассказы своего дела Али Габибоглу: "Жителям нашего села повезло. Ночью один из преданных друзей Гаджи Аббас-бека, проживающий в соседнем армянском селе Арпа, сообщил, чтобы, не медля, покинули деревню. Завтра банда Андраника собирается на вас напасть и всех

перестрелять. Если бы не было у них огнестрельного оружия, мы может и не ушли бы. Дело в том, что в то время детей мусульман не брали в армию и поэтому обращаться с оружием могли лишь немногие. С голыми же руками идти против пушек и ружей было бы безумием. И мы направили свой путь к берегу Араза".

Это относилось ко второму бегству, когда Узун Гасан перешел Араз, засучив шаровары.

В 1988 году в ноябре-декабре для изгнания азербайджанцев [343 - 344] был найден примерно тот же повод. Выдумав историю о притеснении армянского населения в Азербайджане, распространяя повсюду такого рода слухи, засняв на пленку избитых до полусмерти на дороге Нахичевань - Ереван - Казах водителей грузовых автомобилей, они представляли их как "несчастных армян". Над теми, кто не хотел покидать свой дом, чинилась настоящая расправа. Многие из них в мороз и холод, некоторые не успев даже захватить из дома теплую одежду, вынуждены были спасаться в горах в стороне Сисианского района. В этом переходе на трудных перевалах много людей погибло, много покалечилось. Несколько беженцев, достигнув Нахичевани, напрямик направлялись в больницу. Матери с детьми, старики и молодежь, не слыша собственного голоса, рассказывали каждый свою историю, которые невозможно было слушать без содрогания. Кто был избит, кто опозорен, кто покалечен, кто потерял собственность, а кто - ребенка. И снова я вспомнил слова покойного Али Габибоглу: "Во время бегства (второго - И. Г.) было причинено много горя жителям соседнего села Амогу. Вооруженные армяне, неожиданно ворвавшись в село, силой вытащили людей из домов. Собрав всех в мечети, они забили ее двери. Затем облив нефтью, подожгли. Тех же, кто пытался укрыться, ловили и привязывали к их спине раскаленный самовар". Мой дед знал одного азербайджанца, который с кипящим самоваром на спине преодолел Мегринское ущелье между селами Амогу и Данзик, и бросил себя в реку Арпачай.

В этот раз местное население, принявшее изгнанников, не растерялось. За короткий срок всем была оказана первая необходимая помощь. По сообщениям местной печати за два-три дня Нахичевань приняла и разместила более 15 тысяч беженцев. Нахичевань снова сыграла роль уже традиционного рубежа, следующим этапом которого была дорога в Баку.

И снова публицистика, в рот воды набрав, молчит, а поэзия воспекает общепатриотические чувства. Конечно, за короткий срок осмыслить и обобщить ежедневно и даже ежечасно изменяющуюся сложную, многоплановую информацию вовсе не легко. Поэтому в такое время я ждал поступков со стороны опытных мастеров пера. Напрасно. По-видимому, события застали всех врасплох.

Какой-то период было относительно спокойно. Но недолго Скоро события пошли новой волной. Тревожная весть в один момент [344 - 345] облетела всю Нахичевань: армяне захватили территорию Гасангулубах. Гасангулубах - сад Гасангулу - территория, расположенная на границе Нахичеванской республики и Армении, прилегает к селу Садарак. Садарак - это щит всей Нахичевани. И люди живут там смелые и бесстрашные. Гасангулубах всегда был в распоряжении садаракцев. Они за ним ухаживали, обрабатывали эту землю, содержали ее в порядке. Это место как бы амфитеатр Садарака. Если смотреть с высоты Гасангулубаха, Садарак виден как на ладони. Позволить захватить его, значит создать опасность всему селу. Кроме того, Гасангулубах находится между двумя азербайджанскими селами - Садараком и Керки. В лихие дни жители последнего приграничного села Керки спасались короткой дорогой, пролегающей через Гасангулубах, находя убежище в Садараке. Нашим соседям же этот сад был нужен не для земледельческих работ, а для того, чтобы держать Садарак в постоянном напряжении и отрезать от него Керки. Это еще раз подтвердили последующие события.

Чтобы разрешить данный конфликтный вопрос, из Баку понаехали ученые. Карты разных лет были десятки, раз просмотрены, подняли исторические факты. Но никто не смог втолковать армянам, что Гасангулубах, как и расположенный выше овраг Джехеннем, не имеют даже эквивалента в армянском языке и потому никак не могут принадлежать им Гасангулу посадивший этот сад, никогда не был подобно им жаден до земли, чтобы закладывать сад на чужой территории. В 1921 году по Карскому договору не только Гасангулубах, но и на протяжении многих лет нагло используемые как своя собственность 200 гектаров земли принадлежат Нахичевани. Сумев ухватиться за кончик нити, бородачи решили раскрутить весь моток. На границе двух республик они воздвигли неприступную великую китайскую стену. Вооруженные самым современным оружием, они днем и ночью стали нести здесь караул. Никто не чинил им препятствия. Даже приезжавшие из различных редакций московских газет и журналов корреспонденты фотографировали их, но нигде ни разу это фото не были опубликованы. Напротив, политика заступничества еще больше вдохновляла бородачи на охоту на живых людей. Расположенный недалеко от Садарака ресторан "Достлуг" превратился в мишень для развлекающихся бородачатых мальчигов. Сейчас на это здание жалко смотреть: с четырех сторон оно напоминает решето.

После этого создалась благоприятная возможность для блокады [345 - 346] села Керки. Число таких перестроечных терминов, как "переселенец", "беженец, "изгнанник" пополнилось еще одним -

"блокада". Уже больше года как Керки находится в блокаде. Состоящее всего из 50-60 семей, это село вынуждено было эвакуировать всех женщин и детей, которые нашли приют в разных местах Шарура у родных и близких. Мужчины, же, не потерявшие свою папаху, по очереди несут охрану родного очага, Но этого безобразия не хотят видеть ни Центр, ни армянское руководство.

День ото дня не легче. За несколько дней до окончания предвыборной кампании стало известно, что проживающий в Ереване Зорин Балаян избран народным депутатом от Нагорного Карабаха. Как будто подлили в огонь керосина. Ведь это тот самый Зорий Балаян, который на Театральной площади в Ереване, спекулируя "карабахской проблемой", столкнул два соседних народа. Разве можно было рассчитывать вернуть мир, давая огромные полномочия человеку, являющемуся автором "Очага" и публицистического плана химеры "Великой Армении"? На эти и другие вопросы, поставленные народом, ответ нашелся: Демократия! Руководство призывало теперь свой народ к терпению и выдержке, прикрываясь демократией как фиговым листом. А Зорий Балаян тем временем устроил такой скандал в Кремле, что народные депутаты постеснялись разрешить трансляцию его "выступления" по телевизору.

Последняя надежда азербайджанцев, проживающих в Армении, иссякла.

В Нахичевани, как и во всем Азербайджане, "избрание" Балаяна депутатом от Нагорного Карабаха всколыхнуло людей на митинги и демонстрации протеста.

Если окинуть взглядом дашнакские махинации недалекого прошлого, становится ясным, что традиция поднятия националистической шумихи и, используя ее, добиваться своего, давно присуща нашим соседям. Отдельные страницы запрещенной книги М. С. Ордубади "Кровавые камни" сегодня находят свое подтверждение: "Их... путеводной звездой был армянский журналист господин Арсерун. Этот господин советовал армянам селиться на Кавказе. Судьба оказалось неблагосклонной к Арсеруну, и после его смерти... преемником его стал Бахадуров. Этот господин... старался следовать наставлениям Арсеруна. В конце концов, ему удалось спровоцировать армяно-мусульманскую бойню и [346 - 347] стать уполномоченным представителем в Государственной Думе. Направляясь в Петербург, он повез с собой для ознакомления план своего учителя, в котором предусматривалось сохранение за Азербайджаном Бакинской губернии и низменностей с жарким климатом и отторжение от него Эриванской, Гянджинской губерний с летними пастбищами и конкретными участками для передачи этих земель армянам, присоединив к ним также Карс для образования, таким образом, армянского царства".

Значит, З. Балаян решил стать еще одним продолжателем "дела" фантазера Арсеруна, и чтобы стать депутатом, он пошел по пути своего проклятого богом "прародителя".

В этот раз митинги проходили на новой площади Кероглу на окраине Нахичевани. На этой площади был воздвигнут памятник Кероглу скульптора Гусейнгулу Алиева. Это был первый памятник Кероглу в Азербайджане. В трудные дни народ, потерявший веру во многое, объединился вокруг монумента национального героя.

У того, кто родился и вырос на границе, национальное чувство и чувство любви к Родине бывает особенно сильным, потому что он каждый день видит, что значит разлука, переживает ее всем сердцем. У Мамеда Араза есть ностальгическая поэма "Араз течет". Но одно дело, когда читаешь такие стихи и из них черпаешь всю горечь разлуки, другое дело - видеть ежедневно эту разлуку своими глазами, всем существом своим переживать ее. Для тех, кто знаком с разлукой по книгам, по географии, она ассоциируется с колючей проволокой, символизирующей границу. Для тех же, кто живет на этой границе, колючая проволока - игла, вонзившаяся в живую рану. После всего этого следует с пониманием относиться к тому, что впервые именно в Нахичевани пограничные столбы стали формальностью. В первую очередь это было знаком усталости народной от многолетней тяжелой ноши разлуки, стремлением к единству. И то, что произошло, произошло не случайно. Процессы обновления Восточной Европы, открытие занавеса, отделяющего Молдавию от Румынии и наоборот. Тот исторический первый шаг, который был сделан в Нахичевани, не выбился из ритма всех этих процессов и был одним из признаков демократии. В результате сноса заграждений более 17 тысяч гектаров плодородной земли были возвращены народу. Джульфинское кладбище было разблокировано. Местные жители 35 лет спустя могут снова навещать могилы своих предков, известный мавзолей. На обоих берегах одновременно озарили небо светом костры надежды. С давних лет, как живая вода, залечивающая раны этой земли, река Араз стала сегодня доступной и обыкновенной рекой, к которой можно подойти и, наклонившись, попить воды.

Люди встретили 1990 год без колючей проволоки. [347 - 348]

ОБ АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ В АРМЕНИИ

Испокон веков азербайджанцы жили на той земле, территорию которой занимает сегодня Армянская ССР. Поэтому географические названия азербайджанского происхождения были здесь широко распространены. Этими именами назывались горы, ущелья, равнины (оронимы), места проживания людей (ойконимы), реки и озера (гидронимы).

Географические названия азербайджанского происхождения можно встретить как в аране, так и в горных районах. Однако в последние полвека все эти названия были в корне изменены и заменены исторически ничем не обоснованными, придуманными именами армянской этимологии. К сожалению, причины этого процесса были неблагоприятными: в их основании лежали ярко выраженные шовинистические чувства. Географические названия - то память каждой земли. Эту "память дали ей люди, долгое время жившие на ней и ухаживавшие за ней. И поэтому данные имена впитались в землю, вросли в нее корнями, запечатлелись на картах и в письменных источниках, нашли свое место в сердцах людей. Святой долг нас - азербайджанцев, обеспечить жизнь этим именам. Для этого географические названия должны быть собраны, систематизированы и изданы.

Если мы сегодня не займемся этим делом, будущее поколение никогда не простит нам нашего равнодушия. Откладывание исследования вопроса географических названий на завтра было бы самой большой и непростительной ошибкой. [349 - 350]

Известно, что армяне называют себя "хай". Свою родину они именуют "хайыстан". "Хай", "хайыстан" употребляются в устной и письменной речи только армян. То название, под которым они известны всему миру - Армения, армянин, дали им мы - турки. Другими словами, используемые в речи нами, азербайджанцами, "эрмяннистан" и "эрмяннин" проникло в русский и другие языки как "Армения" и "армянин". Поэтому при изменении географических и национальных именовании армянам следовало бы, прежде всего, начать с самих себя, с того названия, которое им дали азербайджанцы.

Всем известно, что религиозным центром армян является Эчмиадзин. Мы этот город называли Уч кился (Три церкви). Название Эчмиадзин произошло от тюркского (эч - т. е. три) и арабского (миадзин - место попомничества, послушания). Поэтому было бы неплохо, чтобы армяне подумали и об армянизации географического названия Эчмиадзин.

Как считают армяне, самой высокой точкой Армении является гора Арарат (5.165 метров). Эту гору азербайджанцы и турки называют Агры (Беюк Агры и Кичик Агры). Армянские "специалисты" в свое время посчитали, что Арарат это и есть Агры. Поэтому находящуюся на территории другого государства - Турции - гору Агры они повадились называть Арарат. Исследование этого вопроса армянскими "специалистами" зашло слишком глубоко, и скоро оказалось, что название горы не Арарат, а Масис...

Ереван до недавнего времени азербайджанцы называли Ираваном. Протекающие в черте города две реки назывались Гедарчай и Зянгичай. Одна часть старого города носила название Тепебашы (сейчас Гонд), другая часть - Дамирли булаг. Керпубулаг. Находящееся на юго-восточной окраине города озеро называлось Тохмаг. Мост через Зянгичай (сейчас Храздан), единственный до 1945 года, был известен как мост Панах-хана. Расположенные на западе, северо-западе и примыкающие к Еревану дачные участки назывались Деро, Дельме. Хараба, Сарванлар, Чарвах. Горная цепь, растянутая на всю территорию Армении, называлась Аг-мангал (сейчас Гегаш). Придающая этой земле красоту гора Алаяз сейчас именуется как Арагац. Горную красавицу озеро Гекча называют озером Севан. Возвышающиеся в составе Агмангальской горной цепи горы Гызыл зиярат, Налтепе, Шахбулаг. Сют-тюбулаг. Архашан какие носят имена сегодня - не знаю. Я хочу перечислить несколько самых крупных жилых районов на территории Армении. Тогда читателю будет понятно, какие географические названия азербайджанского происхождения были изменены.

Веди (сейчас Арарат), Гемерли (сейчас Арташат), Басаркечар (Варденис), Зангибасар (Масис), Хамамлы (Спитак), Гаракился (Степанаван), Ахты (Чаренцаван), Кевер (Камо), Гюмрю (Ленинакан), Моллакекча (Маралин), Аллахверди (Алаверди), Гурдугулу (Октемберян), Дерелеяз (Ехекнадзор), Тоглуджа (Красносельск) и названия других городов азербайджанского происхождения были изменены.

Некоторые географические именованя были просто переведены с азербайджанского на армянский язык и оставлены в таком виде. В таких случаях первые имена - это основные, корневые, а вторые - безосновательные, фиктивные. Подтверждением тому могут служить следующие географические названия - Гарагель (Севлидж), Ишыхлы дагы (Люсасар), Деречичек (Цахкадзор), Гелин гая (Харсанисар), Алмалы кенди (Хынзорашен), Армудлу кенди (Данзик), Гырмызылы кенди (Гармирашен) и другие.

Когда был создан Зангибасарский район, 95 процентов входящих в его состав сел были азербайджанские. Это села Чобанкере, Мехмандар Шеллюсю, Рагимабад, Гарагышлаг, Захмат, Гейгюмбаз, Джафарабад, Галжиэлляз, Демирчи Шеллю, Ашагы Неджили, Юхары Неджили, Зангиляр (Донузйеян), Улуханлы, Зангибасар, Сарванлар, Сарыджалар, Габилкенд, Аг Гамзали, Арбат, Ранджбар, Гасанли, Илхы горуку, Сарычалар, Рейханлы, Габилкенд, Гулуджан, Шуракенд (Сейидкенд), Тазакенд, Аджагышлаг.

Микротопонимы, сосредоточенные вокруг нашего села Беюк Чобанкяря, очень богаты по содержанию: горуг (заповедник), аг гель (белое озеро), Мешеммедрза ери (место обитания, обитель, Мешеммедрзы) гобу (русло высохшей реки), гыр (равнина), ермени архы (армянский арык) и др. Микротопонимы нашего села доходили на "севере до Эчмиадзина, а на юге - до Араза.

Переходя в горы, жители села Чобанкяря вслед за весенними месяцами переселялись в горуг, поднимались в гыр. Они шли в Гарныярыг, а затем в первый месяц лета поднимались на гору Аляз (сейчас Арагац). Аляз расположена на высоте 4090 метров над уровнем океана. По сторонам его вершины находилось более двадцати пяти эйлагов - летних пастбищ, принадлежащих жителям нашего села. Сюда входят Гадживелиляр, Гаджи Джафар, Ганфедоглу, Шарифоглу (на северо-западном и западном склонах; [351 - 352] Мурсагыллар, Гаджи Джаббар, Махмуд Агалы, Джафар ага, Калва Махмуд, Гюльалылар, Эйрипапаглар, Шахвердияр, Исмаил оглу, Халфаглы оглу, Аллахверяли, Хажалбей, Санамоглу, Гаджи Керимоглу, Паша Бебировгулу. Кроме того, сюда входили расположенные на северном и северо-восточном склонах эйлаги Рагима Кадды, Мешали Новруза, Дурхана (южный и юго-восточный склоны). Здесь же располагались эйлаги некоторых сел Аларза Гурдугулу - Керим архлылар, Гулбейлиляр, Кюрдляр, Джадгыранлылар, Ашравадлылар. Стало быть, эйлаги в горах Армении также принадлежали азербайджанцам. Много названий имели племена и роды, живущие в нашем селе Беюк Чобанкяря. Чтобы составить их перечень, я обратился к сельским старцам. В том, что число названий, вошедших в этот список, достигло 135, огромную помощь оказал житель села Шыхмахмуд Бабекского района Нахичеванской АССР Ягсатан оглу Исмаил.

Составление такого списка представляет большую важность для научного мира. Большая группа этих названий входит в названия племен. Гырдылар, Гарабудаглар, Гараллар, Гагойлар, Горрулар, Шыхлар, Князлар, Дудулар, Зарифляр, Кочариляр, Мурсагыллар, Сарылар, Самойчулар, Шарифлиляр, Халфагыллар, Харылар, Джырмалар, Эйрипапаглар, Явыхлылар, Едихарлар, Аджафлиляр, Ганифалиляр, Гарадодаглар, Амирханлылар, Шахвердияр, Зюйпапаглар, Уянлар, Леликляр, Гумметлиляр, Мамедлиляр, Беджюкляр, Гыллылар, Лалабыглылар, Орушдулар, Орюшдюляр, Песюкляр, Лелюкляр, Люлпапаглар, Пяляпапаглар, Екянавильяр, Велигоджалылар... Гумдоланлар... и другие подобные им. Названия родов в основном отличаются от названий племен и групп добавлением слова "ушагы". К примеру, Ашур ушагы, Гайтаран ушагы, Аджабушагы, Ягсатанушагы, Гарапяля ушагы, Дживейрил ушагы, Хуран ушагы, Гындыр Алынын ушагы, Сафи-гулу ушагы и др.

Названия ряда групп и родии указывают на их принадлежность к определенному населенному пункту, местности (или месту, откуда они вышли). Илхыгоруглулар, Хойлулар, Хажалбейлиляр, Ашравадлылар, Велигожалылар Геюсеюнлюляр и др. Есть названия родов, указывающие на их ремесло. В качестве примера можно привести - тойчулар и кечачиляр.

В 1918 году подавляющее большинство сел округа Гурдугулу (ныне Октемберян) подверглись нападениям головорезов Андраника. палача азербайджанского народа. Они устроили расправу [352 - 353] над населением сел Джанрыды, Гулбейли, Агджаарх, Гурдугулу, Тепебашы, Шахрияр, Ийдали, Армудлу, Кечили, Моллабаяз, Сараджлы. Оставшиеся в живых сельчане покинули родные очаги. Бежали куда глаза глядят. Населения сел Керимархы, Хеирбейли, Гаджибайрамлы, Шаварт того же округа в 1948 году были организовано переселены в Азербайджан. Жители села Хеирбейли были переселены в село Суговушан Сабирабадского района, села Керимбейлиляр - в Бейлаганский район, села Алиабад и Дидивар - Бабекского района Нахичеванской АССР. Хотелось бы рассказать и о том, как ранней осенью 1918 года, когда люди возвращались с Алязских гор, эчмиадзинские дашнаки схватили жителя села Гулбейли Гаджалбей оглу Джафара и вместе с 35 азербайджанцами, которых содержали в полуразрушенном доме, повели на расстрел в сторону озера Агйгыр. Среди армянских палачей нашелся один, кто узнал Джафара. Когда переходили арык, он дал Джафару знак, чтобы тот бежал. Джафару удалось скрыться в камышах. Вернувшись в родное село - в Гулбейли, Джафар не нашел там ни души. Все как один бежали. Впоследствии стало известно, что один армянский боевик из соседнего с Гулбейли

села Гаджи Ахмед Кооланысы сказал отцу: "Разбуди меня в полночь. Ночью мы уничтожим гулубейлинцев". Старик уверил сына, что разбудит его, и, усыпив, бросился бежать в Гулубейли, чтобы предупредить его жителей о готовящейся расправе. Затем старик вернулся в свое село. Как и обещал, разбудил сына в полночь. Когда боевики вошли в Гулубейли, там не оказалось ни одного азербайджанца. Все бежали. В те времена жители соседних сел не раз спасали друг друга от расправы. Отец Фархадяна Геворка Фархад-киши спас моего деда Будага от дашнакской сабли. Дед, которого выследили дашнаки, пришел к Фархаду. Рассказал ему о случившемся. Домочадцы Фархада спрятали деда в тендире, который находился прямо в доме, накрыли его паласом и, постелив на нем скатерть, сели за трапезу. Ворвавшись в дом, палачи стали искать деда, но не нашли его. Похожая история случилась и с Фархадом - киши в нашем доме в селе Беюк Чобанкяря.

Один из населенных пунктов, расположенных на границе между районами Гурдугулу (Октемберян) и Моллакегджа (Маралик) носит название Мирмелек (Пирмалак). На холмах вблизи этого села имеются богатые залежи абседиана. Эти залежи служили каменными карьерами первобытному человеку, откуда он брал "сырье" для каменных орудий. В этих природных месторождениях, [353 - 354] которые ныне "принадлежат" армянам, наши предки (в каменном веке) изготовили сотни тысяч режущих орудий. Если идти из Эчмиадзина в сторону Аварана (Апаран), по сторонам дороги можно увидеть несколько азербайджанских сел, входящих в Ашдерекский (Аштаракский) и другие районы. В качестве примера можно привести Талыш, Гырмызылы, Хамамлы, Акерек, Киреш-ли и др. Название села Уджан, где живут армяне, имеет азербайджанское происхождение, означает летящий водопад, бурное течение воды, фонтанирующая вода.

Географическое название Уджар в Азербайджане имеет такое же содержание. Одной из важных задач является восстановление забытых названий сел, находящихся на территории Армении в 1900-1920 годах и превращенных в те же годы в руины. На территории Спитакского района (Хамамлы) располагались села Гурсалы, Сарал, Гызыларан (ныне Шенован), Гарал, Тапанлы, Готур, Налбенд, Джаджур, Парым, Авдыбей, Агбулаг, Сарыхарт и др.

В Калининском районе находились села Илмазлы, Гызыл Шафаг, Гызылдаш, Эвли, Дамирчиляр, Сарыяр, Союгбулаг, Гарагала, Гараиса. В селах Петровка и Михайловка этого района русские и азербайджанцы проживали вместе.

В Красном районе были азербайджанские села Хаггыхлы, Вургун, Полад, Агбулаг, Джил, в Амасийском - Агбулаг, Охчуоглу, Агбаба, Дамирчи, Ранджбар, Гарагышлаг, Геллю, Айрум, в Ноемберянском - Лямбали и Керпюлю, Аллаhverдинском (Алавердинском) - Ашагы Айрум и Юхары Айрум, Степанаванском (Гаракился) - Союгбулаг и Илмазлы, Кироваканском - Арчут, Айдарлы, Аллавар, Моллагышлаг, Кился, Гезалдере, Алмалыг (сейчас Вартана).

Из сказанного становится ясно, что назрела необходимость сбора, исследованиями опубликования всех географических названий азербайджанского происхождения в Армянской ССР. Кроме названий населенных пунктов сюда входят и названия гор, ущелий, рек, озер, родников, степей, дворов, племен, родов. Группа географических названий, в особенности названий населенных пунктов, была изменена до 1987 года Указом Президиума Верховного Совета Армянской республики, В 1988-1990 годах этот процесс стал носить стихийный характер.

Армяне, захватившие азербайджанские села, дают им те названия, которые хотят. Никого не интересует, как село называлось раньше. Поэтому мы должны с помощью беженцев из Армении [354 - 355] собрать воедино все названия азербайджанского происхождения и увековечить их. Мы не теряем надежды на будущее. Уверены, что процессам, идущим сегодня в сфере межнациональных отношений, будет дана глубокая, с позиций марксизма-ленинизма, являющегося краеугольным камнем нашей идеологии, оценка, несправедливостям будет положен конец, справедливость восторжествует. **И в одном из решений, принятых в будущем, массовое изменение азербайджанских топонимов будет оценено как топонимический геноцид.**

Изучение географических названий, имевшихся в Армении, не означает игру с золой потушенного костра. Наоборот, это означает то, что мы не даем потухнуть огню, не даем превратиться костру в горстку золы.

Мы не можем, не имеем права отрываться от своих корней. Мы должны создать сборник географических названий Армении с азербайджанским происхождением. Этим мы докажем и сегодняшней и завтрашней истории, что азербайджанцы были коренными жителями Армении.

Изменение географических названий Армении - преступление. Те, кто творят эти преступления, пытаются стереть с лица земли и наши исторические памятники, и наши кладбища. Мы должны проснуться ото сна и дать ответ группе "советских" граждан, успешно претворяющих в жизнь программу дашнакской партии. [355 - 356]

ОГОНЬ ВНУТРИ НАС ИЛИ ШАМАНСКОЕ ЗАКЛИНАНИЕ

Прежде чем отправиться в больницу, на встречу с доктором филологических наук, профессором, заслуженным деятелем наук Азербайджанской ССР Мирали Сеидовым, я оживил в памяти заслуги видного ученого в области исследования истоков происхождения нашего народа, волей-неволей заново перелистав его труды, хорошо знакомые нам со студенческих лет. И снова, как прежде, книги Мирали муаллима "Саят-Нова", "Азербайджанско-армянские литературные связи", "Судьба красного бойца", "Источники азербайджанского мифического мышления", Говси Тебризи" и, наконец, "Размышляя о корнях происхождения азербайджанского народа" заорожили меня магической силой воздействия. Книги эти возвращают нас к нашим первоначальным истокам, прослеживают неразрывную связь нашего народа со своими корнями, призывают, заклинаят сохранить, уберечь свою колыбельную песню, свое слово, свой дух, бдительно охранять свою историю, богатейшую культуру от вражеских посягательств. Они приобщают нас к могущественной силе Бабека, Кероглу, Деде Горгуда. И чем глубже вникаешь в названия Гашгай, Саг, Арсаг, Синаг-Шираг, Гун, Басил, Булгар, Хазар, Варсаг, Огуз, Савир, Оногур, Газах и др., "составляющие большинство тюркоязычных корней, сформировавших азербайджанский, народ", тем больше надежды и веры в светлое будущее пробуждается в душе. Внутри нас просыпаются огненные силы, сплывающие нас в одно неделимое целое. И ясно видится наш путь, мы сплываемся, чтобы сохранить целостность и неделимость нашей земли, полагаясь при этом только и только на свои силы, на внутренние потенциальные возможности. С этими чувствами я и отправился на встречу с Мирали Сеидовым. [356 - 357] Всю дорогу мы с другом Сафаром Камаловым обсуждали заслуги видного ученого, его исследования в области истории и богатейшего фольклора азербайджанского народа. Слова за словом, ненароком коснулись и проблемы беженцев. Сафар рассказал о плачевном положении тысяч беженцев, хлынувших в Агдам, обвинив в случившейся трагедии нас самих же. На протяжении, многих лет мы ни разу не поинтересовались, не беспокоились за судьбу наших соплеменников, проживавших в соседней республике. Лишили их своей моральной поддержки, чувства духовного единения.

- Беда в том, что мы безучастны также и к самим беженцам, - продолжая мысли Сафара, сказал я. - Награждаем их различными прозвищами. Становимся врагами самим себе.

- А враги ловко используют это. Сперва в Аскеране на глазах у всех нас армянские экстремисты убили двух молодых парней. Виноватыми в итоге оказались мы. Более двухсот тысяч наших кровных братьев были изгнаны из Армении, они бежали в Азербайджан, испытав тысячи мук и страданий, бесчеловечных пыток от рук дашнакских палачей, а об обратной реакции никто и не подумал. К их трагическому положению остались равнодушны и центр, и средства массовой информации. И опять нас посчитали виноватыми.

Учинили погромы в Сумгаите - снова мы оказались виноватые... Эх, чего только не пришлось пережить этому народу. И всегда виноватыми оказывались мы.

- Сафар, наша вина в том, что уж слишком доверчивы, чистосердечны, великодушны и радушны мы были. Поступились своими землями, создавая республику для соседей. Переселившихся из Ирана и других мест армян разместили в райском уголке - нашем родном Карабахе, душе и сердце азербайджанского народа... И в результате, Ханкенди превратился в... керт. Все азербайджанцы были в массовом порядке изгнаны оттуда.

Разрушен очаг Алескера, отвернулся от нас Агры даг. С молниеносной быстротой переименованы все названия наших краев и областей, поселений. Присвоены все наши родники, исторические памятники, доставшиеся от предков. А мы продолжали оставаться ко всему этому равнодушными (да и только ли к этому?!)

И вся наша беда в нашем равнодушии. Именно поэтому 40 миллионный народ, терзаемый и раздираемый на части, не сумел создать духовного единства, сплочения. [357 - 358]

Войдя в больницу, мы спросили Мирали муаллима.

- Да, да, он вас ждет, - приветливо ответила женщина, стоявшая в дверях, - поднимайтесь на третий этаж, в отделение кардиологии.

Поблагодарив женщину, мы поднялись наверх и постучались в дверь.

Мирали муаллим сам открыл нам дверь. Поздоровавшись, мы поинтересовались его самочувствием.

- Огонь во мне и мощные вулканические силы вырвали меня из лап смерти, - говорит видный ученый. - И на этот раз я одолел смерть. Вера и преклонение перед мощью народа, духом предков спасают тебя от всяческих бед, и искры, едва тлеющие, в твоей душе разгораются в большое пламя. Да... Давайте перейдем в вестибюль, - предлагает Мирали муаллим, - там нам будет удобнее расположиться и беседовать.

- На последнем траурном январском митинге я тоже поднялся на трибуну для выступления, - начинает рассказывать Мирали муаллим. - Я собирался выступить с конкретными требованиями, разоблачить и показать истинную сущность, нутро дашнакской партии и в целом армянской элиты. Я очень волновался, был в смятении. В это время кто-то подошел ко мне, ухватился за мои руки. Если бы вовремя не поддержали, я мог бы упасть... Так я попал в больницу. Мне тогда не довелось выступить.

- Ничего, устэд. Придет время, и вы выступите на еще более значительных митингах и празднествах. К тому времени, наш народ достойно выдержит все испытания, выпавшие на его долю. А врагов покоряет Аллах. К тому времени, наверное, жизнь наших беженцев постепенно наладится, войдет в колею.

- Я и не сомневаюсь в этом.

- Мирали муаллим, вы родились в Ереване. На этой земле жили и ваши предки, отцы и деды. Я бы хотел, чтобы в своей беседе вы коснулись и детской поры жизни.

- Школу, в которой я учился, в Ереване называли школой Гашимбека. Сюда на учебу стекались азербайджанцы со всех концов города. Это были 20-е годы. Добраться в эту школу можно было двумя путями - через Гантар и рынок Харрат. Вдоль обеих дорог проживали армяне. Помнится, полдороге в школу нас, младшеклассников постоянно избивали армянские дети постарше. А взрослые армяне наблюдали за этой картиной так, словно смотрели на зрелище в театре. Их всегда бывало больше, чем нас. На каждого [358 - 359] приходилось по трое-четверо армянских детей. Наблюдавшие занами взрослые армяне кричали:- Ара, не бейте по голове! - Это они говорили на нашем языке. На армянском же языке:- Глхын дур! (Бейте по голове! - Совершенно обратное. Если мы одолевали их, они говорили:- Эй, турок, (так они обращались к нам) не бей по голове.

Таким я помню свое детство.

Я до сих пор еще не могу забыть, как армяне расправились с нами на мосту Занги.

В Ереване имелись три сада: Дере баглары, Делме баглары, Нерекидж баглары. Последние два сада были более урожайные, плодоносные. У нас были дачи в Делме и Нерекидже. Обычно в Делме баглары мы отдыхали. Путь в эти сады пролегал через мост Занги. Теперь его называют Раздан. Вокруг этого места жили армяне. После 6 часов ни один из азербайджанцев не отважился бы пройти через этот мост. Без всякого сомнения, его бы избивали до полусмерти.

Мне хорошо помнится, как однажды я с ребятами пошел в кино. Кино было захватывающим, и мы и не подумали, что оно может поздно закончиться. Когда мы (10-15 ребятшек) выйдя из кинозала, приблизились к мосту, на наши головы градом посыпались камни. В тот же миг на нас набросились около 50-60 армян. Несмотря на сопротивление, нас сильно побили.

Вот так... в "дружбе" прошло наше отрочество. Нас повсюду оскорбляли, унижали, били, считая себя великим народом, а нас недостойным, ничтожным.

- Устэд, не кажется ли вам сейчас, когда уже прошло столько времени, что между нашими соплеменниками, жившими в то время в соседней республике, слабо проявлялись духовное единение, сплоченность? Если бы было это единство, то азербайджанцев, составлявших в начале века в Ереване большинство населения, не сумели бы изгнать из земли предков, их бы обошла стороной судьба скитальцев – беженцев.

- Может, это и так. Но чрезмерные великодушие и терпеливость, присущие нашему народу, и навлекли на его голову сколько бед. У наших соседей и ученые, и рабочие - бьют в одну точку, повторяют одно и то же. А у нас?!

Воспоминания уносят меня к событиям нескольких десятилетий тому назад. В то время я работал заведующим отделом в газете "Совет Эрменистаны". Была жара, и я спустился во двор. Хотел [359 - 360] выпить воду из крана на улице. Надо еще отметить, что армяне всегда брали воду из этого крана вне очереди. Кто бы посмел перечить им.

Издали я увидел, что соседка Сакина хала наполняет свой кувшин. К крану подошла еще одна армянская девушка, Сакина арвад, наполнив кувшин, собиралась отойти в сторону, как эта армянка ударом ноги опрокинула кувшин и с визгом закричала:

- Турецкая сучка, я еще буду ждать, пока ты наберешь воду?!

И Сакина хала, и я были сильно удручены. Там, рядом с нами находился и редактор издаваемой в Ереване газеты "Коммунист" Григорьян. В это время работник милиции, подойдя к армянской девушке,

хотел увести ее в милицейское управление. Григорьян тут же косо взглянув на милиционера, сказал:- И не стыдно вам, из-за какой-то безобразной старушки уводите в милицейское управление такую красивую девушку?..

Милиционер ничего не ответил. Молча повернул обратно. Сакина хала с повинной головой вернулась домой без воды. Я набрал воды в свой кувшин и отдал Сакине хала.

Это были примерно 1943-1944 годы. Сейчас, когда прошло столько времени, я думаю, что даже война не заронила в души этих дашнаков чувства милосердия. Иначе бы, подобные Григорьяну люди в самое тяжелое для страны время не оставили бы без воды старую женщину, жившую в одном городе с ними. Не допустили бы, чтобы кто-то остался голодным. Ведь в то трудное время Григорьяну и ему подобным было оказано большое доверие, он был руководителем одного из самых ответственных участков в области идеологии в республике.

И, наверное, частенько писал о жестокостях фашистов. Говорил об интернационализме народов. Публиковал статьи об учиненных расправах над безвинными людьми. И при этом оставался равнодушным к жестокостям и бесчеловечному обращению с азербайджанцами в Армении. Вот эти самые григорьяны, балаяны, капутикяны и всякие им подобные... яны... яны и вынудили сотни тысяч азербайджанцев покинуть свои очаги, стать беженцами, бездомными, скитальцами.

И каждый раз, когда я думаю, о том, что вы окончили на армянском языке филологический факультет Ереванского Государственного университета, одновременно обучаясь и в педагогическом институте, то, откровенно говоря, у меня возникает множество вопросов... [360 - 361]

- Я вас понимаю...

Да, я окончил армянский филологический факультет. На первом курсе учился слабо. На второй год положение изменилось. Я стал выделяться среди сокурсников.

Помнится, как-то мы должны были послушать лекцию об армянской истории XI века, которую читал известный профессор Тер-Терьян. Мы знали, что этот человек длительное время читал лекции на эту тему за границей. И лекции его, судя по разговорам, вызывали большой интерес. Короче... Дверь открылась, и в аудиторию вошел высокий мужчина.

В тот же миг он обернулся ко мне:- Эй, турок Мирали, выйди вон!

Правду говоря, я очень смутился. В аудитории находилось 50-60 студентов. Мне было не по себе от мысли, что могут подумать обо мне студенты. Я поднялся и по приказу профессора, направился к выходу. Когда взялся за ручку двери, профессор остановил меня:

- Что же ты даже не спросишь, за что я тебя выгоняю из аудитории?!

- Вы мне сказали, выйди, я и выхожу.

- Не-е-ет! Позволь мне объяснить, почему я выгоняю тебя. Не то в душе останется, осадок неудовлетворенности.

Вот уже сорок лет я выступаю за границей и в Советском государстве с лекциями, которые буду читать и сегодня. И каждый раз, рассказывая о нападениях на армян твоих предков - сельджуков, я от всей души ругаю и проклинаю турков. Теперь я боюсь, что в твоём присутствии я вынужден, буду придерживаться этики и не смогу вволю ругать и поносить их. Выйди вон, вы-йди, вы-йди!.. Не то у меня разорвется сердце!..

Выходя из аудитории, я невольно бросил профессору:

- Профессор, вы ругайте, вволю ругайте. Видимо, они тоже от души... делали свое дело.- И я, хлопнув дверью, вышел. Не успел я выйти из дверей университета, как на меня посыпались пощечины, удары кулаками, пинком ног. Оказывается, моя дерзость не понравилась профессору... Если бы не девушка по фамилии Абрамян, которая насильно затащила меня обратно внутрь, то я не представляю, чем бы это для меня кончилось.

...20 дней я пролежал дома. Раны зажили, но кровоподтеки еще оставались. Я все-таки решил отправиться на занятия. Как назло, в тот день снова была лекция того профессора. [361 - 362]

- Ну,- снова не оставил он меня в покое, - хорошо ли тебя проучили?

...Вот с такими трудностями я окончил университет. Я получал оценки не на знания, а по настроению преподавателей.

- Как нам известно, вы хорошо изучили древнеармянский язык, армянскую культуру. Вам преподавали члены 5-6 академий мира, профессора Аджарян, Капансьян, Манандян, Агаян, Мазманян. Безусловно, что все это оставило свой отпечаток в вашей дальнейшей судьбе, оказало влияние в деле исследования вами корней происхождения нашего народа.

- Несомненно. Окончив университет, я по предложению видного ученого Гаида Араслы приехал в Баку, поступил в аспирантуру нашей Академии. Защитился. Работал над темой азербайджанско-армянские литературные связи. Написал по данной проблеме две книги. И в обоих трудах показал влияние азербайджанского художественного мышления на армянское художественное мышление. Как в "Саят-Нова", так и в "Азербайджанско-армянских литературных связях" я доказал, что

в Закавказье, в особенности для армян, азербайджанский язык, азербайджанская культура, азербайджанское художественное мышление играли ведущую роль. Опираясь на многие исторические языковые факты, на материале азербайджанских слов я писал, что современный армянский язык, начиная с VII века, формировался под язык грабы (древнеармянский язык) и язык ашхарапар (современный армянский язык). По синтаксическому строю они диаметрально противоположны. Язык ашхарапар развивался чисто под влиянием турецкого языка. О широком распространении азербайджанского языка свидетельствует также наличие множества азербайджанских слов в армянских памятниках V века. В армянском дастане "Аслан ага" уже в V веке употреблялись "нөкэр" (слуга), "дөшэк" (матрас) и другие азербайджанские слова. Вообще, в армянских памятниках широко использованы азербайджанские слова "танры" (бог), "чичэк" (цветок), "овчу" (охотник) и др.

Как отмечают сами армянские ученые, начиная с XII века, азербайджанский язык был модным среди армян, армянских мастеров.

- Мирали муаллим, из ваших слов вытекает, что между армянами и азербайджанцами, как и другими народами, населяющими Кавказ, складывались неплохие отношения. Ухудшение во взаимоотношениях относится к более поздним временам. [362 - 363]

- В ваших словах есть доля правды. В любом случае, наши народы не были ярыми врагами. Но, уже начиная со второй половины XIX века наряду с прогрессивной армянской интеллигенцией, развернули деятельность и националистически настроенные люди, ненавидевшие соседний народ. Выдвигая территориальные претензии, они разжигали в народе националистические чувства.

Я не буду говорить о современных армянах. О них достаточно написано в печати.

Но я поражаюсь тому, как они могли быть сбиты с толку, заразиться этой пресловутой, беспочвенной идеей, так называемой Великой Армении? О захвате территорий от Черного моря до Каспийского? Вот почему, обращаясь к тем, кто притязает на чужие земли, я хочу предупредить: - Знайте, что никто и никогда не даст вам своих земель. Земля передана нам в наследство от наших предков. И мы обязаны беречь ее как зеницу ока, передавая будущим поколениям. И нельзя злоупотреблять достоянием, переданным тебе на хранение! Иначе, не будет нам покоя и на том свете. Запылают гневом земля и небо. Не будет нам места и под землей.

- Уважаемый уstad, прежде чем задать свой очередной вопрос, я хочу сделать отступление. И привлечь ваше внимание к беспокоящей нас всех проблеме беженцев.

- Мы и без того говорили о факторах, имевших влияние на проблему беженцев. Поэтапно раскрывали причины, обусловившие сегодняшнее удручающее положение беженцев, приведшие их к настоящей трагедии. Когда вы рассказывали о своих впечатлениях, я между тем вспоминал свою беседу со своим соседом - беженцем Нариманом Мирзоевым.

Нариман киши, бежал в Баку из селения Гюлибулаг Амасийского района Армении. В селении Гюлибулаг имелось 550-600 хозяйств. Нариман киши, рассказывал, в каких тяжелых бесчеловечных условиях они жили в Армении. И, несмотря на все эти муки и страдания, они до последнего дня не покидали своей исконной земли, родного очага. У нас и в мыслях не было бросить доставшееся нам в наследство от предков землю, передав ее в чужие руки. За два последних года насилие и жестокости, творимые против азербайджанцев, перешли все границы. Дело дошло до того, что нас лишили хлеба, воды, света, газа. Не пускали в Ленинкан и другие, близко расположенные города. Тех, кто попадался в руки армянских националистов, зверски избивали и убивали. Военные же редко вмешивались. Все азербайджанские селения оказались в [363 - 364] кольце окружения. Нас раньше не очень притесняли. Потом отношение к нам резко изменилось. Спасаясь от насилия и бесчинств армянских националистов, люди стекались к границе с Турцией, ночуя там под открытым небом.

Нариман киши, рассказывал все это с полными слез глазами. Чувствовалось, как истосковался он по родному очагу, по родным местам, где покоился прах его предков.

По ночам на глазах у войска армяне совершали налеты на селение. Поджигали дома, стреляли в людей, угоняли скот. Срывали с женщин все золотые украшения. Пусть Аллах покарает их. Обобрали до последней нитки. Мы вынуждены были продавать скот по 10-15 рублей.

Я припас 7 тонн угля на зиму. Пришлось бросить все и бежать. Двухэтажный дом, построенный мной, общей площадью на 120 квадратных метров тоже остался врагам. Короче... После землетрясения сказали, что посещение возможно. Я не стерпел. Съездил в Гюльмебулаг. Посетил кладбище, где покоились кости моих предков, побывал в святых местах. Припал губами к Гельбулагу, Нигярулагу, Аранбулагу. На прощание помахал рукой Сагыз дагу. Еще раз обошел окрестности Джутбулага.

При виде опавшей штукатурки со стен моего двухэтажного дома, заброшенного двора, сердце обливалось кровью.

Позже я узнал, что, сохранив наши дома за армянами, прибывшими из Азербайджана, их направили в Карабах для увеличения количества проживающих там армян, да впридачу выдали каждому из них по 5-6 тысяч рублей.

На нас выпала тяжкая доля беженца. Трудно и горько бросить свой дом, свое добро, нажитые потом и кровью на протяжении всей жизни и бежать в неизвестность, и снова начинать все с нуля, обживать на новом месте. Я еще не говорю о косых взглядах, неуместных упреках в твой адрес.

Там, в соседней республике все думают и говорят одно и то же, они едины в своих помыслах и стремлениях, в своих действиях. И в один голос твердят, что турки - это враги. Нам бы такое единство, духовную сплоченность - тогда бы мы многого достигли.

Вместе, сообща они уничтожали самых лучших наших сынов, цвет нашей интеллигенции, лидеров, способных сплотить вокруг себя массы людей. При необходимости во имя своих идеалов и стремлений, наши соседи пользовались такими методами, как автомобильная катастрофа, клевета. [364 - 365]

Как только они не измывались над секретарем партийного комитета Амасийского района Ильдырымом Багировым. Оклеветали, строили тысячу козней. И только единство с народом спасло Ильдырыма Багирова от жестокой расправы. 32 селения - Гюллибулаг, Охчуоглу, Магараджыг, Чахмаг, Азизбеков, Дашкерпу, Ениел, Гелли и другие области встали на защиту достойного сына своего народа и партии. Справедливость восторжествовала. Или же взять другой пример. Когда из соседнего селения Охчуоглу одна верующая женщина перевозила свой груз, путь машине преградили бородачи. В то время как они, сбросив груз, на землю собрались предать все огню, верующая женщина, держа перед собой священную книгу, Коран, выступила вперед. "Хоть бы побоялись Аллаха, кары этой священной книги" - стала взывать она к их совести. Никто не обратил внимания на ее слова, продолжая творить злодеяние. Они подожгли груз. Вопли и стоны верующей женщины поднялись до небес...

Они оскверняли наши святые места - в нашем селении было три святилища. Бог никогда бы не оставил без возмездия подобное злодеяние.

Судьба разбросала беженцев, вместе со мной покинувших родные места в соседней республике, по всему Азербайджану. Еще не известно, что ждет впереди моих друзей и знакомых скитальцев - беженцев - Салмана Мирзоева, Мамеда Ахмедова, Чобана Мамедова, Алескера Касумова, Гумбата Мамедова и других.

Сами - то мы кое-как перебрались сюда, но там остались наша исконная земля, наши потухшие очаги, разрушенные дома, вернее пепелища на месте этих домов.

- Уважаемый уstad, вот в этом русле мне бы и хотелось продолжить наш разговор.

- Сам перебрался, а очаг остался! Сколько горечи и тоски в этих словах. В них воплощены всенародное горе и печаль. Судьба беженца не обошла стороной и нашу семью. Где-то во второй половине 40-х годов из Армении выселили и нашу семью. Для этого они использовали особый метод. На сборы давалось всего два часа времени, надо было уходить, бросив дом, скот и все добро.

В тот период им удалось очистить от азербайджанцев одну часть Армении. Наши соплеменники были выселены из Еревана и окрестных районов.

Людей, прибывших из таких горных районов, как Басаркечер, Амасия, Красносело поселили в низменных районах Азербайджана [365 - 366] - Сабирабаде, Сальянах, Саатлы, Алибайрамлы, Бейлагане. 80 процентов переселенцев из горных районов, не прижились в новых условиях, погибли от лихорадки и других болезней. Сейчас в этих районах редко можно встретить азербайджанцев - выходцев из Армении. Видимо, бог отвернулся от тех несчастных.

- В последующие годы развернулись еще более страшные события. Насилие и жестокость не знали границ. Нариман киши, рассказывал, как в Басаркечере, Красном в самый разгар зимы сгоняли женщин в одном платье в горы, на верную гибель.

- Они не просто переселяли. А также истязали их морально и физически. Оскорбляли и унижали их человеческое достоинство, веру, язык. Так больше продолжаться не могло. Не было конца насилию. Никто и слова обидного не говорил бандитам, всячески попустительствуя им.

Вот и теперь, беседуя с вами, я вспоминаю рассказы и воспоминания о тех временах давно перевалившего за сотню лет моего деда Дастали, бабушки Гюльназ, других старцев - ровесников века из нашего селения Пирабба. И я думаю, как же близко сходятся, органично связаны ваши рассказы с их воспоминаниями. Эти люди, молодость которых пришлось на начало века, с болью в душе рассказывали, как дашнаки, обходя дом за домом, селение за селением чинили бесчеловечную расправу над азербайджанцами, истязали и мучили их, подвергая всевозможным пыткам.

- Если бы не подросла Советская власть, одному богу известно, как бы сложилась наша судьба, - говорили эти старики.

А дальше мой дед Дастали рассказывал о горькой участи беженцев, изгнанных из соседней республики и размещенных по разным селениям Сальян и Нефтечалов. Слово за словом, разговор перекинулся к сегодняшним событиям. Дед рассказывал о плачевных результатах попытки разместить наших соплеменников - беженцев на низменных местностях, об ужасах и муках, перенесенных турками - месхетинцами.

- Тут орудовала рука дьявола, сынок,- говорил он.- Не то, да разве бросили бы свои отчие места, родные очаги, прозрачные как слеза, прохладные родники эти беженцы. Не успели мы утешить горе изгнанных из Армении соотечественников, как на наши плечи тяжким грузом легли заботы о турках-месхетинцах. Дед говорит, что четыре семьи турков-месхетинцев переселились и в наше селение Юхары Гарайманлы. Просил меня, чтобы я как-нибудь [366 - 367] уловив момент, пошел поинтересовался их жизнью... Несчастных кое-как разместили в клубе...

Так я, по совету деда и отправился в селение Юхары Гарайманлы, где когда-то учился в средней школе. Встретившись там с Мамедом Мамедовым, Сардаром Эйвазовым, Мисирагой Асадовым, Билгеис Раджабовой и Алифагой Керимовым, другими представителями интеллигенции, специалистами сельского хозяйства, я поинтересовался судьбой турков-месхетинцев. Мамед муаллим сообщил, что общей сложностью в Нефтечалинском районе размещены 24 семьи из Узбекистана. Четыре же семьи, нашедшие приют в нашем селении, прибыли из Иштиханского района Самаркандской области. В этих семьях двое грудных младенцев, трое детей дошкольного возраста и семеро школьников.

Мамед муаллим, после некоторой паузы, вдруг что-то вспомнив, пошарил в нагрудном кармане. Вытащив оттуда выходящую в Нефтечалах районную газету "Октябрь байрагы" за 13 января 1990 года, он протянул мне. И потом добавил:

- Статью "Письма в Самарканд" я построил на основе писем десятиклассницы турчанки Гюльзады Исаевой, адресованных в Самарканд, однокласснице узбечке Зейнаб Юсиповой... Я прошу вас внимательно прочитать. А после мы посетим эти семьи. Они остро нуждается в добром слове, заботе о них, моральной поддержке. Сельская интеллигенция, руководство совхоза имени Ханлара, да и все жители делают все, что в их силах для облегчения участи пострадавших. Сможем ли удержать их здесь? Кажется, они хотят переселиться в Саатлы. А по мне, так было бы лучше, чтобы они прикипели к нам душой, обжились здесь. Каждый день после работы я навещаю их, они делятся с нами своими заботами, печалью, радостями. Беженцы... Трудно, тяжело произносить это слово... Лучше прочитайте эти письма, и вы узнаете, что пережили они, какие муки пришлось им вынести...

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Милая сестрица Зейнаб, перво-наперво передай от меня привет одноклассникам и учителям. Знай же, что мы продали дом и с горькими рыданиями пустились в дорогу, пережив много бед и невзгод. Но я нисколько не обижена на тебя. Спасибо также соседям и одноклассникам, все пришли проводить и попрощаться с нами. [367 - 368] Ты хорошо знаешь друга моего отца Елдаша Закирова. Он тоже приходил. Принес с собой сколько-то денег нам на дорогу, если окажемся в затруднении. Но отец не взял, поблагодарив от души, отказался. Я никогда не забуду, как мой брат Шахмардар и его друг узбек Сеид Мурад Насиров, расставались со слезами на глазах, крепко обнявшись друг с другом.

Он сам перевез на мотоцикле все узелки и тюки с вещами брата. В ушах все еще звенят его слова, сказанные брату: "Куда ты едешь? Не уезжай, брат, умру, не допущу, чтобы тебя тронули". Я хорошо помню и ответ брата: "Нет, Мурад, нам так суждено. Разве в Фергане не было друзей у таких, как я, и что же случилось?"

Сестрица, больше всего у меня остался тяжкий осадок от продажи нашего дома. Мой отец говорит, что израсходовал на обустройство дома больше десяти тысяч рублей. И прожили мы в том доме больше тридцати лет. Все создавали своими руками. Но этот ловкач с трудом выплатил нам пять тысяч денег. Не прошло и пяти лет, как за тысячу рублей мы провели газ. Я еще не говорю о доме брата. Только в этом году они переселились в двухэтажный шестикомнатный дом. Но и двух месяцев не прожили. Вынуждены были променять такой особняк на старые "Жигули".

"В ту ночь я так тосковала, что не могла налюбоваться на наш дом, посаженные во дворе цветы и деревья. Мне казалось, что наш дом, подобно ледяной глыбе, вот-вот растает и испарится. Вдруг как сумасшедшая я стала обходить комнаты, считая их на ходу. Вместе с кухней и баней всего было десять комнат. А сейчас десять человек с трудом приютились в тесной и холодной комнате учреждения. И это еще хорошо. В Саатлы мы, 76 человек теснились в одном доме. Вот какие, сестрица, страшные вещи творятся на свете. Мне не верится, что у нас когда-нибудь будет такой же красивый дом, как прежде. О боже, суждено ли нам снова увидеть тот свой дом?"

Жду ответа.

*Твоя, томлящаяся в ожидании сестра
Гюльзада, 12 октября 1989 года.*

ВТОРОЕ ПИСЬМО

Милая сестрица Зейнаб, я пишу тебе второе письмо, а ответа пока что не получила. [368 - 369]

Как ты знаешь, те неизвестные нам люди дали нам три дня срока. Они угрожали предать огню наши дома, убить людей, в случае, если мы не уедем. Кто же были те, кто поднимал шум на улицах, выкрикивая: "Убирайтесь вон, турки"? Почему никто не пресекал их действия? Наши уважаемые люди неоднократно обращались к секретарю райкома, но все без пользы. И что же ответил секретарь райкома моему отцу? Он сказал: "Бекташ киши, идите, если вас убьют, придете и мы примем меры". После таких слов райкома мужчины, собрав женщин и детей в укромное место, неподалеку от вокзала Кетекурган обнесли с четырех сторон железной сетью и стали охранять. На следующий день водители - друзья моего брата Шахмардана нагрузив в 15 "КАМазов" более 100 семей турков-месхетинцев вместе с их домашней утварью, привезли их на вокзал Кетекурган. Там к ним присоединили охраняющихся женщин и детей. С помощью второго секретаря Иванова нас посадили на поезд и тут же отправили в путь. Мы пустились в путь, но наши сердца оставались там, у обжитых очагов приобретенной родины. Мы не знали, что нас ожидает впереди, куда нас мчит поезд. Старшие хотели сперва податься в Краснодар, обжиться там. Но в Краснодаре нас не приняли, сказав, что нет места. Посоветовали ехать в Воронеж. Но туда мы не захотели. С большой надеждой мы двинулись в Азербайджан, где живут наши единокровные братья по языку и религии. Наконец, после длительных мытарств мы добрались сперва до Красноводска, а - оттуда прибыли в Баку. Нас приняли здесь душевно, разделяя наше горе.

Через несколько дней после прибытия в Баку нас распределили по различным районам Азербайджана. Два месяца оставались в Саатлинском районе. Бывали дни, когда в одном доме оставались по 70-80 человек. Потом 14 семей прибыли в селения Юхары Гарайманлы и Гарагашлы Нефтечалинского района. В настоящее время мы, четыре семьи, размещены в селении Юхары Гарайманлы. Большинство приехавших вместе с нами остались и Саатлы. Здесь мы остаемся в клубе. Поблизости находится средняя школа. Из детей Халида ходит в первый класс, Ханзада - в третий, а Аниса в седьмой. Раджу должен был учиться в 6-м классе. Как ни бились, в школу ходить отказывается. Учитель отвел его в интернат. Он и оттуда сбежал, вернулся обратно. Как тебе известно, Гамершах, Матлуба и я должны были учиться в 10 классе. Но никто из нас не пошел в школу. Все трое работаем на ферме Учителя [369 - 370] долго настаивали, но мы сами не пошли. Мы хотим в ту школу, где учились, к своим ребятам. Но какой прок, и вы, и родная школа остались далеко-далеко, став несбыточной мечтой. Сестрица, родная, я сильно тоскую по дому, по цветам, посаженным своими руками. Я прошу тебя, загляни в наш двор. Там еще имеются распустившиеся цветы. Поцелуй их вместо меня. А потом сорви лепесток от этих, тронутых осенним листопадом цветочных кустов и пришли мне. Заверни в письмо, которое пришлешь, щепотку земли из нашего двора.

Пока все. До свидания, пиши ответ.

Твоя сестрица Гюльзада.

14 октября 1989 года.

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО

Милая сестрица Зейнаб, здравствуй. Письмо твое получила. Увидев лепесток и горсточку землицы, присланные тобой, я не сдержалась. Вспомнив наш дом и вас, залились слезами также и мама, Гюльнара и Гюльшан. Сестрица, я так истосковалась, что сердце разрывалось на части. Теперь я отвела душу.

Эти две вещи, присланные тобой, станут для меня самой дорогой и святой памятью. Ты пишешь, что присылаешь мне коробку с подарками. Нет, не надо, сестрица, не присылай. Мама говорит: "То, что вы пришлете, не представляет для нас никакой ценности. Для нас дорога только сама родина. И дважды мы на протяжении 45 лет лишались ее. Видимо, нам не суждено иметь Родину.

Милая сестрица, тут я дважды ходила на свадьбу. Здесь и свадьбы, и песни очень похожи на наши. Спасибо им, тут всячески заботятся о нас. Разделяют наше горе.

Сестрица, у меня просьба к вам, когда будете ходить на свадьбы, праздновать Новый год, Новруз байрам, вспомните и о нас. Хоть раз помяните нас добрым словом. Вспомните, что когда-то у вас были такие друзья.

На каждой вечернике сыграйте в память о нас мелодию "Айрылыг" ("Разлука"), пусть никогда и нигде не будет вражды между братьями по крови.

Сестрица, у меня еще одна просьба, не обижайся. На праздник Новруз пойдешь на кладбище. Проведаешь могилы моих дедушек, лежащие рядом. Сорви цветы из нашего двора и возложи на могилы усопших, почти их память, а потом уходи.

Плакать же буду я.

До свидания.

Сестрица Зейнаб, передай от меня привет родителям, братьям
и сестрам, одноклассникам и учителям.

Твоя сестра Гюльзада. тоскующая на
чужбине. 10 декабря 1989 года.

ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО ЗЕЙНАБ

Дорогая Гюльзада, здравствуй! Я шлю своей милой сестрице - ароматный привет от родины. Сообщаю тебе, что получила твое письмо. Читала в кругу семьи и одноклассников. Все мы сильно опечалились, глядя на ваши пустующие места и вспоминая о вас.

Каждый раз, проходя мимо вашего дома, так и подмывает зайти во двор и кликнуть тебя. Иногда даже не удерживаюсь и зову. Никто не отвечает мне, Гюльзада! Слово все происходит во сне. И ваш отъезд кажется мне сном, никак не могу поверить.

По твоей просьбе я зашла в ваш двор. Среди посаженных твоими руками цветов повеяло ароматом твоего дыхания. Глядя, как в построенном кровью и потом вашем доме хозяйничают чужие люди, я схожу с ума. Этот лепесток и горсточку земли я взяла из вашего двора и посылаю вам. Чтоб как-то утешить тебя. Спрашиваешь, кто сидит теперь за партами, где сидели ты и Гахнаршах? Пока никто. Ваши места пусты, сестрица. Ваши имена числятся и в классном журнале. Каждый день учитель зачитывает и ваши имена. И мы неизменно отвечаем: "Здесь". С тех пор, как нет со мной рядом, я стала учиться неважно, тянусь на тройках, жизнь не радует меня, сестрица. Ты пишешь, что не ходишь в школу, работаешь на ферме. Но ведь ты же была отличницей, почему же не стала учиться? Наш классный руководитель Мустафа муаллим в тот день вспоминал тебя, интересовался, "куда уехала, учишься ли, ведь ты ходила в отличницах?"

Гюльзада, от имени одноклассников я посылаю тебе коробку с подарками. Я прошу тебя воспринять это как подарок друзей. Прими от души. Не обижайся на нас.

Мы никогда не забудем тебя.

*Твоя сестра Зейнаб.
20 ноября 1989 года.*

- Уважаемый уstad, под впечатлением такой тягостной картины я и забыл, что собирался задать вам вопрос.

- Да, рассказанный случай до слез расстроил меня. Но разве можно перечислить все наши беды, трагедии... Их не одна и не две...

Один случай я расскажу вам со всей достоверностью. Мы услышали, что из Еревана поездом везут беженцев. Отправились на железнодорожный вокзал. Нас было несколько человек. Поезд приближался медленно, и вскоре, сделав вдох, затих и остановился. Беженцы один за другим подходили к дверям и выходили из поезда, у всех лица были изможденные, с печатью перенесенных "страданий и горя. На них были одни рваные лохмотья.

В это время из поезда стала сходить женщина с 5-6 летним ребенком на руках. Мы подошли и помогли ей сойти. Один глаз ребенка был перевязан. Женщина, одетая в тонкое ситцевое платье, дрожала от холода. Она рыдала, тихо издавая вопли. Словно обращаясь к двухмиллионному Баку, она говорила:

- Взгляните, как замучили моего маленького. Как стерпеть такую муку?!

В этот момент заговорил сам мальчик:- Мама, не плачь, когда ты плачешь, глаз еще сильнее болит. Не плачь, мама! А как ты успокаиваешься, мне тоже легче перенести боль.

Эта сцена сильно тронула нас. Я и сейчас, вспоминая этот случай, не в силах удержаться от слез. Мы посадили того малыша в машину и отправили в глазную больницу.

- Да разве таких искалеченных детей мало у нас? Так называемые "идеологи" у наших соседей, то и дело твердящие о "гуманизме, человечности, милосердии", наверняка хорошо осведомлены об этих злодеяниях. И возможно, что они же сами и потворствуют этим бандитам своими насквозь пропитанными националистическим духом произведениями, чуждыми нашей идеологии.

Эти бородачи и убийцы и являются воспитанниками этих "идеологов".

- Я сам сколько раз видел детей с отрубленными пальцами, [372 - 373] искалеченных. И всю жизнь эти маленькие калеки будут лишены радости полноценного труда...

Подумать только! Мало притязать на чужие земли, так еще надо было мучить и терзать, убивать, насиловать, совершать тягчайшие преступления?¹

Азербайджанский народ терпеливый. Мы вынесем и эту боль (что же нам остается делать?). Но пусть будущие поколения знают, что пережили и вынесли мы. Мы должны сделать все, что в наших силах ради достижения светлых идеалов.

- Уважаемый уstad, есть ли надежда, что когда-то мы снова завладеем потерянными землями, что наступит день, когда беженцы вернуться к своим разрушенным очагам, в земли, унаследованные от предков?

- Во всяком случае, и без веры невозможно жить. Безднадежность и безверие равносильны смерти.

Я всячески пытался довести до прежнего руководства свои мысли об арсагах (древних тюркских племенах). Но никто и не пожелал выслушать меня. Не нашли для этого времени.

Вся история - это колесо фортуны, братец. В своей книге "Размышляя о корнях происхождения азербайджанского народа" я поместил изображение колеса фортуны. На рисунке изображено само колесо фортуны и его кругообращение, движение. Подобное изображение встречается на древних могильных плитах. Самая верхняя точка колеса - это "жизнь", нижняя точка - "смерть". Предки азербайджанцев были противниками смерти. Они стояли за продолжение жизни, за ее вечность и поэтому они увековечили на кладбищах движение колеса, его кругооборот, свои размышления о рождении нового человека - продолжателя жизни.

На нижней точке колеса (символизирующей смерть) противопоставляются начало смерти и начало жизни. В этой точке сталкиваются "смерть" и "жизнь", у которых одно начало - природа, бытие...

...Как видно, древние азербайджанцы никогда не покорялись смерти. Подобный взгляд па жизнь усиливаем в человеке любовь к жизни, зарождает в нем чувство веры и уверенности в себе. Такое мышление всегда вело человека к свету, к жизнелюбию. И как бы тяжело не складывалась судьба человека, он всегда жил любовью к жизни.

И сегодня мы должны настроиться на светлых идеалах наших предков, на их шаманских заклинаниях. Шаманы были видящим [373 - 374] оком и мыслящим мозгом у тюркских народов. Они всегда были вместе с народом. Во время войн к этим мудрецам прислушивались сами полководцы. Шаманские взгляды и мировоззрения опираются на природные силы. Шаманы всегда отталкивались от природной философии, были носителями идей натурфилософии. По их мнению, человек должен бороться против зла, уродства, подлости, бесчеловечности.

Думаю, что весь наш народ, беженцы должны сохранить и уберечь в себе оставленный в наследство от предков огонь, полыхающий внутри нас, самоотверженно вести борьбу за осуществление идеалов, во имя которых отдали жизни наши дети в трагическую январскую ночь.

Да сохранит нас от бед шаманское заклинание, послав кару на врага, позарившегося на наши земли. [374 - 375]

ТОСКА ПО ГЫЛЫНДЖКЕНДУ

На дороге, ведущей из Казаха в Гянджу, яблоку негде было упасть. Машины с милицейскими работниками одна за другой направлялись в Казах, и, минуя его, в селе Юхары Салахлы поворачивали в сторону ущелья Инджи. Жители окрестных сел удивленно переглядывались, спрашивая друг друга: "Что произошло в Инджи?"

Действительно, что произошло? Что же случилось, если в самое высокогорное село Кемерли, находящееся на границе с Арменией, в это богом забытое место, направили столько милиционеров; оставив свои участки в Гяндже, Шамхоре, Таузе и других соседних районах, они перекрывают выходы и домам маленького села, никому не дают возможности выйти на улицу, вымолвить и слово, заявить о своих правах.

Что произошло? Люди, задающие друг другу этот вопрос, хотя и не знали подробностей случившегося, понимали, почему бюрократический аппарат, для которого превыше всего принцип "чем больше народ будет рабом, тем лучше", посылает, и эти mesi вооруженные отряды милиции, знали, что народ, на протяжении долгих лет терпящий несправедливость, поднялся на борьбу за свою честь, за землю предков, а этого нельзя допустить, это не в пользу бюрократов, спекулирующих родной землей, это чреват неприятностями, надо любыми способами пресечь это и самый легкий путь здесь – насилие. Чтобы понять причину происшедшего, нужен небольшой экскурс назад, а точнее в октябрь 1984 года, тогда еще не было ни перестройки, ни гласности. Тогда еще вовсю бесчинствовал бюрократический аппарат, вылезавший вон из кожи, чтобы сохранить свои кресла, теплые места. [375 - 376]

Зима в тот год была суровой. Выпало много снега, и все, кто мог держать в руках лопату, очищали дороги от сугробов, пытаясь проложить хотя бы узенькую тропинку. Снег зимой означает изобилие, но если его слишком много, то жди беды. В такие зимы и без того нелегкое сельское житье-бытье, затрудняется еще больше, иссякают запасы корма для скота, происходят снежные завалы, прекращается сообщение с районным центром и соседними селами. Все толковали это по-своему, мой отец, которому уже перевалило за сто лет, сказал: "Это божий гнев за несправедливость, сынок".

В тот год в селе был неурожай, и это тоже объясняли гневом божьим за несправедливость.

Кто же сотворил эту несправедливость? Отвечая на этот вопрос, сельчане показывали пальцем "наверх", мол, руководство республики.

А конфликт произошел из-за земли. Во второй раз после установления Советской власти у людей отнимали землю их дедов и отцов и отдавали ее Армении. Чтобы глубже понять события 1984 года, надо обратиться к тем, что произошли почти сорок лет назад.

...Разница между богатыми и бедными в этом селе всегда была небольшая. Его жители, проводящие лето па эйлагах, а зиму на равнине, занимались растениеводством, скотоводством. Их образ жизни и сейчас почти не претерпел никаких изменений. Одна лишь разница, что сейчас односельчане не бывают на эйлаге. В результате стовора Сталина и Микояна эти эйлаги отданы Армении. С тех пор люди привыкли к оседлому образу жизни. Опустели летние пастбища, затерялись следы людей, погасли очаги. Армяне, став хозяевами этих земель, разрушили пастбища, уничтожили все, что могло бы напомнить людям о былом.

Сейчас пробраться к этим местам также сложно, как перейти Аракс. Пишу об этом и вспоминаю историю десятилетней давности. Я решил провести лето на одном из эйлагов - Гейдаге, самом близком к нашему селу. Когда грузовик, в который мы погрузили свой скарб, проехал территорию Ноемберянского района Армении, находящегося в пяти километрах от Кемерли, подъехал к месту, именуемому Йохушунбашы, нас остановили двое в форме рядовых милиционеров, спросили, куда мы едем, я ответил. Но разрешения ехать дальше не получил. Под разными предложениями они продержали нас часа три-четыре, и ничто на них не действовало: ни плач [376 - 377] ребенка (моему сыну Тогрулу было тогда десять месяцев), ни то, что уже темнело, а ведь нам надо было приехать к месту затемно, чтобы разместиться. Эти двое переговаривались о чем-то, смеялись, не обращая внимания на наши просьбы и уговоры. Изредка мы слышали слово "тюрк". Впрочем, это было единственное слово, которое мы могли различить в армянской речи, иногда они протягивали руки в сторону нашей деревин и что-то сердито говорили. Ненависть, написанная на их лице, говорила, что рассчитывать на проявление элементарной человечности, благородства наивно.

И в этот момент около нас остановилась машина. Из нее вышел капитан милиции, спросил, в чем дело. Я подошел к нему и рассказал обо всем, сказал, что из соседней деревни, что живу в Баку, что сейчас в отпуске и хочу провести его вместе с семьей в Аладжиге, на природе.

Конечно, после шумного города, одно удовольствие отдохнуть на лоне природы, - с теплотой сказал капитан, и я с удивлением отметил турецкий акцент в его речи. Спросил его об этом. Оказалось, что отец его из турецких армян. Дома мать с отцом обычно говорили по-турецки, вот он и научился у них. И еще он сказал, что родители всегда с любовью вспоминают Турцию.

Сказать по правде, как-то не верилось его словам. Мы настолько привыкли к тому, что представители этого народа на каждом шагу кричат о "геноциде", не скупятся на самые мрачные краски, рассказывая о событиях того времени. Однако капитан не был похож на других армян. Он как бы воспитывался в другой среде. Причину этого я узнал потом, оказалось, что его семья недавно переехала в Армению, а до этого жила в других городах пашей страны, им еще не знакомо то чувство ненависти, которое питает армяне к другим нациям, и особенно к азербайджанцам. Я больше чем уверен, что встретить этого офицера сейчас, я не обнаружил бы большой разницы между ним и теми рядовыми милиционерами, что закрыли нам дорогу на эйлаг: армянская пропагандистская машина работает мощно. Но вернусь к своему рассказу. Тот офицер очень тепло попрощался с нами и сказал: "Мы, соседи, добро пожаловать, уезжайте и отдыхайте, эти места принадлежат и вам и нам".

Капитан что-то сказал милиционерам - я не понял, но видно, что-то резкое, извинившись за них, он уехал.

Каждый раз, думая об этой истории, я вспоминаю трудные послевоенные годы, тогда всем жилось трудно; Советский народ, [377 - 378] вышедший из четырехлетней войны, был занят восстановлением страны. Положение армян было тяжелым вдвойне. У наших соседей, живущих преимущественно в горной местности, пшеница или не родила, или урожаи созревал поздно. А потому по весне армяне в буквальном смысле вынуждены были побираться. Ходили по дворам в поисках любой работы - кому землю вспахать, кому дом построить, а кому траву скосить, лишь получить за это кусок хлеба. В те годы наше село, да и весь район очень помогли населению соседних армянских сел. Житель соседнего села Балакенд (сейчас оно называется Доведх) кум Тегло раз в неделю приходил к нам и всякий раз уносил с собой провизию дней на семь. Армяне собирали в наших селах дикие яблоки, а в осенние месяцы ходили по дворам и продавали их. А сколько раз мы, дети, меняли на яблоки зерно, которое потихоньку от взрослых уносили из дома, те яблоки были лишь поводом, чтобы помочь армянам, ведь есть их было невозможно.

Каждый камень в наших домах прошел через руки кума Шакера. Он всегда жил в тех домах, где работал. И везде ему оказывали почет и уважение. Кум Шакер построил и наш дом. Помню, каждый вечер он, знавший азербайджанский язык, как свой родной, рассказывал нам забавные истории, сказки. Этого конечно, не забыть.

В самые трудные, тяжелые дни последних лет я вспомнил прошлое, и мне не верилось, что на доброту, отзывчивость можно ответить такой черной неблагодарностью. Ведь это грех. Но мне все же кажется, что если милиционеры, преградившие дорогу на эйлаг, на стороне тех сил, которые пытаются сокрушить дружбу двух народов, на стороне пресловутого комитета "Карабах", то капитан милиции имени, которого я так и не узнал, кум Шакер и десятки других - находятся по другую сторону линии фронта, это люди, стремящиеся защитить добрые отношения наших народов, складывавшиеся на протяжении веков, не может быть, чтобы весь народ был неблагодарным. И если этот народ попал под чье-то влияние, если он увлекся бредовыми идеями националистов, если он думает, что эти идеи могут стать реальностью, то он глубоко ошибается и вредит этим только себе. Я верю, что армянский народ, простой трудовой народ Армении когда-нибудь поймет эту ошибку и отвернется от балаянов, ханзадянов, капутикянов, тех представителей интеллигенции, кто вверг свой народ в кровавую бойню, скажет им: "Хватит". [378 - 379]

Через несколько дней один из тех милиционеров пришел ко мне с моим родственником, живущим в Кемерли. Оказалось, что они давно знакомы. В голодные годы его отец помог отцу милиционера Сурену-киши прокормить свою семью, и, умирая, Сурен-киши завещал своему сыну никогда не рвать дружеские отношения с азербайджанцами. Да вот сын оказался неблагодарным. Правда, за столом он попросил у нас прощения, сказал, что не знал, что мы родственники его друга. Но, думаю, нельзя терять человеческий облик, даже если ты не знаешь кого-то лично, не знаешь, чей он родственник, близкий друг. Там, на живописном склоне Гейдага, за столом, уставленном различными яствами, я выяснил для себя еще одно. Когда армянин одинок среди азербайджанцев, он совершенно меняется, становится каким-то другим, чувствуешь, что он не сделает тебе зла, со всем согласится, и даже если скажешь "умри" - умрет. Однако если их несколько человек - тогда они готовы тебя растерзать, начинают ворошить историю, толкуя ее на свой лад, и каждый обязательно считает себя ученым жуем.

На эйлаге по соседству с нами жил армянин. И звали его Керем. Он держал скот, и мы каждое утро покупали у него свежее молоко. Керем-киши знал всех пожилых мужчин нашего села. "Если б не ваше село, мы погибли бы от "голода", - говорил он, вспоминая прошлые годы, и всегда с любовью отзывался о кемерлинцах. Однажды во время беседы я спросил у него названия окрестных местностей.

- Эту низину называют Гаранлыг, - начал он, показывая по одному, - те горы - Армудлу, Чайговушан, Джуюрдаг, Хелефин юрду, Габарлы Гядик и т. д. Жители ваших сел каждый год приходили в эти места. Эти эйлаги помнят такие веселые дни.

- У этих мест нет других названий?

- Мне около ста лет, слышал только эти названия, только их и знаю.

Я обошел каждую пядь этой земли. Пожилые люди говорили, что на каждой из этих гор есть одно кладбище. Крестьяне, живущие 5-6 месяцев в году в горах, не возили покойников в низину, а хоронили их здесь же. Им и в голову не могло прийти, что земля их предков в 1949 году Сталина и Микояна будет передана Армении. Именно тогда здесь были разрушены кладбища и всё, что связано с Азербайджаном. Судя, по названию, в Габарлы Гядик (от слова "гебир", что в переводе означает "могила") было [379 - 380] когда-то кладбище, сейчас это место полностью распахали, когда я рассказал об этом Керем-киши, он растерялся и, помедлив, сказал:

- Это - подлость. Бог не простит.

Но если бы только в этих зеленых эйлагах, отданных в 1949 году, заключалась вся беда. Все дело в том, что захват наших земель продолжался и позднее. Примером могут служить земли, переданные Армении с помощью нашего прежнего руководства. Очередной "подарок" из народной земли был преподнесен соседям в 1984 году. Об этом хочу рассказать подробнее.

Взбираясь, всякий раз не холмы Дингедаш Гарагая, я смотрел в сторону Гылынджкендского леса и представлял себя джигитом, осматривающим свои владения, - ветвистые дубы, грабы, шагая по земле дедов и отцов, в летнюю жару наклоняясь к родникам, чтобы испить ледяной воды, гуляя по кизиловой поляне, что справа от лесной тропинки, ведущей к Батдахлинскому роднику, я полной грудью вдыхал аромат родной земли. И радовался, что мы хозяева такого прекрасного края, что Азербайджан имеет такие живописные уголки.

Я гордился тем, что наше село, уютно расположившееся на склоне этих гор, имеет все - кормовые угодья, выгоны, родники, ни в ком и ни в чем не нуждается.

Этих мест больше нет.

Вернее, места эти остались, точно так же кипят родники, молчаливо взирают на окрестности горы, но эта земля больше не именуется азербайджанской. Дорогу, ведущую туда, обнесли колючей проволокой. И сейчас перешагнуть эту проволоку так же сложно, как и перейти Аракс. Очень жаль, что нашему поколению пришлось столкнуться с этой исторической несправедливостью, стать свидетелями того, как наши нерадивые руководители незаконно отнимали земли своего народа и передавали их соседней республике. Нам выпала доля нести ответ перед грядущими поколениями.

Сейчас мы издалека смотрим на Гылынджкенд - 2500 гектаров Кемерлинской земли, переданной в 1984 году в нарушение конституций СССР и Азербайджанской ССР Армении. Так же, как смотрим на противоположный берег Аракса. А мой 105-летний отец не [380 - 381] может сделать и этого - нет ни силы в ногах, ни света в глазах. Он только тяжело вздыхает и просит Аллаха наказать виновных.

Но как была отдана эта земля? Как могло произойти, что Гылынджкенд, веками принадлежавший Азербайджану, оставшийся в духовной памяти народа и являющийся частью того святого целого, что называют Родиной, вдруг превратился в чужую землю, и сейчас стараются стереть его из памяти народа, заставить людей забыть эту землю. Как заставили забыть Гейдаг, Армудлу, Чайговушан и другие эйлаги.

Все помнят, как протестовали крестьяне, когда отдавали Кемерлинскую землю. Известно и то, что заместитель председателя Совета Министров Азербайджанской ССР Шамиль Расизаде, находившийся в тот период в Кемерли и приложивший немало усилий, чтобы земли были переданы Армении, спровоцировал конфликт в селе, население которого было готово ценой собственной крови защищать принадлежавшие ему территории. В этом конфликте участвовали и заместитель председателя Совета Министров Армянской ССР В. Мовсисян, первый секретарь Ноемберянского райкома партии С. Петросян. Прямо там жители соседнего с Кемерли села Довех, которые долгое время пытались получить жирный кусок азербайджанской земли, и теперь были уже у порога желанного, взяли за грудки директора своего совхоза Рачика Меграбяна:

- Отдайте наши деньги, - потребовали они.

Сотни людей стали свидетелями этой сцены, потом стало известно, что жители нескольких сел Ноемберянского района, в том числе и Довеха, собрали деньги, чтобы... впрочем, известно, для чего собрали. После этих событий землю отдали.

Шесть лет - срок, в общем-то, небольшой, но непосредственным участникам тех событий кажется, что прошло уже очень много времени. И никому не верится, что наши земли уже не принадлежат нам, что несправедливость свершилась в реальности.

"Считайте, что эту землю вы отдаете мне", - прошло шесть лет с тех пор, как были произнесены эти слова, кто их автор, кто тот человек, что во имя собственного спокойствия был готов отдать родную землю?

Вспоминая эти слова, испытываешь чувство глубокого сожаления, оттого, что человек, произнесший их, шесть лет возглавлял республиканскую партийную организацию. От земли пая не бывает! [381 - 382] Зная об этом, произносить "Считайте, что эту землю дарите мне", все равно, что предавать родину, край, который тебя взрастил.

Жители Кемерли понимали: их судьба зависела от этой земли. Знали, что с отходом земель Армении уровень их жизни снизится, а это, в свою очередь, усилит отток людей из села. Результат нетрудно предугадать: одним заброшенным селом станет больше. Протест, с которым жители села восприняли незаконное решение, думаю, закономерен.

Однако, вернувшись из Кемерли, заместитель председателя Совета Министров Азербайджанской ССР Шамиль Расизаде, которому не было никакого дела до чувств сельчан, называл их на заседании бюро ЦК КП Азербайджана дикарями, достойными выселения в Сибирь (какое счастье, что те времена прошли). Но это будет позже.

А пока...

В Гылынджкендский лес пришла осень. Это время года здесь было особенно красивым. И вдруг разнесся слух, что из Баку приедут руководящие работники, чтобы передать 2500 гектаров земли Армении. Почему, для чего? Никто не мог ответить на этот вопрос. Многие не верили этим разговорам. Мыслимо ли передавать соседней республике исконные азербайджанские земли, да еще не посоветовавшись с народом, не попросив у него разрешения, но кто считался с народом?

Директор совхоза имени Димитрова, патриот своего края Иса Бабилов (после событий его исключат из партии, но через некоторое время по указанию комитета партийного контроля при ЦК КПСС ему вернут партийный билет. Однако у молодого, талантливого хозяйственника не выдержит сердце, а те, кто виновен в его смерти, не будут испытывать угрызений совести) поехал в райцентр, где узнал, что утром в селе состоится собрание. Однако утром, высокопоставленные товарищи из Баку окольным путем через Армению, чтобы не попасть на глаза сельчан, прихватив представителей соседней республики, пришли в Гылынджкендский лес. Эти люди привыкли обделывать свои дела за спиной народа, превращать предмет спекуляции его духовный мир, его честь и достоинство.

Но земля слухами полнится. И узнав об этом, жители Кемерли и двух соседних сел - Гаймаглы и Асланбейли тоже поспешили в лес. Да и не могли они не прийти, так как у трех этих сел, расположенных [382 - 383] на склонах Инджи, одна судьба. Этот лес, земли, которые втихую за спиной людей решено отдать соседней республике - их земли, а для крестьян вопрос земли - это вопрос чести и достоинства. Кроме того, здесь они пасли свой скот, добывали топливо, но самое главное - если отнимут эти земли, все три села останутся без воды.

В это время со стороны Армении подъехало несколько легковых машин. Мужчина, вышедший из первой машины, подошел к толпе.

- Барев, - поздоровался он по-армянски.

Кто-то из стоящих впереди, ответив на приветствие, сказал:

- Мы азербайджанцы.

Мужчина, которым оказался Ш. Расизаде, закричал:

- А что вы здесь делаете? Это не ваша земля, почему вы сюда пришли?

Собравшиеся недоуменно переглядывались: как это не ваша земля? Почему земля дедов и отцов стала вдруг не их?

Высокий "гость" из Баку продолжал возмущаться, оскорблять людей, кричать на них. В гневе он даже толкнул одну женщину.

Прошло несколько дней, и в село приехал Кямран Багиров. Руководители республики пытались успокоить людей. Вернее, хотели, чтобы они не жаловались, смирились с несправедливостью.

Такого в Кемерли еще не видели. Правительственные "Газ-31", "Чайки" и другие автомобили, марки которых были незнакомы местным жителям, сопровождающие, снующие туда-сюда работники административных органов, охрана, помощники, министры - бюрократы... для тех, кто наблюдал за этой картиной, все выглядело достаточно комичным, а для жителей села это было настоящей трагедией.

Впрочем, все это действительно больше походило на комедию, и очень не хватало Мирзы Джалила, пусть земля будет ему прахом...

Начиналась обработка населения: никуда не обращайтесь с жалобами, сохраняйте спокойствие, смиритесь. А взамен - проведем в село дорогу, построим больницу, школу, детский сад, баню, магазин, дом быта, проведем воду, пробуем артезианские колодцы и т. д. и т. п. Чего только не наобещали!

И действительно, через некоторое время село стало напоминать строительную площадку. Заработали бульдозеры, экскаваторы, другая техника. Стали появляться люди с проектами различных специальных объектов. Был заложен фундамент нескольких [383 - 384] строек. Затем работы пошли на спад, сократилось число приезжающих. Некоторые объекты все же были наспех построены, а большинство - совсем забыты. Баня, детский сад административное здание, клуб, дорога и др. относились к этим объектам. В нескольких местах были пробурены артезианские колодцы. Пригласили специалистов, которые, проверив качество воды, пришли к выводу, что она непригодна для питья. А источник, откуда планировалось провести в село воду, остался на подаренной Армении земле. На этом завершился строительный бум в Кемерли. Руководители республики сказали людям полуправду, полуправду говорили и их посланцы. Так и не поняли они, что две полуправды в сложении не дают одной, полной.

Но вернусь к своему повествованию. Да, через несколько дней в село приехал Кямран Багиров. И ничего, не выяснив, не посоветовавшись ни с кем, не узнав имени людей, сказал те слова, над которыми сейчас часто иронизируют, что "эту землю вы подарили мне".

Я много говорил об этом с жителями села - и со стариками, и с молодыми. Все - хотят знать - почему была отдана земля? Почему не наказаны те, кто приложил к этому старания. Кто дал согласие на передачу земли, и кто подписал это решение?

Закономерные вопросы!!!

Но отвечать на них не стали. Через несколько дней, как говорится, по горячим следам, было создано Бюро ЦК Компартии Азербайджана, которое в спешном порядке приняло специальное решение "о недостойном поведении группы жителей села Кемерли". Людей, которые готовы были ценой собственных жизней защитить родную землю, наказали, тем самым постарались убить в других чувства патриотизма, любви к родной земле, заставить забыть сыновьям долге перед ней.

Земля лишь тогда принадлежит тебе, когда ты возделываешь и умеешь защитить ее, если не возделываешь, нет нужды защищать ее, а если не можешь защитить, нет необходимости возделывать. Это - прописная истина. За последние 70 лет территория Азербайджана уменьшилась на 18 тысяч квадратных километров. И причина этого в том, что в приграничных зонах десятки гектаров земель оставались без присмотра, не благоустроивались. Будто они и не были нашими, будто и не испытывали мы нехватку земель. И завистливый сосед, замечая это, потихоньку передвигал границу в нашу сторону. Равнодушие к земле - преступление вдвойне. Мы были равнодушными [384 - 385] к Кемерлинской земле, а сейчас тоскуем по ней. Армяне каждый год захватывали по 3-5 метров земли. А наше либеральное сельское начальство карьеры ради делало вид, что ничего не замечает. А если люди обращали их внимание на это, говорили: "Ну, подумаешь, 5 метров". Для таких нет разницы, что пядь земли, что километры. Если надо, - все отдадут, лишь бы их не трогали. Сейчас отданный Армении Гыльнджкендский лес - самое красивое и живописное место. Разве нельзя было построить там пионерский лагерь или дом отдыха?

Надо сказать, что приграничные районы нашей республики гораздо уступают соседним армянским в социально-экономическом и культурном строительстве. Приведу простой пример: по рассказам стариков и письменным источникам Инджеванский и Дилинжанский районы Армении, граничащие с Казахстаном, напоминали по сравнению с ним простые деревни. Самыми примечательными здесь были караван-сарай, в то время, как Казах славился как край, имеющий богатую историю, взрастивший великих людей. Давайте сравним сейчас - рядом с Инджеванским и Дилинжанским районами Казах напоминает обычный средний поселок. словно все переместилось в этом мире.

Стремительное время удалит от нас события последних лет, но отголоски их еще долго будут давать о себе знать. Все происходит сейчас очень быстро, настолько, что, написав сегодня статью, завтра приходится обогащать ее новыми фактами. Все эти события, а вернее каждое последующее есть продолжение предыдущего. Те, кто пытается с 1988 года осуществить свои грязные планы, кто в течение трех дней изгнал с родных земель 200 тысяч азербайджанцев, развязал бойню между двумя народами, продолжатели тех, на чьей совести события 1984 года, несильный захват азербайджанских земель.

События последних лет находятся в центре внимания не только союзной, но и мировой печати. Но ни мы, ни мировая пресса, ни слова не сказали о самой большой беде нашего народа - о беженцах, чью боль мы еще не осознали до конца. Есть карликовые государства, в которых населения столько же, сколько беженцев приняла наша республика. Когда нарушаются права этих государств, мировая общественность

справедливо поднимает свой голос в их защиту. Но все молчат о наших соотечественниках - 500 тысяч азербайджанцев, насильно изгнанных из Армении. [385 - 386]

Молчим и мы сами, да и всегда молчали. И это молчание стоило нам дорого. Если бы в 1984 году во время кемерлинских событий справедливость была восстановлена, если бы мы не молчали тогда, может, и не было бы, ни надуманной "карабахской проблемы", ни братьев наших, оставшихся без крова. Уверен, что, осуществив мечты армянских экстремистов, связанные с Нагорным Карабахом, они возжелают большего. Не зря же говорят, "аппетит приходит во время еды". [386 - 387]

СКОРБЯЩИЙ ДЕРЕЛЯЗ

На вершинах гор пестрый снег,
 Пестрый эйлаг, пестрый снег,
 Сколько бы не выпадало снега,
 Небыло никогда столько снега...¹

Эту грустную песню моя бабушка впервые запела в 1951 году, когда была вынуждена покинуть родину своих предков, Дереляяз.

Сколько бы не выпадало снега,
 Не было никогда столько снега...

Заунывно повторяя эти слова, бабушка подразумевала, что по сравнению с 1904, 1917-1918 годами боль от повального бегства 1948-51 годов была значительно мучительнее. И надеялась, что это - последний такой сильный снегопад. Но не могла предположить, что наступит год 1988-й, и вновь будет вьюга, которая заставит людей навсегда покинуть отчий дом, стать беженцами.

Бабушка не дожила до этого дня. Лишь ее могила стала свидетелем скорбных событий. Будь она жива, какую песню она затянула бы сегодня?

Бабушка Гандаб - свидетельница двух массовых бегств из четырех. В 1904-1905 годах она была ребенком и плохо помнила это. Но в ее памяти остались рассказы старших о кровавых деяниях армян. Эти истории, рассказы она унесла с собой.

В 1917-1918 годах бегство совпало со временем замужества бабушки. Погиб молодой муж, пятеро детей. С горечью говорила она о тех днях... И всегда плакала. Эти дни принесли ей неизгладимое горе. [387 - 388]

1948-1951 гг. пришлось на зрелые годы бабушки. Она потеряла тогда 17-летнего внука Гюлюстана. "Пусть никогда не повторятся больше эти дни" - говорила она. Но они вновь наступили. Страшные дни...

Гейча и Дереляяз смежны друг с другом, их разделяет Селимский перевал. Издревле музыканты и острословы обоих краев гостили друг у друга, и эта привязанность впоследствии переросла в дружбу. Хождения начинались с открытием дорог и продолжались вплоть до закрытия перевала. Сразу после Новруза начиналось общение соседей, да еще какое.

А наступал второй месяц осени, и видишь, что первый снег завалил дверь, перевал закрылся. И вновь ашуги соседних краев с тоской ожидали наступления весны. В этом плане примером может послужить дружба музыкантов из села Саллы Дереляязского края с ашугами из Гейчи. Село Саллы считалось "центром" Дереляяз. Вследствии нахождения Саллы на оживленной дороге, удобном во всех отношениях месте, многие наиболее известные ашуги и поэты Дереляяз жили именно здесь, поэтому и ашуги из Гейчи останавливались тут. Здесь жили многие известные ашуги и поэты, которые могли состязаться с такими ашугами как Аг Ашуг /Аллахверди/, Ашуг Алескер, Мамедгусейн, Бейлар, Абдулазим, Уста Абдулла, Новрес Иман и другие. Это - Ашуг Джалил, Шаир Тахмаз, Делляк Халаф, Ашуг Асад, Шаир Алгусейн, поэт Магомед /брат Джалила/, поэт Рзагулу, Ашуг Гулу, Магомедали, Ашуг Бахман... И это еще не все поэты и ашуги, жившие в селе Саллы. Над всеми ими возвышался Ашуг Джалил. Как Ашуг Алескер был лучшим в Гейче, так Джалил - в Дереляязе.

Ашуг Джалил родился в селе Саллы примерно в 1850 году. С детства отдал он свое сердце стихам и сазу. И это было не удивительно, ведь еще мальчиком он видел Шаир Тахмаза, Ашуга Асада. Кроме свадеб в селе Саллы проводились и поэтические конкурсы. Сюда приезжали ашуги и поэты из Гейчи, Джагынского ущелья (территория Вединского района), Зангезура, Нахичевани, Ирана. На этих меджлисах разговор шёл о поэзии, музыкальном мастерстве. Такие конкурсы были знамениты и тем, что на них загадывались [388 - 389] загадки в стихотворной форме, с которыми ашуги обращались друг другу во время состязаний. В них перечисляются признаки каких-либо предметов, животных и т. п. Причем

¹ Перевод стихов подстрочный.

задаются вопросы не одному человеку, а всем присутствующим. Кто трижды разгадает стихотворения, тот провозглашается мастером. И слава о нем шла по всем краям.

Отец Джалила - Мехрали киши, тоже был поклонником песни и стиха, приходил на поэтические встречи, иногда брал с собой маленького Джалила. С тех пор в его сердце запали услышанные сказания, рассказы.

Летом 1917 года горечь и боль вошли в мирную жизнь Дерелаяза. Каждый день люди встречали и провожали дурной вестью. А печальное известие о старшем сыне Джалила Халиле потрясло все село. Еще не опомнившись после утраты жены Гызханум, Джалил переживает горе по сыну. Ко всему прочему разбойник, зовущийся Японец, разместил отряд из примерно тысячи головорезов рядом с селом Келекюллюк, в 4 километрах от их села. Как следует из рассказов, Японец был армянином из Карабаха. Священник села Келекюллюк Нахапет (в знак уважения его называли также Дер Ваян) целый день сопровождал Японца. И даже привез для него из села трехдневный запас продовольствия. Японец также оказывал ему как священнику уважение, посвятил в свои планы, согласно которым он хотел ночью напасть на село Саллы, уничтожить людей, вывезти добычу.

Но мир не без добрых людей. Узнав точное время нападения, священник Нахапет под предлогом, что возвращается домой, приходит в село Саллы и сообщает об этом людям. Взяв кое-что из одежды, постель, забрав скотину, все население ночью поднимается в горы, на плато Беяли.

Отряд Японца ближе к рассвету нападает на село, но там уже ничего нет. Он узнает о том, что люди убежали в Беяли и решает их там настигнуть. Об этом священник вновь предупреждает соседей. Для этого ему приходится пройти пешком 10-15 км до Беяли и к первым петухам вернуться в Келекюллюк. Это видит один человек и доносит Японцу. На следующий день отряд Японца возвращается из Беяли пустым. Японец объявляет розыск священника, а тот, предчувствуя беду, прячется в горах, где остается 15 дней. В отместку Японец грабит все имущество священника, затем уходит в село Хачик.

В той зоне имелось пять азербайджанских сёл. Население сел [389 - 390] Зейта, Габахлы, Гурдгулаг и Энгиджа собрались в селе Амаджу, чтобы защитить себя, четыре месяца армяне не могли ничего с ними сделать, а затем под предлогом перемирия Японец разоружает их. После этого бандиты собирают в одном месте женщин и детей, а в другом - мужчин, издеваются над ними. Старики говорят, что армяне раздевали женщин и под звуки музыки заставляли танцевать "Яллы". Тех, кто отказывался танцевать, рубили на месте. Бесчеловечным пыткам подвергались мужчины.

Значительная часть мужчин и женщин была сброшена в обрыв со скалы, находившейся в нижней части села (высота скалы Арпа примерно 200 метров). По рассказам, из 2 тысяч человек живыми остались лишь двое, мужчина и женщина. При падении со скалы их спасли широкая юбка и шинель, ставшие своеобразными парашютами. Так было уничтожено население пяти сел.

Жители Саллы некоторое время прячутся в Айридже. Но и здесь армяне не дают им покоя, люди переходят в ущелье Джыгын и спускаются в село Зинджирли. Но и оттуда армяне их гонят в Гадилия. Джалил видит, что нигде армяне не дают покоя, и он отправляется к Абаскули-беку Шадлинскому. Абаскули-бек, с которым Джалил давно знаком, встречает его радушно, ведь Ашуг Джалил когда-то проводил свадьбу одного из друзей Абаскули-бека.

По совету Абаскули-бека люди разделяются на три отряда, каждый из них отправляется в одно село; Карахач, Шахаблы и Даваолян. Через неделю из Карахача приходит черная весть. Армяне под видом примирения собрали людей в одно место и вырезали. А часть, загнав в большой подвал, сожгли. Более 500 человек были зверски убиты и сожжены в Карахаче. Там запомнились имена двух армян: братья Самсон и Матос Газаряны закалывали малых детей штыками, сбрасывали их с высоты на землю. Запомнились имена еще нескольких армян - Мехраб, Хачо, Оганес, которые раздевали мужчин и женщин, беспощадно истязали и убивали. Они привязывали к обнаженной спине мужчин кипящий самовар и приговаривали: "Пейте чай, вы же любите это..." Здесь погибли первый муж и пятеро детей моей несчастной бабушки, а сама она долгое время лежала больной.

Только после завершения кровопролития выяснилось, что эти люди из Саллы. Они думали, что уничтожили все население села, поэтому вскоре армяне со своей родней поселяются в их домах.

Через несколько лет часть населения Саллы вернется в родные [390 - 391] края и увидит там братьев Самсона и Матоса. Не подав вида, они вместе будут жить в одном селе. Но все это будет потом.

А пока осень 1917 года, скоро наступит зима.

После этого люди вновь двинулись в горы. Здесь Ашуга Джалила постиг еще один удар. Зимой идущие из Деречичека армяне напали на хижину, где жила красавица - дочь Джалила Мияна. Они убили трех ее детей, смертельно ранили мужа Салмана, а женщину увезли с собой. Наутро разносится весть, что еще две сельские красавицы - жена Ибада Гюлюстан и дочь Хырдаджана Пери захвачены в плен. Сколько молодцов полегло, пытавшихся освободить этих девушек. Но так и не удалось сделать это.

Джалил едет к Абаскули-беку. Отряд Абаскули-бека прочесывает горы, но никто не видел девушек. Так и пропали сельские красавицы. Попали они в чужие края, оказались среди чужих людей, чужой веры. Все это ложится новым горем на поникшие плечи Джалила. Больше не появляется улыбка на его лице. И тогда он стал играть грустную мелодию "Гайтарма" ("Возвращение"), потому что Мияна больше не вернется.

Ашуг Джалил отправляется к Абаскули-беку с просьбой оказать помощь в переходе на другую сторону Араза, но тот не советует зимой уходить в Иран.

- Ближе к весне я сам перевезу вас на ту сторону,- сказал он. Абаскули-бек оказал значительную помощь людям мукой, другой провизией.

Во время опадения цветов с деревьев Абаскули-бек посылает Халила и вызывает Ашуг Джалила к себе.

- Ашуг, завтра ночью я перевезу вас в Иран, может напоследок, ты вспомнишь свои песни? Кто знает, встретимся ли еще.

Джалил затянул одну за другой скорбные песни. Не смог Абаскули-бек выдержать такие мелодии, остановил его. На следующий день Абаскули-бек перевозит людей в Иран. Некоторое время люди остаются в Иране, Турции, затем уходят в Нахичевань, селятся в селах Диза, Гюльтепе.

Следует отметить, что сын Ашуг Джалила Бахман был также ашугом, одним из самых известных в Нахичевани. Ашуг Бахман не вернулся со второй мировой войны. А Ашуг Джалил умер в 1923 году в возрасте примерно 75 лет в селе Диза. Хотя Джалил и писал стихи, но ни одно сочинение не дошло до нас. Об Ашуге Джалиле, подарившем народу 12 ашугских мелодий, до сих пор ничего не написано. [391 – 392]

Когда обстановка становится спокойной, 20 из 80 семей возвращаются на родину предков. Ашуг Джалил остается в Диза. Он больше не возвращается на землю, по которой ходила Мияна, не видит горы, которыми она любовалась. Это пока что второе переселение.

В республиканской печати нередко названия наших древних населенных пунктов на территории нынешней Армянской ССР преподносятся в искаженном виде. Проследим за тем, как в газетах и книгах отражаются топонимические ошибки, связанные с Дерелаязским краем. К примеру, в газете "Адабият ве индженет" от 24 июля 1983 года опубликован материал об Ашуге Махмуде Мамедове под названием "Твой сад - как целый край". Обратите внимание на один абзац из него:

- "Ашуг должен знать, что как в природе у каждого цветка есть свое имя, свой аромат, своя красота, так и в каждой ашугской песне имеется цвет, вид, своеобразие. Их нельзя спутать друг с другом. К примеру, песня "Джалили" /подразумевается "Средний Джалили" Г. К. / связана с именем Джалила, жившего в XVIII веке в Нахичеванском селе Салылы".

Сколько искажений может быть в одной мысли. Во-первых, в Нахичевани нет села Салылы. К тому же, название этого села не Салылы, а Саллылы. Несмотря на то, что ашуг жил во второй половине XIX - начале XX веков, в газете упоминается XVIII век. Не будь этого факта, материал ничего не потерял бы, однако разве такая его трактовка не является грубым искажением исторической правды? В общем-то, и в других источниках Дерелаяз описывается ошибочно. К примеру, в книге М. Хакимова "Азербайджанская ашугская литература" есть такая фраза: "К слову отметим, что древние, достигающие высоты в 3 метра огузские захоронения в Каракоюнлу, Колани, Джыгын, Чимен, Гилан и других селах Ведийского района (бывший Дерелез) и село Байбурт до сих пор хранят свои богатства (стр. 122). Скажем, что территория Ведийского района называется не Дерелез, а Дерелаяз. Ущелье же Джыгын здесь преподносится как село Джыгын.

Другой пример. В толковом словаре "Географические названия" Наби Набиева, выпущенном издательством "Маариф", при изложении [392 - 393] географического названия Дерелаяза допущено такое искажение:

"Дерелаяз – средние горы в Нахичеванской АССР, высотой достигающей 2789 метра (вершина Галынгая). Он является искаженной формой слова "Даралагез".

Указанная автором горная цепь, начинающая в Нахичевани и включающая Дерелаяз, является горной грядой в направлении Геокчаа, а это - средние горы Малого Кавказа. А Дерелаязские горы относятся к горам Дерелаязского края и носят название этого края. Что же касается образования слова Дерелаяз, то следует отметить, что Дерелаяз не является искаженной формой слова "Даралагез", как это утверждает автор. Дерелаяз образуется в результате слияния слов Дере (пропасть) и Алаяз. А это означает пропасть, где растет алаяз. А съедобная трава алаяз является приправой к некоторым национальным блюдам. Как отмечалось, название области берется от названия этой травы.

После Великой Октябрьской Социалистической революции под покровительством русских на древней земле Азербайджана – в Западном Азербайджане, где была создана Армянская Советская

Социалистическая Республика, в сжатые сроки началась постепенно осуществляться тайная политика арменизации. И ее результаты налицо. Они создали единственную в стране монореспублику.

Известный американский ученый, специалист по Азербайджану, профессор Тадеуш Свиточовский в интервью, опубликованном в республиканских газетах, говорил: "Прежде всего, в своем докладе я показал, что живущие в Закавказье, в том числе и в Азербайджане, армяне не являются коренным народом, они пришлые. Большая часть их была в XIX веке переселена из Ирана и Турции".

Эти и подобные им исторические материалы, документы летописи говорят о том, что этот народ является пришлым на нашей земле. Для доказательства этого совсем не обязательно заглядывать в историю. Разве топонимы, гидронимы на территории Западного Азербайджана не говорят о том, что владельцами этой земли являются турки. Если это их не пугает, то почему периодически заменялись топонимические названия на данной территории, под предлогом обеспечения "безопасности" многие деревни подвергались разрушению? Разве таких сел единицы, десятки? [393 – 394] Сотни. Я хочу на примере Дерелаязского края поговорить об этих названиях.

Вопрос о том, что в 30-х годах Верховный Совет Армении издал более 25 постановлений, связанных с изменением этих топонимических названий. Каждый раз названия десятков сел, поселков изменялись на армянский лад, а древние названия стирались из истории.

В Дерелаязе этот процесс проводился в три этапа:

1. Полное разрушение сел.
2. Смена названий сел.
3. Арменизация сёл.

Разрушение сел началось еще с царских времен. В начале века - в 1905 году в один из дней большой отряд армян из сел Айнезур и Гашга на рассвете напал на село Хоре, сжег половину села, где имелось 500 домов. Вторая половина населения через горы вынуждена была бежать в Норашен.

После бегства людей армяне заняли их дома. Через некоторое время люди вновь возвращаются в село. В 1916 году армяне во второй раз сжигают село. И в этот раз погибает много людей. В годы Советской власти разрушение сел проходило еще быстрее. И так в Дерелаязе были разрушены следующие села:

Разрушения села:	Близлежащие к ним сёла	Годы
Саллы (Ашагы Саллы)		1937-1938 г.
Гышлаг		1949 г.
Гендере		1937-1938 гг.
Гозулджа	Рядом с Котанлы	1949 г.
Бюльбюль Олен	Между Гасан и Гойтулун	1917-1918 гг.
Мешадилар	Там же	1917-1918 гг.
Алхан пеяси	Там же	1917 1918 гг.
Гурдгулаг	Рядом с Аяри	1950 г.
Енгиджа	Там же	1950 г.
Гюней Венги	Рядом с Говушуг	1937-1938 гг.
Хосдун	Рядом с Алаяз	1937-1938 гг.
Джани	Рядом с Гюлюдуз	1937-1938 гг.
Набиляр	Между Гюлюдуз и Говушуг	1937-1938 гг.
Ардараз	Рядом с Гозулджан	1937-1938 гг.
Юльгюль	Там же	1917-1918 гг.
Аг дере	Рядом с Агкенд	1905 г.
Али дериси	Там же	1917-1918 гг.
Явар	Там же	1917-1918 гг.
Сеид Мамиш	Там же	1917-1918 гг.
Чабахлы	На территории Азизбековского района	1937 г.
Тахталар	Там же	1937 г.

Переименованные села

**Согласно постановлению Верховного Совета
Армянской ССР от 3 января 1935 г.**

<i>Древнее название</i>	<i>Новое название</i>	<i>Район</i>
Гейтур /Гойтул/	Гетап	Егешадзорский
Султанбей	Вартеруни	Азизбековский
Гасанкенд	Шатин	Егешадзорский

Согласно постановлению от 3 января 1935 года в Западном Азербайджане 51 топонимическое название было арменизировано. В 1946 году Верховный Совет Армянской ССР принял 8 постановлений, связанных с изменениями топонимических названий, переименовано более 80 сёл и посёлков.

В том году по постановлению от 10 августа в Дерелаязе были арменизированы следующие сёла:

0	Кармрашен	Азизбековский
Эрденин	Егегис	Егешадзорский
Айназур	Агавнадзор	-“-
Аяр	Агарахадзор	-“-
Арпа	Арени	-“-
Гурдгулаг	Болораберд	-“-
Башкенд	Вернашен	-“-
Енгиджа	Ганзик	-“-
Оратакенд	Гладзор	-“-
Алмалы	Хидзорут	Азизбековский
	По постановлению от 25 мая	1967 г.
Агкенд	Агиджадзор	Егешадзорский
	По постановлению 1987 года	
Гюлюдюзю	Вардоховит	Егешадзорский

В 1920 году только в Егешадзорском районе имелось 66 азербайджанских сел. К 1988 году в районе осталось лишь 7: Алаяз, Говушуг, Гызылгюль, Чабахлы, Гарагая, Гюлюдюзю, Гедиквенги...

Остальные села - Агкенд, Хорс, Саллы, Дживе, Аймагу - были смешанными, азербайджано-армянскими.

До 1988 года в этих селах проживало около 10 тысяч человек, остальные же села были разорены. Первые группы беженцев из этого района стали появляться в Азербайджане летом 1988 года. Они состояли из жителей перечисленных выше смешанных сел. С первых же дней после начала событий на азербайджанцев началось давление, им угрожали. В домах не смолкали телефоны, с ними разговаривали от имени руководителей района и республики.

МАРДЖАН ГУСЕЙНОВА: "1 мая 1988 года жестоко избили моего сына Ягуба. В чем он был повинен, не знаю до сих пор. Чудом он остался живым. По нашей жалобе не было открыто уголовное дело.

В середине мая второй сын - Вагиф ушел из дома и не вернулся. О нем нет никаких известий. Осталось у меня двое детей. До сих пор жду возвращения Вагифа".

АШРАХ ФЕЙЗУЛЛАЕВ: "16 мая в мой дом бросили две бомбы. Никто из детей не пострадал. 18-летняя дочь Наджиба от испуга потеряла дар речи. Я отвез ее в районную больницу, но врачи отказались даже осмотреть девушку, говорили: радуйся, что вас еще не убили. Вынужден был повезти девушку в Нахичевань, в Ильичевскую районную больницу".

15 июля группы неизвестных армян вошли в село, обошли почти все дома и предупредили, что дают нам 10 дней на сборы. В тот же день они зверски избили и арестовали Рамиза Мамедова и Сефияра Байрамова, поставив условия, что выпустят их только после полного освобождения села.

Положение становилось все напряженнее. Уже и соседи советовали уехать. По ночам покидали дома и прятались в окрестностях. [396 - 397]

Сколько можно было так жить? Ежедневно доносились разные слухи. И никто не мог нас защитить, посочувствовать. Хотя именно тогда много зависело от моральной поддержки. Люди не выдержали этого давления, село за селом стали покидать родные края.

За бесценно продавалась скотина: корова за 200 рублей, овца - 30-40 рублей, ягненок - 5 рублей. Учитель Нариман Новрузов рассказывает, что одним, из факторов, повышающих напряженность, стало телевидение: Армянское и Центральное. После передачи "Позиция" отношение к нам совершенно

поменялось. Именно после этой передачи на нас стали смотреть как на врагов. До этого мы не видели такого жестокого отношения со стороны армян.

В дороге люди подвергались жестоким страданиям. Сжигались машины, уничтожалось имущество, хорошо, что остались живыми. Некоторое время укрывались в Ильичевском районе.

Жители оставшихся в районе 7 сел не собирались уезжать. Ведь они жили компактно в одной зоне. Но надежды не сбылись. Их население было подвергнуто невиданном испытанием. В ту зиму, в метель и стужу, старики, женщины и дети вынуждены были несколько дней добираться до надежного укрытия.

Иногда я навещаю родственников. Как их разбросало по всей республике - Кахи, Сальяны, Шамхор, Барда, Сумгаит, пригородные поселки Баку. И каждый раз возвращаюсь расстроенным. Стараюсь ездить, но не выдерживаю.

Однажды поехал к тетушке Фатьме. Как и всегда, за вечерней беседой вспоминали Родину. Хоть бы раз увидела родные края, не умерла бы, сказала она с сожалением... И опять я расстроился...

Неужели я одна такая, неожиданно спросила тетушка Фатьма. Часто сны уносят меня на Родину. Как будто все по-старому: и ореховые, и грушевые деревья на прежних местах. Просыпаюсь утром, и вижу, что нахожусь совсем не там. И так повторяется много раз.

...Наступит этот день. Все мы вернемся в родные края. Вернемся, чтобы остались довольны души наших дедов и прадедов. Все вернемся... Я верю в это. [397 - 398]

ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ РАВНОДУШИЯ

Если человек проявляет по отношению к Родине, земле равнодушие, то время мстит ему. Мы всегда были равнодушны к Родине, языку, и теперь за это платим сполна. Не будь этого двухсотлетнего равнодушия, мы не стали бы свидетелями нынешних тревожных дней. Очень дорого обходились нам всегда мягкотелость, радение за другого, недооценка своей силы, терпимость, щедрость на раздачу земель, стремление к положению, жажда взяточничества. Народ вкусил горечь этой боли, долго терпел ее, многое, теряя при этом. Мы всегда положительно оценивали дорого обошедшееся нам терпение. Свойственная нам щедрость, приветливое отношение к посторонним, передача им прав на нашу землю - не исходит ли все это от отсутствия политического сознания, слабости общей идеологии, скудности общественного сознания?

Разделили Родину надвое - терпели, заковали сознание в колониальные цепи - терпели, неоднократно меняли письменность - терпели, растоптали национальные права - терпели, заставили забыть тюркское происхождение - терпели, щедро раздаривали налево-направо наши земли - терпели, проявляли равнодушие к языку, национальному богатству - снова терпели. Что за чудо этот народ.

Сколько хорошего мы сделали безродному, не помнящему добра, не порядочному соседу, боже! Отдали Ереван - не понял, отдали Гейча - не насытился, подарили Зангезур - вошел в азарт, предоставили в Карабахе автономию - обнаглел.

Этим ли проявляется щедрость? Терпение? Гостеприимство, интернационализм? Если взглянуть на это шире, то все это можно назвать страшным ротозейством, просто несчастьем.

Если бы все несчастья этим бы кончились! В 1929 году вновь [398 - 399] проявилась очередная щедрость. Села Ньюеди, Тугут, Эрназор отдали Армении. Почти 13 тысяч гектаров земли оторвали от Азербайджана.

В народе говорят: "Из капелек образуется озеро". Но эти капли не насытили голодного соседа. Положил он глаз на Казах, Лачин, Зангелан, Нахичевань, Карабах, Гянджу...

Если взглянуть на историю Ньюеди, то можно услышать голоса, доносящиеся из его тысячелетней истории. В изучении древней истории села на помощь приходят каменные письмена. Надписи, высеченные на камне племенами гаргаров, живших в III-II веках до нашей эры, свидетельствуют о древности нашего села. Изображение солнца на надгробиях показывает связь с огнепоклонничеством. Названия Ньюеди и других мест говорят о том, что они были заселены тюркскими племенами.

75-80 процентов местных названий в Мегринском и Кафанском районах составляют азербайджанские. Живым свидетельством того, что в IX веке эти места были центром Страны Огней, ареной схваток, являются гробницы Джавидана, Бабека, крепости Бязз /автор находок Гамза Велиоглы/. Из-за безнадзорности армянских националистов облик Ньюеди и других азербайджанских сел не изменился за последние сто лет.

В 1851 году приехавший из Тифлиса ученый путешественник писал: "Первенство среди этих ущелий занимает Мегринское. Но сравнению с Астазурским и Алдеринским ущельями оно более широкое и протяженное.

А Ньюединское ущелье самое бедное по тесноте и безводности.

Население Мегринской территории состоит из армян и мусульман. В течение двух летних месяцев население поднимается в горы для того, чтобы припасти провиант на зиму, заготовить сено, солому для скота, произвести посевы. Хотя и в небольшом количестве, но можно сказать, что у каждого есть овцы. Одним словом, за счет своего трудолюбия эти люди обеспечивают себя всем, что нужно для жизни. Сами же мегринцы обогащаются не благодаря обработке своей земли, а за счет торговли. "Кавказский календарь", 1952 г., с. 414. Тифлис, 1851.

В настоящее время село Ньюеди, за небольшим исключением, мало чем отличается по сравнению с 1851 годом. И это - ответ за все хорошее, что сделано армянам.

Армяне на весь мир причитают, как будто в Нагорном Карабахе [399 - 400] им не уделяют внимания. Хотя статистика показывает, что социальные вопросы в автономной области решаются лучше, чем в Армении и в Союзе в целом. Как раз по этому случаю говорят, "что в чужом глазу соринка видна, а в своем не замечаешь бревна".

Любопытно познакомиться с многоликостью армян, которые по всему миру разносят свои причитания. Посмотрим, каково же было положение азербайджанских сел в Армении? Для этого село Ньюеди, имеющее 300 хозяйств, более 1300 человек населения и дающее более половины продукции района, сравним с армянским селом Астазур, хозяйство которого вследствие миграции населения в города полностью пришло в упадок. Хотя армяне прикладывали много усилий, чтобы предотвратить его развал.

Район построил здесь 12 различных современных государственных зданий, в том числе великолепный Дом культуры из красного туфа, красивую среднюю школу, правление колхоза, больницу, лесное управление, большой завод. Широкие улицы покрыты асфальтом, вдоль улиц и в дома проведена вода. Ежедневно сюда на завод, производящий изделия из стекла и запчасти для машин, приезжают на автобусе рабочие из района.

Каково же отношение армян к азербайджанскому селу Ньюеди?

Дороги на селе в безобразном состоянии. Больница, выглядящая хуже, чем коровник, - тесное, разрушающееся здание, предназначенное в 1939 году для начальной школы, а ныне очаг просвещения для 400-500 учащихся, нехватка воды, отсутствие водопровода, безработица у 60-70 процентов населения - все это не может не вызывать сердечную боль. Так относятся к другому народу армяне, представляющие себя на весь мир как несчастный народ.

Ньюеди - одно из крупнейших сел Мегринского района. Любопытные сведения можно почерпнуть из архивов. Его население в 1831 году равнялось 219 человек, в 1873-м - 705, 1877-м - 1083, 1908-м - 771, 1914-м - 1072, 1922-м - 662, 1931-м - 596, 1959-м - 763, 1967-м - 1263, 1974-м - 1300 человек. Как видно, население села, которое в 1914 году равнялось 1072 человек, уменьшилось в 1922-м до 662. Причина этого - вторжение армян в 1918 году в Ньюеди, в результате чего его жители в течение трех лет оставались беженцами. Это событие было не первым и не последним, оно характерно не только для Ньюеди, но и для всех азербайджанских сел Армении. Обратимся к истории. [400 - 401]

8 декабря 1918 года армяне поутру окружают Ньюеди. Несмотря на перестрелку, продолжающуюся весь день, армяне не смогли сломить сопротивление ньюединцев. В этом бою погибло до 60 армян, 21 ньюединец. По словам отца и его сверстников видно, что самое опасное место - вход в село заслонял дом Исрафил-бека. Во время боя он уложил более 30 врагов. Исрафил-бек видит, что два армянина волокут из дома женщину. Увидев Исрафил-бека, армяне выставляют вперед женщину. Поняв, что женщину все равно не спасти, он убивает всех троих.

Сын Баладжабека Самед убивает троих армян, пытающихся войти в село со стороны ущелья Пирдереси, и вместе с товарищами заставляет отступить других. С разных концов села врагам оказывают сопротивление Фархад-бек, дети Мустафы, братья Агалар, Орудж, Шукюр, Исмаил из Диярбере, Ханлар-бек из Каменного квартала, братья Сейфуллы-бека, Гамза-бек и мой отец Вели, многие другие, в результате чего удалось защитить село. В бою особенно отличились Исрафил-бек, Аслан-бек и Фархад-бек. В этот день окруженное село мужественно защищается. После долгих споров, видя, что противник вскоре получит подкрепление, а у них остается мало патронов, ньюединцы решили покинуть село.

Как только наступила передышка, люди забирают имущество и уходят на находящуюся в 13 километрах от села Сыгыртскую равнину. Больных и детей они оставляют дома, чтобы забрать их на следующий день. Вскоре после ухода людей из села ночью сюда возвращаются армяне. Они переворачивают вверх дном все дома, убивают оставшихся, сжигают дома. Пришедшие сюда на следующий день ньюединцы становятся свидетелями зверств, с поникшими головами возвращаются в Сыгырт, остаются там, в течение восьми дней, а затем разъезжаются по разным местам Азербайджана.

В этом бою погиб 21 человек. Среди них - Гезаль, Гюллю, ее сын Магомед, Вели, Мамед, Аджи, Алыф, Майхан, и его мать Зохра, хромой Исмаил, Сафар, Туту, сын Дадаша Гумбат. Мешади, Шейда, Асад-бек, Гатамхан, Джамал и его отец, двое детей, не сумевшие бежать, были убиты дома и некоторые обезглавлены Ибрагим же погиб от пули Исрафил-бека, который принял того за армянина.

Через три с небольшим года люди вернулись в село. С весны 1922 года оно вновь начинает оживать. Несмотря на это, жизнь ньюединцев становится все тяжелее. Бегство людей, бедность, [401 - 402] анархия, издержки коллективизации доводят их до отчаяния. В то время 63 человека из этого села арестовывают и высылают. Не выдержав несправедливости, сыновья Мустафы начинают бороться против всего этого. Братья Келбе Алекпер, Джахангир, Келбе Наби не могут смириться с гнетом. Келбе Алекпер со своими храбрецами снискал в краю особую славу. И сейчас его сверстники с гордостью вспоминают храбрость, стойкость героя.

Прошло немного времени, и новое несчастье настигает ньюединцев. Это было в 1941-45 годах. 132 человека уходят из села на фронт, из них 64 - не возвращаются.

Если взглянуть на нынешний период Ньюеди, то можно убедиться, что особых перемен здесь не произошло. Так, слова, написанные в 1851 году ученым путешественником о том, что "Нювединское ущелье самое бедное по тесноте и безводности", не потеряли смысла и ныне.

В результате большого "усердия" армян, беспринципности руководителей Азербайджана села Ньюеди, Эрнадзор, Тугут были отделены от Азербайджана и отданы Армении. В этом деле определенную "организаторскую" работу провели и некоторые нювединцы.

18 февраля 1929 года по решению Закавказской Социалистической Федеративной республики села Ньюеди, Эрнадзор и Тугут передаются Армянской ССР. Бюро ЦК КП Азербайджана 26 ноября 1968 года вновь рассмотрело этот вопрос, а Указом от 7 мая 1969 года Верховный Совет Азербайджанской ССР утверждает заключенные в 1927-1929 годах между Азербайджаном и Арменией соглашения о границе.

Из-за нерадивости прошлых партийных и государственных руководителей так отдавались наши земли. Сказанное относится к землям, отрезанным от Садарака, Казаха, Лачина, Кубатлы, Зангелана. В результате площадь республики уменьшилась до 86,7 тысячи квадратных километров.

Чему же можно радоваться?

В то время, когда неблагодарный, непопорочный сосед расправлялся с нашим народом, свои же присваивали Ханкенду, Гяндже, Бейлагану, Гюлюстану имена истребителей азербайджанского народа шаумянов, кировов, ждановов. Отдав Ереван, Гейчу, Зангезур, они за счет наших земель создали государство для соседа. На величественной земле Карабаха предоставили им автономию. [402 - 403] А что получили взамен? Кровавую бойню 1918-1920 годов, изгнание 1949 года, страдания 1988 года.

Вернемся вновь к нашему разговору. Познакомимся с географией Мегринского района, связанной с судьбой нашего села.

Район состоял из 24 сел. В первые годы в районе было 13 азербайджанских и 11 армянских сел. Азербайджанские села - Ньюеди, Алдере, Эрнадзор, Тугут, Лехваз, Лек (Вартанизор), Маралземи, Тагамир, Тей, Мюлк, Тас, Бугакар, Абгес. Армянские - Мехри, Акерек, Маллев, Карчиван, Лидж, Тештин, Гелир, Ванк, Горис, Гудемис, Астазур.

Если обратить внимание на названия сел, то легко заметить армянские "латки" на тюркские слова. К примеру, Мехри - Мегри, Акерек - Агарак, Маллы - Маллев, Керчивар - Карчиван, Тешти - Тештин, Гелир - Галер, Горуг - Горис, Аста-зор - Астазур, Кюредюзю - Арагсашен, Султанселме - Масхир и др.

Армяне набили себе мозоли, ставя "латки" на тюркские названия. Ненависть и коварство стали их жизненным кредо. В нагромождении лжи они достигли вершин. Более тысячи названий в Армении было переименовано на армянский лад. Не насытившись этим, они посягнули и на тюрские названия в Нагорном Карабахе.

Было бы полбеда, если бы этим завершились грязные намерения армян. Они хотели так скрутить в тугой узел тюрское население и села в Армении, чтобы даже время, судьба не могли бы развязать его. Сейчас в селах, откуда они изгнали азербайджанцев, живут одни змеи и ящерицы, слышен голос филина. 8 из 13 азербайджанских сел Мегринского района - Эрнадзор, Тугут, Тагамир, Тей, Мюлк, Бугакар, Тас, Абгас стали жертвами объединения, жертвами националистической политики.

В 1936 году население Эрнадзора было переселено в Ньюеди. Какие испытания выпали на долю людей! Сколько погибло скота, сколько тысяч гектаров пастбищ, посевов осталось без хозяев. Вскоре еще одна беда настигла людей. В 1949 году был подписан приказ о выселении из Армении.

Более 100 тысяч турков было выселено из родных краев. Мне было тогда 9 лет. Это переселение мы, дети, восприняли как сказку. Детская радость - была настолько велика, что не замечались сгорбленные от горя матери, тоскливо опущенные руки отцов, заплаканные глаза женщин. [403 - 404]

Когда отец вернулся с работы, соседка-хохотунья тетя Зейнаб с детьми пришла в гости. Она плакала, делясь мыслями об изгнании с Родины, о трудностях на новом месте. Отец успокаивал их: "Не бойтесь, никуда мы не уедем. А если уж придется, заберу вас с собой. Не бойтесь, нужду вы не испытаете".

После этого скорбного разговора я, наконец, очнулся. Даже это небольшое сомнение отца передалось мне. От этого постепенно стала испаряться прежняя радость. Я почувствовал страх, но еще не умел, как взрослые, до конца сознать его.

Для переселения села из района приехали уполномоченные. Весь народ был поднят на ноги. Повсюду стоял гул. Люди не ушли из села. Своими активными выступлениями Юнис, Мешади Иса, мой отец Вели, Агалар, учитель Аллахверди, Неймат и другие смогли заставить замолчать армян. Оказалось, что через 38 лет после этого переселения озлобление армян станет еще страшнее, беспощаднее.

Что ж, наше равнодушие оставляет след позади времени, а мы вслед за ошибками кричим, брызжим, сетуем.

Хотя район не сумел переселить азербайджанские села, но настолько ухудшил социальное положение азербайджанских турок, что молодежь была вынуждена покинуть родные очаги. Поэтому в последние годы население района, состоящее из 11 сел, равнялось 13860 человек. Из них 10060 человек были армяне, русские и другие национальности, а 3800 человек азербайджанские турки. Если бы армяне проявили о нас заботу, то молодежь осталась бы в селах, а численность азербайджанцев давно превысила бы количество армян.

Согласно архивным данным численность населения района и сел была следующей. Азербайджанские села: в Ньюведи имелось 300 хозяйств /1300 человек населения/, Алдере - 143 хозяйства, Вартанизоре - 92 хозяйства, Лехвазе вместе с армянами - 135 хозяйств, Маралземи - 19 хозяйств. Армянские села: население Мегри равнялось 4000 человек, Агарака - 4300, в Лидже имелось 81 хозяйство, Тештинде - 64, Горис-Гудемисе - 27, Астазуре /вместе с азербайджанскими/ - 80 хозяйств, Карчиване - 47.

Национальный доход района составлял 13.800 тысяч рублей, здесь имелось 1780 голов крупного рогатого скота, 8 тысяч овец.

Обратим внимание еще на одну выходку армян. Если в 1961 году имелось 28 тысяч - овец, в 1982 году - 18 тысяч, то в 1987 году - 8 тысяч. После изгнания азербайджанцев этот показатель [404 - 405] снизился до 1000. Но армяне не ограничились преследованием тех, кто давал им мясо, масло, шерсть, фрукты, был садоводом, пастухом. Они искали способ новой мести. Справедливо говорили старики: "Хочешь дружить с собакой, держи в руках палку". Мы не только отложили палку, но и вообще не имели ее. Если бы они видели, что мы имеем оружие против их коварства, то никогда не посмели бы своими грязными и черными руками сотворить в 1988 году кровавую бойню, вписать новые страницы в историю своих злодеяний.

Начатые в феврале 1988 года армянские интриги в ноябре достигли апогея. Отблеск этой молнии лег и на азербайджанские села Мегринского района. Искра от этой молнии упала в том году накануне Новруз байрамы. В то время наши мужчины вынуждены были проводить ночи напролет в горах. Первыми стали преследовать людей Вартанизора. В течение двух-трех дней село оказалось в окружении вооруженных армян. Не будь военных, боевики обязательно что-нибудь спровоцировали бы. Несмотря на ожидание помощи, ее не приходилось ждать. Хотя временно и наступило затишье, положение осложнялось, напряжение росло, надвигалась катастрофа. Начиная с октября, сельчане вынуждены были вновь уйти в горы.

Ночь 21 ноября 1988 года надолго осталась в моей памяти. Как известно, издревле осень в Ньюведи - время свадеб. И в тот год свадьбы следовали одна за другой. Но свадебное торжество в этот день превратилось для ньювединцев в ночь печали.

Дом торжеств был до отказа заполнен гостями. С лиц людей от звучащей музыки, танцев, обилия угощения не сходили смех и радость. Через некоторое время ожидался очередной период торжества, когда произносились здравицы, раздавались аплодисменты, похвала, тосты, по новой традиции певец открывал свое выступление мелодией "Карабаг шикестеси" и ею же завершал свадьбу. И время от времени поднимаются тосты за карабахцев.

В это время, когда у людей было такое радостное настроение, даже малейшее обидное слово бывает неуместным. Однако, учитывая напряженность обстановки, я не сдержался и сказал: "Нас здесь 400-500 человек, все собрались в одном здании, поэтому нельзя забывать об опасности. Не дай бог, сюда войдут с оружием, что будем делать. Может, выставим несколько человек для охраны?". Каждый по-своему отнесся к моим словам, но последнее слово [405 - 406] осталось за аксакалом Оруджем Мамедовым: "Не надо отмахиваться от слов учителя, все может быть".

Торжества текли своим чередом. Те, кто обслуживал гостей, хорошо справлялись со своими обязанностями. Через несколько минут должны были выбрать тамаду, заполниться рюмки. В это время в нижней половине возникла тревога, которая вскоре передалась всем присутствующим. Молниеносно распространилась весть, что отряд из 300 вооруженных армян окружили село Вартанизор, потребовал, чтобы его жители в течение дня покинули село. Для уточнения обстоятельств несколько человек отправились на телефонный узел. Вскоре стало известно, что телефонная связь с Вартанизором прервана. Достоверность полученного известия удалось узнать лишь от председателя Алдеринского сельсовета Абдуна.

Участникам торжества все стало ясно, настроение сразу же испортилось. Охладел пыл произносимых здравниц, не слышно стало звона бокалов, ненависть, гнев сменили недавнюю радость. Торжество не затянулось. Завершающая ее мелодия "Карабах шикестеси" прозвучала как гимн, призывающий к стойкости и борьбе.

Дойдя до центральной площади села, увидели, что здесь собрались опечаленные женщины и дети. Часть молодежи побежала к телефонному узлу, другая же собралась в райкоме. Когда стали выяснять подробности происшествия, то, как было всегда в течение 70 лет, и сейчас попытались скрыть

правду. Под давлением людей руководящие работники райкома с опаской признали правдивость происшедших событий. Покинув райком и вернувшись на площадь, каждый высказал свое предположение, проявлял беспокойство.

Молодежь настойчиво требовала идти на помощь Вартанизору. Машины стояли готовыми. Аксакалы преградили путь молодым, призвали прислушаться к голосу рассудка. Мудрость поборола силу. Молодежи объяснили, что ехать через центр района, значит подвергнуть опасности, как себя, так и вартанизорцев.

Хотя всю ночь так и не удалось наладить телефонную связь с Вартанизором, она регулярно поддерживалась с Алдере. В это время стало известно, что армяне подобное требование направили и алдеринцам. Нам оставалось лишь одно: дожидаться утра, обеспечить при этом охрану своего села. Все хлопоты по организации обороны взял на себя секретарь сельсовета Мустафа Аллахвердиев. Разделив молодежь на группу, отправил их на посты, до утра поддерживал с ними связь.

Наутро, в десять часов, показалась голова колонны беженцев из района. Их сердечно встретили в селе. До самого вечера не прекращалось движение. Люди с тревогой расспрашивали вартанизорцев о родных и друзьях. На второй день на дорогах появились жители Лехваза. Все они по три-пять человек были размещены в домах у родственников. На третий день началось переселение людей из Маралземи, Астаруза, Алдере. Это передвижение завершилось за пять дней. В эти тяжелые дни нюевединцы не пожалели сил, чтобы помочь вывезти женщин и детей, часть имущества жителей соседних сел. Можно сказать, что каждый беженец смог захватить с собой лишь по одному-два чемодана. Беженцы из Вартанизора, Маралземи, Лехваза подверглись оскорблениям, были избиты. Вспоминая, что в селе осталось все имущество, скот и птица, никто, ни мужчины, ни женщины не могли сдержать слез.

В отличие от Маралземи, Вартанизора и Лехваза, село Алдере было не только большим, но и занимало выгодную позицию для обороны. С первых же дней нюевединцы хотели пойти на помощь алдеринцам. Однако "организатор обороны села Абдун заверил нас, что пока помощь не нужна. И каждый раз, когда предлагалась помощь, он отвечал одинаково. Но, как он сам говорил, нашлись и такие, кто способствовал разброду в Алдере. Конечно, после этого уже трудно было удержать народ.

А пока все соседи, которые нашли приют в Ньюеди, через 10-15 дней уехали в Зангеланский район, а затем в Баку, другие места республики. С тех пор во всей Армении село Ньюеди осталось в одиночестве. Не получая ни от кого помощи, пришлось ему в одиночку бороться со всей Арменией. За это время, почти целый год, каким только преследованиям не подвергалось село и нюевединцы. Но никакие трудности не могли сломить волю этих людей. Они стойко выдержали, годовую борьбу, вписав в свою историю новые страницы, имена новых героев. Сколько угроз, атак оставались без результатов, многие "бородачи" получили тогда по заслугам. Не сумев захватить село силой, они организовали продовольственную блокаду. Но наш народ спас нюевединцев и от этой беды, не пожалел ничего для снабжения села материалами и продовольствием. Но даже в эти тяжелые дни нюевединцы отправили своим шушинским братьям 2,5 тонны гранатов. Во всем чувствовали нюевединцы помощь своего народа, здесь был создан опорный отряд [407 - 408] Народного фронта. Люди проводили ночь в горах на своих постах, всячески противостояли проiscaм армянских экстремистов.

25 ноября 1989 года армяне вновь задумали атаковать село Ньюеди. Кто знает, какой по счету провокацией должна была стать эта атака. Каждый раз они применяли новый маневр, новый метод, но каждый раз их ожидал провал. Тот вечер отличался особой тишиной. Она не могла не вызывать беспокойство. У армян было испытанным приемом успокоить людей, а затем напасть внезапно. Однако все, почувствовали, что готовится очередное нападение, Армянские экстремисты убрали людей с постов и во время их смены, то есть вечером, без десяти минут восемь, красной ракетой подали сигнал для атаки. С вершины горы начался обстрел из автоматов и винтовок. Расположенное на протяжении двух километров в ущелье село потонуло под свинцовым градом. Ньюевединцы вынуждены были открыть ответный огонь. Молодежь невозможно было удержать, она хотела предпринять попытку пробиться под огнем в горы и вступить в рукопашный бой. Продолжающаяся примерно час перестрелка завершилась после того, как армяне пустили зеленую ракету.

Происходящие в последние два года события ясно продемонстрировали наше нахождение в спячке, слабость связи между местными советами и народом, неумение делать правильные выводы из допущенных ошибок.

Но ничем нельзя было сломить патриотизм азербайджанского народа. Изгнанные из Армении азербайджанские турки были согласны смириться со всеми страданиями, стать беженцами, но не могли допустить соединения родного Карабаха с Арменией. Ни один из 200 тысяч изгнанников не поступил как армяне, не уехал в Россию, на Украину и другие места, а все нашли убежище на родной земле Азербайджана.

В самое напряженное время событий в Армении мужчины в первую очередь вывозили женщин, детей, больных, а затем возвращались в села.

Происходящие вокруг Нагорного Карабаха события открыли омерзительные стороны характера армян. Они называли себя патриотами, но армяне из Азербайджана спокойно уложили свои вещи, продали квартиры и уехали не в Армению, а в Россию, на Украину, в Эстонию и другие республики. Почему же Армения, как говорится их Родина-мать, не приняла своих соотечественников из соседней республики? [408 - 409]

Я не раз был свидетелем неприязненного отношения армян друг к другу. Они хотят уехать в такие места, где не встречали бы другого армянина. Мой знакомый Васген, принимавший гостя из Донецка, изъявил желание переехать туда. Но, узнав, что там уже живут армяне, сказал: "Я поеду в такое место, где не было бы ни одного армянина".

Вспоминается одна мысль, высказанная британским корреспондентом об армянах. В интервью радиостанции "Голос Америки" Фитрой Плаклан сказал: "Видно, армяне спокойно живут на чужой земле. Если бы им хорошо заплатили, они бы покинули и карабахские земли".

Возможно, в этой мысли есть доля правды. Ведь они всегда меняли место проживания, не задерживались долго в одном районе.

Еще одна отрицательная сторона армянского характера. Разъехавшись по различным регионам страны, они оставили в Азербайджане женщин и детей, стариковой больных. В этом проявлялась мужская честь армян. Хотя, конечно, они прекрасно знали, что азербайджанские турки никогда не поднимут руки на женщин, детей, стариков и больных. [409 - 410]

ДНИ БОЛИ НАШЕЙ

Странные метаморфозы происходят в нашем мире. Одна из них произошла в 1988 году. Говорю "метаморфоза", потому что происходящие события кажутся неправдоподобными, они по сути своей противоестественны. Ни одно проявление этих событий не может устоять перед историческим доводом, оно сразу же тает, как снег на солнце.

Да, после долгого времени напряженной подготовки, пребывания в своеобразной стойке для прыжка, зло проявило себя неблагодарностью к щедрой земле, хлебу нашего народа. Получилось так, что сидящий в корабле начал спорить с его хозяином о принадлежности ему этого судна. Растоптано уважение, которое проявлялось на протяжении веков. Доверчивость, надежда, что наша сердечность приведет к проявлению ответного чувства, позволили создать условия для рождения этой "метаморфозы". Часто мы их духовные недостатки не видели в их предшественниках, не понимали: все, что они делают - это в их крови, плоти. Отношение каждого народа к жизни, к людям с другим языком, вероисповеданием проявляется на фоне его духовного мира. Все это закладывается в крови многих поколений. Если истоки чисты, незапятнаны, то и отношения чисты, искренни, а намерения - добры. Если же испокон веков в крови коварство, то оно рано или поздно проявится. Справедливо утверждение, что трава растет на своем корню. Не дай бог, повстречаться с такими! Очень жаль, что нам пришлось столкнуться именно с ними.

Расцветшая за счет крови и труда амасийских азербайджанцев, теперь Амасия осталась вдали от их взоров. Как говорится, трудился я, а сливки собирал Каспар. Амасийские азербайджанцы теперь [410 - 411] могут видеть этот край только во сне. И когда сбывается такое желание, то нет границ их радости. Чтобы пояснить мысль, давайте, обратим взор к истории.

Шли тридцатые годы. В один из холодных осенних дней отец, находясь во дворе, позвал через окно мать. Только начинало смеркаться. Я вместе с матерью вышел во двор. Держа в руках конскую узду, отец приводил в порядок ружье. Он тихо сказал маме:

- Балаханум, ночью я не вернусь домой. Вновь появились бандиты. Не беспокойтесь.

Мать встрепенулась. Она надвинула край платка на глаза и сказала отрывисто:

- Что я могу сказать, Юнис, иди, да сохранил тебя Аллах. Как мы сюда переехали, не было ни одного спокойного дня. Опять до утра буду беспокоиться.

Отец успокоил ее:

- Не плачь, будь мужественной! Проводи в дорогу так, чтобы я не беспокоился. Чтобы знал, если меня и не будет, дети вырастут настоящими людьми.

Мать прекратила всхлипать. Посмотрела в глаза отцу.

- Кто твои товарищи?

- Курд Гусейн, Али, Шукюр...

- Возвращайтесь целыми. Аллах с вами!

Дорогой читатель, именно так, при защите ее, стала для нас Амасия родиной.

Прошли годы. Шесть месяцев в году находящаяся под снегом, знаменитая вьюгами Амасия стала возрождаться, вышла на путь экономического и культурного развития. Народ не забыл имена тех, кто находился в эти тяжелые годы в Амасии, на своих плечах вынес все невзгоды, превыше всего ценил свое достоинство, как зеницу ока защищал дружбу народов. При случае, когда возникают споры о справедливости, аксакалы с почтением вспоминают их имена, как пример приводят их дела, произносят молитву за упокой души. Сейчас с большим уважением вспоминают работавшую в Амасии первого секретаря Баширова, председателя исполкома Савалана Ширинова и его мужественную супругу Сону, прокурора Талыба Мамедова, длительное время бывшего народным судьей Шахмара Ахмедова. Особенно хочу выделить Али Мамедова, - тогда я учился в седьмом классе. Этот высокоидейный, с твердыми убеждениями человек работал председателем РИКа. Я его всегда видел одетым в солдатские ботинки, на плечах - военный плащ [411 - 412] Постоянно разъезжал он на коне по селам, чем мог, помогал людям. Его знали в районе как самого уважаемого аксакала. Из-за его несгибаемости дали ему прозвище: Амангельди!

В пятидесятых годах в здоровый воздух Амасии стал подмешиваться яд национализма. Отправной точкой стали отчуждение участков земель хозяйств, принадлежавших азербайджанцам, и

передача их в дальние армянские хозяйства, проявление армянскими секретарями грубости к азербайджанским кадрам, передача ключевых постов армянам и другие негативные тенденции. Скорость этого ядовитого ветра возросла в годы застоя. Несмотря на то, что из 20 тысяч амасийцев 18 тысяч составляли азербайджанцы, на ключевых должностях было оставлено всего 3 азербайджанца. Да и те занимали эти посты чисто формально: не они, а ими руководили, власть фактически принадлежала другим. Дело дошло до того, что прокурор поднял руку на первого секретаря. Несмотря на то, что об этом было сообщено в Центральный Комитет Компартии Армении, лично первому секретарю, он пропустил жалобу мимо ушей. Потому что сам был замешан в этом.

Будет уместно отметить еще один момент. После многих трудностей и хлопот при районной газете "Эмек" было организовано литературное объединение "Агбаба". Раз в месяц газета печатала литературную страницу, которую люди читали с удовольствием. Но недолго она просуществовала. На одном из совещаний С. Хачатурян предложил закрыть литобъединение. Кому нужно, пусть пишет в Баку, там много газет и журналов, сказал он. Эти слова были подхвачены и некоторыми нашими. Тем самым был положен конец литературному объединению.

Положение становилось все напряженнее, наступил 1988 год.

Устрашающие разговоры, разглагольствования о дружбе и одновременно нанесение ударов в спину (Сильва Капутикян, Зорий Балаян, Сос Саркисян, Серо Хандзадян) в зловных телевизионных передачах принесли всему миру несчастье, лишили людей сна. С каждым днем росло число этих передач, тяжелее становился груз злобы. В этой связи возросло беспокойство амасийских азербайджанцев. Чем больше приезжало в села бронированных военных машин, росло количество военных, тем больше становилось панических разговоров, беспокойнее становились ночи. Стало обычным разжигать по ночам костры из покрышек и кизяка, греться их теплом, глотать дым и бодрствовать все ночи напролет. Дети больше не боялись джиннов. Имеющиеся в домах топоры, вилы [412 - 413] стояли наготове за дверями. Но особенно сильно волновались старики, которые были свидетелями прошлых преступлений. И их нельзя было осуждать. Единственное, что они могли посоветовать - это любым способом вывезти отсюда детей. Дедушка Абдурахман лично видел Андраника и был свидетелем его жестокости, зверства.

В этих условиях постепенно стало уменьшаться количество продуктов питания в магазинах. Не привели к положительным результатам и приезд представителей Азербайджана, их переговоры с руководителями района. Они также удостоверили, что круг деятельности экстремистов широк и силы их велики. Инициатива принадлежала бандитам, никто не перечил им. Слишком много яда национализма было выпито этими людьми. Результатом отравления могла быть только кровь. И правительство Армении лило воду на их мельницу.

В марте мы услышали, что З. Балаян приезжал в село Охчохла, откуда был изгнан женщинами.

Наступила весна, но не нашлось лекарств против болезни. Все больше нас расстраивали демонстрации, митинги, часто организуемые в райцентре. Эти провокации и угрозы стали причиной поголовного бегства всех амасийских азербайджанцев на границу с Турцией. Кто на машинах, кто на лафетах, прицепленных к тракторам, доехали они до приграничных застав, где нашли приют. Жители сел Гюллюбулаг, Охчохла много дней оставались на границе под открытым небом.

Наибольшую активность в организации и проведении демонстраций и митингов проявил прежний начальник милиции Дж. Меликян. Вначале было предложено тем, кто поменял дома, покинуть район. А затем был брошен клик: "Турки, вон отсюда!" Эти демонстрации и митинги были опасны и тем, что в них принимали участие бородачи из соседних районов, города Лениакана. Связь с Лениаканом была полностью прервана, туда нельзя было войти, а торговали и делали покупки мы именно там.

Положение постепенно обострялось. Сын учителя Искендера Мамедова, работник милиции Ариф при возвращении из Кировакана, где он делал покупки для дома, был ранен из огнестрельного оружия. При бегстве машина одного из жителей села Охчохла была остановлена в селе Капс, все его имущество разорено. Этот список можно было продолжить.

С каждым днем росли беспокойство, страх перед нападением [413 - 414] армян, живущих на севере - в Богдановском районе Грузии, на востоке - в Гукасянском районе, на юге - в Лениакане. Много раз подвергались угрозам жители азербайджанских сел - Ениел, Дюзкенд и Чайбасар. Сколько раз зимними ночами оставляли они свои дома, убежали в села Балыглы, Гюллюче, Чивинли. Сколько рук и ног обморозили дети и женщины, немало было и тех, кто не мог найти машину и морозными ночами с детьми на руках и спине находились в пути. Подумаешь, и становится страшно: почему годами дружившие люди выбрали для себя такой преступный путь? Ведь всегда наши двери были для них открыты, всегда гостей привечали, угощали, да еще и в дорогу собирали. Приглашали на свои торжества. И даже были кумовьями. Где же были работавший три десятилетия в райкоме партии Г. Мкртычян, нынешний третий секретарь Г. Егизарян, всегда сидящий во главе азербайджанского стола

Саакян? Г. Егизарян вместо выполнения своего долга коммуниста ежегодно разъезжал по школам, считал учеников и предлагал закрывать классы. Цель его была ясна: закрывая школы, легче было изгнать оставшиеся семьи.

Как я слышал, в 14 селах, расположенных на территории под названием Агбаба, практически не осталось ни одного хозяйства. Здесь производилось пять процентов животноводческой продукции Армянской ССР. Можно сказать, что в этих селах люди рождались пастухами и доярками, ими же и умирали.

Короче, все, что было выше сказано, заставило нас расстаться с родиной, родными очагами.

Дорогой читатель, тяжело расставаться с землей, на которой открыл глаза, на чьем хлебе, воде вырос, обрел силу рук и ног... Страшно быть отделенным от дома, где годами проливал пот, своими руками строил его, приводил в дом невестку, отдавал замуж дочь, согревался его теплом, дымом над крышей подтверждал достаток, где впиталось в стены дыхание предков, зная, что больше не увидишь его... Грешно оставлять на чужбине могилы предков, чья кровь течет в твоих жилах, чья честь доверена тебе. Преступно перед святой памятью и духом матери не проторить тропинку к ее могиле, хотя бы раз в неделю, месяц не приблизиться к ней. Большое несчастье быть разлученным с соседом, с которым годами встречался лицом к лицу, разделял горести и радости жизни.

Если бы не трагическая необходимость, кто бы совершил эти преступления? По-моему, никто!

Разлука - несчастье, равное смерти. Это такое внутреннее пламя, [414 - 415] которое гаснет с остановкой сердца. Тоска даже умирает с открытыми глазами и руками. Чтобы закрыть их, нужна родная земля, родина предков.

... Дедушка Абдул готовился к дороге. Семья ждала его решения. Он же, прикрывшись раненной на войне рукой, смотрел на закатывающееся солнце, на скалу Тая. И вдруг у него задрожали губы, опустилась рука. "Ох, Аллах, сколько раз мы покидали обжитые места! Разве могут быть такие страдания." Повернулся в сторону Галагая, являвшегося символом чести предков. Захотелось разглядеть покрытые мхом громадные камни. Не смог. Приложил руку к глазам и вновь взглянул с горечью. Так посмотрел, чтобы потом мог вспомнить их, какими они были. Чтобы потом на чужбине смог представить их и утешиться, остудить пылающее сердце. Никому, не сказав ни слова, перешел мост и повернулся направо. Зашел на кладбище. Прочитал молитву. Приблизился к могиле отца.

- Куда я уйду в этом возрасте? Почему молчите? Ведь я и для себя здесь выбрал место, сделал завещание!

Слезы были ответом на его же вопросы.

Несмотря на то, что ему перевалило за девяносто, не расстающийся с острыми анекдотами, постоянно смеющийся и других веселящий, без тени старости в осанке мужчина нагнулся к держащей за руку дочери и шепнул: "Скажи, чтобы трогались. Я пешком поднимусь в село. Получу разрешение от осиротевших разом домов, камней, земли. Знаю, что ничего из этого я больше не увижу. Да будет проклята нечистая сила!".

Он остановился на возвышенности, на противоположной стороне села. Его нагнала машина. С болью в сердце сел он в нее. Он уехал, но сердце его осталось на этой земле.

Еще об одной разлуке. Несмотря на то, что в школе осталась лишь пятая часть учеников, занятия продолжались. Но они уже не представляли никакого интереса. Как у учеников пропал смех, веселье, так и у учителей разум был затуманен, движения стали вялыми. Что будет завтра? Что будет через час? Этот вопрос камнем висел у всех на шее, лишал всех покоя.

В восьмом классе шел урок литературы. В классе осталось всего три человека. Я рассказывал ученикам о жизни бессмертного поэта Физули. Раздался стук в дверь. "Заходите", - сказал я. Ученик третьего класса Махрух вошел в класс. По-девичьи пугливый взор был обращен на сестру Гюльнару: [415 - 416]

- Отец сказал, чтобы получила разрешение и пришла домой, уезжаем уже!

Гюльнара встала и кротко посмотрела на меня. Лицо ее побелело. Чтобы скрыть от меня слезы, которые заволокли глаза, она повернулась в сторону рядом сидящей подруги Эмиры. Но не смогла сдержаться, заплакала навзрыд. "Прощайся с ребятами, Гюльнара", - сказал я. Она поцеловала Эмиру и Сардара. Приблизившись к двери, остановилась. Поцеловала стену и дверь. Плечи у Эмиры и Сардара вздрагивали. Не выдержав этого, я покинул класс до окончания урока.

Из рассказа жителя Гюллюбулаг Исмаила Байрамова:

- Учитель, больше нельзя ждать. Сколько ночей можно бодрствовать? Вчера ходил на кладбище. Стоя у изголовья, смотрел на фотографии сына и сестры. Выплакался, освободил душу. Огонь души запеленал в слова, высказал их надгробьям: "Сынок, сестрица, очень хотелось заснуть рядом с вами, чтоб прах мой смешался с вашим, не суждено. Осталась несбыточной мечта. Что поделаешь? Да, разрушит Аллах дом виновника! Простите, что оставляю вас. Знаю, что дух ваш по вечерам будет приходить домой, искать нас, и, не найдя, с сожалением вернется обратно! Последующие дни моей

жизни будут беспокойны, как и дух ваш! Но другого выхода нет. Пусть будет пухом земля вам, заполнится светом могила ваша!"

Сегодня ночью я хочу забрать детей и уехать, посмотрим, удастся ли что-нибудь достать? Надежды на машины из Азербайджана, ведущие в селе строительные работы. Да поможет им Аллах, и здесь они стали нам опорой.

Одно утешение, бальзам на раны, который прекращает боль. Хорошо, что есть Родина-мать Азербайджан, есть азербайджанский народ, который всегда поделится последним куском хлеба. Широко раскинув руки, он согрел нас теплым и нежным объятьем. Успокоил натянутые за эти тревожные дни нервы. Зажег в душе свечу надежды. [416 - 417]

ГЕЙЧА, МОЯ КРАСАВИЦА

В эту пору листопада, когда чувства так хрупки, мне хочется написать о тебе, Гейча моя, хочется хоть мгновение побыть с тобой. Боль разлуки с родными осенью особенно остра, и я из этой дали, делю ее с тобой. О Аллах, осиротели мой дом, мой очаг, дочиста обобран сад, чужие голоса звучат в краю родном!... Огнем горит твое имя на устах моих, земля моя, с которой смешан прах предков наших и по которой сейчас ступает вероломная нога! Не на этой земле появилась я на свет. Отчего же, когда речь заходит о Родине, о боли за нее, я вспоминаю именно этот край. Может, чувство это от бесконечной влюбленности в поэзию Отца Алескера - Солнца ашугской поэзии? Может, к земле, к краю этому привязали меня мои приезды сюда, в течение десяти лет? Может, сделало ее родной мне то, что родом отсюда мои сын и дочь, что здесь их корни? Не знаю. Знаю только, что когда произносят имя ее, меня заполняет неизбывная, тяжкая, тоскливая боль. Знаю только, что если у нас, у азери, самым большим горем было горе Тебриза и Аракса, сейчас горе удвоилось... Прибавилась боль Гейчи, горе Гейчи. И даже кажется мне, что та наша старая боль несколько поутихла, ибо на родной земле той живут рядом, вместе наши братья и сестры, дышат воздухом ее. Гейча же... Ушла от нас песенная Гейча, Гейча Алескера! Подло оторвана от нас! Оторвана силой! Рана еще кровоточит, и будет кровоточить годы. И вряд ли заживет, затянется она... Нет бальзама на нее...

Злюсь на себя. Ведь сколько лет ездила туда, нет, чтобы взять горсть той земли, чтобы вдыхать аромат ее, когда на сердце тяжело... И не нахожу себе прощения...

Когда в августе 1988 года (события обострились) я была в Гейче, мы часто ездили в райцентр, возвращались из которого не спеша, [418 - 419] наслаждаясь окружающей красотой. Однажды мы остановили машину на дороге от Басаркечара в Кесеменли. Вышли из нее и долго гуляли. Сын стоял на обочине и смотрел в сторону далеких гор, вершины которой были покрыты снегом. Взгляд у него был задумчивым. Словно чувствовал детской душой своей, что видит это в последний раз... А небо было сплошь в белых, словно распустившиеся коробочки хлопка, облаках. По обеим сторонам ровной дороги были разбросаны утопающие в зелени деревни, словно цветущие поляны. Величаво вздымались за ними горы, вид которых переполнял сердце гордостью. Перенести бы всю эту красоту в себя, запечатлеть бы во всем буйстве красок, чтобы осталось на всю жизнь...

Земля моя со свежим и чистым дыханьем, край мой песенный, кручина моя, жажда незаживающая рана моя...

В то лето, словно чуяло сердце, я исходила Гейчу вдоль и поперек. С трех сторон ее окружают горы, а с четвертой - примыкает озеро. Испила серебристой воды родников, от которой ломит зубы, рвала полевые цветы, незатейливая красота которых до сих пор перед моими глазами, выходила за околицу и поднималась в горы - Чашырлы даг, Оджагдаг, Гезалар, Юрд, сидела у родников и ключей - Джутбулага, Алыбулага, Юрдунбулага, вслушиваясь в их быструю речь. И слезы мои смешивались с прозрачной ключевой водой. Вы помните это, булагы?

Джутбулаг - бьет из груди Шахдага примерно на высоте 3 тысячи метров. Источника два, потому и зовется родник Джутбулагом (джут - по-азербайджански "пара"). Долина, по которой он течет, может летом соперничать с раем - сплошной ковер из цветов. А осенью колосятся травы.

Байрамын булагы - расположен чуть ниже Шиштепе - одной из высоких точек Шахдага, восточнее Бендинской долины. Старики утверждают, что нет в Кесемене лучшего родника, чем этот. Вода в нем мягкая и холодная, выпьешь ее - бодрость прибавляется. Возле него всегда много гостей. А открыл его Ашуг Байрам, живший в начале века.

Булаг Елчу - обнаружен человеком по имени Елчу. Бьет из-под земли на дне оврага Агсу. Летом вода его очень холодная, а зимой теплая.

Дузлу булаг /Юрд булагы/. Находится в Юрде. Вода в нем очень холодна и очень вкусна, отчего и называют его "дузлу" или "бузлу". [418 - 419]

Гездек - одна из самых высоких вершин Шахдага. По своим очертаниям напоминает азербайджанского богатыря. Грудь его словно шрам пересекает ущелье, по которому в прежние времена перегоняли из Кедабека скот.

Шиштепе - расположена неподалеку от вершины Шахдага. Между нею и Гездеком пролегает Бендинское ущелье. Шиштепе и Гездек почти всегда затянuty туманом.

Вдоль села Кесеменли течет вода из запруды. Старики советуют по утрам пить ее. Все так ли течешь, родная? Знает ли кто о твоих целебных свойствах?

В овраге Агсу и на воде, что течет из-под запруды, стояли водяные мельницы Гасаналы киши и Рамазан киши. Говорят, что дожили эти старики до ста лет. Хорошо, что они не увидели то, что произошло сейчас. Стоят ли еще те мельницы?

Каждая пядь земли Гейчи, каждая скала, поляна, камень ее - это история. Из груди гор бьют бесчисленные целебные родники, каждый со своей красотой, своим названием... Собирались возле этих родников исстари наши озаны и ашуги, копузы, сазы которых пели о волшебной красоте природы, чистой любви, верности слову, дружбе, о героизме. По этим местам ступала нога Отца Алы, Отца Алескера, Отца Шамшира. Всем вокруг себя дали имена наши предки - родникам, деревьям, горам, лугам. Хоть и изменены они сейчас подло, в нашей памяти, да и в памяти любого камешка, скалы или родника, мне кажется, остались их древние имена.

В поэзию Ашуга Алескера я была влюблена с детства, засыпала и просыпалась со строками его стихов на устах. И мне давно хотелось посетить его могилу. Находится она в западной стороне села Агкилсе, на прилегающем к селу старом кладбище. Вот мы на дороге в Зод. Выйдя из машины, около километра прошли пешком. На старом кладбище установлен бюст народного поэта. К этому священному месту меня тянуло словно магнитом, я шла на встречу со своей мечтой. И весь путь до могилы меня сопровождала звучащая где-то внутри меня проникновенная ашугская мелодия. У бюста мы все остановились в молчанье, уйдя каждый в свои мысли. Ашуг был словно символ мужества, благородства и достоинства жителей Гейчинского махала. Он словно вопрошал меня, отчего мне становилось не по себе, куда вы направляетесь люди, жители нашего махала? На кого оставляете эту землю, что берегли пуце ока своего?... [419 - 420]

Вечерами старики деревни, собравшись вместе, рассказывали о прошлом, о том, что слышали от отцов и дедов своих. Как в конце прошлого века приехало в Гейчинский махал много армян, как построили они с помощью зажиточных азербайджанцев себе дома, церкви и как потом, обретя под ногами опору, стали выживать хозяев, о начале резни 1905 года. А в 1948-1950 годах полностью опустели села Алынджалы, Ярпызлы, Гызылвенг. Из Гезалара 36 селений были видны как на ладони. Сейчас, наверное, по этим опустевшим селам бродят и воют собаки, оставшиеся без хозяев...

А какие лунные, ясные ночи в Гейче! Такой красоты, как в здешних местах, я не встречала больше нигде... Это все было нашим... Исчезло, испарилось...

Наша связь с Гейче прервалась в ноябре, когда в Баку начались митинги. Мы не встречали никого оттуда, не могли и поехать туда. Не приходили ответы на наши письма, словно проваливающиеся в колодезь. Не было и телефонной связи. Мы не находили покоя ни днем, ни ночью, жили в беспокойстве, постоянном ожидании худых вестей. Начались страшные, тяжелые для народа дни. Вскоре услышали, что людей оттуда начали вывозить на вертолетах. До самой смерти мне не забыть разговора с нашим родственником Паша ами, выходцем из Гейчи. Он рассказывал, что положение начало осложняться уже с начала осени. Все это видели, знали, но на что-то надеялись. Молодежь, люди среднего возраста по ночам не спали, охраняя покой остальных. Добровольцы обходили село, меняясь, через каждые четыре часа. Вчерашние босоногие мальчишки, словно на глазах превратились в мужчин, взяв на свои плечи заботу о сельчанах. На трудности никто не жаловался. А холода в том году начались рано, и армяне каждый день что-нибудь выкидывали.

На Кесемен потянуло дымом от подожженных потерявшими человеческий облик армянскими дашнаками домов в Тюстюлю, Ганны, Керкибаше. Села пустели одно за другим, у людей таяли как снег под жарким солнцем остатки надежды, они начинали верить в черные письма, начертанные рукой судьбы. Люди не могли даже найти слов, чтобы утешить, друг друга, при встрече головы не могли поднять от стыда, стыда за деяния тех...

А однажды услышали, что жителей села Чахырлы вывезли военные. Армия, в общем-то, ни во что не вмешивалась. Она была вынуждена помочь, потому что положение особенно осложнилось. Армяне мстили за каждого азербайджанца, ушедшего из Гейчи [420 - 421] живым. Люди выходили в путь всей семьей, ведя на поводу скот, шли к перевалам, чтобы любым путем добраться до Азербайджана. Снег выпал по колено, каждый день дули метели, но природа, таким образом, выражала свое сочувствие несчастным, и люди на этих перевалах теряли все. Один армянин рассказал родственнику, работавшему тогда в редакции, что они летали в вертолете над этими перевалами: от плача людей, мычания скота закладывало уши. Бог этого не простит. Этим же путем в Кедабек отправился, взяв с собой беременную невестку, пожилой мужчина из Шишгая. В пути у несчастной начались схватки. Погибли и мать, и появившееся на свет дитя. Мужчина, повидавший немало на своем веку, не выдержал, умер от разрыва сердца. Подошедшие сзади люди подобрали всех троих, донесли до Кедабека и там похоронили, а жители села имени Рустама Алиева справили по ним поминки.

Дело дошло до того, что по селам ходили председатели райисполкомов, секретари райкомов, беседовали с председателями колхозов и объясняли людям, что больше не могут уберечь их. Вскоре после этих предупреждений начались налеты, запугивание людей. Положение осложнилось настолько, что никакого выхода не было. В один день возле села сел вертолет. Начали перевозить в Азербайджан детей, женщин. Старики, вся жизнь которых прошла в горах, эти гордые горные орлы, словно застыли от ужаса, понимая, насколько страшное горе - одиночество нации, только слезы катились у них из глаз. Мужские слезы - непереносимое зрелище. Значит, положение безвыходное. Значит, горю ничем не помочь. Значит, свершается неминуемое. Селение из 220 дворов опустело за неделю. Осталось там всего несколько мужчин. Наехали из соседнего Норакерта армяне, начали растаскивать добро из домов, хозяева которых выехали, а у тех, кто остался, требовали денег, добро, давали время на это. Но люди все еще во что-то верили - в людей, в Советскую власть, в Бога, наконец. Но все продолжалось по-прежнему. Видимо, Аллах их мольбы не слышал, или слышал, но молчал. Так закончилась наша гейчинская сказка... Оставив горячие угли в груди...

Сейчас мы с тобой, Гейча, встречаемся лишь во сне! Ты наше рвущееся из сердца баяты, проникновенная ашугская песня...

Какие вы счастливые, думаю я, видя в небе пролетающих птиц, какие счастливые... Нет для вас границ, нет запретов... Сделай меня птицей, Аллах! Чтобы пролетела я над теми дорогами и тропинками, чтобы досыта взгляделась в родную землю... И пусть о том, что на сердце у меня, расскажут свету мои баяты. [421 - 422]

ОСТАЛСЯ МОЙ СЛЕД

Никогда мне не хотелось писать о переселенцах. И не сердце из груди у них, а камень, думал я о тех, кто делал это. Теперь же, когда я взялся за эту тему, для меня стало ясным как день, что пером этих людей водило желание поделиться горем своим, чтобы облегчить душу, чтобы будущие поколения не остались в неведении относительно происшедшего. Путь этот прошел и я, полностью убедившись, что, поверя бумаге свою боль, человек испытывает некое облегчение, легче начинает дышать. И я воззвал к своей памяти. Тяжкое это дело, но я вытерпел. Вытерпел еще и потому, чтобы те, кто называет меня "переселением", "пришлым", "беженцем", "еразом", знают, кто я на самом деле! Что я перенес за эти два года!

Обращаясь к истории. Азербайджанцы, жившие в Армении, не единожды изгонялись с насиженных мест, были вынуждены покинуть древние тюркские земли. Покидали они свои родные очаги на время: в некотором смысле это походило на отступление армии, когда она хочет собраться с силами. Они отступали, чтобы не было еще больших потерь, да и безоружными были всегда. После того, как вверх брала правда, противная сторона раскаивалась в содеянном и приносила окольными путями извинения, азербайджанцы, подобно журавлиному клину, вновь тянулись в отчие дома, раздували в погасших очагах огонь, согревали своим дыханием выстуженный кров. Так было и в 1918-1920 годах. Надеюсь, что события 1988 года придут к такому же - благополучному завершению.

1988 год. Он вписался в память многих, попал в историю, как год, полный важных событий: XIX конференция КПСС и зверское изгнание из родных мест всех, до последнего человека, азербайджанцев, проживающих в Армении. Земля содрогнулась от этого, подала свой голос Природа... [422 - 423]

Село Тохлуджа Гейчинского махала - одно из самых старинных сел мне особенно близко - здесь я рос, здешним воздухом дышал, пил здешнюю воду. Здесь, к тому же, жили когда-то огузы. Свидетельством тому - их захоронения, исторические названия мест. Мои слова могут подтвердить и сохранившиеся в языке нынешних обитателей этих мест слова и выражения, дошедшие до наших дней аж из дастана "Деде Коркут". А здешняя топонимика - это эхо истории нашей: гора Киркитди, гора Чал, Айриджа, Дамирчыхан, Тахча, Делме и т. д.

...Когда в ноябре-декабре 1988 года доблестные сыны азербайджанского народа, собравшись на главной площади Баку, выступили со справедливыми требованиями убрать черные руки, протянувшиеся к НКАО, а также жемчужине земли нашей - лесу Топхана, армяне начали притеснять азербайджанцев, проживающих в Армении. Им без всякого на то основания давались партийные взыскания, их выгоняли с работы, запугивали. Под предлогом сумгаитских событий в районных центрах проходили частые митинги, где в адрес азербайджанцев раздавались оскорбления. Перед районным руководством ставились конкретные требования: когда вы избавите нас от турков /азербайджанцев/? Беда в том, что все это происходило на глазах у районных партийных и советских органов. Многие из работников этих органов стали даже организаторами этих событий. Мы терпели. Терпели, считая, что существуют ЦК КП Армении, Москва. И найдется, кому ответить этим бесчинствующим молодчикам, этим, прошу прощения, кровожадным псам. Но мы ошибались. Не знали тогда, что как раз сверху их на нас и науськали.

С февраля 1988 года, после сумгаитских событий, полностью была прервана связь с Ереваном и Севаном, Ленинаканом и Кироваканом. Мы жили в блокаде. Люди пребывали в постоянной тревоге, ночью охраняли дома, днем работали в отдельных отраслях хозяйства. Мы жили с надеждой, что положение выправится, если не сегодня, то завтра, все нормализуется. Но недаром в народе говорят: человек предполагает, а Бог располагает!..

Однажды нам сказали, что приезжает журналист из Москвы в Красносельский район. Встретится с азербайджанцами, армянами. Обо всем расскажет объективно. Его приезда все ждали с нетерпением. Глаза проглядели. В день приезда журналиста в села, где жили азербайджанцы, автобусы не ходили, а если в райцентре и попадался кому-нибудь на глаза азербайджанец, его прогоняли в [423 - 424] село. Журналист этот имел перед зданием райкома партии беседу с руководством района, взял интервью у нескольких специально подготовленных людей /это были не азербайджанцы/ и, подзаправившись как следует, укатил с написанным в Москву. Этим журналистом был подпевала армянской мафии Генрих Боровик, вышедший затем на экраны со своей злосчастной "Позицией".

ПРИМЕЧАНИЕ: Красносельский район - один из самых маленьких в Армении. Граничит с одной стороны с Кедабекским районом Азербайджанской ССР, а с другой - Инджеванским. В 12 из 19 сел района живут азербайджанцы - в селах Джил, Арданыш, Шорджа, Агбулаг, Тохлуджа, Гелкенд, Чайкбанд, Гарагая, Яныгпея, Барьябад, Джывыхлы, Амирхейир, армяне всегда притесняли население этих сел, морально угнетали их. Приведу два факта, которые прояснят сказанное.

Согласно переписи 1979 года, население Красносельского района составляло 26861 человек, из которых азербайджанцев было 13071, армян - 9329 человек, остальные - представители иных национальностей. В районный Совет было избрано 79 депутатов - 31 азербайджанец и 40 армян.

В районе насчитывалось 1540 коммунистов - 581 азербайджанец и 837 армян.

Факт второй. И учеников, и учителей в азербайджанских школах было больше, чем в армянских. Но современные школы строились в первую очередь для армян, строились качественно. Об азербайджанском ребенке вспоминали после того, - как школой современного типа был обеспечен армянский ребенок. Но по известным причинам жители сел Арданыш, Гелкенд, Чайкенд, Яныгпея, Гарагая, Джывыхлы, Амирхейир, Барьябад этого не удостоились.

...Несмотря на крайнюю напряженность ситуации, в уборке урожая принимал участие каждый житель села. Был заготовлен полугодовой запас кормов. С ними зимой забот не должно было быть. И люди, не страшась нехватки корма для скота, увеличивали его поголовье в своем подворье - кто прикупал еще одну корову, кто - овец.

На дворе стоял ноябрь, но погода была хорошей. Утренний морозец к полудню сменялся теплом. А я был весь в школьных заботах. Сидел на уроках, давал учителям методические указания, ездил тудасюда, чтобы выбить что-нибудь для школы. Меня выбрали делегатом на XXXI конференцию Красносельского райкома партии, которая должна была пройти 26 ноября. За неделю до её [424 - 425] начала неожиданно объявили, что она переносится на 24 ноября. Я удивился, но никому ничего не сказал. Когда 24 ноября в 10 часов утра мы подошли к зданию райкома партии, нас обуял ужас. Сюда собрались почти все армяне района, среди них бросались в глаза бородачи. У многих в руках были дубинки, камни и пр. С большим трудом нам удалось пробраться в здание. Прошли регистрацию. Но собравшиеся на улице не давали начать конференцию. Они выдвигали два требования: вывести турков и транслировать происходящее в зале на улицу. Первое требование выполнено не было /руководству пришлось провести большую работу/, а второе удовлетворили. Конференция началась в 11 часов утра. Все выступления были посвящены обсуждению событий в НКАО и Сумгаите, словно мы только для этого собрались сюда. Это еще больше накаляло обстановку за стенами здания. Все надежды были на заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КП Армении Асатряна, который принимал участие в работе конференции как представитель ЦК. Мы думали, что он одернет выступающих, призовет их быть справедливыми. Но мы, к сожалению, ошибались. Его позиция была еще более резкой. Нам все уже стало ясно. В 23 часа в зал заседаний вошли два бородача и сказали: если не сделаете по-нашему, ни один из вас живым отсюда не выйдет. Сделали. Первым секретарем райкома был избран бывший второй секретарь Даллакян.

Конференция продолжалась 17 часов, закончилась в 4 часа утра 25 ноября. Выходя из здания, мы увидели, что на улице никто не расходился, люди стояли у разведенных там же костров. К директору совхоза подошел представитель ОБХСС:

- Нам сказали, что несколько минут назад на дороге у села Тохлуджа был открыт огонь по проезжавшему УАЗу. Ранены двое армян, их доставили в севанскую больницу.

Директор совхоза решительно отверг этот факт и добавил, что у нас вообще нет ружей, этого не может быть. Но собеседника убедить не мог. Тот вошел в райком, откуда вышел через две минуты. Мы следили за его действиями. Затем направился в РОВД, откуда вышел уже с 7-8 вооруженными милиционерами и вновь направился к нам:

- Сейчас мы едем. Посмотрим, кто открыл огонь по УАЗу. Так началось это холодное ноябрьское утро. Мы сели в машину и тоже направилась в село. Когда приехали туда, нам сказали, что вооруженные милиционеры приезжали и выяснили, что рассказы [425 - 426] об обстреле УАЗа были слухами, и, пригрозив людям, /а село и так не спало ночами в тревоге за дома и людей/, направилась в сторону Севана. Все было ясно, их намерения тоже. Люди очень переживали, хотя внешне держались спокойно. И все-таки не теряли надежду. Думали, что новый секретарь, который сам был из нашего района, не даст людям в обиду...

...Несмотря на бессонную ночь, я как всегда, пришел в школу раньше всех. Вскоре пришли и учителя. Все были измученными, сказывались тревожные, без сна ночи. На большой перемене я коротко доложил о работе конференции, призвал всех соблюдать осторожность. Ничего не скрыл. На уроках во всех детских глазах стоял безмолвный вопрос: "Что будет с нами?" Как ответить на него?..

26 ноября дети не пришли в школу. Я стал выяснять причину и узнал, что их не пустили на занятия родители, до которых дошло, что в соседние села Хаггыхлы /сейчас село имени С. Вургуна/,

Полад и Салах Инджеванского района приехали работники партийных и советских органов и объявили народу:

- Мы уже не в состоянии обеспечить вашу безопасность. Подготовьтесь, придет автобус, который отвезет вас в Казахский район. Можете взять с собой только одежду. Постарайтесь, чтобы на каждого приходилось не больше 25-30 килограммов.

Так и произошло. Но людей загоняли в автобусы силой. Они оставляли свои дома, нажитое годами добро, скотину. Так была заложена основа очередного преступления...

Скотину увели, дома разграбили, некоторые сожгли. А в новых домах выставили и унесли окна и двери, разобрали полы и потолки.

Услышавшие об этом жители нашего села не пускали детей в школу, пригласили к нам партийных и советских работников, чтобы поговорить с ними. Приехал первый секретарь райкома Даллакян, побеседовал с людьми и в конце сказал:

- Кто хочет ехать, пусть едет, мы дадим ему возможность. Я не могу обеспечить вашу безопасность. Вам лучше уехать.

Разве можно было оставаться в деревне после его слов? Ужас обуял людей. В какое время мы живем? Если первый секретарь райкома говорит такое!

Собрались и поехали в сторону Азербайджана - кто на своих машинах, кто на открытых грузовиках. Между нашим и Кедабекским районами расположено село имени Орджоникидзе. В Кедабек [426 - 427] можно ехать через него. А дорога в Казах, что лежит через Иджеванский район, полностью находилась в руках бородачей.

Я хочу, прежде всего, выразить свою признательность всем кедабекцам, которые в эти тяжелые минуты приняли нас, помогли словом и делом, проявили истинно азербайджанское гостеприимство.

...Дорога на Кедабек была перекрыта. Колонну машин зажали с обоих концов. Швыряли в машины бутылками с зажигательной смесью, камнями, стариков, женщин и детей пугали, оскорбляли. И все это происходило на глазах у милиции. После вмешательства партийных и советских органов Кедабекского района машинам, вышедшим в путь рано утром, в 10 часов вечера разрешили ехать. Только представьте себе состояние женщин и детей, 14 часов находящихся в открытых машинах на зимнем холоде, без еды и питья!

А другим, как выяснилось, было еще тяжелее. Жителей соседних сел Агбулаг и Арданыш выгнали из их домов в 3 часа ночи, и люди пешком в мороз потянулись через Шахдаг, Топашан. Несли привязанных к спине детей, в руках - узлы со скарбом, а в сердцах - боль и скорбь. А в пути еще их застала пурга, некоторые заблудились, оторвавшись от остальных. Говорят, надо было слушать и видеть, как кто-то звал ребенка, кто-то искал мать, кто помогал нести носилки с больными стариками... Я пишу это и не могу унять дрожь в руке, удержать слезы, застилающие глаза.

А сколько мне, оказывается, еще предстояло. Вспоминаю прошедшее, я убеждаюсь в том, насколько соответствует истине выражение "человек крепче железа"...

Я был одним из тех, кто покинул наше село последними. К тому же, хотелось знать, чем все это закончится. В РОНО мне сказали, что нужно сдать школу, и 30 ноября меня оповестили, что школу следует сдать военным. Я отпираю двери классных комнат, а офицер размещал в них солдат. Внешне все выглядело спокойно. Я держался, как мог. А что мне оставалось делать?! Но когда я открыл дверь в класс шестилеток, у меня все поплыло перед глазами.

Дело в том, что, согласно инструкции, шестилетки работают с книгой только в школе, домой книги не берут. Учебники остаются в школе, где ребята занимаются по ним. И когда я увидел на партах их книги и тетради, ручки и карандаши, а где и забытые носовые платочки, я не знал, у кого спросить, в чем же вина этих несчастных [427 - 428] детишек! Они больше не придут в этот класс, не раскроют эти книги. Это сводило меня с ума, рвало мое сердце!

...Село я покинул, переполненный этой болью!

Верховный Совет СССР принял 14 ноября 1989 года Декларацию "О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению и обеспечении их прав", в которой насильственная депортация из родных мест в годы второй мировой войны балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, немцев, турок-месхетинцев, чеченцев осуждается как зверство сталинского режима. Отчего же не включены в список этих народностей азербайджанцы, изгнанные из Армении? По-видимому, не силой, а по своей охоте покинули они земли своих отцов и дедов?

...С первых же дней своего приезда в Азербайджан я ищу работу. Я должен содержать одиннадцать человек. В какие только двери я ни стучался, к кому только не обращался. Один спрашивает: "Откуда ты?", другой велит: "Подожди пока", третий: "Мы тебя не звали", а четвертый и вовсе заявляет: "Послов мы за тобой не слали". Хорошо, что судьба свела меня с заведующим идеологическим отделом ЦК КП Азербайджана Р. Алиевым. Я сказал ему, что у меня на иждивении

вместе с престарелыми отцом и матерью находится одиннадцать человек. Сам я кандидат филологических наук, был директором школы. С 1 декабря 1988 года не работаю, уже девять месяцев. Он был потрясен и помог мне найти работу. И помощь эта избавила меня пока от необходимости стучаться в двери, слышать "ты откуда родом?", "переселенец", "беженец"- слова, режущие мне слух, разрывающие сердце. [428 - 429]

ОГУЗСКИЙ КРАЙ В ПОТОКЕ КЛЕВЕТЫ

Одним из мест, где наш народ проживал в меньшинстве, была древняя Гейча. Сохранивший в себе более чем двухтысячный след огузов этот певучий край жил плечом к плечу на юге с Дерелаязом, на западе - Деречичеком, на востоке - Джеванширом, на севере - Кедабеком и Таузом.

При знакомстве с различными названиями, памятниками истории этого края убеждаешься, что довод об отсутствии в этой местности тюркских народов, является ошибочным. Это - ничто иное, как еще одна провокация, крестовый поход против нашего народа.

В Гейче сложилось много легенд и преданий, мифов, тысячи названий здесь органично связаны с истоками нашего народа. Этимологический анализ наименований этих мест может быть полезен при изучении истории, этнического состава Гейчи. Знакомство с ее богатым фольклором позволяет понять обычаи, веру, род деятельности наших предков. На территории, где проживали огузы, осталось много расписных сундуков, надгробий и других ценных памятников.

Легенды и мифы об огузах не возникли на пустом месте, они рождены в народе, распространялись и жили среди него. Эти повествования рассказывают о вершинах горы "Гангаллы" рядом с пастбищем села Тохлуджа, Ласточкина хутора, Зодского перевала, сохранившихся огузских захоронениях на склонах горы Ченлибель, Союгбулаг.

Во многих местах Гейчи имеются древние захоронения. Так как они были заложены еще в дохристианский период, поэтому на них нет никаких признаков, характеризующих христианскую религию. Одно из таких кладбищ находилось над селом Агбулаг, на [429 - 430] склоне Шахтагского хребта. В связи с известными причинами это кладбище разрушено и уничтожено. Над каждой могилой здесь были поставлены крупные камни, многие из которых напоминали скалы. На одном из них был изображен огонь, издавна сельские жители называли его "очаговым камнем". Другой камень по причуде природы напоминал верблюда, и на нем был высечен караван верблюдов. Еще на одном камне внимание привлекал продолговатый, похожий на саз рисунок. В мире его называли "ашугским камнем".

Надгробия могил на кладбище, находящемся в центре села Шорджа, как и мусульманские, были направлены лицом к Гибле. Как и наскальные рисунки Кобустана, они привлекают внимание тем, что являются одним из проявлений, отметин нашей древней истории.

Крепости Агджакала, Агкала, Каракала и Огланкала, исторические памятники Гочдаши, Кечигая, Кургудгая, Дарджагая, Гушгая и другие, расположенные в Гейче и ее окрестностях, дают основание предполагать, что до нашей эры и до исламского периода здесь проживали тюркские племена.

Имеет смысл упомянуть некоторые названия местностей, возникших в определенный период, в результате соответствующей необходимости.

Горы: Беюк даг, Сары нер, Шахдагы, Шиври, Гысыр даг, Кейти, Ченлибель, Оджак дагы и др.

Горные пастбища: Союгбулаг, Бозанганлы, Агагелляр, Карахач, Сафалы, Гангаллы, Чичекли и др.

Поселения: Гырлынын юрду, Гышдагын юрду, Карапапагын юрду, Ханлыг, Эмирахмедин юрду. Бялли Ахмедин юрду, Телли Асадын юрду и др.

Ущелья: Гезелдере, Гасанага дереси, Балдырганлы, Четин дере, Ай дереси, Кафтар дереси, Сулу дере, Марал дереси и др.

Родники: Дюрлю булаг, Сона булагы, Гывлы булагы, Пери булагы, Джейран булагы, Гаджи Гусейн булагы, Новлу булагы, Ширин булагы, Дерин булагы, Аслан булагы, Аг булаг, Кара булаг и др.

Скалы: Гачаг гая, Дарджан гая, Керем гаясы, Гургут Гая, Гатар гая, Джинни гая, Баллы гая, Кеменд гая и др.

Этот список можно продолжить.

В конце XIX начале XX веков в общественно-политической жизни Гейчи происходили важные перемены. Армяне стали готовить [430 - 431] новые провокации, пытались сеять смуту. В период, когда постепенно усиливалась дашнакская партия, первоочередным стал вопрос создания армянского государства. Возможность его создания особенно сильно проявлялась в аппетитах армянских агрессоров по отношению к территории Эриванской губернии. Пользуясь покровительством ставленников русского царизма, армяне особенно интенсивно стекались на эту территорию. Представляя себя как

обездоленный, беспомощный народ, они закладывали села, втирались в доверие к азербайджанцам, выказывая преданность по отношению к ним. Разве могли простодушные азербайджанцы подозревать, что пригревают на своей груди змею. Недолго продлилась эта дружба. Начались события 1905 года. Еще вчера притворявшийся беспомощным народ предстал вооруженным с ног до головы. Вчерашний "бедняга" жестоко расправлялся со своими добродушным соседом.

События 1918 года стали повторением 1905 года. Теперь они провели более серьезную военную подготовку и, пользуясь поддержкой русских и английских заступников, они стали с ещё большей жестокостью расправляться с турками. Эти жестокие палачи не давали пощады даже женщинам, старикам, детям и инвалидам. Их ослепляли, прожигали грудь железным крестом и убивали.

Дашнакские отряды уничтожают, сжигают, зверски разоряют жилища турецкого населения Ведибасара, Эллера, Деречичека, Зангибасара, Дерелаяза. Этот поток приближался к Гейче. В 1919 году уже и Гейча потонула в крови. Заранее подготовленные строевые войска по приказу Андраника должны были нанести Гейче тяжелый удар, В первую очередь мощной атаке были подвергнуты окрестности южной части озера Гейча. Вошедшие сюда войска отличились накануне своими зверствами в Гернибасаре и Деречичеке. В ущелье Каракоюнлу они сровняли с землей село Гагыхлы, сожгли более семидесяти человек, а число раненных и убитых трудно было даже определить.

Кровавые битвы шли на юге Гейчи. Жители края упорно сражались за каждое село, за каждый клочок земли. Из-за неравенства сил населения в массовом масштабе безжалостно уничтожалось. Насмерть стояли жители сел Ордакли, Баглы, Гаджимугат, Зейнал, Аггала, Агзыбир, Айривенг, Гезелдере, Башкенд, Медина, Алчалы, Делигардаш, Керимкенд, Пашакенд, Кюседжик, Кыгылвенг, Даллекли, Афенди, Гаранлыг, Гулалы, Сархан, Ганныгель и других. Пока мужчины воевали, женщины и старики были перевезены [431 - 432] на север Гейчи, а затем переправлялись в Кедабек и Кельбаджары. В это время на Шахдагском перевале тысячи женщин, детей и стариков попадают в пургу и погибают.

А на севере Гейчи продвигалась кавалерия Суликова. Поверив в лживые призывы к миру, аксакалы большого села Шишгая собрались под крышей дома, где помещалось триста человек. Дом этот окружают и поджигают. Кто выпрыгивает из окон и дверей, расстреливались, а оставшиеся внутри были заживо сожжены. Кровожадный враг получал удовольствие от дел своих рук.

Гейча горела. На каждом шагу шла борьба за выживание. Пушками разрушались баррикады, обломки домов взмывали в поднебесье. В селе Зод войска Суликова были разгромлены. Гибель Суликова потрясает армян, еще больше озлобляет их. Они жаждут мести. В их руки попадает пользующийся большой популярностью в народе, отличающийся статью и красотой Ашуг Наджаф, которого армяне убивают варварским способом, называемым "Самоварная, смерть". Но даже зверская пытка - к его обнаженной спине был привязан пылающий самовар - не согнула Наджафа перед врагами. Он стойко принял смерть.

Семьдесят лет назад армянские палачи разрушили более пятнадцати округ, расположенных на территории нынешней Армении. По приказу дашнака Ваарама только в Гейче были подвергнуты геноциду более шестидесяти тысячи турок¹.

Мужественная борьба отдельных героев, всего нашего народа против зверств дашнакских войск навечно вписаны в его историю. Большой урон солдатам дашнакской армии нанесли Джыгал Гасан, Мешади Гасан, Мешади Гумбат, Феда Исмаил, Узун Ибрагим, Алескероглу Башир, Гаджимуганлы Искендер, Мешади Иса, Кебле Рагим и многие другие. После установления Советской власти в Азербайджане, а также в Армении были наказаны те, кто разжигал межнациональную рознь и вражду между народами. Некоторое время не проявлялось межнациональное противостояние. Беженцы из Гейчи стали возвращаться на родину своих предков. Н. Нариманов, встретившийся в Гяндже с представителями села Гусейнкулиагалы из Гейчи, с полной ответственностью гарантировал их безопасность и просил вернуться на родину. Вернувшись домой, жители села назвали его Нариманлы.

По возвращении домой гейчинцы увидели, что в некоторых местах обосновались армяне из Ирана и Турции. [432 - 433]

До установления Советской власти в Армении часть Гейчи (Ченмерекский район) относилась к Казахскому уезду Гянджинской губернии, остальная часть - к Эриванской губернии. После победы Советской власти на территории Гейчи было создано пять районов: Басаркечарский (ныне Варденисский), Гаранлыгский (Мартуни), Ченмерекский (Красносельский), Кеверский (Нор Баязетский, а затем Камо), Еленовка (Севанский).

Описывая советский период Гейчи, мы будем вести разговор об одной из ее частей - в основном о территории, охватывающей Красносельский район.

Нынешний райцентр Красносельск прежде назывался Михайловкой. Проживающие здесь люди приехали сюда примерно 180-185 лет назад, практически в то же время, что и жители сел Саратовка и

¹ "Революционный Восток", Москва, 1936, нр 2-3.

Ивановка Кедабекского района. Красносельск чаще звался как Ченмерек. Так называлось большое армянское село, расположенное рядом с поселком Красносельск. Так как Ченмерек в свое время был здесь единственным армянским селом - он находился между округами Шыных и Гейча,- то и в название ему дано азербайджанское слово, означающее цветущий мерек (саман).

Население села Мартуни Красносельского района прибыло сюда в 1920-х годах из Турции. Села Таза Башкенд (последние два года - Гетик) и Орджоникидзе были отделены от Кейна Башкенда (в последнее время называется Арцвашен). Кейна Башкенд, находящийся на территории Кедабека, относился к Красносельску. Жители этого села переселились сюда в 1855 году с территории Шамшаддинского района. Несколько лет назад отмечалось 130-я годовщина заселения Кейна Башкенда. Ченмерек известен также как древнее и популярное горное плато. Испокон веков Шемкир, Тауз, Казах, Шыных удачно торговали на Чекмеренском базаре с людьми из Гейчи.

До начала шестидесятых годов Ченмерекский базар напоминал лучшие восточные базары. Все здесь было - торговали крупным рогатым скотом, овцами, фруктами, тут же можно было отведать вкусный шашлык, выпить ароматный чай, оценить мастерство опортных и кузнецов... Ашугский саз, с одной стороны, и звук свирели, с другой, улаждали слух.

Территориальные претензии, стремление к власти проникли до мозга костей, впитались в кровь армянских националистов. Несмотря на то, что с первых лет Советской власти против националистических притязаний велась острая борьба, нездоровые силы [433 - 434] проявлялись, время от времени. В этот период националисты прикрывались маской коммунистов и делали свое черное дело. Правда в 1920-х годах некоторые азербайджанцы еще выдвигались на руководящие должности, однако постепенно эта тенденция стала исчезать.

Между азербайджанцами и армянами начали налаживаться добрососедские отношения. Дружба между двумя народами проявилась в 1941-1945 гг. Война особенно сильно отразилась на положении армян. В это время Казах, Тауз, Шамхор стали как для азербайджанцев из Армении, так и для армян, источником получения продовольствия. И такое положение сохранилось вплоть до пятидесятых годов. После войны вновь началась деятельность тех, кто пытался посеять раздор между двумя народами. Они выдвигали следующий тезис: "пока в Армении живут турки, в своих делах мы не будем самостоятельны".

Движение "Армения без турок" постепенно усиливалось. Наконец, этот план начал претворяться в жизнь в начале 1950-х годов. Около 150 тысяч жителей Армении без всякого основания стали переселять в жаркие низменные районы Азербайджана. Сложность и трудность осуществления процесса переселения очень хорошо представляли организаторы этой провокации. Понимали, что не удастся сразу переселить всех азербайджанцев из Армении. Поэтому приняли решение осуществлять переселение не поголовное, а выборочно, тем самым, ослабляя будущие связи между отдельными населенными пунктами. Именно таким путем была разорвана целостность прежних округов.

Гейча осталась с одним крылом. Население районов южного побережья озера Гейча было переселено. Переселение было заранее подготовлено. Свидетельство тому - приглашение на родину живущих за границей армян. Армяне старались увеличить количество хачкаров на территории бывших азербайджанских сел: на новых камнях рождались старые памятники, создавалась "древняя" история. Раньше в этих районах Гейчи первыми секретарями райкомов партии, другими ответственными работниками были азербайджанцы. Были подготовлены умелые кадры.

Начиная с 1960-х годов, национализм еще больше оживился. Предпринимались попытки бросить тень на доверие между двумя народами. Радио, телевидение, газеты и журналы состязались между собой в том, кто больше зерен заронит в благодатную почву [434 - 435] национализма. Вследствие того, что этой необузданной политике никто не противостоял, то националистические элементы все больше распоясывались. Наглость по отношению к Азербайджану перерастала в бешенство. Мы же ограничивались утверждением, что "оставьте в покое национализм, не допускайте проявления пережитков буржуазной морали, в Советском государстве нет места таким поступкам".

В то время, когда мы пели о красоте Куры, Аракса и Арарата, о дружбе между Арменией и Азербайджаном, армяне пели песни о палаче Андранике, призывали его уничтожить турков.

В 1965 году шла подготовка к 50-й годовщине армянской резни в Турции. В связи с этим предпринимались попытки внести раздор, создать условия для столкновения двух народов. Широкая националистическая волна захлестнула Армению. Пришлось наказать организаторов этой работы. Начальник Красносельского райотдела милиции покончил жизнь самоубийством.

Пропаганда против Азербайджана не уменьшалась. Наоборот, в той или иной форме постоянно расширялась. Национализм обволакивал все области общественно-политической жизни. Выпускники высших учебных заведений уже не могли возвращаться в Армению, постепенно все меньше людей оставалось на ответственных постах. Как и в Басаркечаре, в Красносельске все руководящие работники были заменены армянами.

В семидесятых годах одна за другой издаются книги, готовятся телевизионные передачи, в которых исподволь готовится почва для противостояния между армянским и азербайджанским народами.

Постепенно растет моральное давление, все больше становится случаев проявления неуважения к личности азербайджанцев. Большими трудностями сопровождаются хождения по различным организациям в райцентре. Из-за простейших дел приходилось порой изо дня в день преодолевать по 30-40 километров пути. Стало обычным явлением слышать неуместные оскорбления. Азербайджанцы больше всего опасались подвергнуться оскорблениям, их коробило бесчеловечное отношение к себе. Все это было причиной не прекращающегося выезда азербайджанцев.

Не бывало - ни одного собрания райкома партии и других организаций, на которых бы не звучали клеветнические обвинения в адрес азербайджанцев.

Идущий из Баку газопровод, проходя через ряд азербайджанских [435 - 436] сел, подводился к армянским. Никто не обращал внимания на жалобы...

Пользуясь несметными богатствами Азербайджана, армяне совершали низкие поступки. Река, впадающая в реку Акстафа, проходившую через территорию Красносельска, называется Терсачай. Несколько лет назад на одном из собраний было выдвинуто предложение переименовать Терсачай в Гетик, причем "учесть", куда попадает его вода... Озеро Севан мелеет, поэтому нужно, чтобы терсачайская вода была повернута именно туда. Через некоторое время это предложение привлекло внимание правительства республики. На территории Иджеванского района над рекой Акстафа стала возводиться плотина. При этом была поставлена цель, перекачивать воду насосами в Севан, а точнее - уменьшить приток воды в Азербайджан.

Раньше в ряде сел района - Шордже, Тохлудже, Гелькенде, Чайкенде имелась сеть здравпунктов. Но затем открыли центральную районную больницу, закрыв при этом сельские амбулатории, которые обслуживали людей в селах. Сотни людей из армянских сел доставлялись на работу на автобусах в расположенные в райцентре организации, а азербайджанцы занимались исключительно уходом за скотом, обработкой табака, выращиванием картофеля, зерновых.

В восьмидесятых годах по соглашению между правительствами Армении и Азербайджана на телевидении обеих республик должны были быть организованы встречные передачи. Азербайджанское телевидение безотлагательно начала передачи на армянском языке. Однако армяне не выполнили это соглашение.

На стенах всех организаций и предприятий висели карты, которые наглядно отражали проявления национализма. Они назывались картой "Великой Армении" и включали территорию от Черного до Каспийского моря, три четверти Закавказья, половину Турции и Ирана.

В последние два года шла всесторонняя подготовка к присоединению Нагорного Карабаха к Армянской ССР. Руководило этой работой правительство Армении. Главной темой самых представительных собраний был вопрос Карабаха. На заводах и фабриках собирались подписи и направлялись в различные международные организации.

В соответствующих же кругах Азербайджана не проявлялась должная реакция по отношению к этому движению. [436 - 437]

Неоднократно наблюдавший столкновения и резню народ Гейчи, хотя и проявлял беспокойство, но не мог поверить, что в могущественном Советском государстве может так резко обостриться национальный вопрос.

В то время, когда армянские националисты были заняты подготовкой карабахского вопроса, далекие от предательской, клеветнической политики гейчинцы занимались своей повседневной работой. Занятые своей землей, люди возделывали ее, косили траву, выращивали скот.

Строящий красивые, удобные дома, закладывающий сады и огороды народ Гейчи не знал, что над дышащим музыкой и стихами этим краем надвигаются черные тучи. Эти тучи в феврале 1988 года закрывали небо над азербайджанцами.

15 февраля был пущен слух, что армяне в Карабахе истреблены. Выяснилось же, что армяне убили двух азербайджанцев. Стало ясно, что была достигнута цель давно готовящейся провокации. Наступило время ее реализации. Московские покровители посоветовали начать заранее обдуманное дело.

20 февраля в Армении начались митинги и демонстрации. В азербайджанские села стали заходить работники милиции, стрелять из оружия, задевать людей. Летающие над селами вертолеты наводили панику, пугали детей и женщин. Не обращалось внимания ни на одну жалобу. Выезжающие в райцентр, Ереван и Севан азербайджанцы избивались, оскорблялись. При этом в качестве причины высказывались претензии, что в Карабахе истребляют армян. Не помогал и приезд в села руководящих работников.

Третья декада февраля стала для проживающих в Армении азербайджанцев самыми невыносимыми, самыми тяжелыми днями. С одной стороны, невозможно было терпеть лозунг "Карабах будет наш!", с другой, моральные и физические притеснения, и, наконец, философию "кто вам что сделал"...

После митингов в Ереване, здесь, в Масисе и других местах, на азербайджанцев нападают, избивают. Сожгли мечеть. Несколько человек избили и тяжело ранили в Дилижане.

Выступивший 24 февраля по Армянскому телевидению Вазген I еще больше разжег страсти армянского народа, призвал их к достижению поставленной цели. Он напомнил, что множество писем приходят из-за границы, в которых высказывается поддержка армянских покровителей. Наутро еще больше усилились демонстрации. Теперь азербайджанцы испытывали трудное и в посещении [437 - 438] магазинов, выходе на работу. Осложнился въезд и выезд в Азербайджан.

26 февраля все с большим вниманием слушали обращение М. С. Горбачева к трудящимся Азербайджана и Армении. К сожалению, в обращении не прозвучало требование наказать конкретных виновников и немедленно прекратить беспорядки. Сразу же после обращения на телевизионном экране появился артист, исполняющий роль Ленина, и изрек на армянском языке: "время работает на нас".

Выступившая на следующий день после обращения М. С. Горбачева поэтесса Сильвия Капутикян сказала, что "Генеральный секретарь принял нас, и соответствующая беседа длилась час и пять минут. Генеральный секретарь выразил свою любовь к армянскому народу, призвал, чтобы вы ко всему подходили сдержанно и благоразумно, в этом случае на одном из ближайших пленумов будет рассмотрен вопрос Нагорного Карабаха".

До этого дня в Азербайджане еще не было предпринято ни одного противоправного действия. В Армении же азербайджанцы избивались, оскорблялись, изгонялись из своих домов. Чувствовалось, что националисты ждут, чтобы в Азербайджане произошло какое-либо событие. Пока что азербайджанцы ни в чем не были повинны, и сейчас изыскивался путь сделать их таковыми...

Выступающие на театральной площади ораторы говорили о том, что в Азербайджане, особенно в Карабахе, готовятся к геноциду против армян. Однако в то время, когда было еще достаточно много сомневающихся, случились известные события в Сумгаите. В дело были пущены видеокассеты с мест событий. Как говорится, пока Баку узнал обо всем, видеокассеты были распространены по всему миру. Да, Азербайджан удалось запятнать, привлечь к ответственности... Теперь поток клеветы не прекращался. Однако в Азербайджане не нашлось никого, кто сказал бы, почему в Сумгаите армяне убивали армян?

После этого стали обычным явлением постоянные нападения на азербайджанцев. С сохранившимися после массового изъятия несколько лет назад охотничьими ружьями они день и ночь вынуждены были охранять свои дома.

Даже двери больниц были закрыты для азербайджанцев. "Езжайте, пусть вас лечат в Сумгаите", - говорили им. Моральные, экономические и физические лишения азербайджанцев росли с каждым днем. [438 - 439]

Напряжение постепенно нарастало. 16 апреля на Севане группа руководящих работников - азербайджанцев была избита, многие ранены. Днем 7 июня в Красносельске две азербайджанки - Насиба и Нахида были сбиты машиной. В эти же дни армяне украли овец у пастуха из села Тохлуджа, не была принята в больницу молодая женщина из села Арданыш Халилова Фирангиз Гусейн кызы, которая умерла по дороге в Гянджу, что привело в ярость азербайджанцев.

15 июня с целью выдвижения территориальных претензий начала работу сессия Верховного Совета Армянской ССР. Во время сессии красносельцы устроили демонстрацию в двух населенных пунктах - Шордже и Гелькенде. В первый день на трехтысячной демонстрации имелось 8 лозунгов и плакатов. Среди них привлекали внимание такие, как "Наше терпение иссякло", "Землю не дарят", "Автономию Гейче", "Слава азербайджанскому народу, не претендующему ни на чью землю".

Демонстранты потребовали к ответу зачинщиков беспорядков, провокаторов. Пусть, говорили они, Зорий Балаян пройдет вместе с нами и скажет, со сколькими названиями этих мест он знаком? Если он покажет хотя бы одно армянское название горы, ущелья, села, тогда то, что он пишет, правда. Надо положить конец тысячам махинаций, тысячам уловок и измен, которые армяне осуществляют на азербайджанской земле.

Демонстрации охватили всю Гейчу и длились четыре дня.

Надежды народа были обращены к заседанию Президиума Верховного Совета СССР, состоявшемся 18 июля.

Решение от 18 июля, так же как и решение Президиума Верховного Совета СССР от 23 марта, было отвергнуто армянами.

20 июля жертвой армянского террора стала 24-летняя женщина из Каракоюнлу, мать двоих детей Таира Эльдар кызы из села Алачыгтая. С каждым днем росло число напрасных жертв. Одной из

основных целей заранее подготовленной и надуманной проблемы Нагорного Карабаха было полное выселение азербайджанцев из Армении.

В ноябре течение событий ускорилось. Армяне усиливали напряженность, старались до предела натянуть нервы азербайджанского народа. Вновь предпринимали попытки возбудить эмоции в Азербайджане. В Москве же этим делам сознательно давали ход. А голос азербайджанцев, подвергшихся тысячам оскорблений и унижений, нигде не был услышан. В Армении на местах уничтожались [439 - 440] письма и телеграммы, отправляемые азербайджанцами в Центр. А телеграммы из Азербайджана "пропадали" уже в Центре.

До азербайджанцев доходили слухи, что армяне намерены изгнать их зимой, прогнать по снежным перевалам. Точно так же они поступили в 1919 году, когда тысячи людей остались под снегом. От выгона Басаркечарского села Каракоюнлу в сторону Кельбаджар тянется длинное ущелье, которое называется "Костяное ущелье". Оно является своеобразным экспонатом природного музея, созданного "культурным" и "многострадальным" армянским народом. Останки людей, которые в апреле 1919 года, спасаясь от массовой резни, устроенной бандитами Андраника, попали в горах в пургу и погибли, до сих пор сохранились в таких, "костяных", ущельях и перевалах.

Начиная с 20 ноября 1988 года, давление еще больше усилилось, несчастные азербайджанцы не ждали уже помощи. В Москве их голос не был слышен, а Центральный Комитет Компартии Азербайджана их призывы выдавал за слухи.

В Баку и Ереване проходили митинги, с обеих сторон нарастало напряжение. В Красносельск прибыли военные. Люди думали, что их защитят от репрессий. Однако все оставалось по-старому. Они вновь слышали обвинения со стороны руководящих работников района. Военные не реагировали ни на одно происшествие. Стало ясно: наступила пора претворения в жизнь плана выселения азербайджанцев из Армении. Многие руководящие работники не проявляли особого рвения в осуществлении этих планов. Сказанное относится и к первому секретарю Красносельского райкома партии Серго Назиняну, поступки которого не были достаточно резкими. Поэтому его поспешно освободили от занимаемой должности, первым секретарем избрали Гамлета Далакяна, работающего ранее секретарем райкома. Чисто знающий азербайджанский язык, закончивший Бакинскую высшую партийную школу и долгое время друживший с азербайджанцами человек, вступая на должность первого секретаря, поклялся верно, исполнить роль предателя. С гордостью упоминающийся в книге З. Балаяна "Очаг", хромой Гамлет скоро проявил себя намерением попасть в историю как хромой Теймур.

Оказываемое сверху давление возрастало. Росла паника среди населения. Армяне приходили в села и предлагали за корову 80-100 рублей, за овцу 30-40 рублей, уверяя, что большую цену они не смогут получить. Люди не могли покинуть села, продолжалась [440 - 441] экономическая блокада. Полеты вертолетов увеличивали страх, не прекращались бандитские нападения на села. Людей не защищали ни военные, ни партийные, ни советские работники. Все слабее становились надежды. Вооруженные бородачи настойчиво требовали выселения азербайджанцев. Складывалось впечатление, что об осуществляемых в последние дни провокациях не было известно в Москве. Однако все было ясно. Просто армяне не хотели, чтобы в стране знали, как в Армении расправляются с азербайджанцами. Не следовало распространяться о зверствах армян.

Шли последние дни ноября. Руководящие работники района прошлись по селам и предупредили, что больше у них нет никакой возможности защитить азербайджанцев, они сами должны о себе позаботиться. Сообщили, что пять районов Армении - Мартуни, Камо, Севан, Раздан и Дилижан готовы к нападению на Гейчу.

Началось переселение. Дороги перекрывались, машины сжигались, обстреливались, грабились. Население Басаркечарского и Красносельского районов должны были пройти через Орджоникидзе, чтобы попасть на территорию Кедабекского района. В это время и работники милиции превратились в стоящих на дорогах бандитов. Десятки машин были разбиты, имущество разграблено. Имелись убитые и раненые.

Старыми знакомыми оказались те, кто забрал у председателя Пембекского сельсовета Юсифа Ахмедова корову, шестнадцать овец, все постельные принадлежности. И потом они издевались: "Радуйся, что мы с тобой знакомы, потому и не убиваем".

Пришлось людям идти через перевалы Шахтагской гряды. Заснеженные дороги, по которым шли старики, женщины и дети... Плачущие детишки, задыхающиеся старики, ослабевшие женщины, утопая в снегу, падая и вставая, торопились через Топашан попасть на территорию Кедабека. Замерзшие матери проклинали зачинщиков этих дел, проливали слезы. Молодежь старалась оказать возможную помощь больным и старикам. Они и сами утопали в снегу, скатывались в обрывы. Спускаясь в Кедабекские леса, сколько детей с матерями, сыновей с отцами было разлучено... Спасибо честным сыновьям нашего народа. Для спасения беженцев они уходили в леса, скольких людей они спасли от неминуемой гибели.

Однако сотни людей обморозились, десятки людей получили травмы, много взрослых и детей пропало без вести. Немало усилий [441 - 442] приложили для размещения беженцев жители кедабекских сел Саратовка, Ивановка, Арабачы. Однако стоны возносились до небес. Сколько женщин, детей и, стариков погибли при спуске с Шахдага! Только из села Шишгая погибло четыре человека. Одними из сотен жертв армянских националистов стали 55-летний Мехрали Алиев, 17-летний Шакин Габиль оглы Алиев, молодая женщина Зулейха Асадова, 57-летний Азиз Ибрагимов.

С большими страданиями и мучениями были выселены азербайджанцы из Гейчи. В этом немалую помощь армянам оказали и военные. С помощью армянских заступников всего лишь за три дня все азербайджанцы были изгнаны с территории Армении. Все их имущество было разгромлено, дома достались врагам. Самое ужасное, что святые могилы остались в одиночестве в окружении коварного врага, который доказал свою принадлежность к "культурной нации" тем, что снимал с этих могил гранитные надгробья.